3401
p169

ПРОВ. 1939 г.
А-72
Инв
№ 152

М. АНТОНОВЪ.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

Соціально-философскій этюдъ.

АКМОЛИНСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
Инв. 8574
ПРОВЕРЕНО.
Шифр 301 А72
Т. ...
Qazaqstan
3401
51

МОСКВА.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
Леонтьевскій пер., д. № 5.
1910.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сочиненія Николая Гавриловича Чернышевскаго и самое имя его очень долго были подъ цензурнымъ запретомъ. Сославши Чернышевскаго на каторгу (безъ какихъ бы то ни было юридическихъ основаній, единственно за вредное направленіе его подцензурной дѣятельности), продержавъ его затѣмъ цѣлыхъ 12 лѣтъ въ Якутской области, словомъ, насильственно прекративъ его научно-литературную работу, бюрократическая власть вмѣстѣ съ тѣмъ приняла всѣ зависящія отъ нея мѣры, чтобы помѣшать распространенію сочиненій Чернышевскаго, написанныхъ до его ссылки. „Современникъ", гдѣ помѣщались его статьи, былъ изъятъ изъ публичныхъ библіотекъ и читаленъ, отдѣльныя изданія этихъ статей не допускались, писать о Чернышевскомъ было воспрещено. Правда, значительная часть его сочиненій была переиздана заграницей, но, разумѣется, заграничныя изданія не были доступны широкой русской публикѣ. Легально же только часть его статей, преимущественно относящихся къ исторіи литературы, была издана въ началѣ 90-хъ годовъ безъ имени автора сыномъ покойнаго Н. Г., М. Н. Чернышевскимъ. Только въ наши дни, въ числѣ другихъ мертвецовъ, воскресъ и Чернышевскій: въ 1905—1906 г.г. вышло полное собраніе его сочиненій въ прекрасномъ одиннадцатитомномъ изданіи М. Н. Чернышевскаго.

Это сорокалѣтнее молчаніе о Чернышевскомъ привело къ тому, что его ученіе, въ наиболѣе существенныхъ частяхъ, почти не затронуто критикой и очень мало извѣстно широкой публикѣ. Правда, Чернышевскій занимаетъ настолько видное мѣсто въ русской исторіи и русской литературѣ, что замолчать его было невозможно. Его эстетическая теорія, критическія статьи и беллетристика вызвали довольно много

статей, не говоря уже объ общихъ обзорахъ русской литературы. Но за то даже спеціалисты нерѣдко обнаруживаютъ недостаточное знакомство съ его соціально-философскими взглядами. Вотъ нѣсколько иллюстрацій. Въ настоящей книгѣ будетъ показано, что Чернышевскій такъ всесторонне выяснилъ значеніе русской общины, что позднѣйшіе изслѣдователи могли лишь развивать и обосновывать въ подробностяхъ его взгляды. И однако, проф. Исаевъ, подробно, на полутора страницахъ, перечисляя литературу объ общинѣ [1]), упомянувъ даже такія спеціальныя журнальныя статьи, какъ „Поземельная община въ Пиринеяхъ" г. Лучицкаго, совершенно умалчиваетъ о статьяхъ Чернышевскаго въ защиту общиннаго землевладѣнія. Вообще, во всей русской литературѣ не было сколько нибудь полнаго и отчетливаго изложенія и критики ученія Чернышевскаго объ общинѣ, не было *ни одной* статьи, посвященной этимъ взглядамъ, а отдѣльныя замѣчанія были большей частью поверхностны и неудовлетворительны [2]). Или, напримѣръ, Чернышевскій далъ очень цѣнную критику ученія *Мальтуса*. По словамъ Каутскаго, „Мальтусъ такъ блестяще опровергнутъ имъ (ist so schlagend niderlégt worden), что уже немыслимо спасти сочиненія и личность Мальтуса" [3]). А между тѣмъ, эта часть сочиненій Чернышевскаго, повидимому, также совершенно неизвѣстна новѣйшимъ русскимъ экономистамъ, касавшимся теоріи населенія (напр., г.г. Туганъ-Барановскому, Булгакову, Маслову и друг.; — единственнымъ исключеніемъ является г. Скворцовъ [4]).

Точно также въ русскомъ обществѣ нѣтъ сколько-нибудь установившейся оцѣнки соціально-философскихъ взглядовъ Чернышевскаго и ихъ значенія. Какъ извѣстно, строгій и

---

[1]) Начала политической экономіи, 6-е изд. Спб. 1905, стр. 144—145.

[2]) Исключеніемъ являются лишь небольшія замѣчанія *Шишко* въ его статьѣ „Экскурсія въ мало изслѣдованную и таинственную область" („Русское Богатство" 1899, IX, стр. 137—142) и *Бороздина* въ его книгѣ „Литературныя характеристики", т. II, вып. I. Спб. 1905, стр. 32—44. — Авторъ настоящей книги изложилъ ученіе Чернышевскаго объ общинѣ въ своей статьѣ въ *Образованіи* 1909 г. № 5.

[3]) Въ статьѣ „Чернышевскій и Мальтусъ". Jahrbuch für Socialwissenschaft und Socialpolitik, von Dr L. Richter. Zürich, 1881, s. 72.

[4]) Настоящая книга уже печаталась, когда появились сообщенія о выходѣ нѣсколькихъ работъ о Чернышевскомъ къ 20-й годовщинѣ его смерти.

скупой на похвалы Марксъ называлъ Чернышевскаго „великимъ русскимъ ученымъ и критикомъ, мастерски освѣтившимъ банкротство буржуазной экономіи“ [1]). По словамъ г. Иванова-Разумника, Чернышевскій „величайшій представитель русской соціалистической мысли“, [2]) „одинъ Чернышевскій это цѣлая эпоха, и именно эпоха 60-хъ годовъ“ [3]). Наоборотъ, г. Плехановъ, посвятившій Чернышевскому цѣлый рядъ статей въ заграничномъ журналѣ „Соціалъ-демократъ“ (1890—1892), полагаетъ, что „историческіе и соціальные взгляды Чернышевскаго ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть признаны удовлетворительными съ точки зрѣнія современной намъ европейской науки“ [4]). Болѣе того, Г. Плехановъ находитъ, что „и для своего времени Чернышевскій не былъ большимъ знатокомъ политической экономіи“ [5]). Мы покажемъ ниже, что въ данномъ случаѣ правъ былъ скорѣе Марксъ, чѣмъ марксистъ г. Плехановъ, что экономическія изслѣдованія Чернышевскаго очень цѣнны во многихъ отношеніяхъ; они нерѣдко предвосхищаютъ то, къ чему только впослѣдствіи пришелъ Марксъ, а иногда вѣрнѣе и глубже освѣщаютъ экономическіе вопросы.

То же разногласіе существуетъ и относительно отдѣльныхъ частей міровоззрѣнія Чернышевскаго. Г. Плехановъ доказываетъ, что Чернышевскій былъ утопистомъ по своимъ соціально-политическимъ воззрѣніямъ; напротивъ, по мнѣнію г. Иванова-Разумника, „утопическимъ соціалистомъ Чернышевскій не былъ никогда“ [6]); г. Кричевскій также

---

[1]) Предисловіе ко 2-му изд. I тома Капитала. Такъ какъ это предисловіе не переведено въ нѣкоторыхъ русскихъ изданіяхъ „Капитала“, а въ другихъ мѣсто, относящееся къ Чернышевскому искажено, то не лишнимъ будетъ привести подлинныя слова Маркса: „Es ist eine Bankerotterklärung der „bürgerlichen“. Oekonomie, welche der grosse russische gelehrte und Krittker Tchernyschewskiky in seinem werk „Umrisse der politischen Oekonomie nach Mill“ bereits meisterhaft beleuchtet hat“ (Das Kapital, I, 4 Auflage, Hamburg 1890, s XII). Т.-е. „Это—банкротство „буржуазной“ экономіи уже превосходно показано великимъ (слово, пропущенное г. Струве въ переводѣ Капитала, изд. Поповой, 1899 г., стр. XIV.—М. А.) русскимъ ученымъ и критикомъ Чернышевскимъ въ его трудѣ „Очерки политической экономіи по Миллю“.

[2]) Исторія русской общественной мысли. Спб. 1907 т. II, стр. 5.

[3]) Тамъ же, стр. 94.

[4]) Соціалъ-демократъ, № 1, стр. 132.

[5]) Соціалъ-демократъ, № 3, стр. 110.

[6]) Цит. соч., стр. 8.

находитъ, что „его нельзя назвать утопистомъ“, и утверждаетъ даже, что Чернышевскій „понималъ соціализмъ въ духѣ, довольно близкомъ къ научному соціализму Маркса и Энгельса“ [1]). Иногда же взгляды Чернышевскаго излагаются самымъ превратнымъ образомъ. Таково, напр., упорно повторяемое г. Плехановымъ мнѣніе, будто бы Чернышевскій „считалъ безполезнымъ защищать не только общинное землевладѣніе, но и самый принципъ надѣленія освобожденныхъ крестьянъ землей“ [2]). Неудивительно, что при такихъ разногласіяхъ критиковъ представленія русской публики о Чернышевскомъ имѣютъ противорѣчивый и нерѣдко фантастическій характеръ. Н. Е. Кудринъ довольно близко выражаетъ обычное мнѣніе широкихъ круговъ, говоря, что „нѣкоторыя стороны личности и даже теоретическихъ взглядовъ Чернышевскаго кажутся не совсѣмъ ясными, да порой и не вполнѣ согласованными между собой“ [3]).

Кромѣ внѣшнихъ условій, мѣшавшихъ познакомиться съ Чернышевскимъ, кромѣ ошибокъ критики, въ этой неясности представленій объ его взглядахъ повинна также разбросанность и несистематичность его сочиненій. Между тѣмъ его взгляды, помимо своего громаднаго историческаго значенія, безусловно заслуживаютъ систематическаго изложенія и критической оцѣнки. Прежде всего, Чернышевскій имѣлъ цѣльное и всестороннее міровоззрѣніе, видная часть котораго сохраняетъ до сихъ поръ свое значеніе. Только незначительная доля его взглядовъ окончательно отвергнута развитіемъ науки, въ большинствѣ же случаевъ отдѣльные элементы его міровоззрѣнія развиваются еще и теперь въ другихъ философскихъ и соціологическихъ системахъ, и потому съ ними можно считаться, какъ съ живою мыслью нашихъ дней. Діалектическій методъ, метафизическій матеріализмъ, гегелевская теорія развитія, утилитаризмъ,—большая часть этихъ идей Чернышевскаго еще имѣютъ сторонниковъ (въ

---

[1]) Памяти Н. Г. Чернышевскаго. Рабочее дѣло 1899, № 4—5, стр. 4.

[2]) Соціалъ-демократъ, № 1, стр. 150. То же г. Плехановъ буквально повторилъ въ своемъ „Открытомъ письмѣ къ Гольцеву. Нѣсколько словъ въ защиту экономическаго матеріализма“. („Русская Мысль“. 1896 г. IX). Перепечатано въ сборникѣ: Бельтовъ. За 20 лѣтъ. Спб. 1905, стр. 465. Вслѣдъ за г. Плехановымъ это повторяетъ г. Потресовъ (Старовѣръ). Этюды о русской интеллигенціи. Изд. Поповой, стр. 104.

[3]) Чернышевскій и Россія 60-хъ годовъ. „Рус. Бог.“ 1905, № 3, стр. 206.

особенности въ марксистскихъ кругахъ), хотя имъ давно пора покоиться въ могилѣ исторіи. Наоборотъ, этическое обоснованіе соціализма, психологическое направленіе въ общественной наукѣ, систематическое построеніе прикладной, такъ сказать, соціалистической соціологіи, (разработка основъ соціалистическаго строя и путей и средствъ его осуществленія), ученіе объ общинѣ и т. д., — эти элементы ученія Чернышевскаго входятъ составною частью въ міровоззрѣніе соціально-революціоннаго направленія русской общественной мысли. Поэтому, систематически изложить взгляды Чернышевскаго, начиная съ философіи и этики и кончая его экономическимъ и политическимъ ученіемъ и показать ихъ научную и общественную цѣнность, составляетъ основную задачу настоящей книги [1]).

Но наряду съ этой, такъ сказать, *логической* задачей авторъ желалъ бы дать и историко-психологическое объясненіе особенностей міровоззрѣнія Чернышевскаго. Соединеніе этихъ двухъ цѣлей достижимо, по мнѣнію автора, посредствомъ систематическаго примѣненія особаго пріема объяснительной критики. Авторъ исходитъ изъ положенія, что объективная истина, состоящая въ отчетливомъ описаніи и точномъ установленіи причино-зависимостей какой-либо области явленій по существу своему доступна всякому добросовѣстному изслѣдователю, и психологическое объясненіе въ этомъ случаѣ ограничивается вопросомъ, почему изслѣдователь избралъ своимъ предметомъ именно эту, а не какую-нибудь другую область. Наоборотъ, заблужденіе добросовѣстнаго изслѣдователя представляетъ обыкновенно (не считая случаевъ неправильной постановки вопросовъ) просто неполную истину, когда упущены изъ виду какія-либо стороны явленій, и полученному такимъ образомъ болѣе или менѣе одностороннему положенію придается слишкомъ обширное значеніе. Такъ бываетъ, напримѣръ, когда соціологъ считается только съ такъ называемыми матеріальными потребностями, игнорируя другія столь же самостоятельныя потребности (напр., потребность въ безопасности, интеллектуальныя потребности и т. д.), или когда онъ имѣетъ въ виду только борьбу классовъ, не касаясь международной борьбы,—и въ то же время

[1]) Въ задачу автора не входитъ изложеніе и критическая оцѣнка беллетристики Чернышевскаго, его литературной критики и публицистики, представляющихъ для настоящаго времени, главнымъ образомъ, историческій интересъ.

придаетъ своимъ формуламъ всеобъемлющее значеніе. Это отношеніе между истиной и заблужденіемъ можно наглядно выразить математическимъ сравненіемъ. Если дѣйствительно изученныя явленія считать числителемъ дроби, а то значеніе, которое, по мнѣнію изслѣдователя, имѣютъ его выводы, знаменателемъ этой дроби, то истина всегда равна единицѣ, тогда какъ заблужденіе выражается болѣе или менѣе незначительной правильной дробью.

Съ этой точки зрѣнія критика какой-либо теоріи заключается въ томъ, чтобы намѣтить общія рамки даннаго вопроса и показать, что́ именно сдѣлало данное изслѣдованіе и что́ имъ упущено изъ виду. При этомъ намѣчается и историко-психологическая задача, — объяснить, почему именно данныя стороны явленій привлекли вниманіе изслѣдователя, почему имъ забыты другія стороны, и съ какими личными и общественными вліяніями связаны эти особенности его взглядовъ. Этого объяснительнаго пріема нерѣдко держался и самъ Чернышевскій. Такъ онъ говоритъ, что ошибки Адама Смита произошли „просто отъ невнимательности, просто отъ того, что въ эпоху, когда онъ писалъ, вниманіе общества было поглощено не тѣми понятіями, которыя оказались важными по изслѣдованіямъ самого Смита и которыхъ не могъ онъ развить съ надлежащей полнотою только потому, что трудно мыслителю долго останавливаться на предметахъ, на которыхъ еще не находитъ нужнымъ останавливаться окружающее его общество“. (Примѣч. къ Миллю, VII, 69—70).

Для опредѣленности и точности такого рода историко-психологическихъ объясненій необходимо пользоваться тѣмъ же варіаціоннымъ методомъ, который примѣняется въ естествознаніи и которымъ только и можетъ быть установлена причино-зависимость. Конечно, благодаря многосложности и непрерывной измѣнчивости психическихъ и соціальныхъ явленій, въ соотвѣтствующихъ научныхъ дисциплинахъ почти непримѣнимъ наиболѣе точный методъ естествознанія—методъ единственнаго различія, когда данное измѣненіе связывается съ измѣненіемъ только одного фактора; наиболѣе же подходящимъ въ данномъ случаѣ является такъ называемый соединенный методъ сходствъ и различій (а также сопутствующихъ измѣненій), когда причинная зависимость устанавливается наблюденіемъ фактовъ, при наличности которыхъ наблюдается и данное явленіе, которое,

наоборотъ, отсутствуетъ при ихъ отсутствіи. Какъ извѣстно, выводы, полученные такимъ путемъ, тѣмъ точнѣе, чѣмъ большее количество фактовъ принимается во вниманіе. Но очевидно, что когда дѣло идетъ объ объясненіи особенностей міровоззрѣнія даннаго мыслителя, приходится изъ громаднаго множества другихъ мыслителей касаться только тѣхъ, которые близки ему по времени, мѣсту и по духу его міровоззрѣнія. Поэтому въ настоящей книгѣ, помимо работъ, повліявшихъ на развитіе взглядовъ самого Чернышевскаго, авторъ старается систематически сопоставлять съ его взглядами воззрѣнія прежде всего другихъ видныхъ представителей русскаго соціализма, Лаврова, Михайловскаго и отчасти Герцена, а затѣмъ—Маркса, Энгельса и отчасти Лассаля.

Такого рода сопоставленіе, очевидно, пригодно не только для историко-психологическихъ объясненій. Намѣчая основныя теченія данной теоріи и ея развитіе, оно несомнѣнно освѣщаетъ затронутые вопросы по существу и въ то же время можетъ дать очень цѣнный матеріалъ относительно проблемъ, интересующихъ русскую публику въ настоящее время. Приведемъ одинъ примѣръ. Какъ мы увидимъ, Чернышевскій, почти буквально сходясь съ Марксомъ и Энгельсомъ въ своихъ философскихъ взглядахъ, тѣмъ не менѣе пришелъ къ совершенно инымъ общественнымъ построеніямъ; эти послѣднія, гораздо болѣе сходятся съ положеніями Михайловскаго и Лаврова, державшихся однако иныхъ философскихъ взглядовъ или прямо отрицавшихъ нѣкоторые элементы философскаго міровоззрѣнія Чернышевскаго и Маркса. А это въ извѣстной мѣрѣ указываетъ на то, что вопреки широко распространенному въ марксистскихъ и отчасти въ народническихъ кругахъ убѣжденію, между философіей въ собственномъ смыслѣ и опредѣленной соціалистической системой нѣтъ необходимой зависимости.

Такимъ образомъ, авторъ стремился придать своему изслѣдованію, какъ теоретическій интересъ—постановкой и разборомъ вопросовъ по существу на основаніи богатаго матеріала, даваемаго сочиненіями Чернышевскаго, такъ и историко-психологическій — изученіемъ творчества сильной и дѣятельной мысли Чернышевскаго, поучительной даже въ своихъ ошибкахъ, если вскрыта ихъ связь съ условіями личной и общественной жизни.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Теоретическая философія.

ЛИТЕРАТУРА. Общую характеристику міровоззрѣнія Чернышевскаго даютъ: *Плехановъ*. Н. Г. Чернышевскій. Соц.-дем. 1890—1892 гг. №№ 1—4.—*Венгеровъ* и *Закъ*. Энциклопедическій словарь Брокгауза, 76 полутом. — *„Большая Энциклопедія“*, т. XX, а также—*Андреевичъ* (Евг. Соловьевъ). Очерки по исторіи русской литературы XIX в. 1902, и *его же*. Опытъ философіи русской литературы. 1905.—*Бороздинъ*. Литературныя характеристики, т. II, вып. I. 1905. — *Головинъ* (Орловскій). Русскій романъ, ч. III, — *Ив. Ивановъ*. Исторія русской критики. 1900.—*Ивановъ-Разумникъ*. Исторія русской общественной мысли, т. II, 1907 и др.—Философскихъ взглядовъ Чернышевскаго касаются: *Славинскій*. Развитіе явленій общественнаго быта. Отеч. Записки. 1859, VII (О „критикѣ философскихъ предубѣжденій противъ общины“). — *Юркевичъ*. Изъ науки о человѣческомъ духѣ. Труды Кіевской Духовной Академіи. 1860 г., вып. IV, (Объ „Антропологическомъ принципѣ“); эта статья въ значительной части перепечатана *Катковымъ* въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. 1861, №№ IV и V.—Полемика Чернышевскаго съ Юркевичемъ (въ Полемическихъ красотахъ) вызвала рядъ статей, изъ которыхъ имѣютъ значеніе статьи *Писарева*: Московскіе мыслители и Схоластика XIX вѣка (II и I томы соч., изданія 1897 г.); *Антоновича*. Русская литература. Современникъ 1862, II. Русская литература. Отеч. Записки 1861, VIII.— По поводу журнальной полемики: Повальное недоразумѣніе. Библ. для чтенія 1861, VIII; (*Каткова*). По поводу полемическихъ красотъ въ Современникѣ, Рус. Вѣстникъ 1861, VI, и Виды на entente cordiale съ Современникомъ, Рус. Вѣстникъ 1861, VII.—*Плехановъ*. Н. Г. Чернышевскій. Статья первая, Соціалъ демократъ № 1 (Лондонъ 1890). Издано отдѣльно въ нѣмецкомъ переводѣ Stuttgart 1894, и отчасти въ статьѣ „Эстетическая теорія Чернышевскаго“ (За двадцать лѣтъ) 1905 —*Волынскій*. Литературныя замѣтки. Статья I—IV (Сѣв. Вѣстникъ 1894, №№ X—XII и 1895, I), а также въ статьѣ „Писаревъ“, глава II, перепечатаны въ его книгѣ „Русскіе критики“.—*Ивановъ*. Исторія русской критики. Части III и IV, 1900, главы XVII—XXXI.—*С. Б.* Литературныя замѣтки. Новый путь. 1904, XI.—*Ильинъ*. Матеріализмъ и эмпиріокритизмъ, 1909.—О болѣе мелкихъ замѣткахъ см. библіографическій указатель.

I.

Генезисъ философскихъ взглядовъ Чернышевскаго (Фейербахъ). Задачи философіи. О границахъ познанія.

Въ настоящей главѣ будутъ разсмотрѣны тѣ задачи, которыя Чернышевскій ставилъ теоретической философіи, и ихъ разрѣшеніе въ его статьяхъ.

Чернышевскій былъ послѣдователемъ философіи Людвига Фейербаха и тѣхъ сторонъ системы Гегеля, которыя не были затронуты критикой этого послѣдняго. Въ предисловіи къ 3-му изданію своей диссертаціи „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“ [1]), Чернышевскій писалъ о своемъ философскомъ развитіи слѣдующее (замѣтимъ, что онъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ, такъ какъ цензура не допускала въ печати его имени [2]). „Авторъ брошюры, къ третьему изданію которой пишу я предисловіе, получилъ возможность пользоваться хорошими библіотеками и употреблять нѣсколько денегъ на покупку книгъ въ 1856 году. До того времени онъ читалъ только такія книги, какія можно доставать въ провинціальныхъ городахъ, гдѣ нѣтъ порядочныхъ библіотекъ. Онъ былъ знакомъ съ русскими изложеніями системы Гегеля, очень неполными. Когда явилась у него возможность ознакомиться съ Гегелемъ въ подлинникѣ, онъ сталъ читать эти трактаты. Въ подлинникѣ Гегель понравился ему гораздо меньше, нежели ожидалъ онъ по русскимъ изложеніямъ. Причина состояла въ томъ, что русскіе послѣдователи Гегеля излагали его систему въ духѣ лѣвой стороны гегелевской школы. Въ подлинникѣ Гегель оказывался болѣе похожимъ на философовъ 17-го вѣка и даже на схоластиковъ, чѣмъ на того Гегеля, какимъ являлся онъ въ русскихъ изложеніяхъ его системы. Чтеніе было утомительно по своей явной безполезности для сформированія научнаго образа мыслей. Въ это время случайнымъ образомъ попалось желавшему сформулировать себѣ такой образъ мыслей юношѣ одно изъ главныхъ сочиненій Фейербаха. Онъ сталъ послѣдователемъ этого мыслителя, и до того времени, когда житейскія надобности отвлекли его отъ ученыхъ занятій, онъ усердно перечитывалъ и перечитывалъ сочиненія Фейербаха“. (X т., 2 ч., стр. 191—192).

Вообще Чернышевскій считаетъ философію Фейербаха „лучшимъ изложеніемъ научныхъ понятій о такъ называемыхъ основныхъ вопросахъ человѣческой любознательности“. (См. также VIII т., стр. 275). Очевидно, что разсмотрѣвъ, въ чемъ именно состоитъ, по Чернышевскому, заслуга

---

[1]) Собр. соч. Спб. 1906 г. II, стр. 182—183.

[2]) Это предисловіе было написано въ 1888 г., но не было пропущено цензурой и появляется впервые въ полномъ собраніи соч. Чернышевскаго, изд. М. Н. Чернышевскаго (1906 г.). Въ дальнѣйшемъ я буду ссылаться на это изданіе.

Фейербаха, мы установимъ, какія требованія Чернышевскій предъявлялъ къ философской системѣ.

„Система Фейербаха,—говоритъ Чернышевскій, — имѣетъ чисто научный характеръ". Заслуга Фейербаха состоитъ въ томъ, что онъ стремился (но вслѣдствіе старости не успѣлъ) „изложить сообразно съ основными научными идеями тѣ спеціальныя науки, которыя оставались тогда и остаются до сихъ поръ ученой собственностью, такъ назыв. философовъ, по неподготовленности спеціалистовъ къ разработкѣ широкихъ понятій, на которыхъ основывается рѣшеніе коренныхъ вопросовъ этихъ отраслей знанія. Если называть эти науки старыми ихъ именами, то главная (главныя?) изъ нихъ: логика, эстетика, нравственная философія, общественная философія, философія исторіи". (X, 2 ч., 195). Такимъ образомъ, существуетъ, по мнѣнію Фейербаха и Чернышевскаго, рядъ наукъ, которыя должны быть разрабатываемы по методу естественныхъ наукъ, но до сихъ поръ разрабатывались „такъ наз. философами" недостаточно научно. Философія не имѣетъ другой цѣли, кромѣ разработки этихъ отдѣльныхъ „философскихъ" наукъ; такъ что въ сущности такъ наз. философія является просто до-научной стадіей соотвѣтствующихъ отдѣловъ знанія и теряетъ право на существованіе, когда начинается дѣйствительно научная разработка этихъ отдѣловъ. Такъ и смотритъ Фейербахъ. По словамъ Чернышевскаго, „въ 1845 году, въ предисловіи къ собранію своихъ сочиненій, онъ (Фейербахъ) уже говорилъ, что философія отжила свой вѣкъ, что ея мѣсто должно быть занято естествознаніемъ". Фейербахъ считалъ устарѣлыми и свои собственныя сочиненія и надѣялся, что „скоро явятся натуралисты, способные замѣнить философовъ въ дѣлѣ разъясненія тѣхъ широкихъ вопросовъ, изслѣдованіе которыхъ было до той поры спеціальнымъ занятіемъ мыслителей, называвшихся философами" [1]).

---

[1]) Тамъ же, 191. Въ предисловіи ко 2-му изд. „Сущности христіанства" (Рус. переводъ Антоновскаго, Спб. 1908) Фейербахъ говоритъ, что его теорія „полагаетъ сущность философіи въ отрицаніи философіи" (XXIV) — хотя здѣсь имѣется въ виду главнымъ образомъ метафизика.—Аналогичныхъ взглядовъ держались Марксъ и Энгельсъ. „Мы не нуждаемся ни въ какой философіи,—говоритъ напр. Энгельсъ, но только въ положительныхъ свѣдѣніяхъ о мірѣ и о томъ, что въ немъ происходитъ; а то, что получается отъ этихъ свѣдѣній, точно также не есть философія, но положительная наука". (Анти-Дю-

Какъ ни опредѣленны эти заявленія о ненужности философіи, они все же не являются окончательнымъ мнѣніемъ Чернышевскаго. Дѣло въ томъ, что ему казалось, будто общіе вопросы, обыкновенно относимые къ области философіи, уже разрѣшены нѣмецкой философіей, такъ что нужно идти дальше этой пройденной ступени.

„Нѣмецкая философія,—говоритъ онъ, — занималась по преимуществу только самыми общими и отвлеченными научными вопросами. Принципы общей системы воззрѣнія на міръ были наконецъ найдены ею и приложены къ разрѣшенію нравственныхъ и отчасти историческихъ вопросовъ; зато другія части науки, не менѣе важныя, оставляемы были въ Германіи безъ особеннаго вниманія, — преимущественно должно сказать это о практическихъ вопросахъ, порождаемыхъ матеріальной стороной человѣческой жизни. Французскихъ мыслителей занимали всегда эти предметы болѣе, чѣмъ нѣмецкихъ, но очень долго не постигались ими во всей глубинѣ и разрѣшались или поверхностнымъ или фантастическимъ образомъ. Наконецъ, когда результаты нѣмецкой философіи проникли во Францію, и наблюденія, собранныя французами,—въ Германію, пришло время искать положительныхъ и точныхъ рѣшеній. Тогда и односторонность науки исчезла; ея содержаніе было уяснено относительно всѣхъ ея существенныхъ задачъ. Матеріальныя и нравственныя условія человѣческой жизни и экономическіе законы, управляющіе человѣческимъ бытомъ, были изслѣдованы съ цѣлью опредѣлить степень ихъ соотвѣтственности съ требованіями человѣческой природы и найти выходъ изъ житейскихъ противорѣчій, встрѣчаемыхъ на каждомъ шагу, и получены довольно точныя рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ жизни". (II, 162—163). Мы займемся указанными Чернышевскимъ спеціальными вопросами въ слѣдующихъ главахъ, теперь же обратимся именно къ самимъ общимъ и отвлеченнымъ философскимъ вопросамъ, которыми онъ самъ довольно много занимался, вопреки своимъ вышеприведеннымъ заявленіямъ.

* * *

Какъ извѣстно, существуетъ цѣлый рядъ общихъ задачъ, которыя относятся именно къ философіи и тѣмъ даютъ ей

рингъ. Изд. Яковенко, Спб. 1906, стр. 22). См. также стр. 19, гдѣ есть однако оговорка, что спеціально къ философіи относится формальная логика и діалектика.

право на существованіе, такъ какъ они не могутъ быть отнесены къ какой нибудь отдѣльной наукѣ и касаются ихъ всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, цѣлой группы ихъ [1]). Философія, по превосходному выраженію Герцена, „есть единство частныхъ наукъ". Къ ней относятся вопросы о границахъ человѣческаго познанія, т.-е. о томъ, что доступно и что недоступно человѣческому познанію по самой его природѣ (или иначе объ отношеніи познанія къ дѣйствительности), о задачахъ и методахъ познаванія и, наконецъ, задачей философіи является приведеніе въ гармоническое единство выводовъ отдѣльныхъ наукъ, чтобы дать, такимъ образомъ, общія основы научнаго міровоззрѣнія, или же построеніе цѣльнаго міровоззрѣнія инымъ способомъ, на что претендуетъ метафизика.

По вопросу о границахъ познанія Чернышевскій стоитъ на точкѣ зрѣнія наивнаго *реализма*, согласно которому мы познаемъ міръ, какъ онъ есть. Самый вопросъ объ относительности (и въ этомъ смыслѣ объ ограниченности) нашего познанія Чернышевскій считаетъ нелѣпымъ. Онъ даже ставитъ въ вину натуралистамъ, что они занимались подобными вопросами, и крушеніе вышеупомянутыхъ надеждъ Фейербаха объясняетъ именно этимъ безплоднымъ характеромъ работъ натуралистовъ, занимавшихся философіей. „Большинство натуралистовъ, пытавшихся строить широкія теоріи законовъ дѣятельности человѣческой мысли, говоритъ онъ, повторяютъ метафизическую теорію Канта о субъективности нашего знанія, толкуютъ, со словъ Канта, что формы нашего чувственнаго воспріятія не имѣютъ сходства съ формами дѣйствительнаго существованія предметовъ, что поэтому предметы, дѣйствительно существующіе и дѣйствительныя качества ихъ, дѣйствительныя отношенія ихъ между собою—непознаваемы для насъ... Когда натуралисты перестанутъ говорить этотъ и тому подобный метафизическій вздоръ, добавляетъ Чернышевскій, они сдѣлаются способны и вѣроятно выра-

---

[1]) Такъ обыкновенно и опредѣляется философія мыслителями самыхъ различныхъ направленій. „Знаніе низшаго класса, говоритъ напр., Спенсеръ,—необъединенное знаніе; наука—отчасти объединенное знаніе; философія—вполнѣ объединенное знаніе". (Основныя начала. Изд. Пантелѣева, СПБ. 1897 г., стр. 110). Философія „есть совокупность всего научнаго знанія", говоритъ проф. Паульсенъ. (Введеніе въ философію. 2-ое изд. М. 1899 г., стр. 18). См. тамъ же историческіе обзоры пониманія задачъ философіи.

ботаютъ, на основаніи естествознанія, систему понятій, болѣе точныхъ и полныхъ, чѣмъ тѣ, которыя изложены Фейербахомъ“ [1]).

Разборомъ вопроса о границахъ познанія по существу Чернышевскій занимается въ отдѣльной статьѣ „Характеръ человѣческаго знанія“ (1885). Вотъ ходъ его разсужденій. „Люди знаютъ очень мало сравнительно съ тѣмъ, сколько хотѣлось бы и полезно было бы имъ знать; въ ихъ скудномъ знаніи очень много неточности; къ нему примѣшано много недостовѣрнаго, и по всей вѣроятности, къ нему еще остается примѣшано очень много ошибочныхъ мнѣній. Отчего это? Оттого, что воспріимчивость нашихъ чувствъ имѣетъ свои предѣлы, да и сила нашего ума не безгранична, т.-е. оттого, что мы, люди, существа ограниченныя. Эту зависимость человѣческихъ знаній отъ человѣческой природы принято называть относительностью человѣческаго знанія. Но на языкѣ той философіи, которую мы будемъ называть иллюзіонизмомъ, выраженіе „относительность человѣческаго знанія“ имѣетъ совершенно иной смыслъ. Оно употребляется какъ благовидный, не шокирующій профановъ терминъ для замаскированія мысли, что всѣ наши знанія о внѣшнихъ предметахъ—не въ самомъ дѣлѣ знанія, а иллюзіи“ (X, 2 ч., стр. 3). Въ другомъ мѣстѣ Чернышевскій излагаетъ ученіе „иллюзіонизма“ слѣдующимъ образомъ. „Мы знаемъ только наши представленія о предметахъ, а самихъ предметовъ не знаемъ и не можетъ знать. Не зная предметовъ, мы не можемъ сличать съ ними наши представленія о нихъ; потому не можемъ знать, походятъ-ли наши представленія о предметахъ на предметы. Быть можетъ, походятъ; но, быть можетъ, и не походятъ“. „Но, продолжаетъ Чернышевскій, пока не принято за истину отрицаніе существованія человѣческаго организма, логика не допускаетъ и самой постановки вопроса о томъ, знаемъ ли мы предметы. Говорить, что мы имѣемъ лишь знаніе нашихъ представленій о предметахъ, а прямого знанія самихъ предметовъ у насъ нѣтъ, значитъ отрицать

---

[1]) X, II, 196. Это мнѣніе несомнѣнно навѣяно Фейербахомъ. „Всякое ограниченіе разума и вообще человѣческой сущности, говоритъ онъ, вытекаетъ изъ обмана, изъ заблужденія“. („Сущн. христ.“ стр. 8). „Знаніе одного человѣка ограничено, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, но неограниченъ разумъ, неограничены науки“... (стр. 73) См. также стр. 135.

нашу реальность, отрицать существование нашего организма. Такъ и дѣлаетъ иллюзіонизмъ. Онъ доказываетъ, что у насъ нѣтъ организма,—нѣтъ и не можетъ быть" (X, 2 ч., стр. 5).

„Знаемъ ли мы о себѣ, что мы люди?" спрашиваетъ Чернышевскій.—„Если знаемъ, то наше знаніе о существованіи человѣческаго организма—прямое знаніе, такое знаніе, которое мы имѣемъ и безъ всякой примѣси какихъ бы то ни было соображеній. А если мы имѣемъ знаніе о нашемъ организмѣ, то имѣемъ знаніе и объ одеждѣ, которую носимъ, и о пищѣ, которую ѣдимъ, и о водѣ, которую пьемъ, и т. д. и т. д. Короче сказать, если мы люди, то мы имѣемъ знаніе неисчислимаго множества предметовъ,—прямое, непосредственное знаніе ихъ, ихъ самихъ; оно дается намъ нашею реальною жизнью" (стр. 3—5). Кромѣ того, по Чернышевскому, мы имѣемъ не прямыя, а косвенныя знанія изъ книгъ и изъ разсказовъ другихъ людей [1]).

Нетрудно убѣдиться, что разсужденія Чернышевскаго построены на недоразумѣніи. Это видно уже изъ того, что Чернышевскій говоритъ съ величайшимъ уваженіемъ объ Огюстѣ Контѣ, какъ объ „основателѣ положительной философіи, единственной философской системы у французовъ, вѣрной научному духу", какъ объ „одномъ изъ геніальнѣйшихъ людей нашего времени" (VI, 135). А между тѣмъ, относительность нашего познанія въ смыслѣ непознаваемости вещей „въ себѣ" есть основное положеніе О. Конта и исходящей отъ него позитивной школы, не говоря уже о Спенсерѣ [1]).

---

[1]) Тѣхъ же реалистическихъ взглядовъ держались Марксъ и Энгельсъ. По мнѣнію Энгельса, „философскія измышленія" о невозможности познанія міра или, по крайней мѣрѣ, полнаго его познанія лучше всего разбиваются „самой практикой, т.-е. опытомъ и промышленностью. Мы можемъ доказать правильность нашего пониманія даннаго явленія природы тѣмъ, что мы сами его вызываемъ, порождаемъ его изъ его условій и заставляемъ его служить нашимъ цѣлямъ. Такимъ образомъ, Кантовской „вещи самой по себѣ" приходитъ конецъ: химическія соединенія, образующіяся въ тѣлахъ животныхъ и растеній, оставались подобными вещами по себѣ (?!), пока органическая химія не научилась приготовлять нѣкоторыя изъ нихъ; но когда она постепенно дошла до этого, эти „вещи сами по себѣ" стали вещами для насъ" (Л. Фейербахъ, стр. 43). См. тамъ же тезисы Маркса о Фейербахѣ (стр. 90—91), а также статью Энгельса: „Ueber den historischen Materialismus", Neue Zeit, 1892, № 1.

[1]) Сущность позитивизма Милль формулируетъ слѣдующимъ образомъ: „Нашему знанію доступны только явленія; это знаніе явле-

Дѣло заключается въ слѣдующемъ. Разумѣется, никто въ серьезъ не отрицаетъ, что — мы люди, что у насъ есть организмъ, и что мы имѣемъ знанія „неисчислимаго множества предметовъ". Но изслѣдуя процессъ полученія этихъ знаній, мы приходимъ къ тому несомнѣнному положенію, прочно установленному физіологіей чувствъ и психологіей, что все наше знаніе внѣшнихъ предметовъ не является непосредственнымъ, а наоборотъ, оно получено чрезъ посредство нашихъ внѣшнихъ чувствъ (зрѣнія, слуха, осязанія и т. д.) и потому является знаніемъ о воспріятіяхъ этихъ чувствъ [1]). Въ этомъ смыслѣ можно говорить о символичности, условности или, точнѣе, о соотносительности нашихъ знаній нашей человѣческой природы, которая, кромѣ того, реагируетъ по всей вѣроятности лишь на нѣкоторыя стороны объективной дѣйствительности, подобно тому, какъ термометръ отмѣчаетъ лишь температурныя измѣненія, а гальваномеръ электрическія.—Словомъ, внѣшній міръ познается нами лишь въ его дѣйствіи на нашъ организмъ, подлинная же дѣйствительность „вещи въ себѣ"—не познаваема [2]).

ній относительно, не безусловно. Мы не знаемъ ни сущности, ни даже реальнаго способа возникновенія извѣстнаго факта, для насъ доступны только его отношенія къ другимъ фактамъ путемъ преемственности и сходства... Законы явленій—вотъ все, что мы знаемъ касательно явленій. Сущность ихъ природы, ихъ первичныя, дѣятельныя или конечныя причины не извѣстны и не доступны для насъ". (Льюисъ и Милль. О. Контъ и положительная философія. СПБ. 1867, стр. 7—8). См. также „Основныя начала" Спенсера. Т. I. „Непознаваемое". (Изд. Пантелѣева).

[1]) „Мы, собственно говоря, не ощущамъ вещь, замѣчаетъ извѣстный психологъ Гефдингъ, но наши ощущенія соотвѣтствуютъ состоянію, въ которое приходитъ мозгъ, когда до него достигаютъ воздѣйствія отъ предметовъ". (Психологія, стр. 185). См. любопытныя иллюстраціи у Паульсена. „Введеніе въ философію", напр., стр. 359—360.

[2]) „Прежде всего, говоритъ Михайловскій, мы должны выяснить, какія границы положены нашему уму природой"... На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ, что „человѣку доступна только относительная правда, что животное съ иной организаціей должно понимать вещи иначе, что правда, съ точки зрѣнія человѣка, не есть что нибудь вполнѣ соотвѣтствующее природѣ вещей и обязательное для всѣхъ существъ". (Письма о правдѣ и неправдѣ. 1877, т. IV, 460). См. также IV, 62 и въ особенности III главу „Записокъ профана", III т., стр. 339—354, гдѣ этотъ взглядъ подробно обоснованъ. Того же мнѣнія держался и *Лавровъ*. „Вопросы о сущности вещей, говоритъ онъ, напр., недоступны человѣку, который можетъ говорить только о явленіяхъ".

Реалистическіе взгляды Чернышевскаго (а также Маркса и Энгельса) недостаточно считаются съ этими элементарными соображеніями, въ признаніи которыхъ сходятся какъ позитивисты, такъ и метафизики,—хотя, разумѣется, они немедленно расходятся по вопросу о познаваемости сущей дѣйствительности, вещи въ себѣ. Какъ извѣстно, метафизика признаетъ возможнымъ, или, по крайней мѣрѣ, считаетъ желательнымъ ея познаніе, напр., по аналогіи съ нашимъ внутреннимъ самопознаніемъ. Напротивъ, позитивизмъ принципіально отказывается отъ метафизическихъ построеній. „Можетъ быть, величайшая заслуга позитивизма, говоритъ Н. К. Михайловскій, состоитъ именно въ указаніи человѣку тѣхъ границъ, за которыми лежитъ для него вѣчная неодолимая тьма. Стараться проникнуть за эти границы, значитъ имѣть недостижимыя и незаконныя желанія. Такъ учитъ позитивизмъ. Мы скажемъ больше. Эти незаконныя желанія составляютъ грѣхъ передъ человѣчествомъ, служенію которому должны быть посвящены всѣ человѣческія силы“ [1]). Чернышевскій (а также Марксъ) также отвергаетъ всякую метафизику, но не потому, что считаетъ ея построенія произвольными и безплодными, а потому, что не признаетъ самой возможности метафизическихъ вопросовъ. Очевидно, однако, что отказъ отъ метафизики непремѣнно долженъ быть обоснованъ критическимъ изслѣдованіемъ границъ нашего познанія, ибо метафизическіе вопросы заданы намъ, и на нихъ нужно или отвѣтить или признать ихъ неразрѣшимыми (вслѣдствіе неправильной ихъ постановки, въ силу ограниченности нашего мышленія и т. п.). Пренебреженіе Чернышевскаго къ этимъ вопросамъ не прошло для него безслѣдно: мы увидимъ, что онъ самъ въ своихъ статьяхъ различалъ взгляды метафизическаго матеріализма, слѣдуя своему учителю Фейербаху, у котораго реакція противъ идеалистической метафизики Гегеля, съ одной стороны, сводилась къ отказу отъ метафизики вообще, а съ другой стороны, выражалась также метафизикой, но только матеріалистической [2]).

(Моимъ критикамъ. „Рус. Слово“, 1861, VI, стр. 52). См. также его статью „Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе“ (отд. изд. 1906 г.), и т. д.

[1]) „Что такое прогрессъ“. Собр. соч., I, стр. 75. См. также стр. 64—65.

[2]) „Истина, говоритъ, напр., Фейербахъ, не матеріализмъ и не идеализмъ, не физіологія и не психологія; истина только антропо-

II.

Методы познанія: діалектическій, аналогическій, гипотетическій.

Данныя нашихъ внѣшнихъ чувствъ и самонаблюденія образуютъ матеріалъ нашего познанія; самое же познаніе, начиная отъ смутныхъ, отрывочныхъ и безсвязныхъ свѣдѣній ребенка и дикаря и кончая точными, систематизированными положеніями науки и философіи, получается въ результатѣ работы ума надъ этимъ матеріаломъ. „Чувства говорятъ все, но чтобы понять ихъ изреченія, должно связать ихъ. Связно читать евангеліе чувствъ — значитъ мыслить", говоритъ Фейербахъ. Философія или, собственно говоря, теорія познанія, и должна указать сущность познаванія, его задачи и пріемы (методы).

Нужно замѣтить, что этотъ отдѣлъ философіи наименѣе разработанъ, и въ частности подъ методами познанія нерѣдко подразумѣваются вещи, имѣющіе къ нимъ довольно отдаленное отношеніе. Это относится, между прочимъ, и къ разсужденіямъ Чернышевскаго о тѣхъ методахъ, діалектическомъ и аналогическомъ, которые я назвалъ бы мнимыми методами. Необходимо однако остановиться и на нихъ, такъ какъ первому изъ нихъ придается чрезвычайно важное значеніе марксистами, ссылающимися при этомъ на Чернышевскаго, а аналогическій методъ играетъ нѣкоторую и притомъ отрицательную роль въ разсужденіяхъ самого Чернышевскаго.

Чернышевскій, какъ и другіе сторонники діалектическаго метода, исходилъ изъ особеннаго представленія о дѣйствительности, а именно онъ придавалъ ей текучій, непрерывно измѣняющійся, діалектическій характеръ. Великимъ, вѣчнымъ, повсемѣстнымъ закономъ является, по его словамъ, „вѣчная смѣна формъ, вѣчное отверженіе формы, порожденной извѣстнымъ содержаніемъ или стремленіемъ, вслѣдствіе усиленія того же стремленія, высшаго развитія того же содержанія" [1]). Этому характеру бытія соотвѣтст-

---

огія, истина только точка зрѣнія чувственности, созерцанія". (Nider den Dualismus von Leib und Seele, Fleisch und Geist, 1876, Sämmt. Werke, B. II, s. 362). Образцы его матеріалистическихъ заявленій будутъ приведены ниже.

[1]) „Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія". 1858. Собр. соч., т. IV. стр. 332. По словамъ г. Бельтова, это и есть „основа, главная отличительная черта діалектики." (Къ вопросу о развитіи монист. взгляда, стр. 73).

вуетъ такая же неустойчивость нашего познанія. Поэтому сущность діалектическаго метода, по Чернышевскому, „состоитъ въ томъ, что мыслитель не долженъ успокаиваться ни на какомъ положительномъ выводѣ, а долженъ искать, нѣтъ ли въ предметѣ, о которомъ онъ мыслитъ, качествъ и силъ, противоположныхъ тому, что представляется этимъ предметомъ на первый взглядъ; такимъ образомъ, мыслитель былъ принужденъ обозрѣвать предметъ со всѣхъ сторонъ, и истина являлась ему не иначе, какъ слѣдствіемъ борьбы всевозможныхъ противоположныхъ мнѣній. Этимъ способомъ, вмѣсто прежнихъ одностороннихъ понятій о предметѣ, мало-по-малу являлось полное, всестороннее изслѣдованіе и составлялось живое понятіе о всѣхъ дѣйствительныхъ качествахъ предмета.“ [1]) Кромѣ того, подъ діалектическимъ методомъ подразумѣвается также изслѣдованіе явленій въ ихъ связи и въ ихъ развитіи. Діалектика, говоритъ Энгельсъ, „по существу разсматриваетъ вещи и ихъ образы, понятія, въ ихъ связи, въ ихъ сплетеніи, въ ихъ движеніи, возникновеніи и уничтоженіи.“ Этимъ она будто бы отличается отъ метафизики, для которой, по совершенно необычному толкованію Энгельса, „вещи и ихъ отраженія въ умѣ—понятія представляютъ собою отдѣльные, прочные, неподвижные, разъ навсегда данные объекты изслѣдованія.“ (Анти-Дюрингъ, стр. 8). Наконецъ, къ діалектикѣ относятъ также опредѣленную теорію развитія, о которой мы подробно будемъ говорить ниже.

Итакъ, сущность діалектическаго метода состоитъ въ томъ, чтобы, сообразно динамической природѣ бытія, разсматривать явленія со всѣхъ сторонъ, въ ихъ связи и развитіи, и притомъ не успокаиваться ни на какомъ положительномъ выводѣ. Нетрудно видѣть, что эти правила или совершенно элементарны и потому излишни или же неприложимы въ общемъ видѣ и потому неудовлетворительны. Такъ, совѣтъ разсматривать вещи со всѣхъ сторонъ и въ ихъ связи столь же безполезенъ, какъ совѣтъ быть усерднымъ и внимательнымъ. Изученіе же вещей въ ихъ развитіи имѣетъ смыслъ лишь тогда, когда дѣло идетъ о т. наз. конкретныхъ наукахъ, касающихся сложныхъ измѣняющихся системъ (таковы, напр., исторія земли, органи-

[1]) Очерки гоголевскаго періода русской литературы. 1856. II. т., стр. 187.

ческаго міра или человѣчества). Наоборотъ, абстрактныя и абстрактно-конкретныя науки, по терминологіи Спенсера, (механика, физика, химія, физіологія и т. д.) главнымъ образомъ оперируютъ именно съ „отдѣльными, прочными, неподвижными, разъ навсегда данными объектами изслѣдованія“: было бы странно говорить о развитіи силы тяготѣнія или дѣйствія сѣрной кислоты на цинкъ. Наконецъ, если даже мы примемъ текучесть бытія, то изъ этого еще никакъ не слѣдуетъ, что столь же неустойчивы и законы измѣненій (измѣняющаяся скорость паденія тѣлъ подчинена, напр., неизмѣнному закону и т. п.). Если же буквально слѣдовать правилу, о которомъ говоритъ Чернышевскій, то изслѣдователю пришлось бы до конца дней своихъ провѣрять установленныя истины математики, механики, физики и т. д. Однако на этомъ не настаиваетъ даже такой усердный сторонникъ діалектики, какъ Энгельсъ. [1]) Чернышевскій же не разъ указывалъ впослѣдствіи, что мы имѣемъ во всѣхъ областяхъ науки рядъ несомнѣнныхъ истинъ, относительно которыхъ мы можемъ успокоиться. „Разумъ, говоритъ онъ, подвергаетъ провѣркѣ все. Но у каждаго образованнаго человѣка есть множество знаній, которыя уже провѣрены его разумомъ и оказались по провѣркѣ немогущими подлежать для него ни малѣйшему сомнѣнію, пока онъ останется человѣкомъ здраваго разсудка“. (X, 2 ч., 15). Въ частности, въ составѣ историческихъ знаній, „безспорно находится много, очень много свѣдѣній недостовѣрныхъ, очень много ошибочныхъ сужденій; но есть въ ихъ составѣ такія знанія, достовѣрность которыхъ для каждаго образованнаго человѣка такъ непоколебима, что онъ не можетъ подвергать ихъ сомнѣнію, не отрекаясь отъ разума“. То же относится, по мнѣнію Чернышевскаго, и къ области такъ называемыхъ нравственныхъ наукъ. (См., напр., стр. 210 VI. т.).

---

[1]) Разбивая всю область познанія на три большихъ отдѣла: точныя науки (математика, астрономія, механика, физика, химія), біологическія науки и историческія, Энгельсъ говоритъ относительно первой области, что „нѣкоторыя данныя этихъ наукъ представляютъ собою вѣчныя истины, почему эти науки и называются точными“... Въ наукахъ о жизненныхъ явленіяхъ — такихъ истинъ очень мало, и еще меньше ихъ въ наукахъ историческихъ. Но, по мнѣнію Энгельса, и здѣсь такія истины имѣются. (Анти-Дюрингъ, стр. 81 и далѣе).

Такимъ образомъ діалектическій методъ не заключаетъ въ сущности никакихъ указаній на пріемы познанія, т. е. не имѣетъ ничего методологическаго. [1])

* * *

Переходимъ теперь къ *аналогическому* методу, куда слѣдуетъ отнести замѣчанія Чернышевскаго о значеніи пріемовъ и въ особенности выводовъ естествознанія для „нравственныхъ наукъ.“ Эти замѣчанія сыграли видную роль въ томъ увлеченіи естествознаніемъ, которымъ отличались шестидесятые годы и которое быстро прошло, не оставивъ замѣтнаго слѣда въ русской общественной наукѣ.

Чернышевскій сравниваетъ математику и физику съ людьми, достигшими хорошаго положенія въ обществѣ: они обыкновенно выводятъ за собою въ люди и своихъ многочисленныхъ родственниковъ, и то же происходитъ съ науками. „Союзъ точныхъ наукъ подъ управленіемъ математики, т.-е. счета, мѣры и вѣса, съ каждымъ годомъ расширяется на новыя области знанія... Послѣ химіи къ нему постепенно присоединились всѣ науки о растительныхъ и животныхъ организмахъ: физіологія, сравнительная анатомія, разныя отрасли ботаники и зоологіи; теперь входятъ въ него нравственныя науки“. (Антропологич. принципъ. VI, 208). Это вліяніе успѣховъ болѣе элементарныхъ наукъ на развитіе болѣе сложныхъ совершенно несомнѣнно; но, помимо общаго духовнаго подъема работниковъ науки, оно состоитъ или въ томъ, что вообще совершенствуются пріемы изслѣдованія, или въ томъ, что извѣстная часть сложныхъ явленій, напр., органическихъ, охватывается открытыми законами (напр., химіи). Но Чернышевскій, кромѣ того, имѣетъ въ виду не что иное, а именно возможность, пользуясь выводами естествознанія, дѣлать выводы относительно неизслѣдованной пока области „нравственныхъ наукъ“.

Дѣло въ томъ, говоритъ онъ, что „характеръ результатовъ, доставленныхъ анализомъ объясненныхъ наукой частей

---

[1]) Подробнѣе о діалектикѣ см. брошюры: *Житловскій.* „Матеріализмъ и діалектическая логика,“ *Делевскій.* „Діалектика и математика,“ и любопытную книгу марксиста г. *Бермана* „Діалектика въ свѣтѣ современной теоріи познанія,“ гдѣ діалектика критикуется главнымъ образомъ, какъ теорія развитія, — о чемъ ниже.

и явленій, уже достаточно свидѣтельствуетъ о характерѣ элементовъ, силъ и законовъ, дѣйствующихъ въ остальныхъ частяхъ и явленіяхъ, которыя еще не вполнѣ объяснены: если бы въ этихъ необъясненныхъ частяхъ и явленіяхъ было что-нибудь иное, кромѣ того, что найдено въ объясненныхъ частяхъ, тогда и объясненныя части имѣли бы не такой характеръ, какой имѣютъ". Такъ, напр.: „При нынѣшнемъ развитіи географіи, мы еще не имѣемъ удовлетворительныхъ свѣдѣній о странахъ около полюсовъ, о внутренности Африки, о внутренности Австраліи... Очень можетъ быть, что во внутренности Австраліи найдутся новыя золотыя розсыпи или рудники... Очень можетъ быть, что во внутренности Африки найдутся какія-нибудь новыя горныя породы, горныя растенія, новыя метеорологическія явленія... Но можно уже и теперь съ достовѣрностью сказать, какихъ вещей и какихъ явленій никакъ не будетъ въ нихъ найдено. Подъ полюсами, напр., не найдется жаркаго климата и роскошной растительности". (VI, 210). Такіе отрицательные выводы, разумѣется, вполнѣ возможны, но обыкновенно научная цѣнность ихъ довольно незначительна: они скорѣе предостерегаютъ отъ ошибокъ, чѣмъ даютъ дѣйствительныя знанія. Но, по мнѣнію Чернышевскаго, мы можемъ дѣлать по аналогіи не только отрицательные выводы, но и положительные. „Если даже предположить совершенный недостатокъ точныхъ изслѣдованій о какой-нибудь части жизненнаго процесса, какъ объ отдѣльной спеціальной части, говоритъ онъ, то нынѣшнее состояніе точныхъ знаній о другихъ частяхъ того же самаго жизненнаго процесса уже даетъ намъ приблизительное понятіе объ общемъ характерѣ этой неизвѣстной части, даетъ намъ прочную опору для важныхъ положительныхъ и для еще болѣе важныхъ отрицательныхъ выводовъ о ней" (VI, 221). Объ отрицательныхъ выводахъ мы уже говорили, что же касается положительныхъ, то въ общемъ достовѣрность выводовъ, установленныхъ хотя бы очень прочно относительно однихъ фактовъ и перенесенныхъ на другіе безъ спеціальнаго ихъ изученія, крайне незначительна. Въ самомъ дѣлѣ. Когда мы переносимъ выводы изъ одной области въ другую, мы основываемся на сходствѣ между этими областями въ какомъ-нибудь отношеніи; но между ними есть и различіе, которое несомнѣнно вліяетъ на характеръ явленій въ другой области; между тѣмъ, аналогія, какъ таковая, не считается съ этимъ различіемъ.

„Изъ того, что двѣ вещи похожи другъ на друга извѣстными сторонами, говоритъ Герценъ, нѣтъ еще достаточнаго права заключать о сходствѣ неизвѣстныхъ сторонъ... Это— та самая метода, остроумно замѣчаетъ онъ, по которой человѣческій портретъ рядомъ подобныхъ копій сводится на изображеніе фрукта“ [1]).

Вообще логика учитъ, что аналогія можетъ быть лишь первоначальною стадіей научнаго изслѣдованія, только направляя его на вѣрный путь; затѣмъ она должна быть провѣрена прямымъ изслѣдованіемъ предмета [2]). По удачному сравненію Михайловскаго, аналогія—это „легкій казачій отрядъ, который самъ по себѣ, безъ помощи пѣхоты и артиллеріи, укрѣпленнаго мѣста взять не можетъ“ [3]).

Безплодность аналогическаго метода подтверждается въ частности тѣмъ (далеко, впрочемъ, не типичнымъ для аналогіи) примѣромъ, которымъ Чернышевскій хотѣлъ иллюстрировать его значеніе. Желая доказать, что трудъ пріятенъ, а праздность непріятна, онъ указываетъ, что пріятныя ощущенія соединяются съ дѣятельностью какой-либо части организма (напр., „грудь и легкія перемѣщаютъ воздухъ при феноменѣ дыханія, желудокъ перерабатываетъ пищу при феноменѣ питанія“, VI, 220); праздность же есть отсутствіе дѣятельности и потому не можетъ быть пріятной.—Нетрудно однако видѣть, что и при праздности грудь дышетъ и желудокъ переваривaетъ пищу, такъ что аналогія Чернышевскаго ничего не доказываетъ. Условія пріятности и непріятности ощущеній могутъ быть изучены только прямымъ путемъ, какъ это и сдѣлалъ Чернышевскій въ другомъ мѣстѣ (VII, 75). — О другомъ, болѣе типичномъ, но столь же неудачномъ примѣненіи аналогическаго метода, (для обоснованія матеріалистическихъ воззрѣній) будетъ сказано ниже.

---

[1]) Письма объ изученіи природы. Собр. соч., Женева. 1876, т. II, стр. 52—53.

[2]) См., напр., *Минто*. Дедуктивная и индуктивная логика. (Глава объ аналогіи); или *Махъ*. Познаніе и заблужденіе. Спб. 1909. (Глава: „Сходство и аналогія, какъ руководящій мотивъ изслѣдованія“).

[3]) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. Собр. соч. I, 355. Въ этой статьѣ вообще дается прекрасная критика аналогическаго метода.

***

Переходимъ теперь къ предложенному Чернышевскимъ *гипотетическому* методу для сложныхъ, въ особенности соціальныхъ явленій.

Вообще „наука, по его словамъ, должна стремиться къ разложенію всякаго сложнаго понятія на основныя“ (VII, 418). „Теорія, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, непремѣнно должна стараться о разложеніи факта на самые коренные, простѣйшіе элементы“ (VII, 364). Гипотетическій методъ и состоитъ прежде всего въ такомъ анализѣ сложныхъ явленій. „Этотъ методъ, говоритъ Чернышевскій, состоитъ въ томъ, что когда намъ нужно опредѣлить характеръ извѣстнаго элемента, мы должны на время отлагать въ сторону запутанныя задачи и пріискивать такія задачи, въ которыхъ интересующій насъ элементъ обнаружилъ бы свой характеръ самымъ несомнѣннымъ образомъ, пріискивать задачи самаго простѣйшаго состава. Тогда, узнавъ характеръ занимающаго насъ элемента, мы можемъ уже удобно распознать ту роль, какую играетъ онъ и въ запутанной задачѣ, отложенной нами до этой поры“ (Примѣч. къ Миллю, VII, 56). Эта сложность и многосторонность явленій въ особенности присуща общественной жизни и въ частности экономической области, какъ это прекрасно показано Чернышевскимъ. Еще въ 1853 г., въ небольшой библіографической замѣткѣ, онъ объяснялъ медленность развитія политической экономіи „многосложностью и неудобораздѣлимой перепутанностью фактовъ, которые анализировать должна она. Факты, анализируемые астрономіею и другими близкими къ совершенству науками, говоритъ Чернышевскій, очень просты, мало запутаны, слишкомъ удобоотдѣлимы другъ отъ друга во всей своей чистотѣ и полнотѣ, сравнительно съ фактами нашей науки, которые зависятъ отъ множества причинъ, находятся подъ вліяніемъ множества обстоятельствъ, перепутываются своими послѣдствіями“ (I, 132).

Задача познанія и науки здѣсь прекрасно намѣчена Чернышевскимъ. Она дѣйствительно состоитъ въ томъ, чтобы данныя намъ въ опытѣ сложныя, многостороннія вещи и явленія разложить на ихъ простѣйшіе элементы, описать и классифицировать ихъ, какъ сочетаніе этихъ элементовъ, изучить законы измѣненія и взаимодѣйствія элементовъ и,

такимъ образомъ, дать объясненіе и предвидѣніе сложныхъ явленій, какъ суммы элементарныхъ процессовъ. Такъ, механика изучаетъ въ отдѣльности различные виды движенія: прямолинейное, вращательное, равномѣрное, равноускоренное и т. д., изучаетъ вліяніе тренія и другихъ сопротивленій, центробѣжную силу и т. д. и, комбинируя всѣ эти элементы, предвидитъ сложное дѣйствіе естественныхъ и искусственныхъ образованій. Весь прогрессъ науки, въ собственномъ смыслѣ этого слова, заключается въ такомъ анализѣ сложныхъ явленій и въ послѣдующемъ синтезѣ элементовъ. Въ частности, это относится и къ экономической наукѣ. Такъ, по словамъ Чернышевскаго, „коренной пріемъ, утвержденіе котораго въ наукѣ составляетъ одно изъ правъ Адама Смита на славу, заключается въ томъ, чтобы экономическіе феномены, имѣющіе очень многосложный видъ при нынѣшнемъ устройствѣ, разлагать на простѣйшіе элементы, лежащіе въ ихъ основаніи, составляющіе ихъ сущность“ [1]).

Самъ Чернышевскій, какъ и всякій мыслитель, постоянно примѣнялъ этотъ пріемъ, въ частности въ своихъ соціологическихъ изслѣдованіяхъ. Такъ, въ своей экономической теоріи онъ анализировалъ тѣ условія, отъ которыхъ зависитъ производительность труда (естественные факторы, техническій прогрессъ, сотрудничество и раздѣленіе труда, заинтересованность рабочихъ въ успѣхахъ производства и т. д.) и, синтезируя эти элементы, нашелъ, что наибольшая производительность труда достижима въ коопераціи работниковъ, которой вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежатъ и средства производства. Точно также въ ученіи о распредѣленіи онъ, слѣдуя А. Смиту, Рикардо и т. д., разложилъ всю сумму продукта на доли рабочихъ, капиталистовъ и землевладѣльцевъ; въ частности, онъ разложилъ долю послѣднихъ, ренту, на два элемента: дифференціальную и абсолютную ренту, и т. д. [2]).

---

[1]) „Главнѣйшая задача точнаго направленія теоретическаго изслѣдованія—сведеніе сложныхъ явленій къ ихъ элементамъ“, говоритъ К. Менгеръ въ своемъ извѣстномъ „Изслѣдованіи о методахъ соціальныхъ наукъ и политической экономіи въ особенности“ (Спб., 1894, стр. 82), гдѣ эта мысль подробно развивается. Срав. В. Черновъ, „Философскіе и соціологич. этюды“, стр. 310.

[2]) Точно также Марксъ разсматривалъ отвлеченно „простые и абстрактные моменты“ процесса труда, созданіе и измѣненіе стоимости продуктовъ, накопленіе и т. д. „Процессъ труда, говоритъ, напр., Марксъ, слѣдуетъ разсмотрѣть сначала въ абстрактныхъ мо-

Тотъ же пріемъ Чернышевскій примѣнялъ въ своихъ статьяхъ объ общинѣ. Онъ видѣлъ въ общинномъ землевладѣніи, во-первыхъ, особую форму владѣнія, имѣющую опредѣленное значеніе для обезпеченности правъ лица и для удобствъ правительства; во-вторыхъ, равное право общинниковъ на землю, оказывающее опредѣленное вліяніе на благосостояніе крестьянской массы и на производство земледѣльческихъ улучшеній; въ-третьихъ, онъ разсмотрѣлъ передѣлы земли, какъ осуществленіе этого права, и опредѣлилъ ихъ вліяніе на успѣхи земледѣлія (въ частности для устраненія черезполосицы). Просуммировавъ, онъ нашелъ, что община выгодна для благосостоянія массы, для обезпеченности ея правъ, удобна для правительства и совмѣстима съ развитіемъ земледѣлія.—Точно также, критикуя теорію Мальтуса, Чернышевскій далъ очень цѣнныя изслѣдованія по теоріи населенія, разсмотрѣвъ различные факторы, постоянно дѣйствующіе элементы его роста. Онъ опредѣлилъ на основаніи физіологическихъ данныхъ максимальное число рожденій, а также, такъ сказать, естественную смертность, и тѣмъ самымъ приблизительную величину естественной, свойственной человѣческому роду тенденціи размноженія. Кромѣ того, онъ намѣтилъ другую тенденцію: пониженіе процента размноженія параллельно прогрессу общества и „смягченію нравовъ". Чернышевскій указалъ также на другую естественную тенденцію: паденіе производительности земледѣльческаго труда, и доказалъ, что вытекающія отсюда затрудненія, передъ которыми терялись послѣдователи Мальтуса, легко устраняются незначительнымъ ростомъ усовершенствованій въ техникѣ. — Наоборотъ, въ своихъ иллюстраціяхъ къ Гегелевской теоріи развитія, Чернышевскій упустилъ изъ виду это основное требованіе науки, и потому его разсужденія, какъ мы увидимъ ниже, не имѣютъ большого значенія.

Такимъ образомъ, отвлеченіе есть первая и необходимая ступень научнаго изслѣдованія, — за которой, разумѣется,

---

ментахъ, независимо отъ всякой опредѣленной общественной формы", (Капиталъ, I, стр. 130) что Марксъ и сдѣлалъ, какъ это онъ самъ заявляетъ. (Тамъ же, стр. 443). Марксъ считаетъ также крупной ошибкой Рикардо то, что „онъ, какъ и остальные экономисты, совершенно не изслѣдовалъ прибавочную стоимость въ ея чистомъ видѣ, независимо отъ особенныхъ формъ, которыя она принимаетъ, какъ напр., прибыли, ренты, процента и т. п." (Тамъ же, стр. 456).

долженъ слѣдовать синтезъ полученныхъ элементарныхъ законовъ. „Чѣмъ выше порядокъ нашихъ эмпирическихъ понятій и законовъ, говоритъ извѣстный эмпиріокритикъ І. Петцольдъ, чѣмъ выше степень абстракціи въ нихъ, тѣмъ они глубже проникаютъ въ связь вещей, такъ какъ тѣмъ обширнѣе область фактовъ, между которыми они улавливаютъ общее, а общія свойства и являются существенными". (Проблема міра съ точки зрѣнія позитивизма. Спб. 1909, стр. 51) [1]).

Но если Чернышевскій правильно намѣтилъ *задачу* научнаго изслѣдованія, то его разсужденія о пріемахъ (методахъ) разрѣшенія этой задачи, т.-е. о способахъ установленія причино-зависимостей, отрывочны и вызываютъ нѣкоторыя возраженія. Какъ извѣстно, эти пріемы состоятъ прежде всего въ выдѣленіи и наблюденіи дѣйствія даннаго элемента (напр., электрическаго тока на химическія соединенія, сопротивленія воздуха на скорость паденія тѣлъ и т. п.). Наиболѣе совершенный пріемъ—такъ наз., *методъ единственнаго различія*, примѣняемый съ полнымъ успѣхомъ въ искусственныхъ опытахъ, гдѣ по произволу измѣняется только одинъ изъ элементовъ явленія. Если опыты почему-либо невозможны, то приходится довольствоваться наблюденіемъ явленій, комбинируя ихъ такимъ образомъ, чтобы выдѣлилось дѣйствіе даннаго элемента. Для этого изучаютъ, въ чемъ проявляется *единственное сходство* явленій, предшествующихъ данному измѣненію, нѣтъ ли правильнаго количественнаго соотношенія между измѣненіями, напр., высотой мѣста и уровнемъ ртути въ барометрической трубкѣ,—*методъ сопутствующихъ измѣненій* и т. д. (См. объ этихъ методахъ курсы логики *Минто*, *Милля* и др., а также *Маха*: „Познаніе и заблужденіе" и т. д.).

Чернышевскій только мелькомъ касается этихъ вопросовъ въ статьѣ „Суевѣрія и правила логики", гдѣ говорится о примѣненіи метода различія (IV, 560). Что же касается его гипотетическаго метода въ общественной наукѣ, то для надлежащей его оцѣнки необходимо сдѣлать нѣсколько пред-

---

[1]) Нужно замѣтить, что у Чернышевскаго встрѣчается однажды выраженіе: „отвлеченной истины нѣтъ, истина—конкретна". (Очерки гоголевскаго періода. 1856, II, 187). Это положеніе широко использовано г. Плехановымъ, постоянно ссылающимся на него. Мы видѣли, однако, что оно несостоятельно по существу и противорѣчитъ позднѣйшимъ заявленіямъ Чернышевскаго.

варительныхъ замѣчаній. Хотя, какъ уже говорилось, общественныя явленія крайне сложны и запутаны, но пріемы изученія ихъ тѣ же самые, только здѣсь труднѣе выдѣлить дѣйствіе отдѣльныхъ факторовъ. Но очевидно, что общественная жизнь представляетъ сумму жизненныхъ явленій отдѣльныхъ людей; поэтому мы можемъ прямо брать законы человѣческой природы (установленные физіологіей и психологіей) и изъ синтеза ихъ получать соціологическія причино-зависимости (напр., зависимость между дѣятельностью для удовлетворенія различныхъ по интенсивности потребностей, или, напр., зависимость между спросомъ на товаръ и его цѣной). Здѣсь дѣло идетъ, собственно говоря, не объ установленіи причинной зависимости, а только объ опредѣленіи совокупнаго дѣйствія элементарныхъ законовъ; такъ какъ при этомъ количество дѣйствующихъ силъ (потребностей, стремленій и т. д.) не опредѣляется, то выводы, полученные такимъ *дедуктивнымъ* путемъ, не могутъ быть точны. Существенный же пріемъ установленія причинной зависимости общественныхъ явленій состоитъ въ массовомъ наблюденіи ихъ, какъ это дѣлаетъ статистика. Она опредѣляетъ, напр., вліяніе урожайности и вообще экономическаго благосостоянія на число браковъ или смертей, зависимость между характеромъ профессіи и средней продолжительности жизни и т. д.; эти *индуктивные* выводы являются дѣйствительными и довольно точными соціологическими законами [1]).

Гипотетическій методъ Чернышевскаго и является, въ сущности, дедуктивнымъ выводомъ изъ опредѣленныхъ общихъ положеній, но особенностью его метода являются цифровыя иллюстраціи этихъ выводовъ, что придаетъ имъ, по мнѣнію Чернышевскаго, особую достовѣрность. Вотъ ходъ его разсужденій. „Статистическій фактъ, говоритъ онъ, обыкновенно бываетъ явленіемъ очень многосложнымъ, зависящимъ отъ дѣйствія многочисленныхъ элементовъ, перепутывающихся въ немъ своими вліяніями такъ, что трудно бываетъ безъ особенныхъ, облегчающихъ дѣло, способовъ распознать, какая роль принадлежитъ въ немъ извѣстному элементу; кромѣ того, является вопросъ: не играетъ ли

---

[1]) О методахъ соціальной науки см., напр., кромѣ уже упомянутаго Менгера: *Карѣевъ*. Введеніе въ изученіе соціологіи, гл. X. *Милюковъ*. Очерки по исторіи русской культуры, гл. I. Введеніе. *Майръ*. Закономѣрность въ общественной жизни. Введеніе и 1 отдѣлъ, и др.

этотъ элементъ иной роли въ другихъ актахъ? — надобно было бы перебрать всѣ тѣ факты, въ произведеніи которыхъ онъ участвуетъ, а это очень трудно: всѣ факты общественной жизни такъ перепутаны взаимнымъ вліяніемъ, всѣ элементы ея такъ развѣтвляются своими послѣдствіями по всѣмъ отраслямъ ея, что нельзя быть увѣрену, приняты ли въ соображеніе всѣ факты, на которыхъ отразилось дѣйствіе извѣстнаго элемента, не ускользнули ли отъ вниманія нѣкоторыя и, быть можетъ, самыя важныя дѣйствія этого элемента". Такъ, въ частности, по вопросу о томъ „можетъ ли быть война полезна не для какой нибудь шайки, а для многочисленной націи"? — „Дѣло идетъ, по словамъ Чернышевскаго, о выгодѣ, то есть о количествѣ благосостоянія или богатства, объ уменьшеніи или увеличеніи его, т. е. о величинахъ, которыя измѣряются цифрами. Откуда же мы возьмемъ цифры? Никакой историческій фактъ не даетъ намъ этихъ цифръ въ томъ видѣ, какой намъ нуженъ, т. е. въ простѣйшемъ видѣ, такъ, чтобы онѣ зависѣли единственно отъ опредѣляемаго нами элемента, отъ войны; — во всякомъ историческомъ фактѣ, какъ въ той войнѣ, которая возбудила этотъ вопросъ, статистическія явленія и цифры опредѣлялись не однимъ элементомъ войны, а также множествомъ всевозможныхъ другихъ условій и обстоятельствъ." Поэтому Чернышевскій и предлагаетъ оперировать съ отвлеченными положеніями посредствомъ произвольно взятыхъ цифръ. „Изъ области историческихъ событій, говоритъ онъ, мы должны перенестись въ область отвлеченнаго мышленія, которое вмѣсто статистическихъ данныхъ, представляемыхъ исторіей, дѣйствуетъ надъ отвлеченными цифрами, значеніе которыхъ условно и которыя назначаются просто по удобству." Полученные такимъ образомъ выводы „сохраняютъ свою безспорную, полную математическую достовѣрность, хотя цифры брались нами просто по предположенію". (Примѣч. къ Миллю, VII, 55—57).

Въ дѣйствительности эти выводы являются обыкновенной дедукціей изъ общихъ положеній, — законовъ человѣческой природы и т. п. гдѣ цифры только *поясняютъ*, иллюстрируютъ выводы, нисколько не дѣлая ихъ точными. Это нетрудно показать на примѣрѣ, который беретъ Чернышевскій. „Предположимъ, говоритъ онъ, что общество имѣетъ 5000 человѣкъ населенія, въ томъ числѣ 1000 взрослыхъ мужчинъ, трудомъ которыхъ содержится все общество.

Предположимъ, что 200 изъ нихъ пошли на войну. Спрашивается, каково экономическое отношеніе этой войны къ обществу? Увеличила или уменьшила она благосостояніе общества?" (VII, 56). Для рѣшенія этого вопроса нѣтъ никакой нужды въ цифрахъ, ибо и такъ очевидно, что война, отвлекая часть рабочихъ силъ отъ труда, тѣмъ самымъ уменьшаетъ благосостояніе общества. Разумѣется, цифровыя иллюстраціи очень полезны для разъясненія вопроса, но никакой точности въ разрѣшеніе его онѣ не вносятъ.

Между тѣмъ, стремясь къ убѣдительности и точности своихъ выводовъ, Чернышевскій иногда смѣшивалъ эти произвольныя иллюстраціи съ подлинной дѣйствительностью, приписывая математическимъ формуламъ и законамъ несвойственное имъ значеніе. Такъ, напр., говоря о тенденціяхъ въ распредѣленіи общественнаго продукта, онъ бралъ формулы нарастанія капиталовъ по сложнымъ процентамъ (отъ 10% до 40%), показывающія громадный ростъ капитала, и отсюда выводилъ, что и въ дѣйствительности капиталы должны быстро рости, вытѣсняя все болѣе и болѣе заработную плату. Правда, Чернышевскій ссылается и на нѣкоторые факты общественной жизни, но центръ его доказательства лежитъ въ законѣ сложныхъ процентовъ. (VII, 398—403). Тотъ же характеръ имѣютъ его разсужденія о ростѣ ренты (VII, 412), о зависимости производства отъ качествъ работника и орудій (VII, 211—212) и т. д. — Эти пріемы можно охарактеризовать, какъ своего рода аналогическій методъ, такъ какъ и здѣсь опредѣленные выводы (математическія формулы) переносятся на данную область явленій безъ прямого изслѣдованія ея.

Но рядомъ съ этимъ ошибочнымъ примѣненіемъ математики, Чернышевскій, какъ мы увидимъ, далъ нѣсколько цѣнныхъ формулъ по теоріи населенія и въ то же время прекрасно намѣтилъ условія примѣнимости математическихъ формулъ вообще. Вотъ его простыя и ясныя разсужденія. Въ своей критикѣ теоріи Мальтуса, говоря о математическихъ таблицахъ удвоенія населенія по сложнымъ процентамъ, составленныхъ Эйлеромъ, Чернышевскій замѣчаетъ: „Эйлеръ рѣшалъ тутъ задачу въ томъ родѣ, какія очень часто попадаются въ руководствахъ къ математикѣ или къ физикѣ. Напримѣръ: во сколько времени достигнетъ до солнца ядро, летящее съ быстротой, какую имѣетъ въ первую секунду полета; или: что будетъ съ кускомъ желѣза, постепенно

опускаемымъ въ колодезь, прорытый до центра земли? Математикъ очень правильно отвѣчаетъ, что ядро долетитъ до солнца во столько-то времени, кусокъ желѣза дойдетъ до степени краснаго каленія во столькихъ-то верстахъ ниже поверхности земли, до бѣлаго—во столькихъ-то, наконецъ, расплавится во столькихъ-то верстахъ. При этомъ математику нѣтъ никакого дѣла разбирать, существуетъ ли предполагаемый колодезь, существуетъ ли пушка, брошенное которою ядро могло бы полетѣть дальше немногихъ верстъ. Подразумѣвается само собой, что математика только группируетъ цифры, вовсе не ручаясь за ихъ дѣйствительность. Но вообразимъ себѣ, что прочиталъ рѣшеніе такихъ задачъ, человѣкъ, забывшій или не знавшій, что надобно подразумѣвать это. Вообразимъ себѣ, что ему показалось, будто бы авторъ алгебраическаго руководства не просто сгруппировалъ цифры, а прямо говоритъ, будто всѣ эти выводы могутъ осуществляться на самомъ дѣлѣ. Какія поразительныя теоріи могутъ родиться въ головѣ такого человѣка! Онъ предложитъ, напримѣръ, раскалять желѣзо для ковки не кузнечными печами, а просто опусканіемъ на 20 верстъ подъ поверхность земли, или отбить ядромъ кусокъ отъ луны, чтобы этотъ кусокъ упалъ на землю, и тогда мы узнали бы, изъ чего состоитъ луна" (VII, 248). Словомъ, математическая формула только тогда примѣнима къ дѣйствительности, когда ея посылки, ея предположенія соотвѣтствуютъ самой дѣйствительности. „Цифры не управляютъ міромъ, а только показываютъ, какъ онъ управляется" [1]). Итакъ, гипотетическій методъ Чернышевскаго заключаетъ въ себѣ, во-первыхъ, правильную постановку основной задачи всякаго изслѣдованія (разложеніе сложныхъ явленій на ихъ элементы, описаніе и точную, по возможности, математическую формулировку ихъ причино-зависимостей), во-вторыхъ, дальнѣйшую ступень изслѣдованія — дедукцію изъ установленныхъ такимъ образомъ общихъ положеній. Но преувеличивая значеніе цифровыхъ иллюстрацій этихъ выводовъ, Чернышевскій иногда смѣшивалъ эти иллюстраціи съ дѣйствительной закономѣрностью общественныхъ явленій, несмотря на отчетливое пониманіе общихъ условій примѣнимости математическихъ формулъ. Нетрудно видѣть, что эта погрѣшность

[1]) См. тождественныя разсужденія Н. К. Михайловскаго въ статьѣ „Аналогическій методъ", I, 349—357.

состоитъ въ недостаточно обоснованномъ стремленіи къ опредѣленнымъ, точнымъ и потому убѣдительнымъ выводамъ.

III.

Матеріализмъ Чернышевскаго.

Какъ уже говорилось, философія стремится объединить научное знаніе въ гармоническую систему. Такъ какъ въ нашемъ опытѣ мы находимъ два основныхъ, изучаемыхъ отдѣльными науками, разряда вещей: матеріальныя и психическія, то объединеніе всего нашего опыта въ цѣльную систему можетъ идти въ двухъ направленіяхъ. Или, во-первыхъ, мы можемъ пытаться свести одинъ изъ этихъ разрядовъ къ другому, утверждая, напр., что психологическія явленія тождественны съ матеріальными,—какъ это дѣлаетъ метафизическій матеріализмъ [1]), или, что сущность матеріальнаго міра есть нѣчто духовное,—какъ учитъ метафизическій идеализмъ [2]). Или, во вторыхъ, установивъ общія свойства и законы каждой изъ этихъ областей, мы можемъ ограничиться попытками объединенія этихъ свойствъ и законовъ въ болѣе общіе (въ частности, разсмотрѣніемъ вопроса, въ какой мѣрѣ примѣнимъ основной законъ матеріальныхъ явленій,—законъ сохраненія и превращенія энергіи, къ пси-

---

[1]) Въ этомъ болѣе или менѣе сходятся обычныя опредѣленія матеріализма. „Матеріализмъ, говоритъ, напр., Фалькенбергъ въ своей „Исторіи новой философіи",— ученіе, что все существующее тѣлесно, всякій процессъ есть лишь движеніе матеріальныхъ частицъ, что духъ ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ матеріи." (стр. 561). По словамъ эмпиріокритика Петцольда, „съ полнымъ правомъ могутъ быть причислены къ послѣдователямъ матеріализма тѣ ученые, которые разсматриваютъ душевныя переживанія, какъ продукты или какъ физіологическія функціи матеріальной субстанціи, не отождествляя ихъ все же съ матеріальными явленіями. Суть дѣла здѣсь въ томъ, что все выводится изъ матеріальной субстанціи". Проблема міра съ точки зрѣнія позитивизма. (Стр. 165).

[2]) Со времени Платона и вплоть до нашего времени основное воззрѣніе идеализма, по словамъ Паульсена, „характеризуется двумя положеніями: тѣлесный міръ есть явленіе; то, что является въ немъ, есть нѣчто родственное нашей внутренней жизни". (Введ. въ философію).

хическимъ явленіямъ). Въ этомъ направленіи стремится идти позитивная философія.

Мы видѣли, что Чернышевскій несомнѣнно тяготѣлъ къ позитивизму, ограничивающему наше познаніе предѣлами опыта; но онъ стоялъ на этой точки зрѣнія безъ достаточной критики нашей познавательной способности, прямо отрицая самую постановку метафизическихъ вопросовъ. Очевидно, однако, что такое отношеніе къ метафизикѣ нельзя признать правомѣрнымъ. Въ частности, это подвержается и тѣмъ, что, благодаря ему, самъ Чернышевскій отчасти повиненъ въ метафизическомъ матеріализмѣ, правда не совсѣмъ опредѣленномъ.

Разсмотримъ его разсужденіе по вопросу объ отношеніи физическихъ и психическихъ явленій. „Принципомъ философскаго воззрѣнія на человѣческую жизнь со всѣми ея феноменами, говоритъ онъ, служитъ выработанная естественными науками идея объ единствѣ человѣческаго организма". Но „при единствѣ натуры мы замѣчаемъ въ человѣкѣ два различные ряда явленій: явленія, такъ назыв., матеріальнаго порядка (человѣкъ ѣстъ, ходитъ) и явленія, такъ назыв., нравственнаго порядка (человѣкъ думаетъ, чувствуетъ, желаетъ)". Это, по мнѣнію Чернышевскаго, нисколько не противорѣчитъ „единству натуры человѣка, показываемому естественными науками", ибо „соединеніе совершенно разнородныхъ качествъ въ одномъ предметѣ есть общій законъ вещей". Такъ, напр., „ледъ твердъ и блестящъ. Что общаго между твердостью и блескомъ? Логическое разстояніе отъ одного изъ этихъ качествъ до другого безмѣрно велико или, лучше сказать, нѣтъ между ними никакого близкаго или далекаго логическаго разстоянія, потому что нѣтъ между ними никакого логическаго отношенія". (Антропологическій принципъ. 1860, VI, 195). То же самое относится, очевидно, и къ психическимъ явленіямъ; какъ и физическіе процессы, они свойственны человѣческому организму, но между тѣми и другими нѣтъ, „никакого логическаго отношенія". Однако естествознаніе находитъ связь между этими свойствами „не по формамъ обнаруженія; не по явленіямъ, которыя рѣшительно несходны, а по способу происхожденія разнородныхъ явленій изъ одного и того же элемента при напряженіи или ослабленіи энергичности въ его дѣйствованіи". (VI, 196).

Чернышевскій поясняетъ это слѣдующимъ примѣромъ: „Когда вода, по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ,

обнаруживаетъ очень мало теплоты, она бываетъ твердымъ тѣломъ—льдомъ; обнаруживая нѣсколько больше теплоты, она бываетъ жидкостью; а когда въ ней теплоты очень много, она становится паромъ. Въ этихъ трехъ состояніяхъ одно и то же качество обнаруживается тремя порядками совершенно различныхъ явленій, такъ что одно качество принимаетъ форму трехъ разныхъ качествъ, развѣтвляется на три качества просто по различію количества, въ какомъ обнаруживается: количественное различіе переходитъ въ качественное различіе" (VI, 196).

Точно также и психическія явленія образовались изъ матеріальной основы, благодаря особеннымъ измѣненіямъ этой основы, а именно усложненію ея количественнаго состава. Чернышевскій начинаетъ съ того, что подробно доказываетъ, что *жизненныя* явленія въ организмахъ представляютъ физико-химическіе процессы, болѣе сложные, чѣмъ въ неорганическихъ тѣлахъ, т.-е. съ бо́льшимъ количествомъ элементовъ и ихъ комбинацій. Камень и растеніе, говоритъ онъ, „столь несходные, состоятъ изъ одинаковыхъ частей, соединившихся по однимъ и тѣмъ же законамъ, только соединившихся въ разной пропорціи... Отъ обыкновенныхъ рудъ, камней и неорганическихъ тѣлъ, повторяетъ Чернышевскій, растеніе отличается собственно тѣмъ, что представляетъ комбинацію элементовъ, гораздо болѣе сложную и потому гораздо быстрѣе проходящую химическій процессъ въ обыкновенной атмосферѣ, чѣмъ неорганическія тѣла "(VI, 200). Но то же самое относится и къ животнымъ, ибо переходъ отъ растенія къ животнымъ постепенный и почти незамѣтный. Хотя „въ наиболѣе развитыхъ формахъ своихъ животный организмъ чрезвычайно разнится отъ растенія, но, говоритъ Чернышевскій, читатель знаетъ, что млекопитающее и птица связаны съ растительнымъ царствомъ множествомъ переходныхъ формъ, по которымъ можно прослѣдить всѣ степени развитія, такъ называемой, животной жизни изъ растительной", и, кромѣ того, „въ первое время своего существованія всѣ животныя почти одинаковы съ растеніями въ первой порѣ ихъ роста" (VI, 222).

„Физіологія и медицина, говоритъ Чернышевскій, находятъ, что человѣческій организмъ есть очень многосложная химическая комбинація, находящаяся въ очень многосложномъ процессѣ, называемомъ жизнью".

Итакъ, жизненныя явленія у растеній представляютъ фи-

зико-химическіе процессы, только болѣе сложные, чѣмъ въ неорганической природѣ; дальнѣйшее же усложненіе этихъ процессовъ даетъ физіологическія явленія у животныхъ, кончая высшими формами животной жизни. Но *психическія* явленія представляютъ лишь часть жизненнаго процесса и потому имѣютъ тотъ же самый характеръ. „Дѣятельность мысли есть органическая дѣятельность", говоритъ Фейербахъ. „Антропологическій принципъ", о которомъ говоритъ Чернышевскій, и состоитъ, между прочимъ, въ томъ, чтобы „разсматривать каждую сторону дѣятельности человѣка, какъ дѣятельность или всего его организма, отъ головы до ногъ включительно, или, если она оказывается спеціальнымъ отправленіемъ какого нибудь особеннаго органа въ человѣческомъ организмѣ, то разсматривать этотъ органъ въ его натуральной связи со всѣмъ организмомъ" (VI, 227). Антропологія, говорится далѣе, „это такая наука, которая о какой бы части жизненнаго человѣческаго процесса ни говорила, всегда помнитъ, что весь этотъ процессъ и каждая часть его происходитъ въ человѣческомъ организмѣ, что этотъ организмъ служитъ матеріаломъ, производящимъ разсматриваемые ею феномены, что качества феноменовъ обусловливаются свойствами матеріала, а законы, по которымъ возникаютъ феномены, есть только особенные частные случаи дѣйствія законовъ природы" (VI, 238).

Наконецъ, доказательствомъ матеріальной природы психическихъ явленій служитъ также постепенность развитія психики въ животномъ мірѣ. Чернышевскій очень подробно говоритъ въ своей статьѣ о томъ, что у животныхъ нельзя отрицать „ни памяти, ни воображенія, ни мышленія"; для подтвержденія этой несомнѣнной истины онъ приводитъ рядъ извѣстныхъ фактовъ, на которыхъ мы можемъ не останавливаться. Точно также онъ указываетъ на то, что животнымъ присущи и тѣ чувства, „которыя называются возвышенными, безкорыстными, идеальными" (VI, 222—228). Словомъ, психическая жизнь животныхъ отличается отъ человѣческой только по степени, а не по качеству, подобно тому, какъ двугривенный въ карманѣ бѣдняка и деньги Ротшильда вычеканены изъ одного и того же металла.

Общій выводъ изъ всѣхъ этихъ разсужденій ясенъ, хотя Чернышевскій и не формулировалъ его. Психическія явленія, какъ и жизненныя явленія въ организмахъ вообще, представляютъ физико-химическіе процессы (въ мозгу, во-

обще въ нервной системѣ), такъ какъ они постепенно развиваются на матеріальной основѣ въ жизни всего животнаго міра и каждаго индивида въ отдѣльности [1]).

Эти блестящія разсужденія Чернышевскаго, имѣвшія въ свое время огромное вліяніе на передовую часть русскаго общества, нельзя однако признать убѣдительными. Мы не будемъ останавливаться на критикѣ Гегелевскаго закона перехода количества въ качество, которому послѣдователи Гегеля вообще придаютъ очень большое значеніе [2]). Замѣтимъ только, что въ дѣйствительности (и въ частности въ томъ примѣрѣ, который приводится Чернышевскимъ), различія по качеству, какъ и вообще всякаго рода измѣненія въ вещахъ, обусловливаются не различіемъ *количествъ* дѣйствующей энергіи (въ данномъ случаѣ теплоты), а различными ихъ *интенсивностями* (температура) [3]). Во всякомъ случаѣ усложненіе химическаго состава только съ очень большой натяжкой можетъ быть отнесено къ измѣненіямъ „количества".

Собственныя же разсужденія Чернышевскаго неудовлетворительны прежде всего потому, что онъ пользуется здѣсь тѣмъ самымъ аналогическимъ методомъ, которымъ, по остроумному выраженію Герцена, человѣческій портретъ можно свести на изображеніе фрукта (и наоборотъ). Какъ ни постепенно вырастаютъ органическія явленія изъ неорганическихъ, но разница между тѣми и другими остается въ полной силѣ, подобно тому, какъ безконечно малыя пере-

---

[1]) Учитель Чернышевскаго Фейербахъ выражался на этотъ счетъ вполнѣ опредѣленно. „Что для меня или субъективно представляетъ духовный, нематеріальный актъ, говоритъ онъ, то само по себѣ или объективно есть матеріальный, чувственный актъ". (Wider den Dualismus, s. 350). Или въ другомъ мѣстѣ: „Если прежняя философія имѣла своимъ исходнымъ пунктомъ положеніе: я абстрактное и исключительно мыслящее существо, тѣло не принадлежитъ къ моей сущности, то новая философія, наоборотъ, начинается положеніемъ: я дѣйствительное, чувственное (sinnliches) существо, тѣло принадлежитъ къ моей сущности, болѣе того, тѣло въ своей цѣлостности и есть мое я, сама моя сущность". (Grundsätze der Philosophie der Zukunft, 1843, B. II, § 36, s. 325).

[2]) См., напр., Марксъ. „Капиталъ", I, 261; Энгельсъ. „Анти-Дюрингъ", стр. 126 и далѣе.

[3]) „Чтобы что-нибудь происходило, должны существовать некомпенсированныя разности интенсивностей", такъ резюмируетъ извѣстный химикъ и философъ П. Оствальдъ свои интересныя натуръ-философскія построенія. (Философія природы, стр. 190).

ходы отъ воды къ опредѣленной смѣси ея со спиртомъ не устраняютъ разницы между ними по существу. Правда, значительная часть натуралистовъ признаетъ, что физіологическія явленія исчерпываются физико-химическими процессами, но этому положенію до сихъ поръ не достаетъ опытной провѣрки. „Наука еще не подвинулась ни на шагъ въ химическомъ синтезѣ живого существа", замѣчаетъ французскій философъ Анри Бергсонъ, резюмируя свой обзоръ механическаго толкованія жизненныхъ явленій [1]).

Но если даже мы признаемъ, что физіологическая жизнь не болѣе, какъ физико-химическій процессъ, то остается еще чрезвычайно трудный переходъ отсюда къ психическимъ явленіямъ, рѣзко отличнымъ отъ чисто физіологическихъ процессовъ, происходящихъ въ нервной системѣ [2]). Чернышевскій иногда различаетъ эти двѣ стороны явленій сознанія (VI, 227), но характернымъ для него является именно отождествленіе психики съ физіологическими явленіями, а черезъ нихъ и съ физико-химическими процессами, основанное на постепенности переходовъ между ними.

Очевидно, однако, что съ такимъ же правомъ можно доказывать и прямо противоположное, а именно, что подлинная сущность вещей, въ томъ числѣ и неорганическаго міра, есть нѣчто психическое. Для этого достаточно вести разсужденія въ обратномъ порядкѣ: отъ человѣка и животныхъ къ растеніямъ и минераламъ,—какъ это и дѣлаютъ метафизики-идеалисты, начиная съ Шопенгауэра [3]). Здѣсь исправ-

---

[1]) Творческая эволюція. М. 1909. Стр. 34—38.

[2]) Извѣстный натуралистъ Дю-Буа-Реймонъ, признавая, что естественно-научному объясненію жизненныхъ явленій не стоитъ на пути никакихъ принципіальныхъ противорѣчій, утверждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что съ первыхъ же элементовъ сознанія, съ самымъ примитивнымъ ощущеніемъ возникаетъ нѣчто такое, что безусловно ускользаетъ отъ естественно-научнаго объясненія. „Сознаніе необъяснимо изъ его матеріальныхъ условій". „Астрономическое знаніе, знаніе мозга, высшее, какое мы можемъ требовать о немъ, не раскрываетъ передъ нами ничего, кромѣ подвижной матеріи. Но какое бы распредѣленіе или движеніе матеріальныхъ частей мы ни придумали, перекинуть мостъ въ царство сознанія нельзя". (Цит. у Паульсена, стр. 78. См. тамъ же аналогичныя заявленія извѣстнаго физика Тиндаля, стр. 79).

[3]) См. Шопенгауэръ. „Міръ, какъ воля и представленіе". Т. I, кн. 2-ая. Паульсенъ. „Введеніе въ философію". Кн. I, гл. I, § 5. „Разъ, нѣтъ прочной границы между животнымъ міромъ и растительнымъ, говоритъ, напр., Паульсенъ, разъ приходится смотрѣть на низъ

лена самая постановка вопроса. Разъ вещи или явленія даны намъ, какъ качественно различныя (звукъ и свѣтъ, птицы и рыбы), то можно находить въ нихъ что либо общее и, отвлекаясь отъ несходнаго, объединять ихъ въ общемъ понятіи; но не можетъ быть и рѣчи о „сведеніи" ихъ другъ къ другу, объ ихъ отождествленіи. Въ частности, это относится къ непосредственно различаемымъ нами психическимъ и физическимъ (физіологическимъ) явленіямъ [1]).

Матеріалистическія воззрѣнія Чернышевскаго подверглись обстоятельной критикѣ проф. Кіевской Духовной Академіи Юркевича въ его статьѣ по поводу „Антропологическаго принципа". Приведемъ небольшой отрывокъ изъ этой статьи, въ общемъ довольно хорошо освѣтившей вопросъ и вызвавшей оживленную полемику въ тогдашнихъ журналахъ. По словамъ Юркевича, „тотъ, кто утверждаетъ, что самое движеніе зрительнаго и слухового нервовъ есть уже ощущеніе опредѣленной краски и опредѣленнаго тона, тотъ не говоритъ ни одного яснаго слова". И далѣе Юркевичъ превосходно поясняетъ свою мысль слѣдующимъ примѣромъ. „Положимъ, что вы прослышали ученіе физики о зависимости объема тѣла отъ его температуры и о томъ, что съ измѣненіемъ его температуры *необходимо* измѣняется и его объемъ: что сказали бы о васъ, если бы вы превратили это отношеніе *необходимой* связи въ отношеніе *тождества* и стали разсуждать: температура тѣла превращается въ объемъ тѣла,—объемъ тѣла есть не что иное, какъ его температура? А

какъ на двѣ вѣтви, выросшія на одномъ стволѣ, то нельзя отклонить вопроса: не являются ли и растительныя тѣла носителями душевной жизни? За животными всѣ признаютъ внутреннюю жизнь, даже за самыми низшими формами, насколько бы онѣ не удалялись отъ высшихъ; если нельзя безъ произвола отрицать ее и у протистовъ, этихъ животно-растеній или растеніе-животныхъ, въ которыхъ постепенно теряется животный міръ, то выводъ отсюда ясенъ: подобно тому, какъ нѣтъ прочной границы между животнымъ и растительнымъ царствами, такъ нѣтъ ея и для одушевленія; одушевленіе можетъ простираться на весь органическій міръ". (Введ. въ философію, стр. 99). На тѣхъ же основаніяхъ Паульсенъ распространяетъ одушевленіе и на неорганическій міръ.

[1]) Превосходную критику такого рода монистическихъ построеній даетъ *Петцольдъ*. „Если все матеріально, говоритъ онъ, напр., то нельзя ни на чемъ болѣе указать противоположное, т.-е. нематеріальное, а значитъ нельзя и представить себѣ отличительные признаки матеріальнаго". (Проблема міра, стр. 164. См. также стр. 57, 60, 161 и др.).

между тѣмъ ученіе нынѣшнихъ физіологовъ о томъ, что ощущеніе души есть не что иное, какъ движеніе нервовъ, основано именно на этомъ превращеніи *необходимой* зависимости явленій въ ихъ *тождество*. Если бы насъ спросили, какимъ образомъ температура начинаетъ быть объемомъ, то намъ пришлось бы отвѣчать: она никакъ не начинаетъ быть объемомъ; только по необходимому физическому закону она производитъ измѣненія въ тѣлѣ, которое безъ объема немыслимо. Такимъ же образомъ и на вопросъ, какъ движеніе нерва *начинаетъ* быть ощущеніемъ, мы должны были бы отвѣчать, что движеніе нерва никакъ не начинаетъ быть ощущеніемъ, что оно всегда остается движеніемъ нерва, только по необходимому закону (физическому или метафизическому — объ этомъ спорятъ еще) это движеніе нерва производитъ измѣненія въ душѣ, которая немыслима безъ ощущеній, чувствъ и стремленій". (Цит. у Чернышевскаго, „Полемич. красоты", VIII, 242).

Эти и другія замѣчанія Юркевича, если не считать нѣсколькихъ богословскихъ мѣстъ, въ общемъ вполнѣ правильны и почти буквально совпадаютъ съ тѣмъ, что говорилъ впослѣдствіи Дю-Буа-Реймонъ, Тиндаль, Паульсенъ и т. д. Когда возраженія Юркевича были подхвачены „Рус. Вѣстн.", „Отеч. Записками" и др. журналами, Чернышевскій въ своемъ отвѣтѣ заявилъ, что онъ не читалъ статьи Юркевича и не будетъ читать, удовольствовавшись отрывками изъ нея, ибо знаетъ напередъ все, что тамъ написано, такъ какъ это обычное семинарское произведеніе, на которое не стоитъ возражать. Онъ просто перепечаталъ треть этой статьи, оборвавъ ее на полу-словѣ, и впослѣдствіи не разъ повторялъ, что статья Юркевича не заслуживаетъ отвѣта, что перепечатанныя имъ страницы „слишкомъ плохи", что „я (т. е. Чернышевскій) чувствую себя на столько выше мыслителей школы г. Юркевича, что рѣшительно не любопытно мнѣ знать ихъ мысли обо мнѣ" и т. п.

Послѣ всего вышеизложеннаго очевидно, что Чернышевскій былъ далеко не правъ какъ по существу, такъ и въ своемъ презрительномъ отношеніи къ статьѣ Юркевича,— какъ это и было признано, между прочимъ, П. Л. Лавровымъ [1]). Ошибка Чернышевскаго объясняется очень просто.

[1]) Лавровъ причислялъ Юркевича къ „самымъ сильнымъ нашимъ современнымъ діалектикамъ". „Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ отвѣта моихъ философскихъ оппонентовъ статьѣ Юркевича, говоритъ

Матеріализмъ, заимствованный имъ у Фейербаха, былъ въ его глазахъ единственно возможнымъ научнымъ міровоззрѣніемъ, противоположнымъ старымъ, отжившимъ, фантастическимъ взглядамъ религіи. Наоборотъ, всякая критика матеріалистическихъ воззрѣній казалось ему приглашеніемъ вернуться назадъ, въ ненавистную тьму. Юркевичъ, по его словамъ, клонитъ „къ поддержкѣ идей прямо противоположныхъ,—чему бы, какъ это выразить?—ну, хоть такъ скажу: прямо противоположнымъ идеямъ Бокля". (VIII, 271). Школа, къ которой принадлежитъ Юркевичъ, выводитъ, по словамъ Чернышевскаго, „что, дескать, естественныя науки объясняютъ намъ только одну сторону жизни, а другую, высшую, мы познаемъ и т. д. и т. д. и что де натуралисты пропащій народъ". (VIII, 272. См. также VI, 201).

Несомнѣнно, что матеріализмъ рѣзко и радикально устраняетъ религію, въ чемъ и состояла въ значительной мѣрѣ его историческая роль; но для этого, въ сущности, совершенно достаточно стоять на точкѣ зрѣнія положительной науки: ея детерминизмъ (причинная обусловленность всѣхъ явленій) столь же рѣшительно отвергаетъ все сверхестественное, не проявляющее своего дѣйствія въ опытѣ, начиная съ лѣшихъ и домовыхъ и кончая болѣе изысканными построеніями фантазіи. Этого взгляда, собственно говоря, и держался Чернышевскій въ своихъ нѣсколько туманныхъ (по цензурнымъ условіямъ) разсужденіяхъ о религіи, служащихъ введеніемъ къ „Антропологическому принципу" [1]). Словомъ, матеріализмъ Чернышевскаго, несостоятельный по существу, можетъ быть понятъ, какъ исторически необходимая рѣзкая реакція противъ стараго міровоззрѣнія.

онъ, хотя сомнѣваюсь, чтобы они дали надлежащій отвѣтъ, возражающій аргументъ за аргументомъ, а не отзывающійся о цѣломъ по нѣсколькимъ отрывочнымъ фразамъ". (Моимъ критикамъ. „Рус. Слово", 1861, VI, стр. 51).—Вообще статья Чернышевскаго „Антропологическій принципъ въ философіи" и его отвѣтъ Юркевичу вызвали цѣлую полемическую бурю въ тогдашней литературѣ. Эта полемика подробно описана А. Волынскимъ въ его статьяхъ: Литературныя замѣтки. „Сѣверный Вѣстникъ" 1894, (X—XII); перепечатаны въ книгѣ „Русскіе критики".

[1]) „Наблюденіями физіологовъ, зоологовъ и медиковъ, говоритъ Чернышевскій, отстранена всякая мысль о дуализмѣ человѣка. Философія видитъ въ немъ то, что видитъ медицина, физіологія, химія; эти науки доказываютъ, что никакого дуализма въ человѣкѣ не видно, а философія прибавляетъ, что если бы человѣкъ имѣлъ,

IV.

Діалектическая теорія развитія.

Въ одной изъ своихъ статей, написанныхъ въ защиту общины („Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія", 1858), Чернышевскій намѣчаетъ по Гегелю *общую теорію развитія*, касающуюся самыхъ различныхъ областей науки и потому относящуюся къ собственному предмету философіи. Къ изложенію и критикѣ ея мы и переходимъ.

Статья Чернышевскаго строго соотвѣтствуетъ своему заглавію. Онъ защищалъ общину въ рядѣ другихъ статей съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія, и такъ какъ противъ нея существовали также „философскія предубѣжденія", то онъ и занялся ихъ критикой и изложеніемъ Гегеля.

Чернышевскій доказываетъ здѣсь прежде всего непослѣдовательность людей, принимающихъ положенія Гегеля или Шеллинга и въ то же время отрицательно относящихся къ общинѣ. Для того, чтобы доказать эту непослѣдовательность, Чернышевскому, собственно говоря, не нужно было самому раздѣлять Гегелевскіе взгляды. Но онъ несомнѣнно раздѣлялъ ихъ въ значительной части. Правда, отзывы его о Гегелѣ не совсѣмъ благопріятны. Мы уже приводили автобіографическое заявленіе Чернышевскаго, что познако-

---

кромѣ реальной своей натуры, другую натуру, то эта другая натура непремѣнно обнаруживалась бы въ чемъ нибудь, и такъ какъ она не обнаруживается ни въ чемъ, то другой натуры въ немъ нѣтъ". (VI, 191). По обыкновенію, Чернышевскій поясняетъ свою мысль нагляднымъ сравненіемъ. У человѣка нѣтъ другой натуры, точно также какъ въ комнатѣ, гдѣ мы сидимъ, нѣтъ льва: его не видно и не слышно, а самое главное, если бы онъ былъ въ комнатѣ, онъ бросился бы и растерзалъ насъ; между тѣмъ мы живы. (Ср. замѣчанія Фейербаха въ „Сущности христіанства": „реальность свойствъ есть единственный залогъ существованія" (стр. 18. См. также стр. 157 и др.).—Философскія разсужденія Маркса и Энгельса содержатъ лишь намеки на метафизическій матеріализмъ (они указываютъ, напр., на первенство во времени матеріи и вообще природы передъ духомъ, на то, что сознаніе „порождается" матеріей и т. п.). Любопытно, что они относятъ именно къ матеріализму положеніе о причинной обусловленности всѣхъ явленій и потому отрицаютъ Бога и сверхъ-естественныя существа. (См. напр., статью Энгельса о Фейербахѣ, стр. 38)

мившись съ Гегелемъ въ подлинникѣ, онъ нашелъ, что чтеніе его „было утомительно по своей явной безполезности для сформированія научнаго образа мыслей". Точно также, говоря въ другомъ мѣстѣ о Прудонѣ, онъ считаетъ одной изъ сильнѣйшихъ сторонъ Прудона, что онъ „проникся духомъ нѣмецкой философіи". Но, прибавляетъ Чернышевскій, „одна изъ причинъ неудовлетворительности или, по крайней мѣрѣ, неясности его понятій также заключается въ этомъ знакомствѣ, именно въ томъ обстоятельствѣ, что онъ узналъ нѣмецкую философію подъ формой системы Гегеля и остановился на этой формѣ, какъ на окончательномъ выводѣ, между тѣмъ какъ въ Германіи наука развивалась дальше. Система Гегеля, проникнутая духомъ, господствовавшимъ надъ общественнымъ мнѣніемъ во время реставраціи и получившая свое начало во время первой имперіи, сама по себѣ уже не соотвѣтствуетъ нынѣшнему состоянію знаній". Однако изъ этого, по мнѣнію Чернышевскаго, не слѣдуетъ, что система Гегеля должна быть совершенно отвергнута[1]).

„Мы не послѣдователи Гегеля, а тѣмъ менѣе послѣдователи Шеллинга, говоритъ Чернышевскій, но не можемъ не признать, что обѣ эти системы оказали большія услуги наукѣ раскрытіемъ общихъ формъ, по которымъ движется процессъ развитія". (IV, 309. см. также II, 175 и далѣе). Въ своей статьѣ Чернышевскій и излагаетъ эти идеи Гегеля, называя ихъ „здравыми понятіями, противоположными отсталымъ философемамъ" и, очевидно, считая ихъ совершенно правильными. Мы остановимся на этихъ идеяхъ Ге-

---

[1]) Упоминая мимоходомъ объ этой статьѣ Чернышевскаго, Н. К. Михайловскій говоритъ, что „къ удивленію всѣхъ его (т. е. Чернышевскаго. М. А.) многочисленныхъ читателей и почитателей означенная статья была цѣликомъ построена на философіи исторіи Гегеля"... Михайловскій думаетъ, что Чернышевскій только въ шутку, для полемики, опирался на философію Гегеля. На самомъ же дѣлѣ, по мнѣнію Михайловскаго, онъ „тутъ же смѣялся надъ Гегелемъ и его тріадой. И Гегель, и его непреоборимый законъ трехчленнаго развитія были для него дѣломъ постороннимъ, чисто внѣшнимъ". (Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. Соч. т. IV, изд. 1897 г. стр. 67 и 68). Мы не можемъ согласиться съ этимъ. Чернышевскій несомнѣнно находился подъ сильнымъ вліяніемъ Гегеля, какъ это видно уже изъ вышеприведенныхъ цитатъ и какъ это еще яснѣе увидимъ ниже, и ссылки на Гегеля не были случайностью или полемическимъ пріемомъ.

геля лишь настолько, насколько онѣ излагались и раздѣлялись Чернышевскимъ.

Основное положеніе Гегелевской теоріи развитія состоитъ въ томъ, что высшая степень развитія по формѣ сходна съ его началомъ. „Это мы видимъ во всѣхъ сферахъ жизни", говоритъ Чернышевскій. Такъ, напр., „газообразное и жидкое состояніе тѣлъ, — вотъ исходная точка, отъ которой пошло впередъ образованіе нашей планеты и жизни въ ней. Великимъ шагомъ впередъ было сгущеніе газовъ и отвердѣніе жидкостей въ минеральныя породы"... Но вслѣдъ за тѣмъ начинается движеніе къ первоначальной формѣ. Появляется сперва растительность, гдѣ къ минеральнымъ частицамъ примѣшаны жидкости, а затѣмъ и животный міръ, гдѣ „жидкіе элементы занимаютъ еще гораздо больше мѣста, нежели въ растеніи", и гдѣ въ органахъ находятся не только жидкости, но и газы (напр., воздухъ). Наконецъ, „вѣнецъ животной жизни, высшая ступень, достигаемая процессомъ природы вообще, нервный процессъ, состоитъ въ переходѣ мозговой матеріи въ газообразное состояніе, въ возвращеніи жизни къ преобладанію газообразной формы, съ которой началось планетное развитіе". (IV, 310—311).

То же происходитъ, въ частности, и въ развитіи животной жизни. „Высшее произведеніе этой жизни, мозговая масса, характеромъ своимъ напоминаетъ какой нибудь кисель, почти лишенный тѣхъ формъ и качествъ, какими отличается вообще мясо, составляющее преобладающій элементъ животнаго царства. Низшая ступень животной жизни, проявляющаяся въ моллюскахъ и слизнякахъ, имѣетъ совершенно тотъ же характеръ: тѣло устрицы своимъ водянистымъ качествомъ скорѣе сходно съ мозгомъ, нежели съ мясомъ". (IV, 311).

Точно также, развитіе языка начинается съ того, что „въ немъ нѣтъ ни склоненій, ни спряженій, вообще никакихъ грамматическихъ видоизмѣненій слова (флексій)", какъ это мы видимъ въ китайскомъ языкѣ. Затѣмъ, съ развитіемъ языка, число флексій все возрастаетъ и „достигаетъ той гибкости всего внутренняго состава слова, какую видимъ въ семитическихъ языкахъ, достигаетъ того страшнаго изобилія грамматическихъ наращеній, какое видимъ въ татарскомъ языкѣ, гдѣ глаголъ имѣетъ семь или восемь наклоненій, нѣсколько десятковъ временъ, цѣлые десятки дѣепричастій и т. д." Но „чѣмъ дальше живетъ языкъ,

чѣмъ выше развивается народъ, имъ говорящій, тѣмъ болѣе и болѣе обнажается онъ отъ прежняго богатства флексій. Нынѣшнія славянскія нарѣчія бѣднѣе ими, нежели старо-славянскія; въ итальянскомъ, французскомъ, испанскомъ и другихъ романскихъ языкахъ флексій меньше, нежели въ латинскомъ, и, наконецъ, англійскій языкъ, служащій указаніемъ цѣли къ которой идутъ, по отношенію къ своимъ флексіямъ всѣ другіе европейскіе языки, почти совершенно уже отбросилъ всѣ флексіи. Подобно китайцу, англичанинъ буквально говоритъ: я идти домъ" (IV, 314).

Или, напримѣръ, военное дѣло проходитъ также три фазиса, „изъ которыхъ высшій представляется по формѣ совершеннымъ возвращеніемъ первобытнаго: 1) отсутствіе регулярныхъ войскъ; милиція во время войны; 2) регулярныя войска; никто, кромѣ спеціально носящихъ мундиръ, не призывается и неспособенъ участвовать въ войнѣ; 3) снова возвращается всенародная милиція (напр., въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Швейцаріи), и регулярнаго войска въ мирное время нѣтъ". (IV, 310). Точно также, „при отсутствіи справедливости, преступникъ избѣгаетъ законнаго возмездія; при водвореніи законнаго порядка, онъ подвергается возмездію, око за око и зубъ за зубъ; но когда водворяется справедливость, преступникъ изъемлется изъ возмездія, fit injuria, никто не подвергается страданію, даже во имя справедливости". (IV, 320).

Чернышевскій приводитъ еще много другихъ, иногда очень остроумныхъ, примѣровъ и въ заключеніе говоритъ, что „развитіе всего матеріальнаго и нравственнаго міра" подчинено этому общему закону, дѣйствующему „столь же неизмѣнно и неизбѣжно, какъ законъ тяготѣнія или причинной связи... Если кому нибудь мало покажется приведенныхъ нами подтвержденій всеобщности этого закона: конецъ развитія по формѣ является возвращеніемъ къ его началу —, для такого скептика, добавляетъ Чернышевскій, мы готовы по первому его желанію показать ту же норму въ развитіи всѣхъ половыхъ и семейныхъ отношеній, политическаго устройства, законодательства вообще, гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, налоговъ и податей, науки, искусства, матеріальнаго труда; для всего этого не нужно будетъ намъ ни особенной учености, ни долгихъ соображеній, нужно только заглянуть, напр., хотя въ Гегеля: у него

все это давнымъ давно уже доказано и объяснено". (IV, 320—321).

Кто не согласенъ на признаніе „всеобщаго и неизмѣннаго господства этой нормы во всѣхъ безъ исключенія явленіяхъ матеріальнаго и нравственнаго, индивидуальнаго и общественнаго бытія", тому Чернышевскій предлагаетъ указать *хотя одинъ* (курс. Чернышевскаго) фактъ, который не былъ бы подчиненъ этому рѣшительно всеобщему закону".

Итакъ, передъ нами поистинѣ величественный законъ развитія всѣхъ міровыхъ явленій—отъ простыхъ и матеріальныхъ до духовныхъ и въ высшей степени сложныхъ; этотъ законъ, по мнѣнію Чернышевскаго, „неизмѣненъ и неизбѣженъ, какъ законъ тяготѣнія или причинной связи", и также не допускаетъ ни одного исключенія.[1])

Разсужденія Чернышевскаго чрезвычайно остроумны и на первый взглядъ совершенно убѣдительны, но при внимательномъ анализѣ ихъ нетрудно показать, что Гегелевскій законъ далеко не всегда вѣренъ, всегда крайне поверхностенъ, и научная цѣнность его весьма сомнительна. Чернышевскій и самъ въ своей статьѣ приводитъ нѣкоторые процессы развитія, которые при самомъ сильномъ остроуміи нельзя подвести подъ формулу Гегеля. Такъ, „неускоренное обстоятельствами развитіе вооруженія", по Чернышевскому, таково: „1) обыкновенная дубина, 2) дубина получаетъ каменное или металлическое остріе, т. е. переходитъ въ копье, 3) уменьшенное копье... начинаютъ бросать

---

[1]) Этотъ законъ подробно излагается и иллюстрируется также Энгельсомъ въ его Анти-Дюрингѣ, гл. XI. Точно также Лавровъ сочувственно говоритъ о „великомъ законѣ, угаданномъ Гегелемъ и оправдывающимся, повидимому, въ очень многихъ сферахъ человѣческаго сознанія: третья ступень была видимымъ сближеніемъ съ первою, но дѣйствительнымъ разрѣшеніемъ противорѣчія между первою и второю ступенью." (Историческія письма. Спб. 1906, стр. 10). — Замѣтимъ, что Энгельсъ и его ученикъ г. Бельтовъ-Плехановъ формулируютъ этотъ законъ нѣсколько иначе. А именно: „Каждое явленіе, говоритъ г. Плехановъ, дѣйствіемъ тѣхъ самыхъ силъ, которыя обусловливаютъ его существованіе, рано или поздно, но неизбѣжно превращается въ свою собственную противоположность". (Къ вопросу о монист. взглядѣ на исторію, стр. 64). Однако, „такъ какъ новое, противоположное первому, явленіе также, въ свою очередь, превращается въ свою противоположность, то третья фаза развитія имѣетъ *формальное сходство съ первой*" (курсивъ г. Бельтова, стр. 68).

помощью тетивы, получаются лукъ и стрѣлы"; далѣе, ударъ тетивы замѣняется ударомъ пороха, стрѣла сокращается въ ружье, которое все болѣе совершенствуется и въ концѣ концовъ получается штуцеръ съ нарѣзками въ стволѣ и особенными пулями. Уже этого примѣра достаточно, чтобы разрушить *всеобщность* Гегелевскаго закона. Конецъ развитія (т. е. штуцерное ружье) долженъ быть, по Гегелю, возвращеніемъ по формѣ къ его началу (дубинѣ). Въ дѣйствительности же штуцерное ружье гораздо менѣе походитъ на дубину, чѣмъ на средніе моменты (лукъ и стрѣлы), да иначе и не можетъ быть, такъ какъ все развитіе идетъ въ одномъ направленіи, увеличивая силу оружія и разстояніе, на которомъ оно дѣйствуетъ.[1])

Въ той же статьѣ мы находимъ и другой примѣръ, противорѣчащій „неизмѣнному и неизбѣжному закону". А именно, развитіе письма идетъ слѣдующимъ образомъ: „1) изображаются самые предметы (на этомъ остановились мексиканцы); 2) ихъ изображенія сокращаются въ гіероглифы (на этомъ застаетъ исторія египтянъ); 3) гіероглифы сокращаются въ идеографы (на этомъ остановились китайцы); 4) изъ идеографическихъ знаковъ возникаетъ алфавитъ, записывающій одну грубѣйшую часть звуковъ, согласные, съ пропускомъ гласныхъ (семитическая алфавитная система); 5) изъ семитическаго алфавита возникаютъ наши европейскіе (греческая система, происшедшая изъ финикійской), въ которыхъ гласные звуки записываются наравнѣ съ согласными". (IV, 326—327). Здѣсь тоже конецъ развитія (наше письмо, изображающее буквой каждый звукъ слова) гораздо болѣе сходно съ средними моментами (когда записываются только согласные звуки), чѣмъ съ первоначальнымъ (когда существуетъ одинъ значокъ для цѣлаго слова). Далѣе мы укажемъ цѣлую область исключеній изъ этого закона, но и сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, что законъ Гегеля въ лучшемъ случаѣ является обобщеніемъ, касающимся нѣкоторыхъ, а не всѣхъ процессовъ развитія.

Не ограничиваясь отдѣльными иллюстраціями, Черны-

---

[1]) Если же примѣнить Гегелевскій законъ въ формулировкѣ г. Плеханова, по выходитъ еще хуже, а именно, что копье (или дубина съ наконечникомъ) есть противоположность простой дубины, а лукъ и стрѣлы представляютъ противоположность копью и потому сходны съ простой дубиной.

шевскій пытается дать этому закону раціональное обоснованіе, т. е. свести его къ дѣйствію болѣе общаго закона. Онъ устанавливаетъ слѣдующее общее положеніе: „Избытокъ качества дѣйствуетъ на форму способомъ, противоположнымъ тому способу, какимъ дѣйствовала болѣе слабая степень того же качества“... Такъ, напр., „первобытная ограниченность торговли извѣстнымъ мѣстомъ и временемъ (ярмарки и базары) была слѣдствіемъ малочисленности торговыхъ сдѣлокъ. Когда онѣ становятся довольно многочисленными, эта многочисленность дѣйствуетъ отрицательно, разрушительно на первобытную форму (ярмарки и базары уничтожаются, являются постоянныя лавки и магазины); но вотъ торговыя сдѣлки, вмѣсто того, чтобы быть просто „*довольно* многочисленными“, становятся „*чрезвычайно* многочисленными“, — первобытная форма возвращается: люди собираются на биржахъ въ опредѣленное время“ (IV, 319). Чернышевскій для ясности даетъ „грамматическое выраженіе“ этой формулы, а именно, что „превосходная степень дѣйствуетъ на форму способомъ противоположнымъ тому, какимъ дѣйствуетъ простая положительная степень. Если, напр., человѣкъ, имѣющій *нѣкоторую* справедливость („справедливый“ просто въ положительной степени), смотритъ на человѣка, совершившаго преступленіе, какъ на преступника... человѣкъ *чрезвычайно* или *совершенно* справедливый относится къ преступнику или порочному обратнымъ образомъ: онъ видитъ въ немъ несчастнаго, заслуживающаго не презрѣнія или отвращенія и ненависти, а состраданія и помощи“.

Такимъ образомъ, если процессъ развитія совершается подъ вліяніемъ какой нибудь силы (необходимости обмѣна, убѣжденій о должныхъ отношеніяхъ между людьми и т. д.), то чрезвычайное развитіе этой силы оказываетъ дѣйствіе, сходное съ дѣйствіемъ слабаго ея развитія. Нетрудно придумать самому рядъ примѣровъ, гдѣ, повидимому, примѣняется этотъ законъ. Такъ, страданія происходятъ при недостаточной дѣятельности органовъ, но они же вызываются и чрезмѣрной ихъ дѣятельностью; бѣдность такъ же не благопріятна для нравственности людей, какъ и огромное богатство, и т. п. Но легко видѣть, что это обобщеніе не только не является общимъ правиломъ, но и не можетъ быть таковымъ.

Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о длительномъ процессѣ

развитія, когда предполагается данной какая нибудь болѣе или менѣе постоянная система, на которую дѣйствуетъ постоянная сила. Общій законъ дѣйствія такой силы очень просто формулированъ Миллемъ. „Продолжающееся существованіе причины, говоритъ Милль, оказываетъ вліяніе на дѣйствіе, только увеличивая его количество, и увеличеніе происходитъ согласно опредѣленному закону (равныя количества прибавляются въ равныя промежутки времени)". (Логика, т. II, стр. 31). Такъ, постоянная сила притяженія земли заставляетъ камень падать съ постоянно возрастающей скоростью, — точно также постоянный источникъ теплоты, напр., солнце, постоянно повышаетъ температуру тѣла, на которое дѣйствуетъ его теплота. Правда, въ томъ и другомъ случаѣ дѣйствіе осложняется вліяніемъ другихъ причинъ (сопротивленія воздуха, потери теплоты тѣломъ посредствомъ лучеиспусканія и т. п.), но это нисколько не нарушаетъ правильности самого закона. Процессы развитія въ чистомъ видѣ (т. е. не осложненные дѣйствіемъ другихъ причинъ) математически можно выразить въ видѣ прогрессіи ариѳметической (формула которой a, a+q, a+2q.... a+nq) или геометрической (a, aq, aq^2... aq^n). Очевидно, что къ этимъ процессамъ формула Гегеля совершенно не подходитъ, такъ какъ развитіе все болѣе удаляется отъ первоначальной стадіи. Таково развитіе науки, производительности труда, а также уже разсмотрѣнное развитіе вооруженія, письменъ и т. п., гдѣ позднѣйшія ступени все болѣе отдаляются отъ первоначальной, и послѣднія ступени гораздо болѣе походятъ на среднія, чѣмъ на первоначальныя. Чернышевскій считалъ возможнымъ показать, что развитіе науки или матеріальнаго труда также подчинено закону Гегеля, но легко видѣть, что, напр., первобытная наука (или, вѣрнѣе, тогдашнія отрывочныя, безсвязныя, неточныя знанія съ значительной примѣсью фантазіи) очень мало походитъ на современную науку съ ея разнообразными, систематизированными и точно установленными положеніями. Точно также *трудъ* первобытныхъ людей давалъ имъ очень мало, и ни современная, ни грядущая, все возрастающая производительность труда нисколько не является по формѣ возвращеніемъ къ первобытному состоянію.

Итакъ, къ наиболѣе чистымъ и типичнымъ процессамъ развитія формула Гегеля непримѣнима. Разсмотримъ, ка-

ковъ ея смыслъ тамъ, гдѣ она примѣнима. Вернемся къ примѣру, приводимому Чернышевскимъ, что высшее произведеніе животной жизни, мозгъ, больше напоминаетъ своимъ характеромъ студенистое тѣло устрицы и другихъ низшихъ животныхъ, чѣмъ мясо. Здѣсь процессъ развитія касается формъ животной жизни, „изъ которыхъ высшая (мозгъ) представляется какъ будто бы возвращеніемъ отъ второй (мяса) къ первобытной формѣ (студенистое вещество)". Итакъ, 1-ая стадія развитія — низшія животныя съ однообразнымъ тѣломъ въ видѣ студня; далѣе — животныя, у которыхъ, кромѣ полужидкихъ веществъ, тѣло имѣетъ твердыя части, мускулы и кости, а также мозгъ. Чѣмъ выше животное по лѣстницѣ органическихъ веществъ, тѣмъ большее (относительно) мѣсто занимаетъ въ его организмѣ нервная система и головной мозгъ. Масса же мозга есть „нѣчто такое неопредѣленное *по своему виду* (курс. нашъ М. А.), что какъ будто бы уже составляетъ переходъ отъ мускуловъ, имѣющихъ столь опредѣлительныя качества по своей формѣ и внутреннему составу, къ какому то полужидкому киселю". (IV, 311). Такимъ образомъ, возвращеніе конца развитія (человѣческаго организма) къ его началу состоитъ въ томъ, что мозгъ человѣка имѣетъ „по своему виду" сходство съ студенистымъ тѣломъ моллюсковъ. Однако, мозгъ въ то же время рѣзко отличается отъ протоплазмы, составляющей тѣло моллюсковъ, какъ своими физическими и химическими свойствами, такъ и тѣмъ, что онъ является только однимъ изъ органовъ организма. Эти различія Чернышевскій намѣренно или ненамѣренно оставляетъ въ сторонѣ, и только благодаря такому невниманію, получаетъ свою формулу: возвращеніе конца развитія къ его началу. Тотъ же характеръ имѣетъ законъ Гегеля примѣнительно къ развитію языка, конечная стадія котораго сходна съ первоначальной въ томъ, что обѣ не имѣютъ флексій. Но въ то же время высшая ступень развитія языка рѣзко отличается отъ первобытной громаднымъ количествомъ словъ и особенно словами, выражающими отвлеченныя понятія. Такъ и должно быть, ибо языкъ служитъ органомъ не только общенія, но и умственной дѣятельности, развитіе которой состоитъ въ томъ, что она знакомится со все большимъ количествомъ предметовъ и явленій и классифицируетъ ихъ, т.-е. соединяетъ во все болѣе обширныя и отчетливыя группы. Наличность или отсутствіе флексій имѣетъ очень ничтожное

значеніе сравнительно съ богатствомъ словъ и со способностью языка отчетливо выражать мысли.

Нетрудно видѣть, что то же самое относится ко всѣмъ рѣшительно примѣрамъ, приводимымъ Чернышевскимъ, такъ какъ всякая система, при своемъ развитіи, подвергаясь воздѣйствію самыхъ разнообразныхъ постоянныхъ и мгновенныхъ силъ, испытываетъ рядъ различныхъ измѣненій, и потому въ лучшемъ случаѣ ея конечная стадія сходна съ первоначальной въ нѣсколькихъ отношеніяхъ и во всякомъ случаѣ различна во многихъ другихъ. Кромѣ того, „первоначальная" и „конечная" стадія назначаются совершенно произвольно (конечной стадіей торговли оказываются, напр., биржевыя сдѣлки). Словомъ, дѣйствительная формулировка закона Гегеля была бы такова: если сравнить какія-нибудь стадіи развитія нѣкоторыхъ вещей, то между ними можетъ оказаться сходство въ какихъ-нибудь отношеніяхъ.

Правда, законъ Гегеля говоритъ о сходствѣ высшей и низшей стадіи развитія „по формѣ". Но подъ формой въ примѣрахъ, приводимыхъ Чернышевскимъ, подразумѣваются, газообразное и жидкое состояніе тѣлъ, внѣшній видъ, то обстоятельство, что „въ цивилизованной жизни человѣка общая жизнь организма рѣшительно отступаетъ на второй планъ сравнительно съ самобытными отправленіями отдѣльныхъ органовъ", сходство языковъ въ отсутствіи флексій, самоуправленіе въ государствахъ и т. п. Такимъ образомъ, къ „формѣ" Чернышевскій относитъ свойства, которыя удается подвести подъ законъ Гегеля[1]).

Нетрудно видѣть, что безплодность гегелевской формулы зависитъ отъ того, что она игнорируетъ дѣйствительныя задачи научнаго изслѣдованія и, въ частности, тѣ проблемы,

---

[1]) Точно также Энгельсъ, въ своихъ иллюстраціяхъ гегелевскаго закона, имѣя въ виду главнымъ образомъ отрицаніе предыдущей стадіи послѣдующею, подразумѣваетъ подъ отрицаніемъ самыя различныя вещи: то прорастаніе зерна, то отмираніе стебля, то вычитаніе данной величины, то возведеніе ея въ квадратъ, то дифференцированіе функціи, то ея интегрированіе и т. п. (см. его примѣры въ Анти-Дюрингѣ, гл. XI). Разобравъ эти доводы, марксистъ г. Берманъ справедливо замѣчаетъ, что „если мы признаемъ цѣлесообразнымъ „методъ" разсужденія Энгельса, сущность котораго заключается въ употребленіи одного термина въ нѣсколькихъ смыслахъ, смотря по надобности, то мы можемъ „доказать" все, что угодно, т.-е. не доказать ничего..." (Діалектика въ свѣтѣ современной теоріи познанія, стр. 167—188; см. аналогичныя замѣчанія о такихъ разсужде

которыя стоятъ передъ философскимъ ученіемъ о развитіи. Мы видѣли, что наука должна разложить сложныя явленія на ихъ элементы и, установивъ ихъ причино-зависимости, представить дѣйствительность, какъ опредѣленную сумму этихъ элементовъ и ихъ закономѣрныхъ вліяній. Поскольку же дѣло идетъ о развитіи, необходимо прежде всего установить общее направленіе отдѣльныхъ процессовъ и затѣмъ, суммируя ихъ, вывести направленіе всего развитія системы или всей дѣйствительности. Такъ получается, напр., положеніе, что измѣненія въ неорганической природѣ направлены къ уменьшенію различій между отдѣльными процессами (такъ какъ всѣ формы энергіи рано или поздно переходятъ въ тепловую энергію, а эта послѣдняя непрерывно уравновѣшивается, переходя отъ высшей температуры къ низшей). Или, принимая во вниманіе другія стороны процессовъ развитія, можно доказывать, какъ это дѣлаетъ Спенсеръ (на основаніи закона сохраненія энергіи и различнаго пространственнаго распредѣленія различныхъ видовъ энергіи), — что развитіе системы представляетъ переходъ отъ неопредѣленной однородности къ опредѣленной разнородности[1]). Если удастся объединить частныя формулы въ общую (на что претендуетъ, напр., Спенсеръ), то такая общая формула принадлежитъ къ собственной области философіи. Но во всякомъ случаѣ необходимо имѣть въ виду всю совокупность элементовъ дѣйствительности, и совершенно недопустимо сравнивать только отдѣльныя стороны отдѣльныхъ моментовъ развитія системы, какъ это дѣлалъ Гегель и его послѣдователи.

Если гегелевская формула развитія считалась въ свое время великимъ завоеваніемъ философіи, то это объясняется множествомъ остроумныхъ ея иллюстрацій, скрывавшихъ ея научную пустоту. Кромѣ того, крайніе лѣвые ученики Гегеля видѣли въ его формулѣ подтвержденіе своихъ надеждъ на неизбѣжность общественнаго переворота. Какъ уже гово-

---

ніяхъ Гегеля и Энгельса на стр. 132, 134, 186 и др.). Даже правовѣрный г. Плехановъ соглашается, что „вопросъ о томъ, точно ли всякое явленіе превращается... въ свою собственную противоположность", этотъ вопросъ „можно и совсѣмъ не разсматривать", такъ какъ „въ выборѣ точки зрѣнія для такой провѣрки всегда оказалось бы много произвольнаго" (Къ вопросу..., стр. 74).

[1]) См. „Основныя начала", главы XII—XIV, гдѣ теорія развитія Спенсера вкратцѣ измѣнена и обоснована.

рилось, гегелевская формула понадобилась Чернышевскому для критики философскихъ предубѣжденій противъ общины. Но и вообще онъ смотрѣлъ на нее главнымъ образомъ съ утилитарной точки зрѣнія. Указавъ, что вѣчнымъ, великимъ, повсемѣстнымъ закономъ является „вѣчная смѣна формъ, вѣчное отверженіе формы, порожденной извѣстнымъ содержаніемъ или стремленіемъ, вслѣдствіе усиленія того же стремленія, высшаго развитія того же содержанія", Чернышевскій замѣчаетъ, что тотъ, кто понялъ этотъ законъ и пріучился примѣнять его ко всякому явленію, — „о, какъ спокойно призываетъ онъ шансы, которыми смущаются другіе... Онъ не жалѣетъ ни о чемъ, отживающемъ свое время, и говоритъ: пусть будетъ, что будетъ, а будетъ въ концѣ-концовъ все-таки на нашей улицѣ праздникъ"[1]).

Нетрудно однако видѣть, что гегелевская формула совершенно безполезна для обоснованія соціальныхъ упованій. Прежде всего въ ней вовсе не говорится о времени, когда совершится переходъ данной стадіи въ слѣдующую, такъ что это можетъ случиться, не противорѣча формулѣ, черезъ сто тысячъ или милліонъ лѣтъ. А во-вторыхъ, совершенно очевидно, что не всѣ стороны существующаго строя исчезнутъ,— навѣрно, останется, напр., научная или художественная дѣятельность, и потому формула Гегеля, какъ общее положеніе, неправильна, а въ частности не даетъ никакого ручательства, что измѣнятся именно формы собственности, организація производства и т. п.

---

[1]) IV, 332—333. Точно также, по словамъ Маркса, діалектика въ ея раціональной формѣ „для буржуазіи и ея глашатаевъ-доктринеровъ есть соблазнъ и безуміе, потому что она объемлетъ не только положительное пониманіе существующаго, но также и пониманіе его отрицанія, его необходимой гибели, потому что она всякую осуществленную форму созерцаетъ въ ея движеніи, а стало быть, какъ нѣчто преходящее, потому что ей, діалектикѣ, ничто не можетъ импонировать, потому что она по существу своему проникнута критическимъ и революціоннымъ духомъ" (Предисловіе ко 2-му изд. Капитала. Пер. подъ ред. Струве СПБ. 1906, стр. XV и XVI).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Психологія и этика.

ЛИТЕРАТУРА. *Юркевичъ* и др. (см. литературу къ первой главѣ). — *Н. К. Михайловскій.* Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. 1874. IV т. — *Протопоповъ.* Этика и эстетика. Рус. мысль 1893, IV. — *Андреевичъ.* (Евг. Соловьевъ). Очерки по исторіи русской литературы XIX в. СПБ. 1902, стр. 200—210. — *Головинъ.* Русскій романъ и русское общество. Ч. III, гл. IV. СПБ. (годъ не обозначенъ). *Волжскій.* По поводу новаго изданія романа „Что дѣлать." Вопросы жизни 1905, VI. — *Агафоновъ.* Старые гимны разуму свободѣ и эгоистическому героизму. Міръ Божій 1905 № 10. — *Ивановъ-Разумникъ.* Исторія русской общественной мысли. СПБ. 1907 (2-ое изд. 1908), томъ. II, гл. I. стр. 33—36.

I.

Гедонизмъ и волюнтаризмъ.

Мы уже говорили, что Чернышевскій видѣлъ задачу философіи въ разработкѣ, такъ называемыхъ, нравственныхъ наукъ (логики, эстетики, этики, общественной философіи и философіи исторіи) по методамъ и принципамъ естествознанія. Мы видѣли также, что тѣмъ не менѣе онъ занимался философскими вопросами въ обычномъ смыслѣ этого слова. Въ настоящей главѣ мы и разсмотримъ его этическіе и эстетическіе взгляды, но предварительно остановимся на его общемъ психологическомъ ученіи.

Психологическія воззрѣнія Чернышевскаго не были изложены имъ полно и систематически. Въ его статьяхъ мы встрѣчаемъ два различныхъ теченія. Съ одной стороны, стремясь къ сведенію психической жизни къ единому принципу, онъ приходитъ къ узкому *раціоналистическому* воззрѣнію на психику, которое, какъ мы увидимъ, красной нитью проходитъ черезъ его соціологическія построенія; съ другой стороны, отрѣшаясь иногда отъ этого апріорнаго монизма, онъ даетъ яркую и точную картину психической жизни въ духѣ *волюнтаризма.* Въ этомъ порядкѣ мы и изложимъ его взгляды.

Хотя нравственныя науки еще мало разработаны, говоритъ Чернышевскій, „но и при нынѣшнемъ вовсе не блистательномъ ихъ состояніи уже разрѣшенъ вопросъ о под-

веденіи всѣхъ, часто разнорѣчащихъ между собою человѣческихъ поступковъ и чувствъ подъ одинъ принципъ". (VI, 229). Когда нравственныя науки стали разрабатываться „по строгому научному методу", говоритъ Чернышевскій и въ другомъ мѣстѣ, то оказалось, что „въ побужденіяхъ человѣка, какъ и во всѣхъ сторонахъ ёго жизни, нѣтъ двухъ различныхъ натуръ, двухъ основныхъ законовъ, различныхъ или противоположныхъ между собой, а все разнообразіе явленій въ сферѣ человѣческихъ побужденій къ дѣйствованію, какъ и во всей человѣческой жизни, происходитъ изъ одной и той же натуры, по одному и тому же закону". (VI, 29). А именно: „при внимательномъ изслѣдованіи побужденій, руководящихъ людьми, оказывается, что всѣ дѣла, хорошія и дурныя, благородныя и низкія, геройскія и малодушныя, происходятъ во всѣхъ людяхъ изъ одного источника: человѣкъ поступаетъ такъ, какъ пріятнѣе ему поступать, руководится разсчетомъ, велящимъ отказываться отъ меньшей выгоды или меньшаго удовольствія для полученія большей выгоды, большаго удовольствія". (VI, 231). „Цѣль человѣческихъ стремленій, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, состоитъ въ полученіи наслажденія". (VI, 234).

Итакъ, единымъ движущимъ мотивомъ поведенія людей является, по Чернышевскому, представленіе удовольствія и разсчетъ выгоды. Это гедонистическое воззрѣніе (отъ греческаго слова гедоне-удовольствіе) было вообще исходнымъ пунктомъ утилитарныхъ системъ морали учителей Чернышевскаго, Бентама, котораго онъ называетъ „однимъ изъ ученѣйшихъ и глубокомысленнѣйшихъ мыслителей своего вѣка" (III, 527), и Дж. Ст. Милля[1]). Чернышевскому оно казалось совершенно очевиднымъ и не требующимъ доказательства; то же самое утверждали впослѣдствіи П. Л. Лавровъ и Н. К. Михайловскій.[2]) Но и они, и Чернышевскій,

---

[1]) „Природа подчинила человѣка власти удовольствія и страданія говоритъ, напр., Бентамъ. Имъ мы обязаны всѣми нашими идеями, ими обусловлены всѣ наши сужденія, всѣ наши рѣшенія въ жизни", и т. д. „Принципы законодательства", пер. Гершензона, М. 1896 стр. 4. См. также *Милль*. Утилитаріанизмъ, СПБ. 1866, напр., стр. 17. Прекрасное изложеніе и критику ученій Бентама и Милля см. у *Гюйо*. „Исторія и критика современныхъ ученій о нравственности." —

[2]) Такъ, Лавровъ, указавъ, что положеніе „удовольствіе и страданіе составляютъ элементарныя основы дѣятельности" есть на-

какъ мы увидимъ, высказывались также въ совершенно иномъ духѣ, и вообще положенія гедонизма не разъ подвергались очень сильной критикѣ, показавшей ихъ несостоятельность.[1]) Но такъ какъ въ широкой публикѣ старые взгляды по инерціи еще существуютъ, и такъ какъ упомянутые видные теоретики и, въ частности, Чернышевскій, не выразили своихъ окончательныхъ мнѣній въ опредѣленномъ и стройномъ видѣ, то я считаю нужнымъ дать хотя бы вкратцѣ систематическую критику гедонизма, тѣмъ болѣе, что дальнѣйшія разсужденія Чернышевскаго въ значительной мѣрѣ носятъ тотъ же гедонистическій характеръ. Для этого достаточно привести нѣсколько данныхъ психологіи.

Психологія учитъ, что психическія явленія могутъ быть раздѣлены прежде всего на сознательныя и безсознательныя,[2]) а по другимъ признакамъ на явленія мышленія, чувства и воли (такъ что бываетъ какъ сознательное, такъ и безсознательное мышленіе, чувства и желанія). У взрослыхъ людей въ психическихъ явленіяхъ постоянно присутствуютъ всѣ три эти элемента, такъ что различія душевныхъ состояній зависятъ, такъ сказать, отъ пропорціи, въ которой смѣшаны эти элементы.[3]) Относительное значеніе безсознательныхъ и сознательныхъ психическихъ явленій и элементовъ ихъ также установлено современной психологіей, особенно благодаря эволюціонной точкѣ зрѣнія. На низшихъ ступеняхъ психической жизни (какъ всего органическаго міра, такъ и отдѣльныхъ индивидовъ), психика

чало, признаваемое утилитаристами, замѣчаетъ: „трудно въ немъ не сознаться и всякому теоретику, не закрывающему глаза передъ фактами наблюденія и передъ собственнымъ сознаніемъ. Арнольди (псевдонимъ Лаврова). „Современныя ученія о нравственности и ея исторія". Отеч. Зап. 1870 г. (Отд. изд. СПБ. 1903, стр. 29). Болѣе того, по мнѣнію Лаврова, „это начало при своей простотѣ и общности служитъ точкой отправленія не только для нравственныхъ дѣйствій, а для всякой дѣятельности". (Тамъ же). То же говоритъ и Н. К. Михайловскій (см., напр., статью, „Что такое счастье?" III т. Собр. соч., стр. 145).

[1]) См., напр., *Гюйо*. „Очеркъ морали безъ долга и санкціи". Кн. I, гл. 1 (есть русск. переводъ изд. Знанія). Не имѣя его подъ руками, пользуюсь 7-мъ французскимъ изданіемъ 1905 г. *Паульсенъ*. „Основы этики." (М. 1908), кн. 2, гл. 2.

[2]) См., напр., Гефдингъ. „Очеркъ психологіи", стр. 58—59.

[3]) Тамъ же, стр. 71—80. См. сводку взглядовъ психологіи на этотъ счетъ въ статьѣ *В. Чернова*. „Монистическая точка зрѣнія въ психологіи и соціологіи (Философскіе и соціологическіе этюды)".

состоитъ изъ безсознательныхъ явленій, направленныхъ на сохраненіе и развитіе жизни; къ нимъ постепенно присоединяются чувства удовольствія и страданія, указывающія на удовлетвореніе или неудовлетвореніе влеченій, на повышеніе или пониженіе жизни, и наконецъ, умъ, указывающій пути и средства для достиженія тѣхъ сознательныхъ влеченій, цѣлей, къ которымъ стремится воля.[1]) Чѣмъ дальше подвинулось психическое развитіе, тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаютъ чувства и умъ, но первоначальныя влеченія, потребности остаются попрежнему и только становятся (и то не всегда) сознательными цѣлями. Поэтому безсознательное попрежнему занимаетъ громадное мѣсто въ психической жизни.

Очевидно, что гедонизмъ, указывая только нѣкоторые мотивы поведенія людей (представленіе удовольствій и разсчетъ выгоды), слишкомъ узко понимаетъ психическую жизнь. Прежде всего онъ совершенно упускаетъ область безсознательнаго, какъ это уже указано Гюйо[2]). Но и въ сознательной жизни представленіе удовольствій и разсчетъ выгодъ далеко не играютъ той важной роли, которую приписываетъ имъ гедонизмъ. Хотя чувство удовольствія (или страданія) существуетъ въ каждомъ психическомъ состояніи, но рядомъ съ нимъ имѣются и другіе психическіе элементы и, во всякомъ случаѣ, *представленіе* удовольствія является сравнительно слабымъ и рѣдкимъ мотивомъ сравнительно съ влеченіемъ къ удовлетворенію *потребностей*. „Только съ человѣкомъ слабымъ и пресытившимся жизнью, говоритъ Паульсенъ, можетъ случиться, что сначала онъ почувствуетъ потребность удовольствія вообще, а потомъ уже начнетъ искать какихъ-либо средствъ доставить его себѣ“ („Основы этики“, стр. 253). Правда, страданія являются очень сильнымъ мотивомъ дѣятельности человѣка[3]). Они происходятъ,

---

[1]) См., напр., *Паульсенъ*. »Введ. въ философію“, кн. I, гл. 1, § 6. Превосходная картина психической жизни въ этомъ отношеніи дана *Лавровымъ*. „Ист. письма“, стр. 178—179.

[2]) Положеніе гедонистовъ „слишкомъ узко, говоритъ онъ, ибо примѣнимо только къ сознательнымъ и болѣе или менѣе произвольнымъ дѣйствіямъ, тогда какъ безсознательныя и автоматическія дѣйствія слѣдуютъ просто линіи наименьшаго сопротивленія“. („Очеркъ морали“, стр. 86).

[3]) Гюйо объ этомъ почти не говоритъ, а Паульсенъ строитъ довольно оппортунистическую теорію о необходимости страданій и ихъ положительномъ значеніи въ человѣческой жизни.

какъ это прекрасно показано Чернышевскимъ, или отъ неудовлетворенія потребностей, т. е. недостаточной дѣятельности органовъ (голодъ, холодъ и т. д.), или же отъ ихъ чрезмѣрной дѣятельности (изнурительная работа, боль и т. п.). Но страданія въ собственномъ смыслѣ этого слова, при всей ихъ важности, какъ мотива поведенія, составляютъ только часть нормальной человѣческой жизни. Такимъ образомъ, въ общемъ случаѣ сознательная дѣятельность направлена не на достиженіе *удовольствій*, какъ таковыхъ, а на *удовлетвореніе* заложенныхъ въ природѣ человѣка потребностей и развитіе присущихъ ему силъ и способностей. Это положеніе, какъ извѣстно, лежитъ въ основѣ теоріи борьбы за индивидуальность Н. К. Михайловскаго. (См. напр., соч., IV, стр. 64, или I, 269—270). То же говоритъ и Милль, несмотря на его гедонизмъ („О свободѣ", Спб., 1866, стр. 279), а также Гюйо и Паульсенъ, почти въ тождественныхъ выраженіяхъ [1]).

Чернышевскій, конечно, не могъ просмотрѣть такой громадный фактъ, какъ вліяніе потребностей на поведеніе людей. Онъ такъ же, какъ впослѣдствіи Михайловскій и въ особенности Лавровъ, не разъ указывалъ на ихъ основное, первичное значеніе. Такъ, по его словамъ, „психологія говоритъ, что самымъ изобильнымъ источникомъ обнаруженія злыхъ качествъ служитъ недостаточность средствъ къ удовлетворенію потребностей, что человѣкъ поступаетъ дурно, т. е. вредитъ другимъ, почти только тогда, когда принужденъ лишить ихъ чего-нибудь, чтобы не остаться самому безъ вещи, для него нужной... Психологія прибавляетъ также, что человѣческія потребности раздѣляются на чрезвычайно различныя степени по своей силѣ", начиная отъ потребностей дышать, ѣсть и пить (VI, 215). Точно также въ своихъ историческихъ статьяхъ, какъ мы увидимъ ниже, онъ по-

---

1) „*Цѣль*, которая въ дѣйствительности *опредѣляетъ* всякое сознательное дѣйствіе, представляя въ то же время и *причину*, производящую всякое безсознательное дѣйствіе, эта цѣль, говоритъ Гюйо, есть сама *жизнь*, жизнь одновременно и самая интенсивная и самая разнообразная въ своихъ формахъ" („Очеркъ морали", стр. 87) Ср. также стр. 90 и стр. 452 „Исторіи и критики англійск. ученій о нравственности" (Спб., 1898 г.). „Цѣль, на которую направляется воля всякаго живого существа, говоритъ Паульсенъ, состоитъ (въ наиболѣе ея общей формулировкѣ) въ *нормальномъ выполненіи жизненныхъ функцій, способности къ которымъ заложены въ его природѣ*". („Основы этики", стр. 265).

стоянно указываетъ на очевидно громадную роль различныхъ потребностей, въ особенности матеріальныхъ.

Замѣтимъ также, что рядомъ со своими узкими гедонистическими воззрѣніями Чернышевскій не разъ давалъ отчетливое изображеніе психической жизни въ духѣ волюнтаризма. Въ дѣйствіяхъ человѣка, говоритъ онъ, напр., „основаніемъ бываетъ чувство или сердце, а непосредственнымъ источникомъ ихъ служитъ та сторона органической дѣятельности, которая называется волею. Но способы къ исполненію чувствъ сердца, даются волѣ представленіями ума". (VI, 237). Или въ другомъ мѣстѣ: „Мышленіе, — говоритъ Чернышевскій, — состоитъ въ томъ, чтобы изъ разныхъ комбинацій ощущеній и представленій, изготовляемыхъ воображеніемъ при помощи памяти, выбирать такія, которыя соотвѣтствуютъ потребности мыслящаго организма въ данную минуту въ выборѣ средствъ для дѣйствія, въ выборѣ представленій, посредствомъ которыхъ можно было бы дойти до извѣстнаго результата. Въ этомъ состоитъ не только мышленіе о житейскихъ предметахъ, но и, такъ называемое, отвлеченное мышленіе". (VI, 224—225).

Такимъ образомъ, заимствованныя Чернышевскимъ у Бентама и Милля воззрѣнія на человѣческую психологію неудовлетворительны въ томъ отношеніи, что они часть мотивовъ поведенія людей приравниваютъ всей суммѣ ихъ, упуская изъ виду наиболѣе существенные и основные безсознательные мотивы, потребности и влеченія людей. Мы видѣли, однако, что самому Чернышевскому были не чужды и болѣе широкія волюнтаристическія воззрѣнія.

II.

Соотношеніе мотивовъ поведенія. Дѣйствительныя и мнимыя потребности. Необходимость, комфортъ и роскошь; интеллектуальныя потребности.

Станемъ ли мы на точку зрѣнія гедонизма, по которой цѣлью человѣческихъ поступковъ является удовольствіе, или же примемъ вышеизложенное болѣе широкое воззрѣніе, которое Паульсенъ характеризуетъ терминомъ *энергизмъ*, во всякомъ случаѣ передъ нами возникаетъ вопросъ объ относительной силѣ различныхъ мотивовъ. Такъ какъ удовле-

твореніе различныхъ потребностей (или полученіе различныхъ удовольствій) сразу обыкновенно недостижимо, то приходится выбирать между ними. Если бы мы могли опредѣлить общее правило такого выбора, то наше изслѣдованіе пріобрѣло бы не только теоретическій, но и практическій интересъ: пользуясь такимъ правиломъ, мы могли бы предвидѣть поведеніе людей и воздѣйствовать на него въ желательномъ направленіи. Отысканіе такого правила и ставится иногда важнѣйшей задачей этики. Мы полагаемъ, что спеціальная задача этики иная; она изучаетъ особенныя, свойственныя человѣку, нравственныя чувства и потребности, созданныя въ немъ общественною жизнью и касающіяся его отношенія къ другимъ людямъ. Но отнесемъ ли мы этотъ вопросъ къ этикѣ или къ психологіи, во всякомъ случаѣ, онъ заслуживаетъ нашего вниманія, такъ какъ и Чернышевскій довольно подробно останавливался на немъ [1]).

Мы видѣли, что Чернышевскій, считая представленіе удовольствія движущимъ мотивомъ поведенія людей, полагалъ столь же несомнѣннымъ, что человѣкъ изъ двухъ удовольствій выбираетъ большее. Можно ли однако дать общее правило для выбора между удовольствіями? Бентамъ отвѣчалъ на это утвердительно и предложилъ цѣлую систему ариѳметическихъ пріемовъ для сравненія удовольствій (по ихъ интенсивности, продолжительности, несомнѣнности, близости, плодовитости, чистотѣ и распространенности). Чернышевскій не останавливался на этой сторонѣ ученія Бентама, быть можетъ, потому, что смутно чувствовалъ ея несостоятельность и безплодность [2]). Его занимали другія, болѣе цѣнныя

---

[1]) Я оставляю въ сторонѣ его разсужденія о дѣйствительныхъ и мнимыхъ потребностяхъ (въ его диссертаціи „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“ и въ его собственной рецензіи на нее, X т., 2 ч.). Эти разсужденія по существу не очень цѣнны, хотя и характерны для жизненнаго, реалистическаго строя ученія Чернышевскаго.

[2]) Прежде всего Бентамъ упускаетъ изъ виду качественныя различія удовольствій (напримѣръ, отъ ѣды и отъ музыки), дѣлающія невозможными какія-либо математическія сравненія между ними. Если же мы фактически всегда дѣлаемъ выборъ, то онъ опредѣляется цѣлой массой условій: нашей индивидуальностью, состояніемъ здоровья, настроеніемъ и т. п., такъ что дать общее правило для выбора совершенно немыслимо. (См. критику Бентама въ книгѣ *Гюйо*. „Исторія и критика англійскихъ ученій о нравственности“ у *Лаврова*. „Ученіе о нравственности“, стр. 31—32. *Вл. Соловьева* „Оправданіе добра“. VII т. Собр. соч., гл. VI, и т. д.).

соображенія на эту тему. Дѣло въ томъ, что человѣкъ, какъ разумное существо, имѣетъ въ виду не только интересы даннаго момента, но и цѣлой жизни или, по крайней мѣрѣ, продолжительнаго времени. „Мгновенно пріятное для личности, замѣчаетъ Лавровъ, можетъ быть весьма вредно для ея развитія и жизни вообще". Съ этой точки зрѣнія Чернышевскій и пытается въ различныхъ своихъ статьяхъ намѣтить общія правила, которыми руководятся люди.

Выставивъ въ „Антропологическомъ принципѣ" положеніе, что цѣль человѣческихъ стремленій состоитъ въ полученіи наслажденій, онъ говоритъ: „источники, изъ которыхъ получаются нами наслажденія, бываютъ двухъ родовъ: къ одному роду принадлежатъ мимолетныя обстоятельства, не зависящія отъ насъ или, если и зависящія, то проходящія безъ всякаго прочнаго результата; къ другому роду относятся факты и состоянія, находящіяся въ насъ самихъ прочнымъ образомъ, или внѣ насъ, но постоянно при насъ долгое время" (VI, 234). Но затѣмъ Чернышевскій для чего-то начинаетъ доказывать, что качество самого человѣка въ этомъ отношеніи важнѣе, чѣмъ внѣшніе предметы [1]). Вѣрно это или не вѣрно, это не имѣетъ особеннаго значенія, такъ какъ для счастья людей одинаково необходимы тѣ и другія условія: какъ лежащія въ немъ самомъ, такъ и находящіяся внѣ его. Подробное изслѣдованіе тѣхъ и другихъ условій представляетъ очень цѣнную часть міровоззрѣнія Чернышевскаго.

Раздѣливъ потребности людей на матеріальныя и интеллектуальныя, онъ даетъ (въ статьѣ „Капиталъ и трудъ" и въ „Примѣчаніяхъ къ Миллю") замѣчательную классификацію матеріальныхъ потребностей по ихъ жизненному значенію. „Извѣстно, говоритъ онъ, что потребности человѣка раздѣляются на необходимыя и прихотливыя... Списокъ первыхъ существенныхъ потребностей не очень длиненъ; въ нашихъ климатахъ для здоровья необходимо: довольно просторное и опрятное жилище, хорошее отопленіе, теплая

---

[1]) „Внѣшніе предметы, говоритъ Чернышевскій, какъ бы тѣсно ни были привязаны къ человѣку, все-таки слишкомъ часто разлучаются съ нимъ: то человѣкъ разстается съ ними, то они измѣняютъ человѣку. Родина, родство, богатство, все можетъ быть покинуто человѣкомъ или покинуть его; отъ одного не можетъ онъ никакъ отдѣлаться, пока остается живъ, одно существо неразлучно съ нимъ,—это онъ самъ". (VI, 236).

одежда и пища, которая бы своимъ питательнымъ достоинствомъ равнялась пшеницѣ и мясу" (VI, 31). Прихотливыя потребности удовлетворяются предметами роскоши, которые „существуютъ только для удовлетворенія чувству тщеславія". Одна и та же потребность, напримѣръ, украшенія своей особы, можетъ удовлетворяться и простыми, всѣмъ доступными вещами, и рѣдкими или стоящими громаднаго труда и потому свидѣтельствующими о богатствѣ. Такъ, напр., „бриллiантовый уборъ на волосахъ вовсе не придаетъ имъ большей красоты, нежели какой-нибудь простой уборъ изъ полевыхъ цвѣтовъ или какихъ-нибудь цвѣтныхъ бусъ. Въ этомъ согласны всѣ живописцы и люди съ тонкимъ вкусомъ. Разница тутъ не въ красотѣ убора, или, скорѣе, эта разница въ красотѣ убора клонится на сторону простыхъ цвѣтовъ. Разница просто въ дороговизнѣ убора, т.-е. въ томъ, что уборъ изъ цвѣтовъ не свидѣтельствуетъ, а бриллiантовый уборъ свидѣтельствуетъ, что лицо, имѣющее такой уборъ, превосходитъ богатствомъ другія лица, не имѣющія такого убора" (VII, 68). Между предметами необходимости и роскоши стоятъ „предметы простого полезнаго удобства" или комфорта.

Отношенія между этими тремя разрядами предметовъ и удовлетворяемыми ими потребностями очень просто и ясно изложены Чернышевскимъ: „Необходимость безконечно сильнѣе комфорта, говоритъ онъ, а роскошь ничтожна передъ комфортомъ. Если у человѣка нѣтъ сапогъ, перчатки безполезны ему; если у человѣка нѣтъ перчатокъ, ему безполезны перстни" (VII, 446). „Нынѣ вообще полагаютъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, что бѣдность мѣшаетъ развитію достойной человѣка жизни, что высшія наслажденія становятся доступны человѣку только по удовлетвореніи низшихъ потребностей, что, напримѣръ, философіей или астрономіей можно съ успѣхомъ и удовольствіемъ заниматься только при нѣкоторой свободѣ отъ матеріальныхъ лишеній" (VII, 68). Этотъ взглядъ на интеллектуальныя потребности излагается Чернышевскимъ подробно и интересно. Вообще всестороннее развитіе ихъ является, по его мнѣнію, условіемъ человѣческаго счастья. Обращаясь въ своемъ романѣ „Что дѣлать" къ читателямъ и приглашая ихъ быть счастливыми, Чернышевскій говоритъ: „для этого вы будете съ наслажденіемъ заботиться о своемъ развитіи: въ немъ счастье. О, сколько наслажденій развитому человѣку! Даже то, что

другой чувствуетъ какъ жертву, горе, онъ чувствуетъ, какъ удовлетвореніе себѣ, какъ наслажденіе, а для радостей какъ открыто у него сердце, и какъ много ихъ у него. Попробуйте, хорошо". (IX, 211—212. Ср. Милль, „О свободѣ", стр. 287). При этомъ, интеллектуальная дѣятельность должна быть не средствомъ для заработка, какъ теперь, а совершенно свободнымъ проявленіемъ соотвѣтствующихъ способностей въ цѣляхъ наслажденія самого мыслителя или художника и другихъ людей. „Кто декламируетъ или играетъ на скрипкѣ, самъ наслаждается своею декламаціею или игрою,—которая по настоящему и хороша бываетъ, которая по настоящему и для другихъ можетъ служить источникомъ наслажденія лишь тогда, когда служитъ наслажденіемъ для декламирующаго или для играющаго. Потому дѣятельность, производящая предметы эстетическаго наслажденія, не должна имѣть никакого другого вознагражденія, кромѣ удовольствія, чувствуемаго занимающимся ею человѣкомъ. О мѣновой цѣнности не должно быть тутъ никакого помина и съ этой стороны.

„Точно также не должна имѣть мѣновой цѣнности и та умственная дѣятельность, которая имѣетъ своимъ результатомъ развитіе самого человѣка, ею занимающагося, а источникомъ своимъ имѣетъ потребность узнать истину. Сюда принадлежитъ, во-первыхъ, всякая ученая дѣятельность; во-вторыхъ, дѣятельность учащагося. Учащійся долженъ по настоящему учиться только изъ желанія выучиться, изъ потребности знанія. Точно также ученый долженъ заниматься наукою только изъ желанія овладѣть ею или двинуть ее впередъ. Самая успѣшность въ томъ и другомъ случаѣ бываетъ соразмѣрна преобладанію этой, такъ сказать, самонаслаждающейся любви къ дѣлу надъ всякими другими разсчетами". (VII, 445. См. также статью „Литератур. собственность", IX, 171). Но требуя полной свободы для интеллектуальной дѣятельности и ея независимости отъ матеріальной, Чернышевскій въ то же время очень вѣрно замѣчаетъ, что нѣкоторый минимумъ научнаго и художественнаго образованія долженъ быть общеобязателенъ, (а потому педагогическая дѣятельность, хотя и сходная съ научной и художественной, должна быть организована обществомъ). „Есть умственная дѣятельность другого рода, говоритъ онъ, составляющая не самонаслажденіе, а жертву для занимающагося ею. Это дѣятельность педагогическая. Конечно, воспи-

татель или учитель бываетъ хорошъ лишь тогда, когда занимается своимъ дѣломъ усердно, добросовѣстно; а для этого нужна и нѣкоторая привязанность къ дѣлу". Но „эта привязанность — просто привязанность честнаго человѣка къ исполненію принятаго на себя долга. Она возникаетъ только изъ нежеланія быть обманщикомъ и сознанія о полезности даннаго дѣла. Это—далеко еще не такое чувство, какъ органическая потребность заниматься именно извѣстнымъ предметомъ, — потребность, которая создаетъ и живописца, и актера, и ученаго, — не такая потребность, которая принадлежитъ къ дѣятельностямъ, противоположнымъ понятію внѣшняго вознагражденія. Педагогъ — такой же чернорабочій, какъ землекопъ или портной. Его трудъ долженъ имѣть экономическую цѣнность" (VII, 445—446).

Эти положенія, на которыхъ Чернышевскій, какъ мы увидимъ, строитъ свою теорію соціализма, очень цѣнны и нуждаются только въ небольшихъ поправкахъ. Въ общемъ люди обыкновенно руководятся именно этими правилами, стараясь обезпечить себѣ сперва хотя бы удовлетвореніе необходимыхъ потребностей (въ томъ числѣ и возможности интеллектуальнаго развитія), затѣмъ устраиваются съ возможно большимъ комфортомъ и, наконецъ, позволяютъ себѣ роскошь. Но, какъ мы покажемъ ниже, предметы роскоши, вопреки Чернышевскому, не всегда связаны съ чувствомъ тщеславія и не всегда удовлетворяютъ данную потребность болѣе дорогимъ способомъ. Мы увидимъ также, что Чернышевскій стремился, собственно говоря, доказать незаконность роскоши не съ индивидуальной, а съ соціально-этической точки зрѣнія,—для тѣхъ случаевъ, когда въ обществѣ нѣтъ достаточнаго количества предметовъ необходимости и комфорта для всѣхъ людей. Эта точка зрѣнія несомнѣнно должна быть признана высшей и рѣшающей, но и она не можетъ вмѣшиваться въ теоретическое изслѣдованіе, имѣющее иной исходный пунктъ,—въ данномъ случаѣ благополучіе индивида, какъ такового.

Итакъ, всестороннее и въ особенности умственное развитіе человѣка есть внутренній источникъ его счастья; изъ внѣшнихъ же источниковъ на первомъ планѣ стоитъ обезпеченіе предметовъ, удовлетворяющихъ необходимымъ потребностямъ, затѣмъ предметовъ комфорта и, наконецъ, роскоши.

III.

Этическіе мотивы. Отрицаніе нравственности и утилитарное обоснованіе ея.

Спеціальный предметъ этики составляетъ выработанное въ человѣкѣ общественною жизнью нравственное чувство, требующее отъ него воздержанія отъ зла и дѣятельной помощи другимъ людямъ. Взгляды Чернышевскаго на этотъ счетъ, изложенные имъ въ „Антропологическомъ принципѣ", носятъ характерныя черты *утилитаризма.* Подобно Бентаму, Миллю и др., Чернышевскій начинаетъ съ отрицанія самой нравственности, самостоятельныхъ этическихъ чувствъ, чтобы затѣмъ вывести ихъ изъ другихъ мотивовъ. „Люди видѣли по опыту, говоритъ онъ, что каждый человѣкъ думаетъ все только о себѣ самомъ, заботится о своихъ выгодахъ больше, нежели о чужихъ, почти всегда приноситъ выгоды, честь и жизнь другихъ въ жертву своему разсчету, словомъ сказать, каждый изъ людей видѣлъ, что всѣ люди эгоисты. Въ практическихъ дѣлахъ всѣ разсудительные люди всегда руководились убѣжденіемъ, что эгоизмъ—единственное побужденіе, управляющее дѣйствіями каждаго, съ кѣмъ имѣютъ они дѣло. Если бы это мнѣніе, ежедневно подтверждаемое опытомъ каждаго изъ насъ, не имѣло противъ себя довольно большого числа другихъ житейскихъ фактовъ, оно, конечно, скоро одержало бы верхъ и въ теоріи надъ гипотезами, утверждавшими, что эгоизмъ есть только испорченность сердца, а неиспорченный человѣкъ руководится побужденіями, противоположными эгоизму: думаетъ о благѣ другихъ, а не о своемъ, готовъ жертвовать собою для другихъ и т. д. Но вотъ именно въ томъ и состояло затрудненіе, что гипотеза о безкорыстномъ стремленіи человѣка служить чужому благу, опровергаемая сотнями ежедневныхъ опытовъ каждаго, повидимому, подтверждалась довольно многочисленными фактами безкорыстія, самопожертвованія и т. д.: тамъ Курцій бросается въ пропасть, чтобы спасти родной городъ, тутъ Эмпедоклъ бросается въ кратеръ, чтобы сдѣлать ученое открытіе, тутъ Дамонъ спѣшитъ на казнь, чтобы спасти Пифіаса, тутъ поражаетъ себя кинжаломъ Лукреція, чтобы спасти свою честь"[1]). Но, по мнѣнію Чернышевскаго,

[1]) VI, стр. 229. Въ дѣйствительности поступку Лукреціи никто не придаетъ характера самоотверженія въ обычномъ смыслѣ этого слова, такъ что Чернышевскій напрасно доказываетъ (стр. 230), что

„надобно бываетъ только всмотрѣться попристальнѣе въ поступокъ или чувство, представляющіяся безкорыстными, и мы увидимъ, что въ основѣ ихъ все-таки лежитъ та же мысль о собственной личной пользѣ, личномъ удовольствіи, личномъ благѣ, лежитъ чувство, называемое эгоизмомъ" (VI, 229—230). Такъ, напр., „другъ, проводящій цѣлыя недѣли у постели больного друга, дѣлаетъ пожертвованіе гораздо болѣе тяжелое, чѣмъ если бы отдавалъ ему всѣ свои деньги. Но почему онъ приноситъ такую великую жертву и въ пользу какого чувства онъ приноситъ ее? Онъ приноситъ свое время, свою свободу въ жертву своему чувству дружбы, — замѣтимъ же, *своему* чувству; оно развилось въ немъ такъ сильно, что, удовлетворяя его, онъ получаетъ большую пріятность, чѣмъ получилъ бы отъ всякихъ другихъ удовольствій и отъ самой свободы; а нарушая его, оставляя безъ удовлетворенія, чувствовалъ бы больше непріятности, чѣмъ сколько получаетъ отъ стѣсненія себя во всѣхъ другихъ потребностяхъ... [1]). Точно то же надобно сказать о политическихъ дѣятеляхъ, называемыхъ обыкновенно фанатиками. Тутъ опять мы видимъ, что извѣстная потребность развилась въ человѣкѣ такъ сильно, что удовлетворять ей пріятно для него даже съ пожертвованіемъ другими очень сильными потребностями. По своему предмету эти случаи очень рѣзко отличаются отъ тѣхъ фактовъ разсчета, въ которыхъ человѣкъ жертвуетъ очень большою суммою денегъ для удовлетворенія какой-нибудь низкой страсти, но по теоретической формулѣ всѣ они подходятъ подъ одинъ законъ: сильнѣйшая страсть беретъ верхъ надъ влеченіями менѣе сильными и приноситъ ихъ въ жертву себѣ" (VI, 231).

Итакъ, всѣ люди эгоисты, и самые, повидимому, безкорыстные ихъ поступки въ сущности носятъ эгоистическій характеръ. Чернышевскій съ непонятнымъ въ наше время воодушевленіемъ повторялъ эту мысль устами положительныхъ героевъ своего романа „Что дѣлать?". „Жертва—сапоги

въ этомъ поступкѣ нѣтъ никакого самоотверженія. Не совсѣмъ удачны также многіе изъ его примѣровъ (горе жены и матери въ случаѣ смерти мужа или ребенка, или самоубійство жителей осажденнаго города, не желавшихъ отдаться непріятелю въ плѣнъ). Поэтому мы будемъ брать въ текстѣ только подходящіе примѣры.

[1]) Опять пропускаемъ не совсѣмъ удачный примѣръ ученыхъ, отказавшихся отъ житейскихъ наслажденій изъ страсти къ изслѣдованіямъ.

въ смятку, утверждалъ, напр., Лопуховъ. Какъ пріятнѣе, такъ и поступаешь" (IX, 85). „Всякій человѣкъ эгоистъ, я тоже", говоритъ Кирсановъ, и т. п.[1]).

Нетрудно видѣть, что эти разсужденія — простая игра словъ, нисколько не устраняющая разницы между эгоизмомъ и этическими, самоотверженными поступками, какъ разница между чернымъ и бѣлымъ нисколько не устраняется тѣмъ фактомъ, что то и другое суть цвѣта. Одно дѣло — накормить голоднаго или пожертвовать своими деньгами и трудомъ для голодающихъ, а другое дѣло — самому пообѣдать или спекулировать на народной нуждѣ на манеръ Гурко-Лидваля. Несомнѣнно, что человѣкъ, проводящій цѣлыя недѣли у постели больного друга, и человѣкъ, предпочитающій болѣе веселое общество и безмятежный сонъ на своей собственной постели, руководятся *своими* чувствами, но разница между этими чувствами все же остается въ полной силѣ. Особенно ее чувствуютъ сами голодающіе, страдающіе и угнетенные, и они врядъ ли согласятся, что люди, равнодушные къ нимъ или наслаждающіеся на ихъ счетъ поступаютъ въ сущности одинаково съ тѣми, кто безкорыстно или жертвуя собой идетъ имъ на помощь.

Конечно, несмотря на свое стремленіе къ единому принципу человѣческаго поведенія, и Бентамъ, и Чернышевскій, какъ и всѣ нормальные люди, прекрасно различали добро и зло, самоотверженные и своекорыстные поступки. Болѣе того. Они пытались вывести самое добро изъ эгоизма, доказывая, что человѣку выгодно быть добрымъ и даже самоотверженнымъ. По Бентаму, выгода каждаго связана съ выгодами другихъ, во-первыхъ, посредствомъ симпатіи, а во-вторыхъ, посредствомъ такъ называемой санкціи. Симпатія, по Бентаму, увеличиваетъ удовольствіе человѣка, а потому ему полезно быть добрымъ, благотворящимъ, даже самоотверженнымъ. „Обладать соціальной добродѣтелью,—говоритъ Бентамъ, — значитъ, жертвовать своимъ собственнымъ удовольствіемъ, чтобы путемъ служенія чужому интересу добыть для себя большее количество удовольствія". Въ то же время страхъ говоритъ человѣку, что если онъ будетъ пренебрегать благомъ другихъ людей, то они будутъ дѣйствовать такъже: это плохой разсчетъ; такимъ образомъ, страхъ

[1]) IX, 151. У Бентама эта мысль выражена еще рѣшительнѣе. „Ни одинъ человѣкъ, говоритъ онъ, для другого и пальцемъ не пошевельнетъ, если не видитъ въ этомъ своего интереса".

заставляетъ человѣка быть справедливымъ[1]). Чернышевскій выражается менѣе опредѣленно. Онъ говоритъ не объ отдѣльныхъ людяхъ, а о цѣлыхъ сословіяхъ и націяхъ, стараясь доказать историческими фактами, что ихъ выгоды совпадаютъ съ общечеловѣческими интересами. „Погибоша аки Обре, эти слова, говоритъ Чернышевскій, повторяетъ исторія надъ каждымъ народомъ, надъ каждымъ сословіемъ, впавшимъ въ гибельную для такихъ людей галлюцинацію о противоположности своихъ выгодъ съ общечеловѣческимъ интересомъ". Такъ, напр., когда землевладѣльцы думаютъ имѣть выгоду отъ невольничества и другихъ видовъ обязательнаго труда, то „въ результатѣ оказывается, что землевладѣльческое сословіе всѣхъ государствъ, имѣющихъ несвободный трудъ, находится въ раззоренномъ положеніи". Точно также „испанцы, опустошивъ Европу при Карлѣ V и Филиппѣ II, сами раззорились, впали въ рабство и наполовину вымерли отъ голода. Французы, опустошивъ Европу при Наполеонѣ I, сами подверглись и раззоренію въ 1814 и 1815 гг." (VI, 233—234).

Соображенія Бентама и Чернышевскаго, несомнѣнно, очень остроумны и поучительны. Угнетеніе и насилія надъ людьми никогда не проходятъ даромъ для самихъ насильниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, правильно понятые интересы, въ особенности имѣющіе въ виду отдаленное будущее, иногда удерживаютъ людей отъ эгоистическаго самоутвержденія насчетъ ближнихъ и приводятъ ихъ къ сочувственному вниманію и

---

[1]) „Между благоразуміемъ и честностью, говоритъ, напр., Бентамъ, несомнѣнно существуетъ естественная связь; другими словами, нашъ интересъ, если правильно понять его, никогда не оставитъ насъ безъ мотива, который побудилъ бы насъ воздержаться отъ причиненія вреда нашимъ ближнимъ" (Принципы законодательства, стр. 48). Другой учитель Чернышевскаго, великій утопистъ Робертъ Оуэнъ, человѣкъ иной эпохи и иного общественнаго настроенія, чѣмъ Бентамъ, держится того же мнѣнія насчетъ взаимной обусловленности выгодъ отдѣльной личности и всего общества. „Принципъ, за который мы теперь ратуемъ, говоритъ онъ, сведетъ всѣ сложные и противорѣчивые мотивы хорошихъ поступковъ къ одному простому принципу... Этотъ принципъ заключается въ стремленіи къ личному счастью и ясно показываетъ, что личнаго счастья можно достигнуть, только способствуя счастью всего общества". (Объ образованіи человѣческаго характера. Новый взглядъ на общество, 3-е изд. М. 1892, стр. 22. См. также стр. 111 и др.).

дѣятельному участію въ ихъ судьбѣ[1]). Но прежде всего такого рода соображенія вовсе не являются характерными для дѣйствительно этическихъ, т. е. самоотверженныхъ поступковъ. По превосходному замѣчанію Вл. Соловьева, „дѣйствительные случаи самопожертвованія происходятъ или: 1) въ силу непосредственнаго движенія симпатическихъ чувствъ, когда, напр., кто-нибудь, безъ всякихъ размышленій, съ опасностью собственной жизни, спасаетъ погибающаго, или 2) въ силу сострадательности, составляющей постоянно господствующее свойство характера, какъ, напр., у людей, по личной склонности посвящающихъ свою жизнь служенію страждущимъ, или 3) въ силу высоко развитого сознанія нравственнаго долга, или, наконецъ, 4) въ силу религіознаго вдохновенія какой-нибудь идеей. Всѣ эти мотивы вовсе не зависятъ отъ соображеній пользы. („Оправданіе добра", стр. 145). Наоборотъ, если оставить въ сторонѣ перечисленныя Соловьевымъ побужденія, то разсчетъ собственной выгоды очень рѣдко бываетъ достаточнымъ мотивомъ для положительнаго содѣйствія благу людей, или хотя бы для уступокъ въ ихъ пользу. Это и понятно: вѣдь точное сравненіе отдаленныхъ и близкихъ выгодъ чрезвычайно затруднительно, и потому люди предпочитаютъ крѣпко держаться за то, что у нихъ находится въ рукахъ. Для того же, чтобы заставить господствующія націи, классы и сословія отказаться отъ ихъ привиллегированнаго положенія, необходима прямая борьба угнетенныхъ и эксплуатируемыхъ

---

[1]) Лавровъ утверждалъ даже, что „пониманіе, что справедливость въ своихъ результатахъ тождественна со стремленіемъ къ личной пользѣ", наряду съ увѣренностью въ неизмѣнности законовъ, управляющихъ явленіями, представляетъ условіе историческаго прогресса. („Ист. письма", стр. 52), Вѣра въ тождественность наибольшей пользы каждаго развитого человѣка съ пользой наибольшаго числа людей, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, есть именно то начало, которое должно довести до минимума трату силъ человѣчества на пути прогресса" (стр. 293).—Точно также и Марксъ въ своихъ первыхъ работахъ держался того мнѣнія, что „правильно понятый интересъ составляетъ принципъ всякой морали" („Святое семейство", 1845; „Лит. наслѣдіе", т. II, стр. 272), что не мѣшало ему впослѣдствіи рѣзко критиковать Бентама. „Съ наивнѣйшей сухостью онъ (Бентамъ—М. А.) принимаетъ современнаго лавочника, и притомъ англійскаго, за нормальнаго человѣка. Все, что полезно этому выродку нормальнаго человѣка и тому кругу, въ которомъ онъ вращается, полезно и само по себѣ". („Капиталъ", I, 532—533).

за ихъ человѣческія права или, по крайней мѣрѣ, несомнѣнная готовность къ такой борьбѣ.

Между тѣмъ, Чернышевскій придавалъ особенное значеніе именно убѣжденіямъ въ выгодности нравственной дѣятельности. Мы находимъ у него еще и другую довольно оригинальную попытку доказать, что людямъ слѣдуетъ поступать нравственно, творить добро. Къ сожалѣнію, вся его аргументація строится при этомъ на неправильномъ толкованіи словъ „добро" и „польза". А именно: Чернышевскій утверждаетъ, что добро это и есть польза (неизвѣстно для кого) и даже польза въ превосходной степени (что совершенно неправильно); а потому для собственной же пользы слѣдуетъ творить добро. Мы не будемъ приводить этихъ разсужденій (VI, 235—236), такъ какъ цѣнность ихъ весьма незначительна [1]).

Такимъ образомъ, характеризующее утилитаризмъ отрицаніе этическихъ мотивовъ или гетерономное (чужезаконное) представленіе о нихъ нельзя признать удовлетворительнымъ. Людямъ, несомнѣнно, присущи въ большей или меньшей степени этическія чувства, которыя не могутъ быть выведены изъ другихъ соображеній (разсчетъ болѣе прочныхъ выгодъ и т. п. [2]). Правда, нравственные мотивы относительно

---

[1]) Н. К. Михайловскій полагаетъ, что утилитаризмъ, какъ таковой, не считается съ вопросомъ о субъектѣ пользы. „Утилитаризмъ, говоритъ онъ, есть система, полагающая основой нравственности пользу, но при этомъ вопросъ: чью пользу—остается совершенно открытымъ". („Критика утилитаризма", 1880, III т., собр. соч., стр. 267). Это, по его мнѣнію, представляетъ недостатокъ объясненій утилитаризма, такъ какъ „въ нихъ никогда почти не вводится элементъ противорѣчія личнаго блага и блага общественнаго цѣлаго, и не обращается строго выдержаннаго вниманія на вопросъ: *чья* польза" (тамъ же, стр. 269). Это не совсѣмъ правильно, такъ такъ далеко не всѣ утилитаристы игнорируютъ вопросъ: чья польза. Любопытно, однако, что и самъ Михайловскій повиненъ въ этомъ. (См. его разсужденія о счастьи,—неизвѣстно чьемъ,—какъ критеріи нравственности, въ статьѣ „Что такое счастье", гл. I).

[2]) Въ этомъ отношеніи скорѣе правъ Кантъ и Шопенгауэръ, утверждающіе автономность (самозаконность) нравственности. Необходимо только дополнить ихъ положенія объясненіемъ происхожденія нравственности съ эволюціонной точки зрѣнія, которая въ извѣстной мѣрѣ примиряетъ автономную и гетерономную точки зрѣнія. Она учитъ, что нравственность (какъ и общественный или материнскій инстинктъ) могла быть сперва средствомъ для другихъ цѣлей (общественной солидарности, благополучія и могущества); при постепенномъ упроченіи этихъ чувствъ и создалась самодовлѣю-

рѣдки и слабы, но, пожалуй, столь же незначительно и вліяніе того, такъ сказать, соціальнаго благоразумія, о которомъ говоритъ утилитаризмъ. Если же Чернышевскій держится иного мнѣнія, то это связано съ тѣмъ, что онъ, какъ ему казалось, нашелъ несомнѣнный способъ легко и просто осуществить выгодный для всѣхъ соціальный строй (въ видѣ производительныхъ рабочихъ ассоціацій, о которыхъ будетъ рѣчь въ четвертой главѣ). Вполнѣ понятно поэтому, что онъ пренебрегалъ этическими мотивами: вѣдь наиболѣе важныя для него общественныя цѣли достигались дѣйствіемъ болѣе сильныхъ и надежныхъ эгоистическихъ стремленій.

IV.

Нравственный принципъ и его развитіе.

Будемъ ли мы исходить изъ этическихъ требованій или изъ убѣжденія, что дѣйствительные интересы каждаго совпадаютъ съ общимъ благомъ или, наконецъ, изъ того факта, что угнетенные и эксплуатируемые неизбѣжно будутъ бороться за свое право на достойную человѣческую жизнь, — во всякомъ случаѣ передъ нами возникаетъ вопросъ о томъ, каковы должны быть отношенія людей, чтобы они удовлетворяли нашу совѣсть, соотвѣтствовали общему благу или отвѣчали интересамъ людей, положеніе которыхъ въ наше время ненормально. Мы видѣли, что Чернышевскій отрицаетъ нравственныя чувства; тѣмъ не менѣе по вопросу о должныхъ отношеніяхъ между людьми онъ выставляетъ обычное положеніе этики, очевидно безсознательно присущее ему, какъ и другимъ людямъ. А именно, онъ признаетъ равное право всѣхъ людей на удовлетвореніе ихъ потребностей, на свободное и всестороннее развитіе ихъ силъ. — Критикуя сенъ-симонистовъ, которые право человѣка пользоваться житейскими удобствами основывали только

щая этическая потребность, и нравственность стала самостоятельной, автономной, что мы и находимъ теперь въ своей душѣ. См. объ этомъ *Спенсеръ*. „Основаніе психологіи", т. II, ч. IX, главы 5—8. *Дарвинъ*. „Происхожденіе человѣка", гл. III; изложеніе ихъ взглядовъ у *Гюйо*. „Исторія и критика современныхъ ученій о нравственности", I часть, гл. IX и X. См. также *Каутскій*. „Этика и матеріалистическое пониманіе исторіи", главы I и IV, и т. д.

на его способностяхъ, Чернышевскій говоритъ: „человѣкъ имѣетъ уже извѣстныя права просто какъ человѣкъ, независимо отъ того, уменъ онъ или глупъ". Если принять положеніе „каждому по его способности", тогда, говоритъ Чернышевскій, Ньютонъ долженъ получить сотни милліоновъ, — на что ему они? ему довольно простого благосостоянія; для него и для другихъ людей было бы невыгодно, если бы его обратить въ Ротшильда, да онъ и не сумѣлъ бы справиться съ ротшильдовскими дѣлами; но учитель ариѳметики въ приходской школѣ, человѣкъ бѣдныхъ дарованій, едва самъ выучившійся тройному правилу, долженъ быть нищимъ, потому что онъ человѣкъ очень ограниченнаго ума. А что же будетъ съ большинствомъ людей всякаго сословія, въ которыхъ не обнаруживается способности ни къ чему кромѣ механическаго исполненія рутины, у которыхъ совершенно нѣтъ никакихъ умственныхъ правъ? Но мало того, что каждому дается по его способности, — сама способность измѣряется дѣлами: что же тогда будетъ съ людьми, пораженными параличемъ, или другими хроническими болѣзнями, или увѣчными? — они не имѣютъ никакого права на самое сохраненіе жизни". Возвращаясь здѣсь же къ своей идеѣ о трехъ разрядахъ потребностей и примѣняя вполнѣ отчетливо этическіе принципы, Чернышевскій говоритъ: „Если общество располагаетъ такими средствами, что за достаточнымъ удовлетвореніемъ всѣхъ законныхъ потребностей каждаго человѣка остается у него излишекъ, пусть оно распредѣляетъ этотъ излишекъ на какомъ ему угодно основаніи: раздаетъ ли его по способностямъ, или по результатамъ дѣятельности, или, можетъ быть, по другимъ разсчетамъ, болѣе выгоднымъ для общественнаго благосостоянія, но *прежде всего каждый человѣкъ имѣетъ право на удовлетвореніе своихъ человѣческихъ потребностей* (курсивъ мой. М. А.); общество только потому и существуетъ, что предполагается надобность его для обезпеченія каждому изъ его членовъ полнѣйшаго удовлетворенія его человѣческихъ нуждъ". [1]) Однако такія опредѣленныя этическія заявленія

---

[1]) Въ статьѣ „Іюльская монархія" (1860). Гл. III: „Процессъ Менильмонтанскаго семейства" VI, стр. 138. — Тѣ же этическіе принципы постоянно развивали въ своихъ статьяхъ Лавровъ и Михайловскій. „Въ наше время, говоритъ, напр., Лавровъ, критика мысли позволяетъ признать во всѣхъ личностяхъ равное человѣческое достоинство, и этотъ успѣхъ критики позволяетъ поставить тео-

представляютъ лишь единичный эпизодъ въ сочиненіяхъ Чернышевскаго. Обыкновенно же соотвѣтственно своей утилитарной точкѣ зрѣнія онъ пытается доказать выгодность равноправія людей и невыгодность всего, что ему противорѣчитъ. Таковы его разсужденія о невыгодности роскоши при неудовлетворенности необходимыхъ потребностей какихъ-либо членовъ общества. Эти разсужденія (въ статьѣ „Капиталъ и трудъ" и въ „Примѣчаніяхъ къ Миллю") связаны съ политико-экономическими воззрѣніями Чернышевскаго, но мы постараемся ихъ выдѣлить. — „Благосостояніе, говоритъ Чернышевскій, можетъ возвышаться только при разсчетливости, а разсчетливость находитъ убыточнымъ всякое дѣло, которымъ отняты время и силы отъ другого, болѣе выгоднаго дѣла. Напр., если плотникъ, который можетъ получать одинъ рубль въ сутки, займется мастерствомъ, приносящимъ только восемьдесятъ копѣекъ, онъ поступитъ неразсчетливо и займется работою убыточною для него". Такой именно характеръ имѣетъ производство предметовъ роскоши. Роскошь, говоритъ Чернышевскій, „убыточна для общества, имѣя свою сущность въ томъ, что предметъ,

---

рему: всѣ члены общества имѣютъ право на возможно равномѣрное раздѣленіе благъ между ними, на возможно полную долю въ общественной жизни." (Формула прогресса Михайловскаго. 1870. отд изд. 1906, стр. 22). Или въ другомъ мѣстѣ: „наибольшая равноправность личностей при наибольшемъ ихъ личномъ развитіи есть именно формула безусловной справедливости"... (тамъ же, стр. 39). — Вообще цѣли соціализма могутъ быть обоснованы только этически, какъ это съ полной ясностью признано написаннымъ Марксомъ учредительнымъ манифестомъ Интернаціонала (1864). „Эта международная ассоціація, говорилось тамъ, равно какъ всѣ примыкающія къ ней общества и отдѣльныя личности, признаютъ истину, справедливость и нравственность за основу своихъ отношеній ко всѣмъ людямъ, независимо отъ расы, религіи или національности". Однако въ общемъ Марксъ и Энгельсъ касаются этической основы соціализма рѣдко и туманно. Сюда относится, напр., извѣстное замѣчаніе Энгельса о „нравственности, стоящей выше классовыхъ противорѣчій и всякихъ воспоминаній о нихъ, нравственности истинно человѣческой" (Анти-Дюрингъ, стр. 90), при чемъ онъ считаетъ ее возможной только въ соціалистическомъ строѣ, т. е. очевидно смѣшиваетъ самую нравственную потребность и опредѣленное содержаніе ея съ осуществленіемъ общественнаго строя, основаннаго на этическихъ началахъ. Когда же онъ говоритъ въ другихъ мѣстахъ о томъ, что „каждый классъ, каждый родъ занятій имѣетъ свою собственную мораль" (О Фейербахѣ, стр. 58) и т. п., то онъ опять таки смѣшиваетъ нравственность и нравы.

хорошо удовлетворяющій извѣстному назначенію и производимый небольшимъ количествомъ труда, отвергается и замѣняется для удовлетворенія чувству тщеславія другимъ предметомъ, который спеціальному своему назначенію удовлетворяетъ не лучше или даже гораздо хуже отвергаемаго предмета, но стоитъ обществу гораздо большаго количества труда. Весь этотъ излишекъ труда составляетъ неразсчетливую растрату его или убытокъ для общества". Такъ напр., драгоцѣнные камни, по Чернышевскому, гораздо меньше украшаютъ, чѣмъ простые цвѣты, такъ что „бриллiантовый уборъ нуженъ не для того, чтобы придавать красивость фигурѣ человѣка, а только для того, чтобы удовлетворять чувству тщеславія", такъ какъ бриллiанты не всѣмъ доступны. Чернышевскій сравниваетъ также любителей роскоши съ человѣкомъ, который для поѣздки изъ Петербурга въ Москву пользуется не желѣзной дорогой, какъ всѣ, а собственной каретой или даже для пущаго эффекта, покупаетъ яхту, ѣдетъ кругомъ Европы, потомъ, проѣхавъ Дарданеллы, поднимается вверхъ по Днѣпру и т. д. „Каждый предметъ роскоши, говоритъ онъ, есть своего рода маленькая или большая яхта для поѣздки изъ Петербурга въ Москву способомъ, недоступнымъ для обыкновенныхъ людей". (VII, 68—69).

Понятно поэтому, что „весь трудъ, употребленный на производство продуктовъ, стоимость которыхъ выше другого сорта тѣхъ же продуктовъ, удовлетворительнаго для здоровья, надобно назвать непроизводительнымъ при настоящемъ положеніи общества, когда нѣкоторые изъ его членовъ еще имѣютъ недостатокъ въ продуктахъ, необходимыхъ для здороваго образа жизни. Каждая индѣйка, покупаемая въ Петербургѣ за 3 руб. сер., отнимаетъ у общества пудъ говядины, потому что ея производство взяло столько же времени, сколько бы нужно для произведенія пуда говядины. Каждый аршинъ сукна, цѣною въ 10 руб. сер., отнимаетъ у кого-нибудь теплую шубу, потому что на производство этого аршина сукна потрачено время, которое было бы достаточно для производства простой, но теплой шубы" (VI, 32. См. также VII, 65). „Такимъ образомъ, если нація употребляетъ половину своего рабочаго времени на производство предметовъ роскоши, когда не удовлетворены надлежащимъ образомъ первыя потребности всѣхъ ея членовъ, она расточаетъ половину своего времени непроизводительнымъ образомъ,

она поступаетъ подобно человѣку, который сталъ бы голодать половину дней, чтобы имѣть роскошный столъ въ другіе дни, который тратилъ бы на перчатки половину своего дохода и мерзнулъ бы зимою безъ теплой одежды" (VI,32—33. См. VII, 86—87).

Какъ ни убѣдительны на первый взглядъ эти дышащія истиннымъ гуманизмомъ строки, нетрудно однако показать, что въ нихъ по преимуществу цѣненъ именно гуманизмъ, проникающее ихъ этическое чувство, а не ихъ логическая сторона. Прежде всего, хотя предметы роскоши очень часто характеризуются тѣмъ, что потребности людей удовлетворяются ими гораздо дороже, чѣмъ слѣдуетъ, и потому они являются, по выраженію Чернышевскаго, общественными дурачествами, но такъ бываетъ далеко не всегда. Большая часть изысканныхъ потребностей людей, даже при помощи отсутствія тщеславія съ ихъ стороны, не можетъ быть удовлетворена дешевыми предметами. Если человѣкъ любитъ хорошую живопись или музыку, если онъ хочетъ имѣть круглый годъ на своемъ столѣ живые цвѣты или пить токайское вино, то удовлетвореніе этихъ потребностей стоитъ дорого, и общедоступныя вещи, лубочныя картинки, грамофонъ или водка для этого не подходятъ. Да и самъ Чернышевскій, собственно говоря, имѣетъ въ виду не абсолютную невыгодность и ненужность предметовъ роскоши, а ихъ, такъ сказать, относительную незаконность и нежелательность, при неудовлетворенности болѣе необходимыхъ потребностей другихъ людей. Однако, единственнымъ аргументомъ его при этомъ служитъ аналогія между обществомъ и отдѣльнымъ человѣкомъ, которому благоразуміе совѣтуетъ сперва удовлетворить свои необходимыя потребности и только потомъ болѣе изысканныя. Но, разумѣется, сравненіе не доказательство. Общество вовсе не организмъ, имѣющій единый центръ сознанія; одна его часть можетъ наслаждаться предметами роскоши несмотря на то, что другая гибнетъ отъ голода и холода [1]).

---

[1]) Проф. Бэло въ своемъ интересномъ этюдѣ о роскоши отчетливо устанавливаетъ двѣ различныя точки зрѣнія на роскошь, которыя смѣшиваются Чернышевскимъ: индивидуально-біологическую, при которой роскошью называется всякое нарушеніе нормальнаго порядка удовлетворенія потребностей, предпочтеніе второстепенныхъ насущнымъ,—и соціальную, когда роскошью слѣдуетъ называть „всякое удовлетвореніе потребностей, недоступное любому члену даннаго

Итакъ, разсужденія о томъ, что предметы роскоши сами по себѣ невыгодны, удовлетворяя данную потребность съ большимъ количествомъ труда, чѣмъ нужно, что они всегда связаны съ патологическимъ чувствомъ тщеславія, эти разсужденія Чернышевскаго нельзя признать удовлетворительными, и потому они не могутъ обосновывать что бы то ни было, а значитъ и этическія воззрѣнія [1]). Но эта ошибка не мѣшала Чернышевскому твердо держаться истинныхъ принциповъ этики, развивая ихъ въ цѣлую систему при помощи вышеизложенныхъ психологическихъ соображеній объ общихъ условіяхъ человѣческаго счастья. Если всѣ члены общества имѣютъ равное право на жизнь и ея блага и если для осуществленія этого права необходимо обезпечить удовлетвореніе необходимыхъ, а затѣмъ и болѣе изысканныхъ потребностей и возможность всесторонняго интеллектуальнаго развитія, то нормальный общественный строй именно таковъ, какъ его рисуетъ Чернышевскій. Прежде всего для всѣхъ членовъ общества должны производиться и доставляться необходимые предметы, а затѣмъ, въ мѣру общественныхъ силъ и средствъ, предметы комфорта и, наконецъ, роскоши. Мы уже видѣли такого рода разсужденія Чернышевскаго;

общества, получающему средній доходъ" (Этюды позитивной морали. Изд. „Міръ". СПб. 1909).

[1]) Столь же неудовлетворительны математическія доказательства принципа равенства (VI, 13). Но изъ этого не слѣдуетъ, что принципъ равноправія людей не можетъ быть обоснованъ утилитарно. Напротивъ, это возможно прежде всего съ эволюціонной точки зрѣнія. Мы уже говорили, что согласно эволюціонной теоріи нравственныя чувства произошли изъ необходимости солидарности и взаимной поддержки членовъ общества въ его борьбѣ за существованіе. Съ такимъ же правомъ можно обосновать и этическую равноцѣнность людей, какъ единственно возможное общее содержаніе нравственнаго принципа (въ виду того, что въ общемъ каждому представителю вида homo sapiens свойственна опредѣленная сумма силъ и способностей, имѣющихъ общественную цѣнность). Объ этомъ подробно см., напр., у *Лаврова*: Современныя ученія о нравственности, Формула прогресса Михайловскаго и др., *Михайловскій*: Письма о правдѣ и неправдѣ (1878), т. IV, стр. 461, Дневникъ читателя, т. VI, 489 и др. А во-вторыхъ, можно думать, что наибольшее благосостояніе каждаго члена общества требуетъ возможности для всѣхъ другихъ людей нормальнаго развитія, такъ какъ это, съ одной стороны, устраняетъ борьбу и связанныя съ ней непріятности, а съ другой, соціальный строй, обезпечивающій такое развитіе, „избавилъ бы насъ, по остроумному выраженію Уайльда, отъ унизительной необходимости жить для другихъ" (О соціализмѣ).

приведемъ еще нѣсколько, болѣе характерныхъ. Перечисливъ необходимыя потребности людей, онъ говоритъ: „пока всѣ члены общества не имѣютъ удовлетворенія этимъ первымъ потребностямъ, трудъ, обращаемый на производство предметовъ, служащихъ на удовлетвореніе потребностей, болѣе изысканныхъ и менѣе важныхъ для здоровья, употребляется неразсчетливо, убыточно, непроизводительно“ (VI, 31—32). „Всѣ ли въ этомъ обществѣ ѣдятъ пшеничный хлѣбъ? спрашиваетъ Чернышевскій въ другомъ мѣстѣ. Всѣ ли имѣютъ мясо, когда захотятъ? Если всѣ,—общество можетъ употребить излишекъ своихъ средствъ на пріобрѣтеніе спаржи зимою. Всѣ ли жилища въ этомъ обществѣ снабжены порядочною мебелью? Если всѣ,—оно можетъ выдѣлывать бронзовыя украшенія. Зимняя спаржа и бронза—вещи прекрасныя и очень приличныя ему. Но если нѣтъ, если оно не развило въ такой мѣрѣ своихъ производительныхъ силъ, то спаржа зимою и бронза для него преждевременны...“ (VII, 66).

Тотъ же характеръ имѣютъ разсужденія Чернышевскаго о надлежащихъ формахъ правового строя. Онъ ставитъ государственной дѣятельности, какъ мы увидимъ, двѣ нормы: во-первыхъ, „здравый разсудокъ, главное правило котораго: берись только за то, что возможно“; „второю нормой для опредѣленія границъ государственнаго вмѣшательства служитъ справедливость. Что такое справедливость, говоритъ Чернышевскій, объ этомъ много спорятъ разныя философскія и экономическія теоріи. Но если читатель согласенъ съ нами, что человѣкъ долженъ смотрѣть на все человѣческими глазами, онъ легко сдѣлаетъ выборъ между разными рѣшеніями. Справедливо то, что благопріятно правамъ человѣческой личности; всякое нарушеніе ихъ противно справедливости; поэтому отстраненіе всего противнаго человѣческимъ правамъ требуется справедливостью“ (IV, 462). Поэтому задачей государства должно быть, по Чернышевскому, какъ противодѣйствіе несправедливостямъ, такъ и положительное содѣйствіе нормальному, справедливому общественному строю.

Тотъ же этическій принципъ лежитъ въ основѣ его требованія равнаго права трудящихся на землю, и вообще, какъ мы увидимъ, онъ руководилъ Чернышевскимъ во всѣхъ его построеніяхъ, такъ сказать, прикладной общественной науки: въ его критикѣ существующихъ хозяйственныхъ и правовыхъ формъ и въ его планахъ надлежащаго экономическаго

и государственнаго строя. „Благо человѣка“, вотъ, по Чернышевскому, „общая норма для оцѣнки всѣхъ фактовъ общественной жизни и частной дѣятельности“ (IV, 428).

Болѣе того. Эту этическую, общечеловѣческую точку зрѣнія Чернышевскій выставляетъ не только для прикладной, но и для чисто теоретической науки. Наука, говоритъ онъ, „должна быть представительницей человѣка вообще“ (VI, 35); „наука смотритъ на всѣ предметы съ точки зрѣнія общечеловѣческой или общественной“ (VII, 149). Задача всѣхъ общественныхъ наукъ „служить благу человѣка“ (VI, 11). Въ частности, „политическая экономія, если имѣетъ претензію на имя науки, конечно, должна разсматривать предметъ съ общей точки зрѣнія, имѣть въ виду выгоды общества, націи, человѣчества, а не какой-нибудь частной корпораціи“ (VI, 31). Но здѣсь Чернышевскій не только недостаточно разграничиваетъ прикладную науку отъ теоретической, ставящей свои задачи независимо отъ практическихъ цѣлей, но и упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что въ прикладной наукѣ кромѣ общечеловѣческой точки зрѣнія могутъ быть и иныя: узко-національныя, классовыя и т. п. Такъ, существуетъ цѣлый рядъ работъ, оцѣнивающихъ событія и учрежденія съ точки зрѣнія данной народности или класса, указывающихъ при помощи безпристрастныхъ данныхъ статистики, психологіи и общественной науки способы для защиты и усиленія абсолютизма, для огражденія частной собственности, и т. п. Несомнѣнно, что самъ Чернышевскій стоитъ на общечеловѣческой, этической точкѣ зрѣнія, но, можетъ быть, именно вслѣдствіе подчиненія теоретической науки этой точкѣ зрѣнія, онъ не разъ пытался, какъ мы видѣли, объективно доказать то, что является лишь субъективнымъ требованіемъ опредѣленныхъ лицъ и классовъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Эстетическіе взгляды Чернышевскаго. Опредѣленіе прекраснаго. Прекрасное въ дѣйствительности и въ искусствѣ. Задачи искусства.

ЛИТЕРАТУРА. *Антоновичъ.* Современная эстетическая теорія „Современ.", 1865, III; *Немировскій.* Наши идеалисты и реалисты Спб., 1867. *Писаревъ.* Разрушеніе эстетики (IV т. собр. соч.). *Случевскій.* Явленія русской жизни подъ критикой эстетики. Спб., 1866, вып. II и III, *Соловьевъ.* Искусство и жизнь. М., 1869. *Боборыкинъ.* Красота, жизнь и творчество. „Вопросы философіи и психологіи" 1893, ок. I и II *Полянскій.* Литературныя замѣтки. „Сѣв. Вѣстн." 1892, VII. *Протопоповъ.* Этика и эстетика. „Русск. Мысль" 1893, IV. *Соловьевъ В. С.* Первый шагъ въ положительной эстетикѣ. (1894), VI т. собр. соч. *Скабичевскій.* Исторія новѣйшей русской литературы. Спб., 1897. *Головинъ.* Русскій романъ и русское общество. *Аничковъ.* Литературные образы и мнѣнія. Спб., 1904. *Бельтовъ.* За 20 лѣтъ. Спб., 1905.

Разсмотримъ въ заключеніе эстетическое ученіе Чернышевскаго, изложенное имъ въ критической статьѣ по поводу перевода соч. Аристотеля „О поэзіи" („Отеч. Записки", 1854), въ его диссертаціи: „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности" и въ его собственной рецензіи на нее (1855).

Чувство красоты и потребность эстетическихъ наслажденій, присущія людямъ, удовлетворяются воспріятіемъ прекраснаго. „Ощущеніе, производимое въ человѣкѣ прекраснымъ, говоритъ Чернышевскій,—свѣтлая радость, похожая на ту, какою наполняетъ насъ присутствіе милаго для насъ существа. Мы безкорыстно *любимъ* прекрасное, мы любуемся, радуемся на него, какъ радуемся на милаго намъ человѣка. Изъ этого слѣдуетъ, что въ прекрасномъ есть что-то милое, дорогое нашему сердцу. Но это „что-то" должно быть нѣчто чрезвычайно многообъемлющее, нѣчто способное принимать самыя разнообразныя формы, нѣчто чрезвычайно общее, потому что прекрасными кажутся намъ предметы чрезвычайно разнообразные, существа совершенно непохожія другъ на друга" (X, II, 88). Найти общій объективный принципъ прекраснаго и составляетъ основную задачу эстетики. Для Чернышевскаго она рѣшается такъ. „Прекрасное, говоритъ онъ, есть жизнь; прекраснымъ существомъ кажется человѣку то существо, въ которомъ онъ видитъ жизнь, какъ онъ ее понимаетъ;

прекрасный предметъ тотъ предметъ, который напоминаетъ ему о жизни" (X, II, 162).

Это опредѣленіе, по его мнѣнію, „удовлетворительно объясняетъ всѣ случаи, возбуждающіе въ насъ чувство прекраснаго". Такъ, „въ описаніяхъ красавицы въ народныхъ пѣсняхъ не найдется ни одного признака красоты, который не былъ бы выраженіемъ цвѣтущаго здоровья и равновѣсія силъ въ организмѣ, всегдашняго слѣдствія жизни въ довольствѣ, при постоянной и нешуточной, но не чрезмѣрной работѣ. Совершенно другое дѣло свѣтская красавица; уже нѣсколько поколѣній предки ея жили не работая руками; при бездѣйственномъ образѣ жизни, крови льется въ оконечности мало; съ каждымъ новымъ поколѣніемъ мускулы рукъ и ногъ слабѣютъ, кости дѣлаются тоньше; необходимымъ слѣдствіемъ всего этого должны быть маленькія ручки и ножки; онѣ—признакъ такой жизни, которая одна и кажется жизнью для высшихъ классовъ общества, жизни безъ физической работы; если у свѣтской женщины большія руки и ноги, это признакъ или того, что она дурно сложена, или того, что она не изъ старинной хорошей фамиліи. Поэтому же самому у свѣтской красавицы должны быть маленькія ушки. Мигрень, какъ извѣстно, интересная болѣзнь—и не безъ причины: отъ бездѣйствія кровь остается вся въ среднихъ органахъ, приливаетъ къ мозгу; нервная система и безъ того уже раздражительна отъ всеобщаго ослабленія въ организмѣ; неизбѣжное слѣдствіе всего этого—продолжительныя головныя боли и разнаго рода нервическія разстройства; что дѣлать, и болѣзнь интересна, чуть не завидна, когда она—слѣдствіе того образа жизни, который намъ нравится. Здоровье, правда, никогда не можетъ потерять своей цѣны въ глазахъ человѣка, потому что и въ довольствѣ, и въ роскоши плохо жить безъ здоровья; вслѣдствіе того, румянецъ на щекахъ и цвѣтущая здоровьемъ свѣжесть продолжаютъ быть привлекательными и для свѣтскихъ людей; но болѣзненность, слабость, вялость, томность также имѣютъ въ глазахъ ихъ достоинство красоты, какъ скоро кажутся слѣдствіемъ роскошно-бездѣйственнаго образа жизни" (X, II, 89).

Но „если жизнь и ея проявленія—красота, то очень естественно, что болѣзнь и ея слѣдствія—безобразіе". Дурное сложеніе и некрасивыя черты лица являются, по мнѣнію Чернышевскаго, также указаніемъ на болѣзнь. „Худо сло-

женный человѣкъ—до нѣкоторой степени искаженный человѣкъ; его фигура говоритъ намъ не о жизни, не о счастливомъ развитіи, а о тяжелыхъ сторонахъ развитія, о неблагопріятныхъ обстоятельствахъ". Точно также „черты лица некрасивы бываютъ въ томъ случаѣ, когда лицевыя кости дурно организованы, когда хрящи и мускулы въ своемъ развитіи болѣе или менѣе носятъ отпечатокъ уродливости, т. е. когда первое развитіе человѣка совершалось въ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ" (X, II, 91). Не буду останавливаться на дальнѣйшихъ разсужденіяхъ Чернышевскаго о томъ, что красота животныхъ опредѣляется тѣми же признаками, при чемъ животныя, напоминающія уродство людей (ящерица, черепаха и т. п.), кажутся намъ отвратительными; что „въ растеніяхъ намъ нравится свѣжесть цвѣта и роскошность, богатство формъ, обнаруживающія богатую силами, свѣжую жизнь. Увядающее растеніе нехорошо; растеніе, въ которомъ мало жизненныхъ соковъ, нехорошо" и т. п.

Чернышевскій подробно доказываетъ далѣе, что прекрасное въ дѣйствительности выше прекраснаго въ искусствѣ, а потому искусство имѣетъ своею цѣлью не восполненіе недостатковъ прекраснаго въ дѣйствительности, а воспроизведеніе всего того, что есть интереснаго для человѣка въ жизни, а также объясненіе явленій жизни и приговоръ надъ ними. Мы разсмотримъ эти разсужденія Чернышевскаго ниже, а пока остановимся на его опредѣленіи прекраснаго.

Это опредѣленіе охватываетъ огромное число случаевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ оно указываетъ на корень самой идеи прекраснаго, несомнѣнно выросшей въ связи съ ощущеніемъ полноты и богатства жизни. Однако положеніе Чернышевскаго вызываетъ и цѣлый рядъ возраженій, по крайней мѣрѣ, въ той формѣ, въ какой оно у него выражено. Прежде всего мы находимъ красоту и въ мертвой неорганической природѣ, напримѣръ, въ скалахъ на берегу моря или въ горахъ. Чернышевскій слишкомъ легко соглашается съ „курсами эстетики", что „красоту въ природѣ составляетъ то, что напоминаетъ человѣка". (X, II, 91). Вѣдь Монбланъ или Тирольскія Альпы, или заходъ солнца въ море нисколько не напоминаютъ человѣка, и тѣмъ не менѣе мы находимъ ихъ красивыми. Наоборотъ, полнота жизни и красота очень часто не бываютъ тождественны. Съ точки зрѣнія полноты жизни правильный греческій или римскій носъ, или, напр., черные волосы, не имѣютъ никакихъ преимуществъ передъ

носомъ въ видѣ пуговицы или волосами песочнаго цвѣта; маленькія и узкія, зеленовато-желтыя „глядѣлки“ столь же совмѣстимы съ полнотой жизни, какъ и большіе, черные или голубые глаза. Точно также здоровый человѣкъ можетъ быть въ то же время очень некрасивымъ, тогда какъ больной, даже умирающій, производитъ нерѣдко чарующее впечатлѣніе. Поэтому правильнѣе было бы сказать, что прекраснымъ является не жизнь сама по себѣ или ея подобіе, а то, что при воспріятіи обогащаетъ нашу жизнь, давая намъ много ощущеній при относительно небольшой затратѣ психической энергіи. Таковы правильные и разнообразные ритмы и аккорды, переливы цвѣтовъ, граціозныя движенія, а также та концентрація жизни, которая дается въ произведеніяхъ искусства.[1]) Однако и это воззрѣніе встрѣчаетъ не мало затрудненій въ частныхъ случаяхъ. Врядъ ли можно, напр., объяснить съ этой точки зрѣнія, почему изображеніе прекраснаго человѣческаго лица становится безобразнымъ при небольшомъ измѣненіи въ разстояніи между глазами, въ лицевомъ углѣ и т. п. Вообще наше понятіе о прекрасномъ создалось чрезвычайно длиннымъ и запутаннымъ историческимъ процессомъ; сюда входили и наслажденія богатыми, гармоническими воспріятіями, и оцѣнка отличій отъ ближайшихъ зоологическихъ родичей человѣка (въ особенности обезьянъ), различныя этнографическія вліянія и т. д. Отсюда почти непреоборимая трудность дать опредѣленіе прекраснаго, охватывающее всѣ частные случаи. (См. обзоръ такихъ попытокъ у Толстого, „Что такое искусство“, гл. III). Но изъ этого, разумѣется, не слѣдуетъ, что прекрасное не существуетъ или не имѣетъ значенія для искусства. Пусть мы не умѣемъ формулировать, почему тотъ или иной предметъ нравится намъ, но совершенно несомнѣнно, что одни предметы намъ кажутся прекрасными и возбуждаютъ свѣтлую радость, другіе — безобразными и вызываютъ отвращеніе. (Ниже мы еще коснемся эстетическихъ взглядовъ Чернышевскаго въ связи съ его соціологическимъ ученіемъ).

---

[1]) Это положеніе подробно развивается *Луначарскимъ* въ его статьяхъ: „Основы позитивной эстетики“ (Очерки реалистич. мировоззрѣнія СПБ. 1904) и „Къ вопросу объ искусствѣ“ (Этюды критическіе и полемическіе. М. 1905).

* * *

Переходимъ къ вопросу объ *искусствѣ*. Какъ сказано, Чернышевскій старается доказать, что прекрасное въ объективной дѣйствительности вполнѣ прекрасно, образы же фантазіи только блѣдная и всегда неудачная передѣлка дѣйствительности; поэтому созданія искусства ниже прекраснаго въ дѣйствительности, а значитъ искусству нечего и думать о восполненіи недостатковъ прекраснаго въ дѣйствительности. Такъ, напр., произведенія скульптуры, вопреки обычному мнѣнію, далеко уступаютъ красотѣ живыхъ людей. „Въ Петербургѣ, говоритъ Чернышевскій, нѣтъ ни одной статуи, которая по красотѣ очертаній лица не была бы гораздо ниже безчисленнаго множества живыхъ людей; надобно только пройти по какой-нибудь многолюдной улицѣ, чтобы встрѣтить нѣсколько такихъ лицъ. Въ этомъ согласится большая часть тѣхъ, которые привыкли судить самостоятельно". (X, II, 130). Точно также живопись „никогда не можетъ достичь нѣжности штриховъ, гармоничности всѣхъ мельчайшихъ видоизмѣненій въ мускулахъ, отъ которыхъ зависитъ выраженіе нѣжной радости, тихой задумчивости, легкой веселости и т. д." Если живописи и удается иногда безукоризненно сгруппировать фигуры, то „въ дѣйствительности никогда не бываетъ въ этомъ отношеніи неудачи: въ каждой группѣ живыхъ людей всѣ держатъ себя совершенно сообразно: 1) сущности сцены, происходящей между ними, 2) сущности собственнаго своего характера и 3) условіямъ обстановки". (X, II, 136). Пейзажная живопись еще болѣе уступаетъ по красотѣ подлинной природѣ. Точно также „пѣніе, какъ произведеніе искусства, только подражаніе и суррогатъ пѣнію, какъ произведенію природы." „Вся ученость гармоніи, говоритъ Чернышевскій, все изящество развитія, все богатство украшеній геніальной аріи, вся гибкость, все несравненное богатство голоса, ее исполняющаго, не замѣнитъ недостатка искренняго чувства, которымъ проникнутъ бѣдный мотивъ народной пѣсни и неблестящій малообработанный голосъ человѣка, который поетъ не изъ желанія блеснуть и выказать свой голосъ и искусство, а изъ потребности излить свое чувство" (X, II, 142). Инструментальная же музыка также является лишь подражаніемъ пѣнію, его аккомпаниментомъ. Наконецъ, что касается высшаго изъ искусствъ, поэзіи, то „по сюжету, по типич-

ности и полнотѣ обрисовки лицъ, поэтическія произведенія далеко уступаютъ дѣйствительности".[1]) Въ общемъ, „произведеніе искусства, по Чернышевскому, можетъ имѣть преимущество передъ дѣйствительностью развѣ только въ двухъ-трехъ ничтожныхъ отношеніяхъ, и по необходимости остается далеко ниже ея въ существенныхъ своихъ качествахъ".

Врядъ ли эти положенія могутъ быть признаны вполнѣ правильными. Конечно, о вкусахъ трудно спорить, но обычное мнѣніе, которымъ должна руководиться эстетика, очень далеко отъ утвержденій Чернышевскаго въ родѣ того, что въ Петербургѣ много лицъ прекраснѣе Веперъ и Аполлоновъ, что оперное пѣніе и музыка ниже обыкновеннаго безыскусственнаго пѣнія, и т. п. Чернышевскій и самъ не довольствуется этими доводами и приводитъ далѣе другое „математически строгое" доказательство того, что „произведеніе искусства не можетъ сравниться съ живымъ человѣческимъ лицомъ по красотѣ очертаній. Извѣстно, говоритъ онъ, что въ искусствѣ исполненіе всегда неизмѣримо ниже того идеала, который существуетъ въ воображеніи художника. А самый этотъ идеалъ никакъ не можетъ быть по красотѣ выше тѣхъ живыхъ людей, которыхъ имѣлъ случай видѣть художникъ. Силы „творческой фантазіи" очень ограничены: она можетъ только комбинировать впечатлѣнія, полученныя изъ опыта; воображеніе лишь разнообразитъ и экстенсивно увеличиваетъ предметъ, но интенсивнѣе того, что мы наблюдали или испытали, мы ничего не можемъ вообразить. Я могу представить себѣ солнце гораздо большей величины, нежели каково оно въ дѣйствительности; но ярче того, какъ оно являлось мнѣ въ дѣйствительности, я не могу его вообразить. Точно также я могу представить себѣ человѣка выше ростомъ, толще и т. д. нежели тѣ люди, которыхъ я видѣлъ; но лица прекраснѣе тѣхъ лицъ, которыя случалось мнѣ видѣть въ дѣйствительности, я не могу себѣ вообразить". Правда, художникъ можетъ комбинировать черты

---

[1]) X, II, 143. Вл. Соловьевъ въ своей интересной статьѣ, посвященной эстетическимъ взглядамъ Чернышевскаго, вполнѣ согласенъ съ этимъ выводомъ. Резюмируя основы диссертаціи Чернышевскаго въ двухъ положеніяхъ: „1) существующее искусство есть лишь слабый суррогатъ дѣйствительности и 2) красота въ природѣ имѣетъ объективную реальность", Соловьевъ замѣчаетъ: „*эти* тезисы *останутся*" (Первый шагъ въ положительной эстетикѣ. 1894 г., VI т. собр. соч., стр. 431).

лица различныхъ лицъ. „Но обыкновенно (?) въ лицѣ всѣ части лица почти одинаково хороши или почти одинаково дурны, такъ что художникъ, будучи доволенъ, напр., лбомъ, долженъ почти въ такой же степени остаться доволенъ и очертаніемъ носа и ртомъ“... Вообще, „нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что иногда при красотѣ всѣхъ остальныхъ частей лица одна часть его бываетъ некрасива, мы думаемъ, что обыкновенно или, лучше сказать, почти всегда подобное недовольство проистекаетъ или отъ неспособности понимать гармонію, или отъ прихотливости, которая граничитъ съ отсутствіемъ истинной, сильной способности и потребности наслаждаться прекраснымъ“. (X, II, 131).

Произвольность этихъ разсужденій бьетъ въ глаза. Совершенно непонятно, почему художникъ не можетъ скомбинировать прекрасные глаза одного человѣка съ правильнымъ носомъ другого или съ изящнымъ ртомъ третьяго, почему здѣсь необходимо руководиться правиломъ: „принимайте все или не принимайте ничего“, и т. п. Чернышевскій совершенно правъ, что элементы прекраснаго даны въ самой дѣйствительности и не могутъ быть придуманы, но онъ большей частью забываетъ о томъ, что именно творческая комбинація элементовъ прекраснаго, какъ и другихъ элементовъ, составляетъ прямую, необходимую и вполнѣ достижимую задачу искусства. Подобно тому, какъ наука не ограничивается пассивнымъ наблюденіемъ явленій, а дѣятельно анализируетъ ихъ и изслѣдуетъ соотношеніе ихъ элементовъ, чтобы такимъ образомъ понимать и предвидѣть сложныя явленія, такъ и искусство ставитъ своею цѣлью не фотографированіе дѣйствительности, не протокольное описаніе судебныхъ и иныхъ житейскихъ драмъ, а творческое воспроизведеніе жизни въ цѣляхъ наибольшей концентраціи ея и возможно большей легкости ея усвоенія. Но если мы признаемъ этотъ творческій характеръ искусства, то отсюда неизбѣжно слѣдуетъ, что его произведенія могутъ быть выше дѣйствительности въ эстетическомъ отношеніи. Вѣдь въ дѣйствительности рядомъ съ прекрасными элементами и отдѣльными сторонами могутъ стоять и безобразные, возмущающіе эстетическое чувство; искусство же можетъ воспроизвести, умножить и усилить первые и устранить или ослабить вторые, сообразно съ эстетическими требованіями. Такъ, отдѣльныя вещества человѣкъ можетъ взять только изъ природы, но чтобы сдѣлать ихъ болѣе вкусными и пи-

тательными, ему обыкновенно приходится искусственно ихъ переработать.

Все это ясно, какъ божій день; если же Чернышевскій держался иного мнѣнія, то это объясняется его предвзятымъ мнѣніемъ, навѣяннымъ Фейербахомъ, о безсиліи творческой фантазіи и ея ничтожествѣ сравнительно съ дѣйствительностью. Какъ уже говорилось, онъ стремился въ своей диссертаціи „примѣнить идеи Фейербаха къ разработкѣ основныхъ вопросовъ эстетики", такъ какъ только въ этой сферѣ и можно было познакомить русскую публику съ идеями Фейербаха. Дополняя и разъясняя задачи своей диссертаціи въ своей рецензіи на нее, Чернышевскій дѣлаетъ очень существенное заявленіе въ этомъ смыслѣ. „Когда выработаны матерьялы для новаго воззрѣнія на основные вопросы нашей науки, говоритъ онъ, и можно и должно высказать эти основныя идеи, *если еще стоитъ говорить объ эстетикѣ*". (X, II, 166; курс. Чернышевскаго). Такимъ образомъ, дѣло было не въ эстетикѣ, а въ томъ, чтобы высказать эти новыя идеи, сущность которыхъ онъ резюмировалъ такъ: „уваженіе къ дѣйствительной жизни, недовѣріе къ апріорическимъ, хотя бы и пріятнымъ для фантазіи, гипотезамъ — вотъ характеръ направленія, господствующаго въ современной наукѣ". (X, II, 85). Соотвѣтственно этому Чернышевскій и старался установить свое положеніе, что прекрасное въ дѣйствительности не можетъ быть превзойдено искусствомъ. Очевидно, однако, что это положеніе нисколько не связано съ Фейербаховскими разсужденіями о незаконности, религіозныхъ потребностей и съ „уваженіемъ къ дѣйствительности", красоты которой сохраняютъ свое полное значеніе независимо отъ того, выше онѣ или ниже, чѣмъ въ произведеніяхъ искусства. — Такимъ образомъ, для того, чтобы кое-какъ, эзоповымъ языкомъ или блѣдными намеками коснуться общихъ идей Фейербаха, Чернышевскому пришлось сдѣлать рядъ существенныхъ упущеній въ поставленной имъ частной задачѣ. Все это лишній разъ доказываетъ, что теоретическому познанію нельзя ставить постороннихъ ему, хотя бы и очень возвышенныхъ цѣлей.

* * *

Уваженіе къ дѣйствительности и ея красотамъ само по себѣ не требуетъ, чтобы искусство не ставило себѣ чисто эстетическихъ цѣлей. Разъ мы вмѣстѣ съ Чернышевскимъ

признаемъ „законными всѣ потребности человѣческаго сердца, какъ скоро замѣчаемъ ихъ всеобщность“ (X, II, 142), разъ существуетъ у людей эстетическая потребность, — искусство, удовлетворяя ее, имѣетъ самостоятельную цѣнность, оправдывающую (въ этой мѣрѣ) девизъ „искусство для искусства“. Чернышевскій и самъ выражается однажды въ этомъ смыслѣ, хотя и съ большими ограниченіями. „Эпикурейское настроеніе духа, говоритъ онъ, существуя въ жизни, имѣетъ право выражаться и въ литературѣ, которая должна обнимать собою всю жизнь. Но, прибавляетъ онъ, справедливость требуетъ сказать, что вообще эпикуреизмъ можетъ играть важную роль въ жизни только немногихъ людей, расположенныхъ къ нему по натурѣ и обставленныхъ въ жизни исключительно благопріятными обстоятельствами; потому и въ литературѣ эпикурейское направленіе можетъ приходиться по вкусу только немногимъ счастливымъ празднолюбцамъ, а для огромнаго большинства людей такая тенденція всегда казалась и будетъ казаться безвкусна или даже рѣшительно противна“. („Очерки гоголевскаго періода“ II, 273—274). Вообще Чернышевскій, въ качествѣ утилитариста, держался того мнѣнія, что „искусство для искусства мысль такая же странная въ наше время, какъ богатство для богатства, наука для науки и т. д. Всѣ человѣческія дѣла должны служить на пользу человѣку, если хотятъ быть не пустымъ и празднымъ занятіемъ... Искусство также должно служить на какую нибудь существенную пользу, а не на безплодное удовольствіе“ (I, 33). Но Чернышевскій забываетъ, что очень часто люди хотятъ именно „безплоднаго удовольствія“, а не „существенной пользы“. Это и даетъ имъ такъ называемое чистое, далекое отъ злобы дня искусство.[1]

Другое дѣло этическая и соціальная цѣнность чистаго искусства. Чернышевскій совершенно правъ, что такое ис-

1) То же можно возразить и на аналогичныя разсужденія Толстого. „Для того, чтобы опредѣлить какую либо человѣческую дѣятельность, говоритъ Толстой, надо понять смыслъ и значеніе ея. Для того же, чтобы понять смыслъ и значеніе какой либо человѣческой дѣятельности, необходимо прежде всего разсматривать эту дѣятельность самое въ себѣ, въ зависимости отъ ея причинъ и послѣдствій, а не по отношенію только того удовольствія, которое мы отъ нея получаемъ“. (стр. 311). Но смыслъ и значеніе искусства и состоитъ, между прочимъ, въ томъ, что оно доставляетъ эстетическое удовольствіе.

кусство не болѣе, какъ игра и забава. „Искусство, говоритъ онъ, большей частью служитъ прекрасною, съ тѣмъ вмѣстѣ чрезвычайно дорогою и, можетъ быть, очень благородною забавою, по все таки забавою для людей, которымъ нечего дѣлать, кромѣ того, какъ любоваться на болѣе или менѣе сладострастныя картины и статуи, да упиваться мелодіей болѣе или менѣе сладострастныхъ стиховъ“ (I, 31. См. также II, 275). Но искусство можетъ и должно, по мнѣнію Чернышевскаго, быть больше чѣмъ забавой, т. е. служить не только удовлетворенію эстетическихъ потребностей. Чернышевскій называетъ „высокимъ и благороднымъ“ взглядъ Платона, что „наука и искусство должны служить для блага человѣка“.[1])

Разсмотримъ теперь вкратцѣ взгляды Чернышевскаго на роль и значеніе искусства. „Потребность, рождающая искусство въ эстетическомъ смыслѣ слова (изящныя искусства), говоритъ Чернышевскій, есть та же самая, которая очень ясно выказывается въ портретной живописи. Портретъ пишется не потому, чтобы черты живого человѣка не удовлетворили насъ, а для того, чтобы помочь нашему воспоминанію о живомъ человѣкѣ, когда его нѣтъ передъ нашими глазами, и дать о немъ нѣкоторое понятіе тѣмъ людямъ, которые не имѣли случая его видѣть. Искусство только напоминаетъ намъ своими воспроизведеніями о томъ, что интересно для насъ въ жизни, и старается до нѣкоторой степени познакомить насъ съ тѣми интересными сторонами жизни, которыхъ не имѣли мы случая испытать или

1) Замѣчательно, что на той же точкѣ зрѣнія стоитъ В. С. Соловьевъ, въ принципѣ также признававшій этическую точку зрѣнія руководящею, но пришедшій въ другихъ отношеніяхъ къ совершенно инымъ, антисоціалистическимъ взглядамъ. „Искусство не для искусства, говоритъ онъ, а для осуществленія той полноты жизни, которая необходимо включаетъ въ себѣ и особый элементъ искусства — красоту, но включаетъ не какъ что-нибудь отдѣльное и самодовлѣющее, а въ существенной и внутренней связи со всѣмъ остальнымъ содержаніемъ жизни. Отвергнуть фантастическое отчужденіе красоты и искусства отъ общаго движенія міровой жизни, признать, что художественная дѣятельность не имѣетъ въ себѣ самой какого-то особаго высшаго предмета, а лишь *по своему*, своими средствами служитъ общей жизненной цѣли человѣчества — вотъ первый шагъ къ истинно положительной эстетикѣ. Этотъ шагъ въ русской литературѣ сдѣланъ около 40 лѣтъ тому назадъ“ (т. е. Чернышевскимъ). — „Первый шагъ въ положительной эстетикѣ“ (1894), собр. соч. т. VI, 429.

наблюдать въ дѣйствительности". (X, II, 163). — Далѣе, задачей искусства является, по мнѣнію Чернышевскаго, популяризація научныхъ знаній, что уже дѣлается и должно дѣлаться искусствомъ. „Искусство, говоритъ онъ, или лучше сказать поэзія (одна только поэзія, потому что другія искусства очень мало дѣлаютъ въ этомъ отношеніи) распространяетъ въ массѣ читателей огромное количество свѣдѣній и, что еще важнѣе, знакомство съ понятіями, вырабатываемыми наукой — вотъ въ чемъ заключается великое значеніе поэзіи для жизни... Наука сурова и незаманчива въ своемъ настоящемъ видѣ; она не привлечетъ толпы. Наука требуетъ отъ своихъ адептовъ очень много приготовительныхъ познаній и, что еще рѣже встрѣчается въ большинствѣ, — привычки къ серьезному мышленію. Поэтому, чтобы проникнуть въ массу, наука должна сложить съ себя форму науки. Ея крѣпкое зерно должно быть перемолото въ муку и разведено водою, для того, чтобы стать пищею вкусною и удобоваримою. Это достигается „популярнымъ" изложеніемъ науки. Но и популярныя книги еще не исполняютъ всего, что нужно для распространенія понятій о наукѣ въ большинствѣ публики: онѣ предлагаютъ чтеніе легкое, но не заманчивое, а большинство читателей хочетъ, чтобы книга была сладкимъ дессертомъ. Это обольстительное чтеніе представляютъ ему романы, повѣсти и т. д. Безъ всякаго сомнѣнія, очень немногіе беллетристы думаютъ, подобно Вальтеръ-Скотту, употреблять свои таланты именно для распространенія образованности между читателями. Но какъ изъ разговора съ образованнымъ человѣкомъ малообразованный всегда вынесетъ какія нибудь новыя свѣдѣнія, хотя бы разговоръ и не касался повидимому ничего серьезнаго, такъ и изъ чтенія романовъ, повѣстей, по крайней мѣрѣ историческихъ, даже стихотвореній, которыя пишутся людьми, во всякомъ случаѣ стоящими по образованности выше, нежели большинство ихъ читателей, масса публики, не читающая ничего, кромѣ этихъ романовъ и повѣстей, узнаетъ многое" (I, 34). Словомъ, „поэзія, какъ распространительница знаній и образованности, имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для жизни". (I, 35). Такъ, „романы Купера болѣе, нежели этнографическіе разсказы и разсужденія о важности изученія быта дикарей, познакомили общество съ ихъ жизнью." (X, II, 158).

Наконецъ, искусство можетъ и должно, по Чернышев-

скому, самостоятельно объяснять жизнь, быть „учебникомъ жизни“, а также произносить приговоры о явленіяхъ жизни. „Предметъ или событіе въ поэтическомъ произведеніи можетъ быть удобопонятнѣе, нежели въ самой дѣйствительности, говоритъ Чернышевскій... Интересуясь явленіями жизни, человѣкъ не можетъ, сознательно или безсознательно, не произносить о нихъ своего приговора; поэтъ или художникъ, не будучи въ состояніи перестать быть человѣкомъ вообще, не можетъ, еслибъ и хотѣлъ, отказаться отъ произнесенія своего приговора надъ изображаемыми явленіями; приговоръ этотъ выражается въ его произведеніи— вотъ новое значеніе произведеній искусства, по которому искусство становится въ число нравственныхъ дѣятельностей человѣка“. (X, II, 158).

Такимъ образомъ, задачами искусства являются, по Чернышевскому, популяризація научныхъ знаній, воспроизведеніе различныхъ интересныхъ для насъ сторонъ жизни и оцѣнка изображаемыхъ явленій. Всѣ эти задачи дѣйствительно выполняются и могутъ выполняться искусствомъ, но еще лучше служатъ для этихъ цѣлей (кромѣ развѣ послѣдней) хорошія популярныя книги, фотографіи, судебная хроника и т. п. прямыя воспроизведенія дѣйствительности. Существенная же роль искусства, его главная и основная цѣль, — если оставить въ сторонѣ удовлетвореніе эстетическихъ потребностей,—почти не затронута Чернышевскимъ, какъ, впрочемъ, и другими писателями его времени, и была геніально намѣчена лишь Толстымъ. Эта цѣль — зараженіе людей чувствами, испытанными и творчески воспроизведенными художникомъ. [1])

---

[1]) „Искусство, говоритъ Толстой, есть дѣятельность человѣческая, состоящая въ томъ, что одинъ человѣкъ, сознательно, извѣстными внѣшними знаками, передаетъ другимъ испытываемыя имъ чувства, а другіе люди заражаются этими чувствами и переживаютъ ихъ“. (стр. 317). Это чувство можетъ быть мелкимъ или высокимъ, грубымъ или утонченнымъ, дурнымъ или хорошимъ, но, какъ говоритъ Толстой, если „испытываетъ человѣкъ это чувство, заражается тѣмъ состояніемъ души, въ которомъ находится авторъ и чувствуетъ свое сліяніе съ другими людьми, — то предметъ, вызывающій это состояніе, есть искусство; нѣтъ этого зараженія, нѣтъ сліянія съ авторомъ и съ воспринимающими произведеніе, — и нѣтъ искусства“ (стр. 411). Искусство, какъ и наука, можетъ и должно играть, по Толстому, огромную роль въ общественной жизни, переводя разумное и нравственное сознаніе братства людей въ доступныя каждому человѣку чувства.

ГЛАВА III.

Соціологическое ученіе Чернышевскаго.

ЛИТЕРАТУРА. *Бестужевъ-Рюминъ.* Французскіе софизмы въ параллель съ русскими. От. Зап. 1861, VIII. — *Страховъ.* Изъ исторіи литературнаго нигилизма. СПБ. 1890. *Бельтовъ (Плехановъ)* Н. Г. Чернышевскій. Соц.-дем. 1890 г., № I. *Кричевскій.* Памяти Н. Г. Чернышевскаго. (1899). Къ 10-лѣтію смерти Чернышевскаго. Раб. мысль 1899. *Андреевичъ.* Опытъ философіи русской литературы. СПБ. 1905. *Драгомановъ.* Герценъ, Бакунинъ, Чернышевскій и польскій вопросъ. Казань 1906. — *Ивановъ-Разумникъ.* Исторія русской общественной мысли, т. II. СПБ. 1907.

I.

Соціальная статика. Роль различныхъ общечеловѣческихъ потребностей. Классовая борьба.

Мы разсмотрѣли ученіе Чернышевскаго о человѣкѣ, какъ объ отдѣльной личности, хотя и въ этомъ ученіи онъ не могъ, разумѣется, игнорировать общественныхъ элементовъ психики человѣка. Переходимъ теперь къ его ученію объ обществѣ. Его соціологическіе взгляды не были имъ систематически изложены. Въ 60-е годы онъ написалъ рядъ цѣнныхъ историческихъ очерковъ, главнымъ образомъ по исторіи Франціи, а также любопытную статью „О принципахъ паденія Рима", не считая отрывочныхъ, но очень цѣнныхъ замѣчаній по теоріи прогресса, о значеніи національности и т. д. Послѣ ссылки, Чернышевскій посвятилъ соціологическимъ вопросамъ рядъ статей въ видѣ приложенія къ переводу исторіи Вебера, подъ общимъ заглавіемъ „Очеркъ научныхъ понятій по нѣкоторымъ вопросамъ всеобщей исторіи". Мы постараемся дать систематическое изложеніе его соціологическаго ученія, отмѣчая эволюцію его взглядовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они не сразу вылились въ окончательной формѣ.

„Вліянія, подъ которыми идетъ жизнь людей, дѣлятся на два разряда, говоритъ Чернышевскій: — къ одному принадлежатъ вліянія внѣшней природы, къ другому вліянія отношеній между самими людьми" (X, II, 188). „Быть и событія людей, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, опредѣляются отчасти внѣшними фактами, независимыми

отъ ихъ качествъ, отчасти собственными ихъ качествами". (X, II, 132).

Ученіе Чернышевскаго о вліяніи внѣшней природы представляетъ или элементарныя географическія истины (напримѣръ, въ его статьѣ о „Климатахъ" въ X т. 2 ч.) или очень цѣнныя и интересныя положенія о зависимости общественнаго производства отъ природы, о законѣ убывающаго плодородія почвы и т. д., которыя будутъ разсмотрѣны ниже въ связи съ его критикой теоріи Мальтуса. Сейчасъ мы займемся вліяніемъ „собственныхъ качествъ" людей и отношеній между ними.

„Общественная жизнь, говоритъ Чернышевскій, есть сумма индивидуальныхъ жизней". (IV, 327). „Качества какой бы то ни было группы людей, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — совокупность качествъ отдѣльныхъ людей, изъ которыхъ она состоитъ. Потому знанія о качествахъ этой группы—только совокупность знаній объ индивидуальныхъ качествахъ людей, составляющихъ ее". (X, II, 132). Такъ что „всякая перемѣна въ народной жизни — сумма перемѣнъ въ жизни отдѣльныхъ людей, составляющихъ націю". (X, II, 170). Мы видѣли, что въ индивидуальной жизни потребности людей составляютъ постоянные и важнѣйшіе мотивы ихъ поступковъ, а потому въ нихъ и лежитъ ключъ къ объясненію явленій общественной жизни. Этой точки зрѣнія въ общемъ держится и Чернышевскій, несмотря на исповѣдуемые имъ гедонистическія воззрѣнія (по которымъ движущимъ мотивомъ поведенія людей является представленіе удовольствія и разсчетъ выгоды).

Въ общемъ, для массы населенія (если исключить эпохи трудной борьбы съ сосѣдями, когда потребность во внѣшней безопасности важнѣе всѣхъ другихъ) на первомъ планѣ стоитъ удовлетвореніе основныхъ матеріальныхъ потребностей: въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ и т. д. Это и указываетъ Чернышевскій въ особенности въ статьяхъ по исторіи Франціи 19 вѣка.[1]) Такъ, французскій народъ, по его словамъ, дорожилъ учрежденіями, созданными французской революціей, „потому что они улучшили его матеріальное положеніе сравнительно съ тою гульбою, какую имѣлъ онъ въ прежнія времена. Но, съ другой стороны улучшеніе,

---

[1]) „Борьба партій при Людовикѣ XVIII и Карлѣ X" (1858 г., IV т.). „Іюльская монархія" (1860, VI т.) и „Кавеньякъ" (1858 г., IV т.).

хотя и очень чувствительное, не было такъ велико, чтобы масса народа была очень довольна своимъ настоящимъ". (IV, 202). Революція 1789 года, говорится въ другомъ мѣстѣ, „не исполнила всѣхъ надеждъ, ею возбуждавшихся: не уничтожила бѣдности народа, давъ ему политическія права" (VI, 128). Поэтому въ дальнѣйшей исторіи Франціи эти неудовлетворенныя или плохо удовлетворенныя потребности массы стояли на первомъ планѣ и играли громадную роль въ ходѣ событій. „Источникомъ всей силы, какую имѣло то или другое французское правительство, говоритъ Чернышевскій, была надежда массы, что оно благопріятно для нея; недовольство ея своимъ положеніемъ было всегда причиной катастрофъ". Такъ, французскіе простолюдины „давали силу Наполеону (первому), пока считали его своимъ защитникомъ отъ возвращенія стараго порядка дѣлъ. Когда они убѣдились, что Наполеонъ дѣйствуетъ въ свою, а не въ ихъ пользу, они покинули его, и только это охлажденіе массы къ Наполеону дало возможность низвергнуть его въ 1814 году". (VI, 126). Точно также, по мнѣнію Чернышевскаго, Бурбоны (Людовикъ XVIII и Карлъ X) сдѣлали крупную, роковую для нихъ ошибку, не вступивъ въ союзъ съ народомъ посредствомъ заботъ о его нуждахъ. „Забота о его матеріальномъ благосостояніи, говоритъ Чернышевскій, была бы совершенно достаточной приманкой для пріобрѣтенія его преданности Бурбонамъ... Чтобы купить его любовь, довольно было одной той политики, которой слѣдуетъ каждое дѣльное правительство и въ самодержавныхъ, и въ конституціонныхъ, и въ республиканскихъ государствахъ, довольно было заботы о возвышеніи благосостоянія въ низшихъ классахъ, отъ котораго, какъ извѣстно, зависятъ и увеличеніе государственныхъ доходовъ, и внѣшнее могущество государства". (IV, 197). Но Бурбоны не захотѣли заняться народными нуждами; въ то же время изъ двухъ боровшихся тогда партій, феодаловъ и буржуазіи, династія вступила въ „напрасный союзъ" съ партіей (феодаловъ), „отъ торжества которой не могла она желать никакой пользы для себя, противъ партіи (буржуазіи), искренно желавшей союза съ династіей, выгоднаго для династіи". Въ результатѣ — іюльская революція 1831 года, изгнаніе Бурбоновъ и воцареніе Людовика Филиппа.

Съ нимъ, а затѣмъ съ Кавеньякомъ и, такъ назыв., „чистыми республиканцами" повторяется та же самая исторія;

пренебреженіе къ важнѣйшимъ интересамъ массы приводитъ къ непопулярности правительства, а потомъ и къ низверженію его. Въ этомъ отношеніи особенно поучительна, по словамъ Чернышевскаго, революція 1848 года и диктаторство Кавеньяка (чему онъ посвящаетъ особую статью). „Большинство Временнаго Правительства (весною 1848 г.), говоритъ онъ, состояло изъ людей, желавшихъ ограничить переворотъ 24 февраля чисто политическими преобразованіями, безъ измѣненій въ гражданскихъ отношеніяхъ между классомъ капиталистовъ, съ одной стороны, классомъ, живущимъ наемной работой, съ другой стороны, — эти измѣненія казались невозможными большинству Временнаго Правительства, а между тѣмъ ихъ требовали парижскіе работники, поддерживаемые полнымъ сочувствіемъ своихъ сотоварищей по всей Франціи... Работники, продолжаетъ Чернышевскій, увлекались вовсе не теоретическими разсужденіями о качествахъ республиканской формы политическаго устройства, — они хотѣли существенныхъ измѣненій въ своемъ матеріальномъ бытѣ, и когда республиканцы, достигшіе власти ихъ силой, показали видъ, что хотятъ ограничиться измѣненіемъ политической формы, работники потребовали отъ нихъ на другой же и на третій же день послѣ побѣды принятія мѣръ къ улучшенію матеріальнаго положенія низшихъ классовъ“. Уступая этимъ требованіямъ, Временное Правительство лицемѣрно провозгласило въ особомъ декретѣ право на трудъ и устроило, такъ назыв., національныя мастерскія, главнымъ образомъ съ цѣлью заткнуть ротъ рабочимъ и въ то же время дискредитировать соціалистическія идеи Луи-Блана. Мы не можемъ останавливаться на исторіи этихъ мастерскихъ, представляющей, по словамъ Чернышевскаго, „самый печальный и вмѣстѣ самый нелѣпый эпизодъ въ печальной исторіи столь обильныхъ нелѣпостями событій, послѣдовавшихъ за февральской революціей“. (IV, 8—9). Какъ извѣстно, дѣло кончилось тѣмъ, что чистые республиканцы, укрѣпивъ свою власть, закрыли національныя мастерскія, выбросивъ на улицу 150 тысячъ человѣкъ. Вслѣдствіе этого вспыхнуло страшное трехдневное іюньское возстаніе парижскихъ рабочихъ, съ большимъ трудомъ подавленное Кавеньякомъ. — Точно также успѣхъ Наполеона III, по Чернышевскому, объясняется тѣмъ, что онъ „умѣлъ возбудить въ массахъ надежду, что займется общественными преобразованіями для улучшенія

матеріальнаго быта". (V, 496. См. также о революціи въ Австріи въ 1848, VIII, 93).

Тѣ же взгляды на преобладающее значеніе матеріальныхъ потребностей мы находимъ въ „Политическихъ хроникахъ" Чернышевскаго, относящихся къ борьбѣ Италіи за національную независимость и объединеніе. Если бы масса взялась за эту борьбу, она легко бы одолѣла Австрію. „Сардинія, Ломбардія, Венеція, Тоскана, Парма и Модена, Легатства—эти земли вмѣстѣ имѣютъ болѣе 15 милліоновъ населенія; какая армія въ состояніи бороться противъ 15 милліоновъ людей?" Но „поселяне сѣверной Италіи,—говоритъ Чернышевскій, — далеко не раздѣляли энтузіазма, съ которымъ желали изгнанія австрійцевъ горожане и высшія сословія. Они если желали перемѣнъ, то не въ правительствѣ, а въ своихъ поземельныхъ отношеніяхъ". Поэтому въ борьбѣ за итальянскую свободу и единство „дѣйствовали образованныя сословія, да нѣкоторые классы горожанъ, т.-е. горсть людей, только сотни тысячъ, а остальные четырнадцать съ половиной милліоновъ, покинутые безъ вниманія къ ихъ потребностямъ предводителями движенія, равнодушно смотрѣли на это движеніе къ цѣлямъ, не затрагивавшихъ бѣдныхъ потребностей бѣдной массы — ихъ поселянъ и городскихъ простолюдиновъ, и говорили: „пусть раздѣлываются между собой, какъ знаютъ, это не наше дѣло: о насъ никто не заботится, намъ никто не желаетъ пользы,—что же намъ-то хлопотать о нихъ?"[1])

Но на ряду съ матеріальными потребностями, Чернышевскій постоянно указываетъ на самостоятельное значеніе другихъ потребностей: потребности въ безопасности, въ умственной дѣятельности и т. д. Такъ, еще въ „Современникѣ" 1855 г. въ замѣткѣ о „Сборникѣ статей по классической древности" П. Леонтьева, онъ отчетливо указываетъ на первостепенное значеніе потребности въ безопасности. Въ V вѣкѣ по Р. Х., говоритъ онъ, когда Римская Имперія разрушалась, когда безопасности было мало, и по внутреннимъ безпорядкамъ, и потому, что германцы безпрестанно дѣлали свои набѣги— въ это тяжелое время мелкіе свободные землевладѣльцы принуждены были искать защиты и помощи у богатыхъ

---

[1]) „Политическая хроника" 1859 г., V, 362—365. См. также стр. 232. Мы увидимъ ниже, что потребность національнаго единства вовсе не была такъ слаба въ данномъ случаѣ, какъ ее изображаетъ Чернышевскій.

людей, которымъ передавались вмѣстѣ съ своимъ имуществомъ; такимъ образомъ образовался классъ колоновъ или поселянъ, бывшихъ во власти частныхъ людей. Еще въ обширнѣйшихъ размѣрахъ происходило подобное явленіе во время распаденія имперіи Карла Великаго. Безпорядки и потрясенія этой тяжелой эпохи были такъ невыносимы для слабыхъ, что „свободные люди, владѣвшіе небольшими участками земли, обращались къ болѣе сильнымъ, избирали ихъ своими покровителями и господами и давали имъ присягу въ вѣрности и покорности. Такое добровольное поступленіе одного лица въ зависимость другаго было признано правительствомъ и сдѣлалось государственнымъ постановленіемъ". Такъ произошелъ классъ вассаловъ изъ свободныхъ алодіальныхъ владѣльцевъ, потомковъ германскихъ воиновъ, получившихъ по жребію участки земли при завоеваніи страны. Можно прибавить, что до нѣкоторой степени подобныя явленія встрѣчаемъ и въ смутныя времена русской исторіи, когда поселяне и мелкіе земледѣльцы „записывались" за бояръ и монастыри, чтобы имѣть отъ нихъ защиту и участвовать въ льготахъ, которыми пользовались ихъ помѣстья и вотчины" (II, 387).

Точно также Чернышевскій заявляетъ, напр., что „современное міровоззрѣніе считаетъ науку и искусство такими же насущными потребностями человѣка, какъ пищу и дыханіе" (X, II, 181). Такимъ образомъ разнообразныя потребности людей являются движущими силами общественной дѣятельности [1]).

---

[1]) Взглядъ на потребности людей, какъ на первичные факторы общественной жизни, и классификація потребностей особенно подробно разработана П. Л. Лавровымъ въ его „Задачахъ пониманія исторіи" (гл. III—V). „Пониманіе человѣческихъ потребностей въ самомъ обширномъ значеніи этого слова оказывается условіемъ пониманія исторіи", говоритъ Лавровъ (Канунъ великихъ переворотовъ. О. З. 1879 г., I, 173). Это же воззрѣніе лежитъ у Михайловскаго въ основѣ его теоріи борьбы за индивидуальность, т.-е. за всестороннее развитіе силъ и способностей человѣка, — какъ центральной нити, „держась за которую можно себѣ объяснить возможно большее число историческихъ явленій" (Литер. воспом. и соврем. смута, т. II, 425. Ср. III, 819 и др.). См. также Лакомбъ „Соціологическія основы исторіи" (изд. Павленкова. СПБ. 1895 г.), гдѣ проводится та же точка зрѣнія. Л. Уордъ. „Психическіе факторы цивилизаціи" (есть нѣсколько русскихъ переводовъ) и др. Необходимо замѣтить, однако, что общество не есть просто сумма личностей, но и опредѣленная система организованныхъ взаимодѣйствій между ними (языкъ, право, мораль, нравы и т. д.).

* * *

Стремленіе къ удовлетворенію потребностей и къ обезпеченію этого удовлетворенія принимаетъ форму классовой борьбы въ тѣхъ обществахъ и постольку, гдѣ и поскольку средства удовлетворенія матеріальныхъ потребностей и средства ихъ производства (земля и капиталы) принадлежатъ части общества. Чернышевскій признаетъ громадное значеніе борьбы классовъ (или сословій, по его выраженію), хотя, какъ мы увидимъ ниже, онъ нерѣдко упускаетъ ее изъ виду, касаясь движущихъ силъ историческаго процесса. Говоря о нынѣшнемъ такъ назыв. трехчленномъ распредѣленіи продуктовъ, т.-е. средствъ удовлетворенія потребностей (на заработную плату, прибыль и ренту), онъ находитъ, что общество теперь дѣлится на 3 главныхъ класса: землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ, между которыми и идетъ постоянная борьба изъ-за доли продуктовъ. „Интересы ренты,— говоритъ онъ,—противоположны интересамъ прибыли и рабочей платы вмѣстѣ. Противъ сословія, которому выдѣляется рента, средній классъ и простой народъ всегда были союзниками. Интересъ прибыли противоположенъ интересу рабочей платы. Какъ только одерживаютъ въ своемъ союзѣ верхъ надъ получающимъ ренту классомъ сословіе капиталистовъ и сословіе работниковъ, исторія страны получаетъ главнымъ своимъ содержаніемъ борьбу средняго сословія съ народомъ“ (VII, 415). Въ дѣйствительности, какъ это указываетъ и самъ Чернышевскій, средній классъ и простой народъ не всегда, а только иногда, напр., передъ французской революціей, были союзниками противъ землевладѣльческаго класса[1]). „Съ той поры положеніе дѣлъ измѣнилось,—говоритъ Чернышевскій,— а съ 1830 года разрывъ буржуазіи и и народа сталъ окончательнымъ и безвозвратнымъ“. Точно также „среднее сословіе и работники издавна держатъ себя уже и въ Англіи, какъ двѣ разныя партіи, требованія которыхъ различны“ (VII, 29). Чернышевскій въ другомъ мѣстѣ очень хорошо показываетъ, что, наоборотъ, съ „высшимъ сословіемъ средній классъ, несмотря на взаимную борьбу, находится въ отношеніяхъ болѣе пріязненныхъ, нежели съ

[1]) Передъ французской революціей самъ народъ еще не замѣчалъ, по словамъ Чернышевскаго, что „его потребности не во всемъ сходны съ интересами средняго сословія, шедшаго тогда во главѣ его на общую борьбу противъ феодаловъ“ (VI, 29).

простымъ народомъ" (VI, 26). Причины этого очень просты: средній классъ снисходителенъ къ почти побѣжденному противнику, съ которымъ онъ связанъ личными отношеніями, а самое главное, что источникъ дохода тѣхъ и другихъ въ сущности одинаковъ: эксплоатація рабочихъ, такъ что „при трехчленной системѣ общество дѣлится на два сословія, интересы которыхъ оказываются прямо противоположными по вопросу о рабочей платѣ" (VII, 384), и потому борьба средняго класса въ союзѣ съ высшимъ противъ народа составляетъ „главное содержаніе" исторіи, главный ея двигатель.

Но, придавая такое важное значеніе матеріальнымъ потребностямъ и классовой борьбѣ, Чернышевскій, какъ мы увидимъ, не дѣлаетъ, однако, той ошибки, въ которую впадаетъ экономическій матеріализмъ, ставящій матеріальныя потребности вездѣ и всюду на первый планъ[1]) и считающій классовую борьбу не только главнымъ, но и единственнымъ содержаніемъ историческаго процесса[2]). Очевидно, что экономическіе интересы и экономическая дѣятельность, при всей ихъ важности для поддержанія жизни, могутъ отступать на второй планъ передъ болѣе непосредственнымъ интересомъ, — сохраненія жизни (какъ это бывало при войнѣ, въ особенности въ первобытныя времена). Вмѣстѣ съ тѣмъ столь же очевидно, что содержаніемъ исторіи является не

---

[1]) „Люди, говоритъ Энгельсъ, должны прежде всего ѣсть, пить имѣть жилище и одежду, а уже потомъ они могутъ заниматься политикой, наукой, искусствомъ, религіей и пр.; производство непосредственныхъ матеріальныхъ средствъ къ жизни и, слѣдовательно, данная ступень экономическаго развитія народа или эпохи образуетъ такимъ образомъ основу, на которой развиваются государственныя учрежденія, правовыя воззрѣнія и даже религіозныя вѣрованія данныхъ людей" (Изъ рѣчи на могилѣ Маркса. Приведено у Меринга. Объ историч. матеріализмѣ. Есть русскій переводъ).

[2]) „Исторія всякаго бывшаго доселѣ общества есть исторія классовой борьбы, говоритъ Марксъ въ самомъ началѣ своего „Коммунист. Манифеста". „Новыя событія заставили заново пересмотрѣть всю исторію, говоритъ Энгельсъ въ своей полемической книгѣ противъ Дюринга (1877 г.), просмотрѣнной также и Марксомъ,—причемъ обнаружилось, что она была исторіей борьбы классовъ" (изд. Яковенко. СПБ. 1906, стр. 11). Въ предисловіи къ „Коммунистическому Манифесту" 1883 г., Энгельсъ еще разъ повторяетъ, что „со времени первобытнаго общиннаго владѣнія землею вся исторія была исторіей классовой борьбы на различныхъ ступеняхъ общественнаго развитія" (изд. Куклина, стр. 5).

только классовая борьба изъ-за удовлетворенія матеріальныхъ потребностей, но и дѣятельность для удовлетворенія всякихъ другихъ потребностей, а также борьба общества, какъ цѣлаго, съ другими обществами, борьба различныхъ религій и т. д.

II.

Расовыя особенности. Національныя особенности. Вліяніе національной розни.

Мы говорили до сихъ поръ преимущественно объ общечеловѣческихъ мотивахъ поведенія людей, обусловливающихъ общественныя явленія и историческія событія. Но Чернышевскій подробно разсматриваетъ также *расовыя*, *національныя* и другія свойства людей, присущія болѣе или менѣе обширнымъ группамъ. Эти свойства, во-первыхъ, на ряду съ общечеловѣческими, являются мотивами поведенія людей, а во-вторыхъ, выдѣляя данную группу въ отдѣльное цѣлое, они тѣмъ самымъ противопоставляютъ ее другимъ группамъ и служатъ, такимъ образомъ, источниками особыхъ общественно-историческихъ явленій. Разсмотримъ взгляды Чернышевскаго на этотъ счетъ. [1])

Начнемъ съ вопроса о расахъ. „Насколько именно расъ дѣлятся люди—вопросъ, не имѣющій большого значенія для исторіи человѣчества, говоритъ Чернышевскій. Важны только три расы: бѣлая, желтая и черная. Если принимать какія нибудь другія расы за коренныя, то всѣ вмѣстѣ онѣ и незначительны числомъ и сравнительно неважны историческимъ значеніемъ“ (X, II, 90). Что касается вліянія расовыхъ отличій на историческій процессъ, то, по словамъ Чернышевскаго, „до сихъ поръ еще остается сильна старая привычка объяснять историческія разницы расовыми; но

[1]) Они были намѣчены еще въ 1857 г. въ критической замѣткѣ по поводу рѣчи Бабста „О нѣкоторыхъ условіяхъ, способствующихъ умноженію народнаго капитала“. (т. III, стр. 510—515), а затѣмъ въ „Примѣчаніяхъ къ Миллю“ (т. VII, стр. 18—21). По возвращеніи изъ ссылки, Чернышевскій подробно развивалъ эти взгляды въ отдѣльныхъ статьяхъ своего предисловія къ русскому переводу „Всеобщей ситоріи“ Вебера: „О расахъ“ и „О различіяхъ между народами по національному характеру“. Я пользуюсь, главнымъ образомъ, этими послѣдними статьями.

это методъ объясненій устарѣлый и дающій два очень дурныхъ результата: во-первыхъ, объясненіе, основанное на немъ, обыкновенно бываетъ само по себѣ ошибочно; во-вторыхъ, успокаиваясь на этомъ фальшивомъ, мы забываемъ искать истиннаго объясненія" (X, II, 99). Въ доказательство Чернышевскій беретъ одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ фактовъ — исторію Китая. „Въ настоящее время изъ вопросовъ о расахъ наиболѣе важны относящіеся къ желтой расѣ", говоритъ онъ, а именно вопросъ о томъ „способна или не способна пріобрѣсти очень высокое умственное и нравственное развитіе раса, къ которой принадлежитъ половина человѣческаго рода" (X, II, 93). „Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ Чернышевскій, что люди желтой расы имѣютъ какія нибудь природныя различія отъ людей бѣлой расы въ своей умственной и нравственной организаціи, потому что всякому наружному различію должно соотвѣтствовать какое-нибудь различіе и въ устройствѣ головного мозга; но связь этихъ различій, или маловажныхъ, или измѣнчивыхъ, остается еще неизслѣдованной и потому ставить ее принципомъ объясненія какихъ нибудь опредѣленныхъ фактовъ умственной или нравственной жизни, значитъ придавать важность мелочамъ и говоритъ наудачу пустяки безъ всякаго научнаго основанія" (X, II, 95). Такъ, „мнимая неподвижность быта и понятій китайцевъ была бы безъ всякаго труда понята нами въ истинномъ ея видѣ, какъ рядъ паденій цивилизаціи подъ гнетомъ варваровъ, если бы наше вниманіе не было отвлечено отъ этихъ бѣдствій произвольной фразой о неспособности желтой расы подняться выше извѣстнаго уровня цивилизаціи" (X, II, 96). Въ самомъ дѣлѣ. „Китайская исторія имѣетъ тѣ же самыя черты, какъ исторія всякаго народа при такихъ же обстоятельствахъ... Разверните исторію Китая и сосчитайте, сколько разъ въ это время подвергался онъ завоеванію варварами. Китайская исторія не неподвижность, а рядъ паденій цивилизаціи подъ гнетомъ нашествій и завоеваній варваровъ. Послѣ каждаго упадка китайцы оправлялись, успѣвали иногда подняться до прежняго уровня, иногда и выше его, но снова падали подъ ударами варваровъ. Почему варварамъ удавалось одолѣвать народъ цивилизованный и болѣе многочисленный, чѣмъ они, вопросъ, требующій особаго разъясненія, но онъ относится не къ одной китайской исторіи: бывали покоряемы сравнительно малочисленными вар-

варскими племенами и другіе цивилизованные народы; бывало это и въ Западной Азіи, и въ Европѣ" (X, II, 95). Вообще, „нельзя найти никакихъ физіологическихъ причинъ, почему бѣлый, или желтый, или черный цвѣтъ кожи могъ бы считаться благопріятнымъ или неблагопріятнымъ для высокаго развитія умственной жизни или результатомъ какого нибудь ея состоянія". (X, II, 91).

Такимъ образомъ, *расовыя* особенности, какъ таковыя, являются очень маловажнымъ, почти неимѣющимъ значенія историческимъ факторомъ.[1]) Разсмотримъ теперь значеніе *національныхъ* особенностей.

* * *

Національныя особенности заключаются въ различіяхъ или *физическаго типа* или *народнаго характера*. Но „изучая составъ тѣхъ нынѣшнихъ западно-европейскихъ націй, которыя наиболѣе многочисленны и съ очень давняго времени имѣютъ особенно важное историческое значеніе, — испанской, итальянской, французской, англійской и нѣмецкой націи, — мы видимъ, говоритъ Чернышевскій, что каждая изъ нихъ — соединеніе людей нѣсколькихъ очень различныхъ физическихъ типовъ, что каждый изъ этихъ типовъ принадлежитъ лишь меньшинству людей, составляющихъ націю, и что въ составѣ другихъ націй находится очень много людей того же типа. Правда, есть характеристики физическаго типа каждой изъ великихъ западно-европейскихъ націй, ужъ давно находящіяся въ общемъ употребле-

1) Къ тѣмъ же выводамъ пришелъ *Л. Мечниковъ* въ своей извѣстной книгѣ „Цивилизація и великія историческія рѣки" (пер. Гродецкаго, СПБ. 1898). „Повидимому, говоритъ Мечниковъ, арійцы и семиты съ болѣе или менѣе бѣлой кожей одни только среди всѣхъ, *при извѣстныхъ условіяхъ*, создавали могущественныя государства и устойчивую культуру. Но такъ какъ при другихъ условіяхъ тѣ же народы испытывали противоположныя историческія судьбы, то очевидно центръ тяжести вопроса лежитъ не въ способностяхъ, свойственныхъ ихъ расѣ, а въ какихъ то, пока не опредѣленныхъ условіяхъ". (стр. 57). Тѣхъ же взглядовъ держится *П. Бартъ* въ своей книгѣ „Философія исторіи, какъ соціологія." (СПБ. 1900). Онъ называетъ этнологическое пониманіе исторіи „неяснымъ и неосновательнымъ". (стр. 249). — Обзоръ ученія о расахъ въ связи съ занимаемой ими территоріей см. у *Лаврова*. „Опытъ исторіи мысли". Антропологическая жизнь. Отд. II, гл. 2, 1—3, стр. 623—751, женевское изд.

ніи; но каждая изъ нихъ составлена произволомъ фантазіи; главный ингредіентъ ихъ — смѣсь самохвальства націи съ злорѣчіемъ другихъ націй, бывшихъ враждебными или завидовавшими ей; къ этому курьезному сочетанію клеветы съ самохвальствомъ присоединены ученые недосмотры и недоразумѣнія". (X, II, 97). Такимъ образомъ, „классификація по физическимъ признакамъ даетъ вмѣсто народовъ болѣе широкія группы людей, лишенныя національнаго единства, состоящія изъ людей разныхъ народностей и притомъ народностей такихъ чуждыхъ одна другой по исторической своей жизни, какъ англичане и литовцы, испанцы и альбанцы". (X, II, 99).

Понятіе о народномъ *характерѣ* также очень многосложно. „Всматриваясь въ это собраніе множества предоставленій, говоритъ Чернышевскій, можно разложить ихъ на нѣсколько разрядовъ, очень неодинаковыхъ по степени своей устойчивости. Къ одному разряду относятся тѣ умственныя и нравственныя качества, которыя прямо обусловливаются различіями физическихъ типовъ; къ другому принадлежатъ разности по языку; далѣе, особые разряды образуютъ разницы по образу жизни, по обычаямъ, по степени образованности, по теоретическимъ убѣжденіямъ" (X, II, 150). Различія, прямо обусловленныя разницами физическихъ типовъ, называются *темпераментами*. При этомъ „темпераментомъ опредѣляется только степень быстроты движеній и, вѣроятно, перемѣнъ душевнаго настроенія... Но этой разницей не опредѣляется то, который изъ нихъ (людей) болѣе трудолюбивъ, и тѣмъ менѣе опредѣляется степень честности или доброжелательности того или другого; не опредѣляется даже и степень разсудительности. Торопливость или нерѣшительность — не качества темперамента, а результаты привычекъ или затруднительныхъ обстоятельствъ" (X, II, 149).

Да и то „природный темпераментъ вообще заслоняется вліяніями жизни, такъ что различить его несравненно труднѣе, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ" (X, II, 151).

Что же касается *умственныхъ способностей*, то „вся масса населенія Западной Европы, говоритъ Чернышевскій, происходитъ отъ людей одного отдѣла арійскаго семейства и должна быть признана имѣющей одинаковыя наслѣдственныя умственныя качества" (X, II, 152). „Едва ли найдется теперь историкъ, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Черны-

шевскій, который не признавалъ бы, что всѣ отдѣлы арійскаго семейства имѣли первоначально одинаковыя умственныя и нравственныя качества... Кто будетъ спорить противъ этого мнѣнія, покажетъ только свое желаніе отрицать результаты филологическихъ и археологическихъ изслѣдованій" (X, II, 143). Словомъ и различія въ умственныхъ способностяхъ, *какъ элементъ національности*, имѣетъ ничтожное значеніе. Еще менѣе значительны *моральныя* различія между націями. Вообще эти прирожденныя умственныя и нравственныя національныя особенности и общенаціональныя привычки очень измѣнчивы и неустойчивы, стушевываясь передъ вліяніемъ классоваго и сословнаго положенія, профессіи и обстоятельствъ жизни. „Умственныя и нравственныя качества, говоритъ Чернышевскій, менѣе устойчивы, чѣмъ физическія" (X, II, 147), а изъ нихъ „нравственныя качества менѣе устойчивы, чѣмъ умственныя способности" (X, II, 149). — Чернышевскій очень остроумно доказываетъ преобладающее вліяніе среды на образованіе характера. Пусть какой нибудь ребенокъ-сирота попадетъ на воспитаніе къ честнымъ трудящимся людямъ. Почти навѣрно можно сказать, что и самъ онъ станетъ такимъ же, и наоборотъ, въ семьѣ плутовъ онъ выросъ бы плутомъ.

Такимъ образомъ, вліяніе расовыхъ, національныхъ и другихъ прирожденныхъ людямъ особенностей въ общественной жизни очень ничтожно, сравнительно съ общечеловѣческими свойствами, какъ мотивами поведенія. Человѣческая исторія разсматриваетъ жизнь существъ одного и того же вида. „Разницы между ними менѣе значительны, чѣмъ однаковыя качества ихъ; тѣ вліянія, дѣйствіемъ которыхъ производятся перемѣны въ жизни этихъ существъ, обыкновенно таковы, что на каждомъ изъ нихъ отражаются приблизительно одинаковыми послѣдствіями. Беремъ для примѣра пищу. Она у разныхъ народовъ и у разныхъ сословій одного народа очень неодинакова. Есть разница и въ томъ, какое количество одинаковой пищи нужно взрослымъ людямъ неодинаковаго образа жизни для того, чтобы чувствовать себя сытыми и оставаться здоровыми. Но каждый человѣкъ ослабѣваетъ при недостаткѣ пищи, и у каждаго настроеніе души бываетъ дурнымъ, когда онъ мучится голодомъ" (X, II, 156). Такимъ образомъ, „обыкновенно мы или имѣемъ такіе разсказы о фактахъ, что ходъ событій

достаточно объясняется нашими достовѣрными знаніями объ общихъ качествахъ человѣческой природы, и нашими свѣдѣніями о состояніи народа въ данное время и подробностяхъ дѣла, или наши свѣдѣнія объ особенныхъ качествахъ народа такъ скудны и шатки, что ставить ихъ объясненіемъ фактовъ, значитъ превращать исторію въ сказку, сочиняемую нами по нашему произволу". [1])

* * *

Другое дѣло—объединеніе людей въ группы, благодаря групповымъ особенностямъ, и отношенія между этими группами. Чернышевскій довольно подробно останавливается на національной группировкѣ по языку. „Различія по языку имѣютъ громадную важность въ практической жизни, говоритъ онъ. — Люди, говорящіе однимъ языкомъ, имѣютъ склонность считать себя однимъ національнымъ цѣлымъ; когда они привыкаютъ составлять одно цѣлое въ государственномъ отношеніи, у нихъ развивается національный патріотизмъ и внушаетъ имъ болѣе или менѣе непріязненныя чувства къ людямъ, говорящимъ другими языками. Въ этомъ реальномъ отношеніи языкъ составляетъ едва ли не самую существенную черту различій между народами". (X, II, 152).

Общій выводъ Чернышевскаго слѣдующій: „часто исторія народовъ опредѣляется силами, болѣе могущественными, чѣмъ чувства національнаго единства и чувства національнаго различія. Но даже и въ такихъ случаяхъ эти чувства сохраняютъ большое вліяніе на жизнь людей". (X, II, 100). Нужно замѣтить, что Чернышевскій имѣлъ склонность переоцѣнивать значеніе экономическихъ интересовъ сравнительно съ національными чувствами. Такъ, мы видѣли, что онъ указывалъ и объяснялъ равнодушіе итальянскихъ крестьянъ къ объединенію Италіи тѣмъ, что оно не касалось ихъ матеріальныхъ нуждъ. Однако въ дальнѣйшемъ жизнь показала нѣчто иное.

---

[1]) X, II, 134. Особенно ясно выражена эта мысль въ предисловіи Чернышевскаго къ одной изъ беллетристическихъ его статей, написанныхъ въ Сибири („Потомокъ Барбаруссы"). „Разности расъ, національностей и сословій, говоритъ онъ, — факты незначительные по сравненію съ колоссальною силою общаго человѣческаго элемента, дѣйствующаго совершенно одинаково въ матеріальной и идеальной жизни каждаго человѣка". (X т. ч. 1, стр. 197).

Дѣло шло о всенародномъ голосованіи въ центральной Италіи, присоединяться ли къ Піемонту (для образованія единаго государства) или нѣтъ. Это голосованіе было предложено Франціей, надѣявшейся, что простолюдины и въ особенности поселяне центральной Италіи менѣе проникнуты стремленіемъ къ единству, чѣмъ горожане и люди образованныхъ сословій. „Въ самомъ дѣлѣ, замѣчаетъ Чернышевскій, мы постоянно читали увѣренія, что въ Тосканѣ, Моденѣ и т. д. поселяне не раздѣляютъ ненависти либераловъ къ прежнему порядку дѣлъ и, въ особенности, къ прежнему раздробленію націи на маленькія слабыя государства. Эти увѣренія слышались не отъ однихъ противниковъ итальянскаго единства: сами итальянскіе либералы сильно сомнѣвались въ томъ, пользуются ли сочувствіемъ поселянъ". Чернышевскій и самъ, какъ мы видѣли, имѣлъ большія сомнѣнія, но оказалось, „что результатъ вотированья оправдалъ эту надежду съ такою полнотою, какой не ожидали даже люди, наиболѣе увѣренные въ патріотизмѣ простолюдиновъ" (VI, 464).

То же колебаніе въ сторону матеріалистическаго и классоваго пониманія исторіи мы находимъ въ его замѣчаніяхъ по поводу спора національностей (русиновъ и поляковъ) въ Галиціи. Здѣсь дѣло идетъ, по мнѣнію Чернышевскаго, о вопросѣ, „совершенно чуждомъ племенному вопросу, — вопросѣ сословномъ. „Если мы не ошибаемся, говоритъ Чернышевскій, корень галиційскаго спора находится въ сословныхъ, а не въ племенныхъ отношеніяхъ". (VIII, 283). Въ томъ то и дѣло, что Чернышевскій ошибался, такъ какъ корень *галиційскаго* спора заключался именно въ племенныхъ отношеніяхъ, въ борьбѣ за національное самоопредѣленіе, сословныя же (т. е. классовыя) отношенія обусловливали споры другого рода.

Наконецъ, мы находимъ у Чернышевскаго очень яркое признаніе силы національныхъ стремленій въ одной его замѣткѣ о венгерскихъ дѣлахъ. Нужно только имѣть въ виду, что она написана эзоповымъ языкомъ. „Къ несчастью, говоритъ онъ, въ такъ называемыхъ національныхъ вопросахъ, — вопросахъ, чреватыхъ вредомъ для благоустроенныхъ государствъ и порожденныхъ только коварствомъ анархистовъ, прикрывающихъ себя маской патріотизма, — въ этихъ такъ называемыхъ и мнимыхъ вопросахъ о національной независимости и тому подобныхъ мечтаніяхъ, исчезаетъ

сословная разница интересовъ, и, напримѣръ, венгерскій магнатъ не стыдится подавать руку поселянину; поселянинъ же, облагодѣтельствованный австрійскимъ правительствомъ, безсовѣстно забываетъ всякую признательность къ благодѣтельной власти, по наущенію магната... Всѣ сословія венгерской націи одинаково проникнуты мечтаніями". (VIII, 428). Нужно замѣтить, что въ данномъ случаѣ дѣло шло о борьбѣ націи за ея независимость, когда національное чувство, до извѣстной степени, затушевываетъ классовыя противорѣчія. Вообще же эти противорѣчія только въ очень слабой степени заглушаются національнымъ чувствомъ, — что не мѣшаетъ послѣднему оказывать громадное вліяніе въ международныхъ отношеніяхъ.

III.

Зависимость между различными формами общественной дѣятельности. Хозяйство и право. Интересы и убѣжденія. Вліяніе преобладающаго занятія.

Удовлетвореніе большинства человѣческихъ потребностей требуетъ различныхъ видовъ общественной дѣятельности. Во-первыхъ, нужна дѣятельность, обращенная на внѣшній міръ, — хозяйство; во-вторыхъ, необходима умственная дѣятельность, указывающая средства и способы удовлетворенія потребностей; въ-третьихъ, необходимо право, т. е. нормы, правила отношеній между людьми (напр., правила пользованія землей и др. средствами производства, фабричное законодательство, законы о наслѣдствѣ и т. п.). Зависимость между различными видами общественной дѣятельности можетъ быть установлена на основаніи слѣдующихъ соображеній.

Если мы обратимся къ удовлетворенію какой нибудь потребности, то мы находимъ прежде всего дѣятельность, прямо соотвѣтствующую ей (напр., хозяйство для удовлетворенія матеріальныхъ потребностей, право для удовлетворенія потребности въ безопасности и т. д.), и затѣмъ болѣе косвенную дѣятельность (напр., право для удовлетворенія матеріальныхъ потребностей или хозяйство для удовлетворенія потребности въ безопасности и т. д.). Эта косвенная дѣятельность является служебнымъ средствомъ по отноше-

нію къ дѣятельности, прямо направленной на удовлетвореніе потребности, а потому приспособляется къ этой послѣдней. Такъ, хозяйство для удовлетворенія матеріальныхъ потребностей отчасти подчиняетъ себѣ соотвѣтствующую область права и науки и, наоборотъ, при удовлетвореніи, напр., потребности въ безопасности (или въ умственной работѣ) подчиняется праву (или наукѣ). Наоборотъ, если мы обратимся къ опредѣленной категоріи общественной дѣятельности (напр., хозяйству или праву), удовлетворяющей *различнымъ* потребностямъ, то способы и пріемы удовлетворенія одной потребности (напр., матеріальной) вліяютъ на способы и пріемы удовлетворенія другихъ.

Чернышевскій не разъ указывалъ въ своихъ историческихъ статьяхъ на подчиненіе политическихъ формъ экономическимъ. „Политическая форма, говоритъ онъ, держится только тѣмъ, когда служитъ средствомъ для удовлетворенія общественныхъ потребностей“ (IV, 3). Въ частности, „въ послѣднее время политическія формы главную свою важность имѣютъ уже не самостоятельнымъ образомъ, а только по своему отношенію къ экономической сторонѣ дѣла, какъ средство помочь экономическимъ реформамъ или задержать ихъ.“ [1])

Защита своихъ экономическихъ интересовъ и является дѣйствительнымъ стремленіемъ политическихъ партій. Такъ, во Франціи послѣ реставраціи „люди, называвшіеся роялистами, просто хотѣли возстановить привилегіи, которыми до революціи пользовалось дворянство и высшее духовенство, потому что сами эти люди были изъ высшаго дворянства. Либеральную партію составляли люди средняго сословія: купцы, богатые промышленники, потаріусы, покупщики большихъ участковъ конфискованныхъ имѣній, — словомъ, тотъ самый классъ, который позднѣе сдѣлался извѣстенъ подъ именемъ буржуазіи; революція, низвергнувъ аристо-

---

1) VI, 23. Эти положенія отчасти напоминаютъ извѣстный тезисъ Маркса: „совокупность производственныхъ отношеній образуетъ экономическую структуру общества, реальный базисъ, надъ которымъ возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соотвѣтствуютъ опредѣленныя формы общественнаго сознанія“. (Изъ предисловія „Къ критикѣ нѣкотор. полож. политической экономіи“). Но это архитектурное сравненіе Маркса гораздо хуже формулируетъ зависимость между хозяйствомъ и правомъ, чѣмъ положеніе Чернышевскаго.

кратическія привилегіи, оставила власть надъ обществомъ въ его рукахъ; онъ хотѣлъ сохранить власть. Въ той и другой партіи этимъ задушевнымъ стремленіямъ были подчинены всѣ другія отношенія, между прочимъ, и отношеніе къ королевской власти". (IV, 163).

Но признавая, какъ мы видѣли, самостоятельность другихъ общественныхъ потребностей, кромѣ экономическихъ, Чернышевскій указываетъ также на подчиненіе политическихъ отношеній не только экономическимъ интересамъ, но и этимъ другимъ потребностямъ и стремленіямъ. Такъ, онъ приводитъ слѣдующую любопытную справку о причинахъ войнъ. „Общество друзей мира, говоритъ онъ, составило перечень войнъ, веденныхъ въ Европѣ со временъ Константина до 1849 года. Что же оказывается? Изъ 286 войнъ,— 44 были начаты для завоеванія областей, 22 изъ желанія собирать военныя контрибуціи, 24 изъ мщенія за прежнія войны, 8 изъ-за споровъ о титулахъ, 6 изъ-за спора за обладаніе какими-нибудь округами, 41 изъ-за престолонаслѣдія, 30 подъ предлогомъ помощи союзнику, 28 изъ-за дипломатическаго соперничества, 28 изъ-за религіозныхъ раздоровъ. Затѣмъ остаются 60 войнъ, начатыхъ по несогласіямъ относительно гражданскаго быта и торговыхъ дѣлъ. Съ экономической точки зрѣнія, замѣчаетъ Чернышевскій, только для послѣднихъ (составляющихъ только 21% всѣхъ войнъ— М. А.) могли существовать основательныя причины". (III, 518).

Болѣе того, въ противоположность своимъ собственнымъ разсужденіямъ о подчиненномъ значеніи политической формы, Чернышевскій приводитъ примѣръ того, какъ правительство страны начинало войны въ своихъ собственныхъ цѣляхъ, подчиняя такимъ образомъ жизнь общества. Такъ объясняетъ Чернышевскій войны Наполеона I. „Во время мира, говоритъ онъ, разные либералы, революціонеры и роялисты мѣшали ему; раздѣляли съ нимъ вниманіе націи, пріобрѣтали вліяніе надъ общественнымъ мнѣніемъ,—онъ рѣшилъ, что Франція не должна имѣть мира, и велъ непрерывныя войны" (Полит. хроника 1859 г. V, 408). То же дѣлалъ и Наполеонъ III. Такъ, „существенную причину неизбѣжности войны" (Франціи съ Австріей въ 1859 году), Чернышевскій видѣлъ „въ отношеніяхъ нынѣшней французской системы къ общественному мнѣнію. Система эта чувствовала необходимость отвлечь вниманіе націи отъ внутреннихъ вопросовъ громомъ побѣдъ и упрочить себя

возобновленіемъ своей военной славы". (V, 178. См. также VI, 41 и 460, VIII, 211 и т. д.).

Вообще Чернышевскій смотритъ на правительство страны, какъ на самостоятельную, исторически сложившуюся силу. Такъ, говоря о іюльской революціи 1830 г., онъ замѣчаетъ: „три силы участвовали въ подготовленіи насильственной развязки: королевская власть, либералы и роялисты" (IV, 194), а впослѣдствіи въ ихъ пользу неожиданно вмѣшалась четвертая сила—народъ. Чернышевскій отчетливо выдѣляетъ королевскую власть отъ роялистовъ: „мы ставимъ совершенно различными силами короля и роялистовъ,—говоритъ онъ. Династія и роялисты, дѣйствуя за одно въ послѣднемъ актѣ реставраціи, вступали между собой только въ союзъ, зависѣвшій отъ временныхъ обстоятельствъ, не имѣвшій ничего неизбѣжнаго по существеннымъ интересамъ той и другой силы, совершенно различнымъ" (IV, 194). Это не значитъ, что дѣятельность правительства совершенно независима отъ существующихъ въ государствѣ классовъ. Но извѣстная доля независимости выражается не только въ томъ, что правительство можетъ преслѣдовать свои собственныя цѣли, особенно во внѣшней политикѣ, но и въ томъ, что оно, по желанію, можетъ опираться на тотъ или иной классъ, обыкновенно на одинъ изъ высшихъ классовъ [1]).

* * *

Чернышевскій подробно указываетъ также на то приспособленіе, которое существуетъ между взглядами людей и ихъ существенными интересами. „Масса людей, говоритъ Чернышевскій, имѣетъ взглядъ, сообразный съ тѣмъ, чего требуютъ ея (истинныя или только кажущіяся ей) выгоды. Возьмите какую хотите группу людей; ея образъ мыслей бываетъ внушенъ (вѣрными или ошибочными, какъ мы замѣтили, все равно) представленіями объ ея интересахъ... Такъ, напр., производители хлѣба въ каждой странѣ находятъ справедливымъ дѣломъ, чтобы другія страны допускали

---

[1]) Благодаря этому правильному соціальному взгляду на различныя стороны общественной жизни, Чернышевскій, какъ мы увидимъ ниже, совершенно вѣрно оцѣнилъ значеніе государства. Наоборотъ, Марксъ и Энгельсъ, считая государство орудіемъ классоваго господства, пришли къ неправильному выводу, что съ уничтоженіемъ классовъ, т.-е. въ соціалистическомъ строѣ, будетъ излишней и государственная власть.

ввозъ хлѣба этой страны безпошлинно, и столь же справедливымъ, чтобы ввозъ хлѣба въ ихъ страну былъ запрещенъ. Производители мануфактурныхъ товаровъ въ каждой странѣ находятъ справедливымъ, чтобы иностранный хлѣбъ допускался въ ихъ страну безпошлинно. Источникъ этого противорѣчія опять-таки все тотъ же: выгода. Производителю хлѣба выгодно, чтобы хлѣбъ былъ дороже. Производителю мануфактурныхъ товаровъ выгодно, чтобъ онъ былъ дешевле... Огромное большинство писателей всегда держится взгляда той группы, къ которой принадлежитъ. Изъ 100 французскихъ историковъ по взгляду 99-ти во всемъ всегда бывали правы французы; у англійскихъ историковъ то же самое относительно англичанъ, у нѣмецкихъ относительно нѣмцевъ и т. д.; у писателей аристократическаго образа мыслей правда на сторонѣ аристократіи, у писателей, представляющихъ собою среднее сословіе, правда на сторонѣ средняго сословія и т. д.“ (VIII, 137—138. См. также VI, 23—24).

Вообще „положеніе человѣка, говоритъ Чернышевскій (въ статьѣ о разсказахъ Щедрина, 1857 г.) имѣетъ рѣшительное вліяніе на характеръ его убѣжденій... Два различныхъ положенія ведутъ къ двумъ различнымъ взглядамъ на вещи. Съ перемѣной положенія человѣка измѣняется его точка зрѣнія, измѣняется и характеръ его убѣжденій“. (III, 226—227).

Кромѣ приспособленія взглядовъ человѣка къ его интересамъ, принадлежность къ данной группѣ имѣетъ вліяніе еще и въ другомъ отношеніи, также указанномъ Чернышевскимъ. Существуетъ психологическій законъ, по которому болѣе частые, прочные и привычные пріемы мышленія налагаютъ свой отпечатокъ на болѣе рѣдкіе, новые и неустановившіеся. Поэтому дѣятельность, количественно преобладающая или имѣющая для данныхъ лицъ особо важное значеніе, налагаетъ свой отпечатокъ на психику человѣка, опредѣляя, между прочимъ, привычки различныхъ общественныхъ группъ. Эти привычки, по мнѣнію Чернышевскаго, гораздо рѣзче и опредѣленнѣе въ классовыхъ и профессіональныхъ группахъ, чѣмъ даже въ національныхъ. „Каждый изъ народовъ Западной Европы, говоритъ Чернышевскій, имѣетъ особый языкъ и особый національный патріотизмъ. Эти двѣ особенности—единственныя особенности, которыми весь онъ отличается отъ всѣхъ другихъ народовъ Западной

Европы. Но онъ имѣетъ сословные и профессіональные отдѣлы; каждый изъ этихъ отдѣловъ во всѣхъ отношеніяхъ умственной и нравственной жизни, кромѣ языка и національнаго чувства, имѣетъ свои особыя черты быта; ими онъ походитъ на существующіе сословные отдѣлы другихъ западныхъ народовъ; эти сословныя или профессіональныя особенности такъ важны, что каждый данный сословный или профессіональный отдѣлъ даннаго западно-европейскаго народа, помимо своего языка и патріотизма, менѣе похожъ умственно и нравственно на другіе отдѣлы своего народа, чѣмъ на соотвѣтствующіе отдѣлы другихъ западно-европейскихъ народовъ. По образу жизни и по понятіямъ земледѣльческій классъ всей Западной Европы представляетъ какъ будто одно цѣлое; то же должно сказать о ремесленникахъ, о сословіи богатыхъ простолюдиновъ, о знатномъ сословіи. Португальскій вельможа по образу жизни и по понятіямъ гораздо болѣе похожъ на шведскаго вельможу, чѣмъ на земледѣльца своей націи; португальскій земледѣлецъ болѣе похожъ въ этихъ отношеніяхъ на шотландскаго или норвежскаго земледѣльца, чѣмъ на лиссабонскаго богатаго негоціанта". (X, II, 158). Къ сожалѣнію, и здѣсь Чернышевскій не достаточно отчетливо различаетъ привычки людей и ихъ общіе взгляды („понятія").

Но какъ ни велико вліяніе интересовъ преобладающаго занятія на психологію человѣка, его психическая жизнь заключаетъ также, во-первыхъ, общечеловѣческіе элементы, во-вторыхъ, множество знаній, вѣрованій и чувствъ, свойственныхъ всему обществу даннаго времени, и въ-третьихъ, чисто индивидуальные элементы. Въ особенности важны эти индивидуальные элементы у мыслителей, ученыхъ, писателей и художниковъ, творчество которыхъ содержитъ множество чисто индивидуальныхъ элементовъ. Чернышевскій нерѣдко упускаетъ изъ виду эти соображенія, и тогда его разсужденія напоминаютъ грубую марксистскую формулу, по которой психологія человѣка опредѣляется его принадлежностью къ опредѣленному классу, такъ что, напр., Кантъ является выразителемъ нѣмецкаго бюргерства и т. п. (Марксъ и Энгельсъ въ „Der heilige Max").

Начнемъ съ его разсужденій о вліяніи партіи на теоріи. „Политическія теоріи, да и всякія вообще философскія ученія говоритъ онъ, создавались всегда подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ того общественнаго положенія, къ которому принад-

лежали, и каждый философъ бывалъ представителемъ какой-нибудь изъ политическихъ партій, боровшихся въ его время за преобладаніе надъ обществомъ, къ которому принадлежалъ философъ". Чернышевскій приводитъ нѣсколько примѣровъ принадлежности философовъ къ политическимъ партіямъ, и даетъ этому очень простое объясненіе. „Всякій, достигшій какой-нибудь умственной самостоятельности, имѣетъ политическія убѣжденія, судитъ обо всемъ по соображенію съ ними,—чѣмъ же виноватъ философъ или политическій теоретикъ, когда его образъ мыслей не лишенъ смысла, какой есть въ образѣ мыслей каждаго изъ людей, просвѣщать которыхъ онъ берется" (VI. 180—181). Такимъ образомъ, мыслители, какъ и другіе люди, интересуются политикой и общественными дѣлами и имѣютъ опредѣленныя общественныя убѣжденія. Эта истина, которую Чернышевскій устанавливаетъ мимоходомъ, возражая Жюлю Симону, сама по себѣ не имѣетъ большого значенія ни вообще, ни для разсматриваемаго нами вопроса. Но у Чернышевскаго тутъ же мелькомъ брошено болѣе важное замѣчаніе: „Мы говоримъ не то одно, что эти люди держались такихъ убѣжденій, какъ частные люди... Но ихъ философскія системы насквозь проникнуты духомъ тѣхъ политическихъ партій, къ которымъ принадлежали авторы системъ". Это положеніе не только не доказано Чернышевскимъ, но и вообще не можетъ быть доказано, такъ какъ философскія построенія или находятся далеко въ сторонѣ отъ какихъ бы то ни было соціальныхъ теорій, или же представляютъ общее основаніе для всевозможныхъ научныхъ построеній. Разрѣшеніе въ ту или иную сторону философскихъ вопросовъ о границахъ познанія, о методахъ науки, или, напр., метафизическаго вопроса о сущности вещей и т. п. врядъ ли можетъ быть использовано политическими партіями, и потому при всей приверженности философа къ данной партіи его мнѣнія будутъ зависѣть главнымъ образомъ отъ его теоретическихъ знаній, отъ постановки, пріемовъ разрѣшенія вопроса и другихъ чисто интеллектуальныхъ условій [1]).

---

[1]) Зависимость философіи отъ экономики и классоваго положенія мыслителя представляетъ обычный марксистскій тезисъ. Сообразно этому марксисты, въ особенности русскіе, озабочены отысканіемъ или построеніемъ особой пролетарской философіи. См. объ этомъ мою статью „Философскія теченія русскаго марксизма": Вѣстн. Европы, 1909, III.

У Чернышевскаго подробно разработана также зависимость эстетическихъ взглядовъ и искусства отъ общественнаго положенія людей.

Мы видѣли, что, по мнѣнію Чернышевскаго, прекрасное есть жизнь, какъ человѣкъ понимаетъ ее. Поэтому понятія о красотѣ различны, по его мнѣнію, у различныхъ общественныхъ группъ соотвѣтственно ихъ понятію о жизни, какъ она должна быть. Мы уже приводили его разсужденія, что „въ описаніяхъ красавицы въ народныхъ пѣсняхъ не найдется ни одного признака красоты, который не былъ бы выраженіемъ извѣстнаго здоровья и равновѣсія силъ въ организмѣ, всегдашняго слѣдствія жизни въ довольствѣ при постоянной и нешуточной, но не чрезмѣрной работѣ". („Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности", X, II, 89). Наоборотъ, въ зажиточныхъ неработающихъ классахъ, хотя и цѣнится здоровье, но вмѣстѣ съ тѣмъ особенное вниманіе обращается на красивыя маленькія руки и ноги, слѣдствіе бездѣятельнаго образа жизни въ ряду поколѣній, ибо именно такая жизнь считается надлежащей въ этихъ классахъ. Въ то же время, какъ блѣдность, томность, воздушность женщины производятъ на рабочихъ людей впечатлѣніе болѣзненности и невзрачности, въ свѣтскомъ обществѣ эти качества имѣютъ достоинства красоты. Точно также для истинно образованныхъ людей „истинная жизнь—жизнь ума и сердца". Эта жизнь „отпечатлѣвается въ выраженіи лица, всего яснѣе въ глазахъ; поэтому выраженіе лица, о которомъ такъ мало говорится въ народныхъ пѣсняхъ, получаетъ огромное значеніе въ понятіяхъ о красотѣ, господствующихъ между образованными людьми". (X, II, 90). Какъ уже говорилось, въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ, эта полнота жизни не всегда является необходимымъ и достаточнымъ условіемъ красоты. Но если даже принять опредѣленіе Чернышевскаго, то и тогда зависимость понятій о прекрасномъ отъ группового положенія окажется очень слабой и неопредѣленной. Прежде всего понятія о красотѣ природы, растеній и животныхъ имѣютъ общечеловѣческій, а не групповой характеръ, по крайней мѣрѣ, Чернышевскій совершенно не говоритъ о различіяхъ этихъ понятій у различныхъ группъ. Но и понятія о человѣческой красотѣ имѣютъ въ значительной мѣрѣ общечеловѣческій (или по меньшей мѣрѣ расовый) характеръ. Не существуетъ никакой особенной землевладѣльческой красоты или капиталистической граціи, не говоря уже о пролетар-

скихъ красивыхъ глазахъ или носахъ, которые нравятся только крестьянамъ. Такимъ образомъ, связь эстетическихъ взглядовъ съ групповымъ положеніемъ очень слаба и неопредѣленна.

IV.

Соціальная динамика. Прогрессъ въ удовлетвореніи потребностей и наука, какъ его двигатель. Прогрессъ въ общечеловѣческомъ смыслѣ. Прогрессъ и регрессъ. Ритмы общественнаго развитія.

Таковы взгляды Чернышевскаго на соціальную *статику*, устанавливающую взаимную зависимость различныхъ сторонъ общественной жизни. Переходимъ теперь къ соціальной *динамикѣ*, къ тенденціямъ общественнаго развитія. Чернышевскій далъ очень цѣнное ученіе о *стихійныхъ* тенденціяхъ историческаго процесса—ростѣ населенія и т. наз. законѣ убывающаго плодородія почвы. Въ виду важности и обширности его разсужденій (построенныхъ главнымъ образомъ на критикѣ Мальтуса), они будутъ разсмотрѣны въ отдѣльной главѣ.

Мы видѣли, что удовлетвореніе потребностей людей требуетъ различныхъ видовъ общественной дѣятельности, хозяйства, права, науки и т. д. Взаимная связь и взаимодѣйствіе всѣхъ этихъ сторонъ общественной жизни настолько очевидны, что Чернышевскій не считалъ нужнымъ распространяться объ этомъ. „Нынѣ каждый говоритъ, что всѣ отрасли жизни тѣсно связаны. Открытіе, сдѣланное ученымъ, производитъ переворотъ въ матеріальномъ бытѣ; увеличеніе благосостоянія поднимаетъ науку; постройка желѣзныхъ дорогъ измѣняетъ общественные нравы“. (IV, 440). Въ частности, „каждое дѣйствіе государственной власти, къ какой бы сферѣ ни относилось оно прямымъ образомъ, къ военной или дипломатической, къ полицейской или судебной, непремѣнно производитъ соотвѣтствующую перемѣну въ экономическихъ отношеніяхъ“... Очевидно, что при *взаимодѣйствіи* всѣхъ сторонъ общественной жизни, когда каждая изъ нихъ испытываетъ дѣйствіе другихъ сторонъ, между ними не можетъ быть *независимой*, основной стороны. Между тѣмъ цѣлый рядъ соціологическихъ теорій, признавая это взаимодѣйствіе, въ то же время ищетъ основного,

независимаго историческаго фактора, при чемъ таковымъ оказывается то умственное развитіе (напр., для О. Конта), то развитіе производительныхъ силъ [1]). Чернышевскому принадлежитъ заслуга правильной постановки вопроса. Онъ выводилъ тенденціи историческаго процесса, какъ результатъ дѣйствія силъ, присущихъ природѣ человѣка.

Чернышевскій не разъ очень ясно и выразительно указываетъ и объясняетъ, что каждая общественная дѣятельность имѣетъ тенденцію къ прогрессу, т.-е. къ болѣе совершенному удовлетворенію соотвѣтствующей потребности. Основанія этой тенденціи лежатъ очень глубоко. „Теперь признано, говоритъ онъ, что всѣ живыя существа, способныя ощущать впечатлѣнія, производимыя на нихъ внѣшними предметами, и чувствовать боль или пріятное состояніе своего организма, стремятся приспособить обстановку своей жизни къ своимъ потребностямъ, занять въ ней наиболѣе пріятное для себя положеніе и съ этой цѣлью стараются какъ можно лучше узнать ее... Послѣ того, какъ зоологія установила эти факты относительно всѣхъ млекопитающихъ, нѣтъ возможности отрицать въ человѣкѣ врожденное стремленіе къ улучшенію своей жизни и врожденную любознательность. Эти качества, которыхъ не можетъ человѣкъ утратить, пока сохраняется здоровая дѣятельность его нервной системы,—это первыя двѣ изъ основныхъ силъ, производящихъ прогрессъ“ (X, II, 178—179. См. также стр. 145).

У человѣка способность къ прогрессу гораздо значительнѣе, чѣмъ у животныхъ, благодаря высотѣ его умственныхъ способностей. „У человѣка, благодаря какимъ-то особен-

---

[1]) Такъ, напр., марксизмъ признаетъ взаимодѣйствіе всѣхъ сторонъ общественной жизни. „Взаимодѣйствіе безспорно существуетъ между всѣми сторонами общественной жизни, говоритъ, напр., г. *Бельтовъ*. („Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“, стр. 10). См. также *Каутскій*. „Этика и матеріалистическое пониманіе исторіи“ (изд. Ефимова М. 1906 стр. 178). Въ то же время, по словамъ г. Бельтова, „у каждаго даннаго народа, въ каждый данный моментъ его исторіи, дальнѣйшее развитіе его производительныхъ силъ опредѣляется состояніемъ ихъ въ разсматриваемый періодъ“ (тамъ же, стр. 118). Такимъ образомъ, несмотря на взаимодѣйствіе всѣхъ сторонъ общественной жизни, т.-е. ихъ взаимную зависимость, развитіе производительныхъ силъ происходитъ *независимо* отъ другихъ сторонъ жизни. Подробнѣе объ этихъ противорѣчіяхъ см. въ моей брошюрѣ: *М. Антоновъ*. „Евангеліе русской соціалъ-демократіи“. СПБ. 1907.

ностямъ исторіи его предковъ, головной мозгъ пріобрѣлъ такое развитіе, какого не достигъ ни у одного изъ существъ, подобныхъ ему формами тѣла" (X, II, 182). А потому „само собой понятно, что существа несравненно болѣе умныя, чѣмъ буйволъ или верблюдъ, несравненно легче преодолѣвали препятствія къ улучшенію своей жизни" (X, II, 183).

Такъ какъ „влеченіе къ пріобрѣтенію знаній и склонность къ заботѣ объ улучшеніи своей жизни—врожденныя качества человѣка" (X, II, 145), и, слѣдовательно, постоянно дѣйствующія въ исторіи силы, то отсюда и происходитъ постоянная и неизбѣжная тенденція всякой человѣческой дѣятельности къ прогрессу. „Много разъ мы доказывали, говоритъ Чернышевскій, что прогрессъ есть слѣдствіе причинной связи, неизмѣнно дѣйствующей повсюду и всегда, что онъ имѣетъ за собой такую же необходимость и неизбѣжность, какъ тѣ законы, о которыхъ говорятъ естественныя науки, какъ законъ тяготѣнія или химическаго сродства. Несомнѣнно, былъ нѣкоторый прогрессъ и въ исторіи Франціи за тѣ годы, событія которыхъ мы разсказываемъ" (т. е. за время Бурбоновъ и Луи-Филиппа). [1]) Въ другомъ мѣстѣ мы находимъ еще болѣе выразительное разсужденіе. „Законъ прогресса, говоритъ Чернышевскій, ни больше ни меньше, какъ чисто физическая необходимость, въ родѣ необходимости скаламъ понемногу вывѣтриваться, рѣкамъ стекать съ горныхъ возвышенностей въ низменности, водянымъ парамъ подниматься вверхъ, дождю падать внизъ. Прогрессъ — просто законъ нарастанія. Ничто не остается безъ слѣда; послѣ каждаго процесса образуются какіе нибудь остатки, при помощи которыхъ или бываетъ легче повторяться тому же процессу, или открывается возможность для другого процесса, которому нельзя было бы произойти безъ помощи этого удобренія и который, слѣдовательно, принадлежитъ уже къ высшему порядку, нежели прежній. Элементы и процессы въ исторіи общества гораздо сложнѣе, нежели въ исторіи природы, и потому слѣдить за ихъ законами гораздо труднѣе; но во всѣхъ сферахъ жизни законы одина-

---

[1]) VI, 87. Замѣтимъ, что этому мѣсту нѣсколько противорѣчитъ другое, также относящееся къ исторіи Франціи при Людовикѣ XVIII и Карлѣ X (IV, 160), гдѣ говорится, что въ общемъ отрицательныя качества людей имѣютъ гораздо большее вліяніе на ходъ исторіи, чѣмъ положительныя. Въ такомъ случаѣ было бы непонятно, какъ же могъ произойти прогрессъ.

ковы. Отвергать прогрессъ такая же нелѣпость, какъ отвергать силу тяготѣнія или силу химическаго сродства". [1]) Въ особенности очевиденъ прогрессъ производства, развитіе производительности труда, — одинъ изъ немногихъ несомнѣнныхъ законовъ исторіи, о которомъ будетъ сказано ниже въ главѣ объ экономическомъ ученіи Чернышевскаго.

Двигателемъ прогресса является, по Чернышевскому, развитіе науки и просвѣщенія. „Прогрессъ, говоритъ онъ, основывается на умственномъ развитіи; коренная сторона его прямо и состоитъ въ успѣхахъ и развитіи знаній. Приложеніемъ лучшаго знанія къ разнымъ сторонамъ практической жизни производится прогрессъ и въ этихъ сторонахъ. Напримѣръ, развивается математика; отъ этого развивается и прикладная механика; отъ развитія прикладной механики совершенствуются всякія фабрикаціи, мастерства и т. д. Развивается химія; отъ этого развивается технологія; отъ развитія технологіи всякое техническое дѣло идетъ лучше прежняго. *Разрабатывается историческое знаніе; отъ этого уменьшаются фальшивыя понятія, мѣшающія людямъ устраивать свою общественную жизнь, и она устраивается успѣшнѣе прежняго.* (Курс. мой. — М. А.). Наконецъ, всякій умственный трудъ развиваетъ умственныя силы человѣка, и чѣмъ больше людей въ странѣ выучивается читать, получаетъ привычку и охоту читать книги, чѣмъ больше въ странѣ становится людей грамотныхъ, просвѣщенныхъ, — тѣмъ больше становится въ ней число людей, способныхъ порядочно вести дѣла, какія бы то ни было, — значитъ, улучшается и ходъ всякихъ сторонъ жизни въ странѣ. Стало быть, — основная сила прогресса — наука; успѣхи прогресса соразмѣрны степени совершенства и степени распространенности знаній". [2])

---

[1]) Политич. хроника 1859 г., V, 490. Ту же мысль съ обычной для него глубиной и ясностью высказываетъ Герценъ. „Прогрессъ, говоритъ онъ, есть неотъемлемое свойство сознательнаго развитія, которое не прерывалось; это дѣятельная память и физіологическое усовершенствованіе людей общественною жизнью" („Съ того берега 1848 г.", V т. собр. соч. Женева 1878, стр. 35).

[2]) „О причинахъ паденія Рима" VIII, 158.—Тѣхъ же взглядовъ держался близкій Чернышевскому по соціальному міровоззрѣнію Лассаль „Въ чемъ иномъ, какъ не въ научномъ познаніи, говоритъ онъ, источникъ всѣхъ неустанно прогрессирующихъ, всѣхъ непрестанно и незамѣтно умножающихся, всѣхъ мирно совершающихся историче-

Но прогрессъ есть только тенденція, которая можетъ быть видоизмѣнена и даже парализована дѣйствіемъ другихъ силъ; мы увидимъ, что это прекрасно показано и объяснено Чернышевскимъ.

Поскольку въ этихъ разсужденіяхъ дѣло идетъ о прогрессѣ въ способахъ удовлетворенія данной потребности, Чернышевскій несомнѣнно правъ. Работа сознанія и въ частности развитіе науки представляютъ непосредственный двигатель этого, такъ сказать, техническаго (въ обширномъ смыслѣ слова) прогресса. Если эта работа почему либо пріостанавливается, прогресса не происходитъ. Но прогрессъ въ исторіи можетъ быть понимаемъ еще и въ другомъ смыслѣ.

Мы видѣли, что человѣкъ стремится не только къ возможно лучшему удовлетворенію данной своей потребности, (чѣмъ обусловленъ прогрессъ каждой общественной дѣятельности), но и къ возможно полному удовлетворенію всѣхъ своихъ потребностей. Къ этому стремятся всѣ люди, и это постоянное стремленіе (борьба за индивидуальность, по терминологіи Михайловскаго) обусловливаетъ прогрессъ въ смыслѣ умноженія числа людей, добившихся достойнаго человѣческаго существованія и вообще приближенія къ такому общественному строю, гдѣ каждый человѣкъ можетъ быть всесторонне развитой личностью [1]). Чернышевскій довольно отчетливо различаетъ прогрессъ въ этомъ общечеловѣческомъ или соціально-этическомъ смыслѣ отъ чисто

скихъ улучшеній?.. Будучи неизсякаемымъ источникомъ всѣхъ усовершенствованій человѣческаго быта, научное познаніе и его сила, медленно покоряющая себѣ убѣжденія людей, являются въ то же время единственной гарантіей мирнаго развитія". (Наука и работники, Собр. соч. Лассаля, изд. Глаголева, I, 37). Соотвѣтственно этому, „исторія, по словамъ Лассаля, есть не что иное, какъ непрестанный прогрессъ разума и свободы, совершающійся по внутренней необходимости подъ покровомъ явленій, только кажущихся чисто внѣшними и матеріальными". (Тамъ же, стр. 47).

[1]) Михайловскій однажды прекрасно резюмировалъ воззрѣніе на прогрессъ соціологической школы, къ которой онъ принадлежитъ, слѣдующимъ образомъ: „Всякое измѣненіе въ общественномъ строѣ можетъ быть квалифицировано, какъ прогрессивное, лишь постольку, поскольку оно приближаетъ насъ къ воплощенію формъ общежитія, наиболѣе соотвѣтствующихъ развитію человѣческой личности, удовлетворенію ея потребностей, достиженію большей суммы счастья большимъ числомъ индивидовъ". (Среди литературной аристократіи. Отеч. Зап., 1879, IX. стр. 81).

„техническаго“ прогресса въ частныхъ интересахъ отдѣльныхъ лицъ и классовъ (см. его разсужденія VII, 526).

„При устройствѣ, отдѣляющемъ рабочую плату отъ прибыли и ренты, говоритъ онъ, промышленный прогрессъ доставляетъ простолюдину пользованіе тѣми улучшеніями, отъ участія, въ которыхъ нельзя исключить его по физической невозможности. Наоборотъ, есть другія стороны жизни, въ которыхъ при существующемъ бытѣ положеніе простолюдина становится хуже вслѣдствіе промышленнаго прогресса. Главнѣйшимъ образомъ сюда принадлежитъ продовольствіе, а въ большей или меньшей степени принадлежатъ и всѣ другія удобства, потребленіе которыхъ однимъ человѣкомъ не даетъ уже остатка для другого человѣка,—всѣ тѣ удобства, которыя надобно назвать предметами исключительно личнаго потребленія“ (VII, 526—527).

Тѣмъ не менѣе Чернышевскій полагаетъ, что въ общемъ въ исторіи наблюдается прогрессъ и въ этомъ отношеніи. „Нельзя отвергать того, говоритъ онъ, что съ теченіемъ времени европейскія общества становятся гуманнѣе“ (VI, 96). Въ частности „благосостояніе рабочаго класса въ цивилизованныхъ странахъ не понизилось, а возвысилось въ послѣднія столѣтія, благодаря силѣ обстоятельствъ, противодѣйствующихъ понижающей тенденціи... Благодаря прогрессу понятій и знаній, законы и учрежденія улучшаются. Вѣдь теперь законъ не дозволяетъ никому и съ нищимъ бездѣльникомъ обращаться такъ, какъ обращался въ XVI вѣкѣ каждый привилегированный съ зажиточнымъ поселяниномъ-собственникомъ. Подозрительнаго бродягу допрашиваютъ во Франціи или въ Англіи не въ такихъ грубыхъ выраженіяхъ, какъ триста, двѣсти лѣтъ назадъ говорили тамъ съ почтеннымъ простолюдиномъ, которому еще оказывали честь этимъ разговоромъ. Мы не Богъ знаетъ какъ восхищаемся этимъ и тому подобными успѣхами гуманности, потому что они все еще слишкомъ малы и медленны. А все-таки, можно ли, не можно ли довольствоваться ими, они очевидны. Уваженіе къ человѣку, просто какъ къ человѣку, независимо отъ его общественной роли, все-таки развивается законодательными реформами и смягченіемъ нравовъ отъ распространенія образованности“ (VII, 524, см. также VII, 320).

Прежде чѣмъ разсмотрѣть тѣ силы, которыя производятъ этотъ прогрессъ (что мы сдѣлаемъ въ слѣдующемъ параграфѣ), мы остановимся на разсужденіяхъ Чернышевскаго

о томъ, что и этотъ прогрессъ есть только тенденція, которая можетъ быть временно парализована противодѣйствующими обстоятельствами.

„Прогрессъ улучшеній въ политической и даже въ экономической жизни, говоритъ онъ, не такъ безостановоченъ, какъ принято говорить объ этомъ. Бываютъ иногда періоды довольно долгаго регресса и въ самыхъ передовыхъ странахъ. Напримѣръ, сама Англія въ очень многихъ отношеніяхъ была отодвинута назадъ реакціоннымъ фанатизмомъ, которому подверглась вслѣдствіе войнъ съ Франціею въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка“ (VII, 511).

Такъ, говоря о причинахъ паденія Рима, Чернышевскій доказываетъ, что это паденіе было вызвано чисто-внѣшней причиной—нашествіемъ безчисленныхъ варваровъ. До этого „во всѣхъ отрасляхъ цивилизованной жизни Римская имперія подвигалась впередъ: просвѣщеніе въ провинціяхъ распространялось, національности шли къ пріобрѣтенію независимаго существованія, въ управленіи сталъ являться выборный элементъ, права массы расширялись“. Но затѣмъ „варварскими нашествіями почти все существовавшее хорошее было истреблено, римскій міръ отодвинутъ на нѣсколько сотъ лѣтъ назадъ... Не раньше XVII вѣка, быть можетъ, только въ половинѣ XVIII вѣка успѣла континентальная Европа снова подняться до того положенія, до какого достигала въ концѣ III, въ началѣ IV вѣка. Прогрессъ былъ слишкомъ на 1000 лѣтъ задержанъ паденіемъ Западной Римской имперіи передъ варварами“ (VIII 166).

Въ общемъ, однако, „періоды реакціи служатъ только временными задержками неизбѣжнаго прогресса, который дѣйствительно преобладаетъ въ исторіи всѣхъ цивилизованныхъ странъ, какъ можно видѣть изъ сравненія всякой данной эпохи съ эпохами настолько далекими отъ нея, чтобы продолжительностью срока сглаживались вліянія случайныхъ колебаній народной жизни. Если, напр., мы сличимъ состояніе какой нибудь западно-европейской страны въ началѣ IX вѣка съ ея положеніемъ въ началѣ XII, или это послѣднее время съ началомъ XIII, мы увидимъ очень значительный размѣръ улучшеній. Съ конца XVII столѣтія ходъ прогресса становится еще быстрѣе, потому что цивилизація уже довольно укрѣпилась и успѣшнѣе прежняго стала бороться съ обстоятельствами, мѣшавшими ея ходу. Тридцатилѣтняя война задержала прогрессъ Германіи на

цѣлое столѣтіе; реакція послѣ наполеоновскихъ войнъ не могла продержаться долѣе какихъ нибудь тридцати лѣтъ. За этими исключеніями реакціонныхъ задержекъ, становящихся все менѣе и менѣе продолжительными, ходъ событій дѣйствительно имѣетъ прогрессивное направленіе, которое надобно признать нормальнымъ" [1]).

* * *

Чернышевскій дѣлаетъ также нѣсколько интересныхъ замѣчаній о ритмическомъ характерѣ общественнаго развитія, о пятнадцатилѣтнихъ смѣнахъ періодовъ прогресса и застоя, исходя изъ историческихъ фактовъ и психо-физіологическихъ данныхъ (V, 494 и далѣе); такъ какъ въ дальнѣйшемъ эти эмпирическія обобщенія не подтвердились, то мы и не будемъ останавливаться на нихъ.

---

[1]) VII, 511. Ученіе о прогрессѣ вообще занимаетъ видное мѣсто въ такъ называемой русской соціологической школѣ, въ качествѣ попытки общаго историческаго обоснованія ея общественныхъ идеаловъ. *Н. К. Михайловскій* въ своихъ сочиненіяхъ даетъ главнымъ образомъ „формулу прогресса", выражающую его соціальный идеалъ („возможно полное и всестороннее раздѣленіе труда между органами и возможно меньшее раздѣленіе труда между людьми"); этотъ идеалъ былъ для него въ то же время и критеріемъ для оцѣнки общественныхъ явленій, на необходимости которой онъ особенно настаивалъ. Движущей же силой прогресса въ этомъ смыслѣ онъ считалъ, повидимому, борьбу за индивидуальность. Къ сожалѣнію, самый идеалъ Михайловскаго, по крайней мѣрѣ, въ этой формулировкѣ вызываетъ сильныя возраженія. Болѣе подробно разработана теорія прогресса *Лавровымъ*. По его мнѣнію, изучая исторію, мы необходимо должны выбирать изъ безчисленнаго множества историческихъ явленій тѣ, которыя мы признаемъ существенно важными, соотвѣтственно нашему субъективному критерію. Высшимъ критеріемъ въ этомъ отношеніи служитъ нашъ нравственный идеалъ, такъ что историческія событія должны располагаться сообразно ихъ вліянію на осуществленіе этого идеала. „Охватывая въ общемъ міросозерцаніи цѣлый процессъ исторіи въ прошломъ и будущемъ, человѣкъ, по словамъ Лаврова, не можетъ, по законамъ своей мысли, искать въ исторіи ничего иного, кромѣ фазисовъ прогрессивнаго процесса своего нравственнаго идеала". („Ист. письма", 361). Или въ другомъ мѣстѣ: „Это приближеніе историческихъ фактовъ къ реальному или идеальному лучшему, нами сознанному, это развитіе нашего нравственнаго идеала въ минувшей жизни человѣчества составляетъ для каждаго единственный смыслъ исторіи, единственный законъ исторической группировки событій, законъ прогресса, считаемъ ли мы этотъ прогрессъ фактически непрерывнымъ или подверженнымъ колебаніямъ

V.

Движущія силы общечеловѣческаго прогресса.

Мы видѣли во второй главѣ, что возможными двигателями общечеловѣческаго прогресса, осуществляющаго этическій идеалъ, могутъ быть или альтруистическія влеченія, или освѣщенная этимъ идеаломъ борьба угнетенныхъ и эксплуатируемыхъ за свои человѣческія права, или же такія представленія о нормальномъ общественномъ строѣ и его осуществленіи, которыя сулятъ выгоды для всѣхъ и каждаго. Мы видѣли, что въ своихъ статьяхъ по этикѣ Чернышевскій прямо отрицаетъ альтруистическіе мотивы; въ историческихъ статьяхъ онъ выражается точнѣе, а именно, указываетъ на ихъ рѣдкость и относительную слабость сравнительно съ эгоистическими. Такъ, критикуя положеніе Сенъ-Симона, что „человѣчество идетъ къ учрежденію всеобщей ассоціаціи, основанной на любви", Чернышевскій говоритъ: „человѣчество дѣйствительно идетъ къ замѣненію вражды, принимающей въ промышленныхъ фазахъ форму конкурренціи, товариществомъ, союзомъ. Но любовь только въ рѣдкія минуты и только въ немногихъ, особенно способныхъ къ экзальтаціи людяхъ, беретъ верхъ надъ разсчетомъ; да и то можетъ побѣждать его только въ одномъ, въ двухъ отдѣльныхъ фактахъ, а общій характеръ дѣйствій все-таки остается подъ властью разсчета или рутины, обычая. т.-е. того же разсчета, только сдѣланнаго не лично нами, а цѣлымъ обществомъ, и сдѣланнаго не въ эту минуту, а давнымъ-давно и усвоившагося намъ по воспитанію". (VI, 137). Замѣтимъ, что впослѣдствіи въ статьяхъ, написанныхъ послѣ Сибири, Чернышевскій придавалъ этическимъ чувствамъ нѣсколько большее значеніе. (См. X, II, 181).

вѣримъ ли мы въ его реальное осуществленіе или только въ его сознаніе". Словомъ, „въ процессѣ исторіи мы неизбѣжно видимъ прогрессъ". (Тамъ же, стр. 39. См. также объ идеѣ прогресса въ интересной статьѣ Лаврова „Формула прогресса Михайловскаго" и друг.).—Нетрудно видѣть, что, вопреки Лаврову, вполнѣ возможенъ и постоянно примѣняется въ историческихъ изслѣдованіяхъ (точно такъ же, какъ, напр., въ географіи и т. п.) болѣе объективный критерій (въ особенности количественный), и что наоборотъ, игнорируя, по Лаврову, множество историческихъ явленій, безразличныхъ по отношенію къ нашимъ идеаламъ, мы упускаемъ изъ виду крупныя стороны общественной жизни.

Мы видимъ также, что Чернышевскій не разъ указывалъ на противоположность экономическихъ и политическихъ интересовъ различныхъ общественныхъ группъ. Приведемъ еще одну характерную цитату. Теперь повсюду, говоритъ онъ, „главнымъ двигателемъ исторіи“ стало то обстоятельство, что „простолюдины находятъ, что для прочнаго улучшенія ихъ состоянія нужны вещи, которыя не нужны среднему сословію, которыя во многомъ даже несовмѣстны съ выгодами средняго сословія“. (VII, 30).

Отсюда, повидимому, слѣдуетъ, что общечеловѣческій прогрессъ можетъ осуществляться не иначе, какъ борьбой угнетенныхъ и эксплуатируемыхъ противъ привиллегированнаго и крѣпко держащагося за свои привиллегіи меньшинства. Но Чернышевскій большей частью оставляетъ въ тѣни борьбу классовъ и партій, выдвигая на первый планъ, въ качествѣ главнаго двигателя общечеловѣческаго прогресса, развитіе знаній и науки, правильный разсчетъ интересовъ и т. д. Не трудно видѣть, что все это можетъ быть необходимымъ, но всегда недостаточнымъ условіемъ движенія впередъ, по направленію къ общественному строю, основанному на этическихъ началахъ.

Мы уже приводили разсужденія Чернышевскаго, что благодаря разработкѣ историческихъ знаній, уменьшаются ложныя понятія массы и „она устраивается успѣшнѣе прежняго“. Развитіе наукъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, служитъ общимъ источникомъ всѣхъ фактовъ, оказывающихъ положительное вліяніе на судьбу рабочаго класса. Благодаря этому развитію, „совершенствуется техника, уничтожаются варварскія учрежденія и дикіе обычаи, распространяется участіе въ гражданскихъ правахъ на массу населенія. Всѣ эти измѣненія имѣютъ тенденцію улучшать положеніе общества, въ томъ числѣ и работниковъ“. (VII, 183).

Точно также, говоря о значеніи умственнаго развитія работника для успѣшности производства, онъ замѣчаетъ: „климатъ, почва, запасы капитала, самая крѣпость физическихъ силъ—все это ничтожно по сравненію съ развитіемъ мысли. Изъ этого развитія все возникаетъ, все достигаетъ только той величины, какая сообразна съ нимъ, все поддерживается имъ“. (VII, 189).

Наоборотъ, главнымъ источникомъ общественныхъ бѣдствій, по мнѣнію Чернышевскаго, является невѣжество. Такъ, всеобщая подача голосовъ во Франціи 1851 года обна-

ружила, что „невѣжество поселянъ губитъ Францію. Пока не имѣли они голоса, никому не было заботы объ этой страшной бѣдѣ. Никто не замѣчалъ, что въ основѣ всѣхъ событій французской исторіи всегда лежало невѣжество поселянъ. Болѣзнь была тайная и остававшаяся безъ лѣченія; но все-таки она изнуряла весь организмъ. Когда поселяне явились на выборы, тогда замѣчено было, наконецъ, въ чемъ сущность дѣла. Увидѣли, что ничего истинно-полезнаго не можетъ быть осуществлено во Франціи, пока честные люди не займутся воспитаніемъ поселянъ. Теперь это дѣлается, и усилія все же не остаются совершенно безплодными. Раньше или позже поселяне станутъ разсудительнѣе, и тогда прогрессъ для Франціи станетъ легче“. (VI, 82. См. также IV, 29, III, 45 и др.).

Вообще, „основная сила, возвышающая человѣческій бытъ, по мнѣнію Чернышевскаго, умственное развитіе людей“. Правда, онъ признаетъ, что „умственная сила можетъ производить и часто производитъ вредные результаты“, но, по его мнѣнію, она „производитъ ихъ лишь подъ давленіемъ силъ или обстоятельствъ, искажающихъ природный характеръ ея“. „Само по себѣ умственное развитіе имѣетъ тенденцію улучшать понятія человѣка о его обязанностяхъ относительно другихъ людей, дѣлать его болѣе добрымъ, развивать въ немъ понятія о справедливости и честности“. (X, II, 170).

Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда Чернышевскій прямо касается противоположности классовыхъ интересовъ, онъ все же не идетъ дальше указаній на правильные и неправильные разсчеты выгодъ. „Общество, говоритъ онъ, раздѣляется въ экономическомъ отношеніи на двѣ части. Одну, конечно, всегда малочисленную по количеству, составляютъ люди, изъ которыхъ у каждаго доходъ получается въ послѣднемъ анализѣ не столько отъ его собственнаго труда, сколько отъ поступленія въ его пользу части труда нѣсколькихъ или многихъ другихъ людей“. Другую часть составляютъ люди, „изъ которыхъ каждый не только не получаетъ въ свою пользу часть труда или продукта другихъ, но и продуктомъ своего труда или заслугъ пользуется не вполнѣ, оставляя большую или меньшую долю его въ пользу кого-нибудь изъ первой части общества“. Это происходитъ, по мнѣнію Чернышевскаго, вслѣдствіе неправильной „оцѣнки вещей и заслугъ по ихъ сущности“. Весь или почти весь доходъ

человѣка, живущаго чужимъ трудомъ, „извлекается изъ преувеличенной оцѣнки его трудовъ или заслугъ по какому-нибудь предубѣжденію, или по рутинѣ, или по какому-нибудь фальшивому признаку". Поэтому такимъ людямъ невыгодна настоящая оцѣнка. Наоборотъ, „для человѣка, который долженъ разсчитывать лишь на свой трудъ, лишь на свои дѣйствительныя заслуги, оцѣнка вещей по ихъ существенному достоинству выгодна. Какъ только кто изъ такихъ людей пріобрѣтаетъ привычку мыслить, онъ влечется своими мыслями къ переоцѣнкѣ предметовъ по ихъ сущности, находя подъ возбужденіемъ личнаго интереса неосновательными тѣ оцѣнки, какія установились по интересу классовъ, живущихъ чужимъ трудомъ. Необходимость честной трудовой жизни дѣлаетъ человѣка нерасположеннымъ къ обольщенію". Все дѣло, такимъ образомъ, въ надлежащей оцѣнкѣ вещей, зависящей отъ просвѣщенія массы. Масса же несомнѣнно, хотя и довольно медленно, просвѣщается. „Масса націи въ каждой цивилизованной странѣ, говоритъ Чернышевскій, просвѣщается теперь если и не съ восхитительной быстротой, то все-таки очень замѣтно, и не очень далеко время, когда она пріобрѣтетъ способность судить о вещахъ своимъ умомъ по своимъ интересамъ. Соразмѣрно успѣхамъ ея умственной жизни, будетъ входить въ экономическія дѣла и норма разсчета, сообразная съ выгодами человѣчества" [1]).

Такимъ образомъ, умственное развитіе массы представляетъ, по мнѣнію Чернышевскаго, необходимое и достаточное условіе общечеловѣческаго прогресса. Такой взглядъ въ особенности преобладаетъ въ статьяхъ Чернышевскаго,

---

[1]) VII, 326. Одну изъ характерныхъ чертъ прежняго умственнаго склада Чернышевскаго и его сподвижниковъ В. Г. Короленко мѣтко рисуетъ такимъ образомъ: „Вѣра въ силу устроительнаго разума, по Канту (?...) Главный матеріалъ, надъ которымъ оперируетъ разумъ, творящій соціальныя формы, эгоистическіе и прежде всего матеріальные интересы. Сдѣлать подсчетъ этихъ интересовъ, поставить наибольшее благо наибольшаго числа людей въ качествѣ цѣли, показать эту таблицу съ противоположными итогами громаднымъ массамъ, которыя теперь, по неумѣнію разсчитывать, допускаютъ существованіе неестественной соціальной ариѳметики,—остальное уже можно легко предсказать и предвидѣть („Русск. Бог." 1904 г., № 11, стр. 63). И послѣ ссылки Чернышевскій, по словамъ В. Г. Короленко, „остался прежнимъ, съ прежними пріемами мысли, съ прежней вѣрой въ одинъ только всеустроительный разумъ". (Тамъ же).

написанныхъ послѣ возвращенія его изъ Сибири. Въ этихъ статьяхъ онъ утверждаетъ, кромѣ того, что и привиллегированное меньшинство не можетъ не принимать выгодной для всѣхъ истины. „Основныя истины ясны для большинства просвѣщенныхъ людей передовыхъ націй, говоритъ Чернышевскій, и меньшинство, находящее эти истины несообразными съ своей личной выгодой, уже стыдится отрицать ихъ, принуждено вести борьбу противъ нихъ казуистическимъ способомъ: оно говоритъ, что вообще раздѣляетъ честныя убѣжденія большинства, оно только старается доказывать, что эти истины не вполнѣ примѣняются къ данному частному случаю, въ которомъ онѣ противорѣчатъ выгодамъ его. Такихъ оговорокъ всегда можно найти много, но фальшивость ихъ обыкновенно бываетъ очевидна для всѣхъ, не имѣющихъ личной выгоды называть ихъ основательными". (X, II, 170).

„Меньшинство, желающее жить по правиламъ, которыя справедливо кажутся дурными просвѣщеннымъ людямъ, ничтожно по количеству въ каждой изъ націй цивилизованнаго міра, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ:—оно состоитъ изъ людей, которыхъ считаетъ дурными и масса простолюдиновъ, какъ масса образованнаго общества. Кромѣ этихъ немногихъ, нравственно больныхъ людей, всѣ остальные простолюдины, какъ и всѣ остальные просвѣщенные люди, желаютъ поступать хорошо; и если поступаютъ дурно, то лишь потому, что дурная обстановка ихъ жизни принуждаетъ ихъ къ дурнымъ поступкамъ; всѣ они тяготятся этимъ, всѣ желаютъ улучшить обстановку своей жизни такъ, чтобы не быть вводимыми ею въ дурные поступки. Обязанность людей, желающихъ добра своему народу, состоитъ въ томъ, чтобы помогать осуществленію этого желанія огромнаго большинства людей всѣхъ сословій" [1]). Трудно понять, въ чемъ можетъ заключаться эта помощь: разъ люди стремятся къ хорошему устройству жизни и знаютъ, какъ его достигнуть, то одно изъ двухъ: или этого достаточно и тогда никакой помощи не нужно, или же требуется устранить какія-нибудь препятствія, но тогда именно о нихъ и нужно говорить. У

[1]) X, II, 175. Тѣ же раціоналистическія воззрѣнія мы находимъ также у *Лаврова*. „Общественное зло, говоритъ онъ, напр., гораздо больше заключалось въ привычкахъ и преданіяхъ, чѣмъ въ зломъ разсчетѣ эксплуататоровъ" („Формула прогресса" Михайловскаго, стр. 31), и т. п.

Чернышевскаго есть глухой намекъ на это. „Огромное большинство каждаго народа нашей европейской цивилизаціи, по его словамъ, нуждается не въ назиданіяхъ, а въ пріобрѣтеніи средствъ для замѣны дурного хорошимъ". Какъ пріобрѣсти эти средства—Чернышевскій не указываетъ, но заявляетъ въ толстовскомъ духѣ, что насиліе при этомъ не нужно. „Не насиліе противъ простонародья или какого другого класса націи тутъ нужно, а содѣйствіе исполненію всеобщаго желанія". (X, II, 176).

Этотъ раціонализмъ Чернышевскаго, какъ мы увидимъ, связанъ съ его представленіями о путяхъ и средствахъ разрѣшенія соціальнаго вопроса въ духѣ т.-наз. утопическаго соціализма.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Экономическое ученіе и теорія соціализма.

Изложивъ общіе соціологическіе взгляды Чернышевскаго, мы подробнѣе разсмотримъ теперь въ отдѣльности его экономическую теорію и ученіе о государствѣ.

Чернышевскій исходитъ изъ того несомнѣннаго положенія, что исторія творится людьми и что отчетливое представленіе о существующемъ и желательномъ строѣ представляетъ необходимое условіе общественнаго прогресса. Наиболѣе важной частью въ наукѣ являются, по его мнѣнію, „общіе принципы устройства, наиболѣе выгоднаго для людей", а также изложеніе того, „въ какихъ главныхъ подробностяхъ должны нѣкогда осуществиться эти принципы и какими переходящими ступенями могутъ уже теперь люди приближаться къ наилучшему устройству своихъ матеріальныхъ отношеній" (VII, 616). Въ самомъ дѣлѣ, „полнота, теоретическое изложеніе системы извѣстнаго быта, основаннаго на извѣстномъ принципѣ, говоритъ Чернышевскій, вещи необходимыя: нужно же знать, что въ самомъ дѣлѣ хорошо и справедливо, а сверхъ того, у кого не уяснены принципы во всей логической полнотѣ и послѣдовательности, у того не только въ головѣ сумбуръ, но и въ дѣлахъ чепуха" (VII, 634). Въ другомъ мѣстѣ онъ рѣзко критикуетъ мнѣніе „рутин-

ныхъ политико-экономовъ", будто „все разсчитывается и улаживается безъ помощи сознательнаго разсужденія со стороны общества". „Мало ли есть въ природѣ разныхъ естественныхъ силъ, дѣйствіемъ которыхъ движутся человѣческія дѣла, и живетъ самъ человѣческій организмъ, говоритъ Чернышевскій; мало ли есть и въ самомъ человѣческомъ организмѣ силъ и стремленій, дѣйствующихъ самобытно и безъ всякаго преднамѣреннаго разсчета человѣческой сообразительности. Что же, есть ли изъ этихъ безчисленныхъ силъ природы и человѣческаго организма, хотя одна, которая сама собою, безъ управленія сознательнымъ человѣческимъ соображеніемъ, дѣйствовала бы такъ, какъ нужно для пользы человѣка"? (VII, 333—334). А если такъ, то „что же за исключеніе были бы изъ общихъ законовъ природы и человѣческаго организма экономическія наклонности и пружины дѣйствія, если бы каждая изъ нихъ сама собою дѣйствовала постоянно именно такъ, какъ полезно для цѣлаго человѣка, если бы дѣйствія каждой изъ нихъ въ отдѣльности не нуждались въ подведеніи къ общимъ выгодамъ цѣлаго организма? Это — слишкомъ неправдоподобное мнѣніе" (VII, 335).

Такимъ образомъ кромѣ чисто теоретической части экономической науки (описанія и объясненія хозяйственныхъ явленій), Чернышевскій совершенно правильно намѣтилъ также отдѣлы, такъ сказать, прикладной политической экономіи или теоріи соціализма: критику существующаго порядка, изложеніе основъ надлежащаго строя и указаніе путей и средствъ его осуществленія [1]). Въ настоящей главѣ мы и изложимъ его экономическое и соціалистическое ученіе. При этомъ мы только вкратцѣ коснемся тѣхъ истинъ, которыя теперь стали общеизвѣстны, но установленіе и распространеніе которыхъ составило въ свое время громадную заслугу Чернышевскаго, — и подробнѣе остановимся на томъ, что составляетъ особенность его взглядовъ или до сихъ поръ не вошло въ общее сознаніе.

---

[1]) „Всякая законченная соціалистическая система, говоритъ г. Туганъ-Барановскій, — заключаетъ въ себѣ три части: критику существующаго общественнаго строя, опредѣленное представленіе о строѣ будущаго и соображенія о способахъ или путяхъ осуществленія будущаго строя". (Современ. соціализмъ, стр. 209).

I.

Производство. Условія успѣшности труда. Производительный и непроизводительный трудъ и потребленіе.

„Предметъ политической экономіи, по общему рѣшенію всѣхъ экономистовъ, говоритъ Чернышевскій, составляетъ изученіе условій производства и распредѣленія цѣнностей или предметовъ потребленія, или предметовъ, нужныхъ для матеріальнаго благосостоянія человѣка“ (VI, 12).

Начнемъ съ ученія о *производствѣ* продуктовъ, какъ это сдѣлалъ Милль, и какъ это обыкновенно дѣлается въ курсахъ политической экономіи, слѣдуя „основнымъ послѣдовательнымъ процессамъ хозяйственной дѣятельности“, по выраженію проф. Желѣзнова.

„Для производства, говоритъ Чернышевскій, нужны: матеріалъ, инструментъ и работникъ“ (VII, 78). Или, въ другомъ мѣстѣ: „Производство имѣетъ три элемента: землю, трудъ и капиталъ“. (VII, 148).

Задача ученія о производствѣ очень просто и ясно намѣчена Чернышевскимъ. Она состоитъ въ томъ, чтобы „искать условія, при которыхъ увеличивается количество полезныхъ вещей, принадлежащихъ людямъ“ (VII, 26). Такъ какъ естественныя силы и матеріалы, трудъ и произведенныя средства производства суть элементы производства, то оно зависитъ отъ внѣшней природы, отъ количества и качества труда и отъ капиталовъ (матеріаловъ и орудій производства). Зависимость производства отъ *внѣшней природы* удовлетворительно изложена Миллемъ и вообще настолько элементарна, что Чернышевскій почти на ней не останавливается. Болѣе подробно онъ говоритъ о *качествахъ* труда, обусловливающихъ успѣшность производства, а именно: она зависитъ во-первыхъ, отъ степени умственнаго и нравственнаго развитія работниковъ; во-вторыхъ, отъ соотвѣтствія труда силамъ и способностямъ работниковъ, отъ болѣе или менѣе цѣлесообразной организаціи сотрудничества и, наконецъ, отъ степени заинтересованности работника въ его трудѣ. На вліяніи умственныхъ и нравственныхъ качествъ работниковъ Чернышевскій не останавливается, ограничившись переводомъ Милля; остальныя же условія разобраны имъ довольно подробно, и мы изложимъ ихъ въ общихъ чертахъ.

Прежде всего для успѣшности труда надо, чтобы онъ не былъ непріятенъ. Чернышевскій посвящаетъ цѣлый пара-

графъ вопросу *„о непріятности труда“*, въ которомъ развиваетъ свои общія положенія объ удовольствіи и страданіи. По его мнѣнію, „ощущеніе пріятное производится трудомъ всегда, когда существуютъ слѣдующія три условія: во-первыхъ, когда труду не препятствуютъ слишкомъ сильныя внѣшнія помѣхи; во-вторыхъ, когда человѣкъ совершаетъ его по собственному соображенію о его надобности или полезности для него самого, а не по внѣшнему принужденію; въ-третьихъ, когда трудъ не продолжается долѣе того времени, пока мускулы совершаютъ его безъ изнуренія, вреднаго организму, разрушающаго организмъ“. Это вполнѣ достижимо, по мнѣнію Чернышевскаго: „Почти всѣ роды труда, говоритъ онъ, и въ томъ числѣ всѣ важные роды его имѣютъ по своей сущности пріятность или привлекательность, которая далеко превышаетъ ихъ непріятную сторону, если даже есть въ ихъ сущности непріятная сторона (существованіе которой сомнительно), такъ что при отстраненіи неблагопріятной, случайной и внѣшней обстановки почти всякій, и въ томъ числѣ всякій важный въ экономическомъ отношеніи трудъ, составляетъ для трудящагося не непріятность, а удовольствіе“ (VII, 71). Если же въ настоящее время трудъ часто бываетъ слишкомъ продолжителенъ и тяжелъ, то причина этого заключается въ томъ, что обстановка труда до сихъ поръ вездѣ чрезвычайно неблагопріятна, потому что дается ему такою организаціей общества, которая была устроена для дѣятельностей, совершенно не похожихъ на трудъ и требующихъ характера отношеній, противоположнаго тому, какой нуженъ для труда“ (VII, 75). Такъ, напр., вслѣдствіе принадлежности большей части земли во Франціи людямъ, не работающимъ на ней, „весь порядокъ земледѣльческаго производства долженъ опредѣляться во Франціи надобностями и удобствами людей, которые живутъ доходомъ съ земли, не воздѣлывая ея“. Выводъ ясенъ: нормальныя условія труда, обезпечивающія его успѣшность, недостижимыя при современномъ строѣ, требуютъ, чтобы общество было реорганизовано въ интересахъ трудящихся.

Чернышевскій вполнѣ правъ, что человѣческій организмъ требуетъ дѣятельности, траты силъ, что достигается какъ производительнымъ трудомъ, такъ и играми, спортомъ и т. п. Если эта дѣятельность соотвѣтствуетъ силамъ организма, то она пріятна. Но Чернышевскій упустилъ изъ виду, что кромѣ общественныхъ условій, которыя могутъ быть измѣ-

нены въ цѣляхъ наибольшаго удобства трудящихся, существуютъ неизмѣнныя естественныя условія труда. Такъ, работы въ рудникахъ или на нѣкоторыхъ химическихъ производствахъ врядъ ли могутъ стать когда нибудь пріятными. Но, разумѣется, когда работники станутъ хозяевами жизни, они сведутъ этотъ непріятный трудъ до возможнаго минимума, распредѣливъ его поровну между трудоспособными гражданами.

Вліяніе *сотрудничества* (простого и въ особенности сложнаго раздѣленія труда) общеизвѣстно и хорошо изложено Миллемъ. Поэтому Чернышевскій ограничивается переводомъ соотвѣтствующей главы Милля, но зато подробно останавливается на той сторонѣ раздѣленія труда, „которая относится прямымъ образомъ не къ производству, а къ производящему работнику, очень сильно отражаясь, впрочемъ, и на самомъ производствѣ, по его зависимости отъ качествъ работника". Вотъ вкратцѣ его соображенія. „Высокое раздѣленіе труда, говоритъ Чернышевскій, при нынѣшнемъ порядкѣ производства, по которому каждый работникъ вѣчно остается при одной и той же частицѣ дѣла, ведетъ къ порчѣ организма въ огромномъ большинствѣ работниковъ, находящихся при процессахъ усовершенствованнаго производства" (VII, 182). „Дѣло въ томъ, что „для поддержанія организма въ удовлетворительномъ состояніи, нужно извѣстное количество работы для мускуловъ всѣхъ частей организма. Характеръ работъ, оказывающихся здоровыми, состоитъ въ томъ, что онѣ даютъ хорошее занятіе мускуламъ всѣхъ частей организма. Таковы почти всѣ работы на низкихъ ступеняхъ экономическаго быта". (Напр., ручная распилка лѣса). Но, „чѣмъ болѣе совершенствуется производство, тѣмъ одностороннѣе становится требуемый отъ работника трудъ. Возьмемъ въ примѣръ хотя то же самое пильное дѣло. Когда пила вмѣсто человѣческихъ рукъ начинаетъ двигаться водою или паромъ, и брусья подъ нее подкладываются также особеннымъ механизмомъ, а не человѣческими плечами, вмѣсто пильщиковъ, работающихъ всѣмъ организмомъ, нужны становятся работники, которые только наблюдаютъ за дѣйствіемъ механизма и развѣ по временамъ поправляютъ его легкимъ движеніемъ рукъ, не требующимъ уже содѣйствія ни спины, ни ногъ. Физіологическія послѣдствія такого положенія очевидны: организмъ не достигаетъ той крѣпости, какая давалась ему менѣе усовершенствованною формой того же про-

изводства". Но здѣсь по крайней мѣрѣ не приходится держать тѣло въ неудобномъ положеніи. А между тѣмъ, „почти на всѣхъ фабрикахъ почти всѣ работники остаются цѣлый день въ какомъ-нибудь одномъ и томъ же сидячемъ, сгорбленномъ, искривленномъ положеніи, работая лишь какими нибудь двумя-тремя мускулами, между тѣмъ какъ остальное тѣло нѣмѣетъ отъ неподвижности, и питаніе въ немъ замираетъ отъ неудобнаго положенія" (VII, 180—181).

Эти недостатки раздѣленія труда, по мнѣнію Чернышевскаго, могутъ быть совершенно устранены. „При высокомъ раздѣленіи труда, говоритъ онъ, нѣтъ работнику никакого затрудненія поочередно переходить отъ одной операціи къ другой, мѣняя ихъ такъ, чтобы организмъ поочередно работалъ всѣми частями, поочередно находился въ разныхъ положеніяхъ, чтобы разнообразіемъ сохранялось его здоровье". Болѣе того. „Самъ принципъ раздѣленія занятій носитъ въ себѣ тенденцію къ сочетанію разнообразныхъ занятій въ дѣятельности одного работника: онъ идетъ къ этому, упрощая операціи до того, что исчезаютъ всѣ невыгоды и растраты, которыми задерживается сочетаніе разныхъ занятій въ кругѣ работъ одного лица при недостаточномъ развитіи раздѣленія занятій. Сбереженіе и укрѣпленіе здоровья въ работникѣ, производимое разнообразіемъ занятій, составляетъ громадный выигрышъ для производства. Столь же важна другая выгода такой формы дѣятельности работника. При разнообразіи занятій онъ будетъ имѣть болѣе широкую сообразительность, умственныя силы его будутъ развиваться отъ работы" (VII, 188).

Такимъ образомъ, „принципъ раздѣленія труда самъ по себѣ очень согласенъ съ физіологическими потребностями человѣческаго организма". Но, замѣчаетъ Чернышевскій, „совершенно иная вещь—вопросъ о томъ, не противно ли такому требованію гигіены экономическое устройство нынѣшнихъ фабрикъ? Очень можетъ быть, говоритъ онъ, что фабрикантъ не въ силахъ допустить такого непостоянства занятій у своихъ работниковъ; очень можетъ быть, что ему необходимо, чтобы каждый работникъ постоянно занимался одною извѣстною операціею" и т. д. (VII, 185). Отсюда слѣдуетъ тотъ же самый выводъ: современное частно-капиталистическое хозяйство несовмѣстимо съ условіями раціональнаго производства.

Третій факторъ успѣшности производства — *степень за-*

интересованности рабочаго въ его трудѣ. „Энергія производства, говоритъ Чернышевскій, служащая мотивомъ для его успѣшности, бываетъ всегда строго пропорціональна степени участія личнаго интереса въ производствѣ“. Напримѣръ, „на своемъ огородѣ каждый работаетъ усерднѣе, чѣмъ на чужомъ; поэтому самое выгоднѣйшее дѣло бываетъ тогда, когда огородъ принадлежитъ человѣку, копающему въ немъ гряды“. Вообще, „энергія труда, т.-е. энергія производства, соразмѣрна праву собственности производителя на продуктъ . . . Иными словами, — работникъ долженъ быть собственникомъ вещи, которая выходитъ изъ его рукъ“ (VI, 12).

Но здѣсь необходимо принять во вниманіе другое обстоятельство, а именно техническую выгодность крупнаго производства, на которую также указываетъ Чернышевскій. „Въ настоящее время, говоритъ онъ, почти каждое производство для своей успѣшности требуетъ размѣровъ, превышающихъ рабочія силы одного семейства“ (VI, 40). „Для успѣшности производства, говоритъ Чернышевскій въ другомъ мѣстѣ, нужны такія формы быта, при которыхъ каждый работникъ былъ бы хозяиномъ, а единица производительнаго хозяйства должна имѣть такой огромный размѣръ, что нужны для нея сотни работниковъ; слѣдовательно, форма производительнаго устройства должна быть такова, чтобы въ каждомъ предпріятіи былъ не одинъ хозяинъ, а сотни хозяевъ, и чтобы никто не касался дѣла, кромѣ хозяина, иначе сказать, чтобы всякій касающійся былъ хозяиномъ его настолько, насколько касается“ (VII, 338).

Такимъ образомъ, надлежащей формой общественнаго производства является товарищеская ассоціація работниковъ, соединяющая въ себѣ всѣ необходимыя условія успѣшности производства: высокую технику, широкое раздѣленіе труда соотвѣтственно силамъ и способностямъ равноправыхъ участниковъ ассоціаціи и потому пріятность и успѣшность труда, усугубляемую также заинтересованностью работниковъ въ успѣхахъ производства. Критика этого положенія будетъ дана ниже.

* * *

Чернышевскій довольно подробно останавливается также на понятіяхъ о *производительномъ и непроизводительномъ трудѣ*. Различіе между тѣмъ и другимъ очень просто формулируется имъ. „Если продуктами бываютъ матерьяльные

предметы или, точнѣе сказать, предметы, могущіе сохраняться довольно долго, трудъ называется производительнымъ, а если трудъ производитъ только мимолетныя явленія, исчезающія при самомъ своемъ появленіи, трудъ называется непроизводительнымъ" (VII, 148). Чернышевскій вполнѣ правильно полагаетъ, что это дѣленіе само по себѣ „не соотвѣтствуетъ практической цѣли экономическихъ изысканій и неудобно въ теоретическомъ отношеніи" [1]), но онъ останавливается на немъ, чтобы лишній разъ противопоставить современному общественному строю надлежащую его организацію. Чернышевскій указываетъ на то, что такъ назыв. непроизводительный трудъ (т.-е. производящій не матеріальныя цѣнности) ничуть не ниже производительнаго, а между тѣмъ, въ словѣ непроизводительный лежитъ какое-то порицаніе, несмотря на высокое достоинство нѣкоторыхъ родовъ непроизводительнаго труда" (VII, 59). Это происходитъ, по мнѣнію Чернышевскаго, потому, что въ современномъ обществѣ тратится громадное количество труда на удовлетвореніе высшихъ утонченныхъ потребностей нѣкоторыхъ людей, въ то время какъ у большинства членовъ общества очень плохо удовлетворены насущныя матеріальныя потребности. Что касается, напр., западно-европейскихъ обществъ, то „статистика показываетъ, что ни въ одномъ изъ нихъ не обращается достаточное количество продуктовъ на удовлетвореніе первыхъ потребностей: въ Англіи, во Франціи, въ Германіи, не говоря уже о другихъ странахъ, масса населенія до сихъ поръ не имѣетъ удовлетворительной пищи, одежды и порядочнаго помѣщенія. А если такъ, то эти націи еще не имѣютъ излишка, который могли разсудительнымъ образомъ обратить на непроизводительное потребленіе или на какіе бы то ни было предметы роскоши". Чернышевскій сравниваетъ такую націю съ человѣкомъ, ко-

---

[1]) VII, 64. См. здѣсь же доказательства. Того же мнѣнія обычно держатся и другіе экономисты. См., напр., *Исаевъ*. Отд. I, гл. I. Проф. *Желѣзновъ* въ своемъ курсѣ даже и не останавливается на этомъ дѣленіи.—Въ недавно вышедшемъ въ обработкѣ Каутскаго посмертномъ сочиненіи Маркса „Теорія прибавочной цѣнности" (Русск. изданіе Горской) мы находимъ очень любопытное опредѣленіе производительнаго труда. „Производительнымъ трудомъ въ системѣ капиталистическаго производства будетъ, по словамъ Маркса, такой трудъ, который производитъ прибавочную цѣнность для того, кто ее примѣняетъ" (стр. 269). Но Марксъ не далъ этому взгляду дальнѣйшаго развитія въ „Капиталѣ".

торый „бросаетъ десятки рублей цыганскому хору... Мы еще не знаемъ, замѣчаетъ онъ, дѣйствительно ли можно считать излишкомъ у него тѣ деньги, которыя онъ бросаетъ цыганамъ. Очень можетъ быть, что онъ живетъ на довольно дурной квартирѣ, нуждается въ бѣльѣ, подвергаетъ лишеніямъ свое семейство“ (VII, 86—87).

Словомъ, вопросъ о производительномъ и непроизводительномъ трудѣ, по Чернышевскому, „скрываетъ въ своей основѣ требованіе, чтобы количество предметовъ роскоши, производимыхъ націею, было сообразно съ ея потребностями уменьшено для увеличенія производства предметовъ первой необходимости“ (VII, 63).

* * *

Переходя затѣмъ къ вопросу о роли *капитала* въ производствѣ, Чернышевскій устанавливаетъ, что „размѣръ производства въ данной странѣ опредѣляется размѣромъ капитала, существующаго въ ней, т.-е. количествомъ продуктовъ, идущихъ на производство. Увеличить производство страны, служащее основаніемъ ея благосостоянія, можно только путемъ увеличенія капитала, т.-е. массы продуктовъ, достающихся на потребленіе работниковъ или употребляемыхъ на производство въ видѣ орудій и матеріаловъ“. Если оставить въ сторонѣ усовершенствованія въ производствѣ, составляющія скорѣе предметъ технологіи, то капиталъ націи можетъ увеличиваться главнымъ образомъ „сокращеніемъ непроизводительнаго потребленія и перенесеніемъ рабочихъ силъ отъ убыточнаго труда къ выгодному“ (VII, 151), причемъ „выгоду и убыточность надобно разсчитывать по дѣламъ общества, націи, человѣческаго рода“ (VII, 65).

Это дѣленіе потребленія на производительное и непроизводительное кажется Чернышевскому гораздо болѣе важнымъ, чѣмъ аналогичная классификація труда, такъ какъ оно прямо связано съ вопросомъ о надлежащей организаціи общества. „Съ точки зрѣнія настоятельнѣйшей потребности общества, потребности въ увеличеніи количества продуктовъ первой надобности, основаніе къ различенію труда на производительный и непроизводительный, не имѣетъ важности, говоритъ онъ... Напротивъ, очень важно съ точки зрѣнія практическихъ потребностей общества и очень логично въ теоретическомъ отношеніи раздѣленіе потребленія на производительное и непроизводительное... Признакомъ производительнаго потребленія служитъ то, что оно имѣетъ своею

цѣлью увеличеніе средствъ къ производству, служитъ источникомъ новаго производства" (VII, 64), т.-е. потребляется людьми, занятыми въ производствѣ. Наоборотъ, „непроизводительное потребленіе, т.-е. потребленіе продуктовъ труда не лицами, трудившимися надъ производствомъ продукта, приноситъ обществу вредъ" (VII, 152).

Смыслъ этихъ разсужденій, повидимому, тотъ, что величина общественнаго производства зависитъ отъ количества работниковъ и, слѣдовательно, отъ количества средствъ, которыми они поддерживаютъ существованіе; продукты же, достающіеся не работающимъ членамъ общества, пропадаютъ безполезно для производства. Эти положенія очень просты, термины же Чернышевскаго „выгодное и убыточное потребленіе" не имѣютъ особеннаго значенія и потому не удержались въ наукѣ. Онъ установилъ ихъ, по всей вѣроятности, потому, что не желалъ или не могъ прямо выставить требованіе трудовой повинности для всѣхъ работоспособныхъ членовъ общества, а также потому, что здѣсь представлялся удобный случай выставить несомнѣнную общественную выгодность равенства права на жизнь и обязанности трудиться.

II.

Распредѣленіе продуктовъ. Заработная плата. Критика системы наемнаго труда. Прибыль. Рента, дифференціальная и абсолютная.

Разсмотримъ теперь ученіе о *распредѣленіи* продуктовъ, которое, по Чернышевскому, является наиболѣе существенной частью политической экономіи. „Производство, говоритъ онъ, имѣетъ свою цѣль не въ самомъ себѣ, а въ потребленіи, а потребленіе имѣетъ своей основой распредѣленіе цѣнностей, потому и основной предметъ изслѣдованій политической экономіи находится въ теоріи распредѣленія; производство занимаетъ ее только какъ подготовленіе матеріала для распредѣленія" (VI, 14).

Въ этой части политической экономіи Чернышевскій измѣнилъ пріемъ своего изложенія. Переводъ Милля оказался слишкомъ громоздкимъ для „Современника", и онъ сталъ давать „обзоръ остальныхъ книгъ Милля", дополняя ихъ своими разсужденіями. Эти обзоры и разсужденія довольно несистематичны; вмѣстѣ съ очень цѣнными истинами они

содержать много лишняго, а главное, въ нихъ нѣтъ стройности и пропорціональности: основныя положенія недостаточно ясно выдѣляются отъ второстепенныхъ мыслей. Чернышевскій, напр., начинаетъ съ того, что одобряетъ слѣдующее неудачное положеніе Милля: „при системѣ частной собственности продуктъ дѣлится подъ вліяніемъ дѣйствія двухъ силъ: соперничества и обычая“ (VII, 310); и далѣе онъ приводитъ цѣлую главу изъ Милля на эту тему. Чернышевскій не замѣчаетъ (по крайней мѣрѣ въ этомъ мѣстѣ), что „при системѣ частной собственности“ соперничество и обычай вліяютъ на распредѣленіе продуктовъ только въ отдѣльныхъ случаяхъ и притомъ главнымъ образомъ въ предѣлахъ доли отдѣльнаго класса или группы. Величина же доли цѣлаго класса опредѣляется, какъ это и показано ниже Чернышевскимъ, другими болѣе общими условіями [1]).

Не останавливаясь на изложенныхъ по Миллю особыхъ формахъ хозяйства (половничествѣ, коттерствѣ и т. п.), займемся типичнымъ для современнаго строя „трехчленнымъ распредѣленіемъ продуктовъ“.

„Производство, говоритъ Чернышевскій, имѣетъ три элемента: землю, трудъ и капиталъ; смотря по тому, раздѣляется владѣніе этими элементами по разнымъ классамъ или соединяется въ одномъ классѣ, продуктъ распредѣляется между разными классами или весь остается въ рукахъ одного класса“ (VII, 340). „Форма трехчленнаго распредѣленія предполагаетъ, что изъ трехъ элементовъ производ-

---

[1]) Затѣмъ Чернышевскій переходитъ къ критикѣ „принципа соперничества“, противопоставляя ему болѣе правильный „разсчетъ выгодъ“. Эти разсужденія чрезвычайно запутаны и туманны. Вотъ вкратцѣ сущность ихъ. Распредѣленіе происходитъ отчасти подъ вліяніемъ соперничества; при соперничествѣ коммерсанты имѣютъ въ виду собственную выгоду, считаясь съ денежнымъ рынкомъ, съ цѣнами. Нужно же имѣть въ виду выгоду вообще и считаться не съ цѣною (хотя цѣна, какъ мы увидимъ, является совершенно безобиднымъ и необходимымъ выраженіемъ мѣновыхъ отношеній различныхъ вещей), а со стоимостью продуктовъ, такъ сказать, въ соціально-этическомъ смыслѣ (съ внутренней стоимостью, какъ выражался въ дальнѣйшемъ Чернышевскій). „Выгодными“ и обладающими стоимостью будутъ при этомъ тѣ продукты, которые соотвѣтствуютъ нормальному порядку удовлетворенія потребностей всѣхъ членовъ общества. Мы уже говорили, что сущность этихъ требованій вполнѣ справедлива, но совершенно излишне выражать ихъ въ терминахъ выгоды, и во всякомъ случаѣ связь ихъ съ той выгодой, которую имѣетъ въ виду коммерсантъ, совершенно искусственная, словесная.

ства, каждый особо принадлежитъ отдѣльному классу, и доля изъ продукта, достающаяся этому классу, опредѣляется соперничествомъ. Классъ, которому принадлежитъ трудъ, является при этой формѣ быта сословіемъ наемныхъ работниковъ, получающихъ рабочую плату; капиталъ принадлежитъ классу промышленныхъ антрепренеровъ, получающихъ прибыль, а земля—классу владѣльцевъ недвижимой собственности, не принимающему никакого личнаго участія въ веденіи предпріятія, но получающему отъ предпринимателя ренту за дозволеніе пользоваться недвижимою собственностью (землею), какъ орудіемъ и помѣщеніемъ для промышленнаго предпріятія" (VII, 370).

Разсмотримъ величину каждой изъ этихъ долей, начиная съ заработной платы.

Ученіе Чернышевскаго о *заработной платѣ* состоитъ изъ ряда замѣчаній въ отдѣльныхъ статьяхъ („Тюрго", 1858 г.; „Капиталъ и Трудъ", 1861 г., и др.), а также изъ отдѣльной главы („Рабочая плата") въ „Примѣчаніяхъ къ Миллю". Чернышевскій въ общемъ принималъ установленный Рикардо, такъ называемый „желѣзный законъ заработной платы", по которому она стоитъ на уровнѣ средствъ, необходимыхъ для поддержанія существованія рабочихъ и продолженія ихъ рода. Такъ, приведя слова Тюрго, что „во всѣхъ отрасляхъ работы должно происходить и происходитъ, что плата работника ограничивается той цифрой, какая необходима для доставленія ему его пропитанія", Чернышевскій говоритъ: „описаніе феномена очень вѣрно съ фактами. Дѣйствительно, такъ происходитъ при владычествѣ индивидуализма, въ обществѣ, гдѣ каждый имѣетъ въ виду только самого себя, на этой аренѣ, гдѣ влекомые конкурренціей несчастные пролетаріи принуждены оспаривать другъ у друга работу, какъ будто добычу, съ опасностью губить другъ друга" [1]).

---

[1]) IV, 226. См. также VI, 15.—Того же взгляда держался и Марксъ въ особенности въ первую половину своей дѣятельности. „Трудъ (или точнѣе рабочая сила, какъ и выражался Марксъ впослѣдствіи), будучи самъ товаромъ, измѣряетъ свою цѣнность рабочимъ временемъ, требующимся для производства труда—товара. Для производства же труда—товара требуется какъ разъ то рабочее время, которое нужно затратить на производство предметовъ, необходимыхъ для непрерывнаго поддержанія труда, т.-е. для того, чтобы поддержать жизнь рабочаго и дать ему возможность продолжать свой родъ. Естественная цѣна труда—не что иное, какъ минимумъ заработной платы". (Нищета философіи, пер. Алексѣева, стр. 19). Точно также

Точно также, согласно желѣзному закону заработной платы, въ эту плату включается и содержаніе семьи. Если члены семьи, жена и дѣти, станутъ также работать, то заработная плата главы семейства понизится настолько, что только вмѣстѣ съ заработкомъ всей семьи, дастъ ей достаточныя средства для существованія. Это говоритъ Милль (ст. 392), а Чернышевскій повторяетъ въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ. „Если мужъ работаетъ одинъ, онъ получаетъ извѣстную плату. Если жена, вмѣсто пустой траты времени на вздорныя дрязги, станетъ работать дѣльнымъ образомъ подобно мужу, она вмѣстѣ съ мужемъ будетъ получать плату не больше той, какая прежде давалась одному мужу. Если дѣти станутъ помогать родителямъ, положеніе родителей и дѣтей ни мало не улучшается. Какое прекрасное поощреніе людямъ къ тому, чтобы занимался дѣльною работой каждый, кто въ силахъ заниматься ею,—иронически замѣчаетъ Чернышевскій,—какое хорошее возбужденіе къ трудолюбію и какая справедливая сообразность вознагражденія съ количествомъ труда". Наконецъ, „если наемный работникъ, кромѣ главнаго своего занятія работой по найму, получаетъ нѣкоторый доходъ отъ какой-нибудь домашней работы, то рабочая плата за его главное занятіе уменьшается соразмѣрно этому побочному доходу; слѣдовательно, онъ можетъ довольствоваться уменьшенною платою". (VII, 392).

Если такимъ образомъ заработная плата наемныхъ рабочихъ не можетъ подняться надъ уровнемъ самыхъ необходимыхъ средствъ ихъ существованія, то очевидно, что не можетъ быть и рѣчи объ улучшеніи положенія рабочихъ при системѣ наемнаго труда. Это, какъ мы увидимъ, и было

въ „Капиталѣ" (въ особенности гл. IV, § 3: „Покупка и продажа рабочей силы") Марксъ развиваетъ ту же мысль, что „стоимость рабочей силы, какъ и стоимость всякаго другого товара, опредѣляется количествомъ необходимаго рабочаго времени, требующагося для произведенія, а слѣдовательно, и воспроизведенія этого особеннаго товара" (стр. 124).—Съ особенной силой это воззрѣніе развивалъ Лассаль. „Средній размѣръ заработной платы, говоритъ онъ, напр., всегда сводится на безусловно необходимое содержаніе, требуемое привычками народа для поддержанія жизни и для размноженія". (Гласный отвѣтъ центральному комитету. 1663. Руо. пер. соч. Лассаля, т. II, стр. 67). См. также рѣчь „Къ рабочему вопросу", (стр. 86—95), „Книга для чтенія рабочихъ", стр. 105 и далѣе, и др.

исходнымъ пунктомъ соціалистическихъ построеній Чернышевскаго, какъ и Лассаля. [1]).

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Чернышевскій, вслѣдъ за Миллемъ, повидимому, согласенъ и съ такъ называемымъ ученіемъ о *фондѣ заработной платы*, по которому для рабочихъ въ каждый данный моментъ предназначена *опредѣленная* сумма (фондъ), такъ что доля каждаго рабочаго тѣмъ больше, чѣмъ рабочихъ меньше. Такъ, Милль въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что „для рабочаго класса важна не абсолютная величина накопленія или производства, *даже не абсолютная величина суммъ, назначенныхъ къ распредѣленію между работниками* (курс. нашъ), а пропорція между этими суммами и числомъ людей, по которому онѣ раздѣляются. Положеніе рабочаго класса можетъ улучшиться не иначе, какъ измѣненіемъ этой пропорціи въ его выгоду, и всякій планъ улучшенія, не основывающійся на этомъ, составляетъ обольщеніе, не могущее дать никакой прочной пользы". Чернышевскій подтверждаетъ, что „это такъ", что дѣйствительно при трехчленномъ распредѣленіи продуктовъ „съ увеличеніемъ числа работниковъ должна уменьшиться доля, достающаяся каждому работнику". Понятно также, что „величина рабочей платы измѣняется отъ измѣненія въ количествѣ капитала, служащаго фондомъ рабочей платы". (VII, 371).—Такимъ образомъ, величина заработной платы зависитъ отъ величины всей суммы, распредѣляемой между рабочими, и количества рабочихъ.

Мы видимъ, что по желѣзному закону заработной платы, она всегда держится на уровнѣ средствъ существованія. Ученіе о фондѣ болѣе утѣшительно (хотя и мало содержательно). Согласно этому ученію для увеличенія заработной платы необходимо или уменьшеніе числа рабочихъ или увеличеніе общей суммы, приходящейся на ихъ долю. Чернышевскій подробно критикуетъ первое изъ этихъ средствъ, предлагаемое Миллемъ. Милль, по его словамъ, „ждетъ, что какими-то судьбами можетъ распространиться въ сословіи наемныхъ работниковъ рѣшимость не размножаться, что

---

[1]) Выставивъ желѣзный законъ заработной платы, Лассаль замѣчаетъ: „какъ скоро кто-нибудь заговоритъ вамъ объ улучшеніи положенія рабочихъ классовъ, вы прежде всего задайте ему вопросъ: признаетъ ли онъ этотъ законъ или нѣтъ? Если онъ не признаетъ его, то знайте, что онъ или хочетъ обмануть васъ, или же онъ самый жалкій невѣжда въ области экономической науки". (II, 68).

эта рѣшимость будетъ создана силою убѣжденія въ томъ, что человѣкъ, производящій на свѣтъ дѣтей, судьбу которыхъ не въ состояніи обезпечить, поступаетъ дурно". „Хорошо, возражаетъ на это Чернышевскій, но развѣ нѣтъ множества вещей, которыя считаются за дурныя каждымъ ихъ совершающимъ и отъ которыхъ однако же не удерживается почти никто изъ людей, находящихся въ извѣстномъ положеніи. Напр., въ какомъ классѣ общества не убѣждены рѣшительно всѣ, что пьянство дѣло убыточное и дурное? Но развѣ мѣшаетъ такое общее убѣжденіе владычеству пьянства въ тѣхъ классахъ, въ которыхъ обстоятельства благопріятны развитію этого порока? Дѣло въ томъ, что мысль сама по себѣ слишкомъ слаба передъ тяготѣніемъ дѣйствительности, убѣжденіе въ огромномъ большинствѣ людей оказывается безсильно передъ житейскими надобностями. Потому всѣ внушенія о воздержанности останутся напрасны относительно огромнаго большинства людей". (VII, 384).

Что же касается второго средства,—увеличенія фонда заработной платы, то Чернышевскій, повидимому, считаетъ его неосуществимымъ при системѣ трехчленнаго распредѣленія продуктовъ. „При трехчленной системѣ, говоритъ онъ, общество дѣлится на два сословія, интересы которыхъ оказываются прямо противоположными по вопросу о рабочей платѣ. Классъ, которому выгодна низкость ея, управляетъ ходомъ экономическихъ дѣлъ: теперь явна причина, по которой и рабочая плата низка, и размноженіе чрезмѣрно; причина эта—трехчленное дѣленіе продукта, раздѣльность рабочей платы отъ прибыли, то, что одинъ человѣкъ нанимается, а другой нанимаетъ въ работу". (VII, 384).

„Низкость рабочей платы, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, выгодна для нанимателей труда; желать, чтобы рабочая плата возвысилась, они не могутъ, потому что это было бы противно ихъ выгодѣ. Послѣ этого, какую пользу можетъ принести чья бы то ни было забота объ уменьшеніи излишка наемныхъ работниковъ раздачею земли въ собственность нѣкоторымъ изъ нихъ или выселеніемъ какой бы то ни было части ихъ (какъ предлагалъ Милль.—М. А.) и какую пользу могутъ принести эти мѣры, пока веденіе промышленныхъ дѣлъ остается въ рукахъ предпринимателей, которымъ выгодна низкость рабочей платы, т.-е. выгодно, чтобы число людей, желающихъ наниматься, было чрезмѣрно велико". (VII, 387). Изъ этого положенія только одинъ выходъ.

„Рабочая плата, говоритъ Чернышевскій, можетъ имѣть удовлетворительную высоту лишь тогда, когда ходъ промышленныхъ дѣлъ будетъ основываться не на наемной работѣ; иначе сказать, величина рабочей платы можетъ быть удовлетворительна лишь тогда, когда въ дѣйствительности не будетъ наемнаго труда, т.-е. не будетъ и рабочей платы,— когда въ дѣйствительности этотъ элементъ будетъ сочетаться въ однихъ рукахъ съ прибылью, когда отдѣльные классы наемныхъ работниковъ и нанимателей труда исчезнутъ, замѣнившись однимъ классомъ людей, которые будутъ работниками и хозяевами вмѣстѣ“ [1]).

*
* *

Такимъ образомъ, единственнымъ средствомъ для улучшенія положенія рабочей массы являются, по Чернышевскому, производительныя кооперацiи, система же наемнаго труда не допускаетъ никакихъ улучшеній. Поэтому Чернышевскій и занятъ главнымъ образомъ ея критикой во всѣхъ отдѣлахъ своихъ примѣчаній къ Миллю и съ самыхъ различныхъ, иногда довольно неожиданныхъ точекъ зрѣнія.

Такъ, въ отдѣлѣ о торговлѣ онъ доказываетъ, что „продажа труда вдвойнѣ невыгодна. Во-первыхъ, она убыточна для массы населенія, продающей свой трудъ съ огромнымъ дисконтомъ, неизбѣжнымъ при каждой продажѣ, которая совершается преждевременно: вѣдь продажа труда—ни больше, ни меньше, какъ преждевременная продажа продукта. Во-вторыхъ, продажа труда убыточна для всего общества, торговые расходы котораго чрезмѣрно увеличиваются отъ чрезмѣрнаго увеличенія торговыхъ сдѣлокъ этою преждевременною продажею, совершенно противорѣчащею экономическому принципу обмѣна“. (VII, 502). Эти разсужденія не имѣютъ большаго значенія. Если вспомнить, что система наемнаго труда въ современномъ строѣ обрекаетъ рабочую массу на хроническую нищету, подневольную зависимость и постоянную необезпеченность существованія, то очевидно,

---

[1]) VII, 388.—Нужно замѣтить, впрочемъ, что иногда Чернышевскій касается и организованной борьбы рабочихъ за улучшеніе своего положенія. Такъ, напр., онъ говоритъ о „колоссальныхъ отказахъ отъ работы“ англійскихъ трэд-юніоновъ „для принужденія фабрикантовъ къ повышенію заработной платы“. (II, 29). Но въ общемъ такія замѣчанія очень рѣдки и случайны.

что порождаемыя ею лишнія сдѣлки и другія мелкія неудобства имѣютъ ничтожное, второстепенное значеніе.

Далѣе у Чернышевскаго встрѣчается такой аргументъ противъ наемнаго труда. Установивъ, что экономическій прогрессъ приводитъ къ вытѣсненію самостоятельныхъ производителей, ремесленниковъ и крестьянъ, онъ старается доказать, что этотъ переходъ невыгоденъ для рабочей массы, такъ какъ заработокъ наемника ниже, чѣмъ у самостоятельнаго хозяина (VII, 523). Въ этихъ разсужденіяхъ есть нѣкоторая доля истины, но въ общемъ и они не имѣютъ значенія, такъ какъ заработокъ самостоятельныхъ производителей зависитъ отъ природныхъ условій, отъ производительности ихъ труда и т. п. и нисколько не зависитъ отъ ихъ самоуваженія; наоборотъ, ничто не мѣшаетъ наемнымъ рабочимъ пріобрѣсти себѣ какую угодно степень самоуваженія и требовательности.

Болѣе интересна критика самой системы наемнаго труда, какъ таковаго, данная имъ въ отдѣлѣ объ обмѣнѣ. Указавъ, что мѣновая цѣнность товаровъ опредѣляется издержками производства и прибылью, при чемъ къ издержкамъ производства причисляется цѣна труда (или точнѣе рабочей силы),— объ этомъ ниже,—Чернышевскій старается доказать, что трудъ не долженъ быть товаромъ, такъ какъ онъ неотдѣлимъ отъ человѣка, и продажа труда равняется продажѣ человѣка.

„Законами странъ, отвергнувшихъ невольничество, воспрещается человѣку продавать себя, говоритъ Чернышевскій. Политическая экономія (!) не находитъ, чтобы этимъ запрещеніемъ стѣснялась свобода человѣка. Напротивъ, она только ограждаетъ свободу человѣка отъ гибельнаго дѣйствія его опрометчивости. Чѣмъ же отличается покупка труда отъ покупки человѣка, воспрещенной законами этихъ странъ? Только двумя обстоятельствами: во-первыхъ, продолжительностью времени, на которое совершается продажа, во-вторыхъ, степенью власти, какую даетъ надъ собою продающійся покупающему. Но очевидно, что то и другое различіе—различіе только количественное, а не качественное, только по степени, а не по основному характеру“ (VII, 436—438).

Однако, какъ мы увидимъ ниже, и самъ Чернышевскій допускаетъ наемный трудъ въ проектированныхъ имъ рабочихъ ассоціаціяхъ. Мы увидимъ также, что именно наемный трудъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова, какъ работа для общества за опредѣленное вознагражденіе, а не самостоя-

тельныя ассоціаціи, соотвѣтствуетъ духу и цѣлямъ соціализма.

***

Переходимъ къ ученію о *прибыли*. „При трехчленномъ дѣленіи продукта, говоритъ Чернышевскій, затраты на производство дѣлаетъ капиталистъ; за вычетомъ этихъ расходовъ остается ему изъ продукта доля, называющаяся прибылью. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ элементовъ. Часть ея служитъ капиталисту вознагражденіемъ за то, что онъ обратилъ на производство свой капиталъ; эта часть называется въ строгомъ смыслѣ слова процентами на капиталъ. Изъ остающагося, за вычетомъ этихъ процентовъ, излишка прибыли часть служитъ вознагражденіемъ за рискъ предпріятія. Другая часть излишка служитъ вознагражденіемъ за трудъ управленія дѣломъ. Каждый изъ этихъ трехъ элементовъ прибыли очень часто отдѣляется отъ другихъ. Капиталистъ имѣетъ иногда наемнаго распорядителя, при которомъ самъ уже вовсе не вмѣшивается въ дѣло; этотъ распорядитель получаетъ вознагражденіе за веденіе дѣла, а капиталисту остаются только проценты съ капитала и страховая премія. Но часто предприниматель занимаетъ на веденіе дѣла капиталъ у другого капиталиста, которому и выдѣляетъ проценты, а самъ получаетъ только страховую премію и вознагражденіе за управленіе дѣломъ,—если же имѣетъ при этомъ наемнаго распорядителя, то одну только страховую премію. Чтобы велись промышленныя дѣла при системѣ трехчленнаго дѣленія продукта, прибыль должна имѣть величину, достаточную на образованіе всѣхъ этихъ трехъ элементовъ прибыли въ размѣрѣ, какой нуженъ по состоянію даннаго общества въ данное время“. (VII, 393).

Чернышевскій еще разъ указываетъ здѣсь на противорѣчіе интересовъ труда и капитала. „Рикардо доказалъ, говоритъ онъ, что прибыль есть остатокъ продукта за вычетомъ стоимости труда, или, при гипотезѣ наемнаго труда, остатокъ продукта за вычетомъ рабочей платы. У континентальныхъ политико-экономовъ эта суровая истина замазывается разными вздорами схоластическаго или риторическаго характера. Мы несогласны на эту пошлую передѣлку и вслѣдъ за Рикардо говоримъ, что при данномъ положеніи производства величина прибыли обратно пропорціональна величинѣ рабочей платы. Дѣлайте изъ этого выводъ, какой хотите, но мы не намѣрены утаивать истину“. (VII, 398).

***

Ученіе Чернышевскаго о *рентѣ* превосходно. Еще въ „Современникѣ" 1854 г. въ библіографической замѣткѣ по поводу книги Львова „О землѣ, какъ элементѣ богатства" Чернышевскій ясно и точно изложилъ теорію дифференціальной ренты (по Рикардо) и теорію такъ назыв. абсолютной ренты, какъ необходимую поправку къ ней. Въ примѣчаніяхъ къ Миллю прекрасно изложено ученіе о дифференціальной рентѣ по Рикардо, объ абсолютной же почти не упоминается. „Землевладѣлецъ, говоритъ Чернышевскій, получаетъ изъ продукта долю, называемую рентой, не за то, что участвуетъ чѣмъ нибудь въ производствѣ, а за то, что дозволяетъ другимъ пользоваться землею, ему принадлежащею. Плодородіе разныхъ участковъ земли различно. Есть такіе участки, которые сверхъ рабочей платы и прибыли обыкновеннаго размѣра даютъ излишекъ; есть такіе, которые не даютъ этого излишка, но даютъ прибыль обыкновенной величины, — земли этого сорта могутъ воздѣлываться капиталистами для прибыли только въ томъ случаѣ, когда, за выдачею рабочей платы, весь продуктъ остается у капиталистовъ. Землю худшаго сорта, которая не даетъ прибыли обыкновеннаго размѣра, уже не можетъ воздѣлывать капиталистъ для прибыли, а можетъ воздѣлывать только работникъ для своего прокормленія". [1]) Такимъ образомъ, возможность ренты „основана на томъ, что не всѣ земли одного качества, что земель лучшихъ сортовъ находится въ странѣ только опредѣленное, далеко не безграничное количество, и что всѣ онѣ обращены уже въ частную собственность" [2]).

Эта теорія Рикардо, по словамъ Чернышевскаго, „совершенно основательна, но не совершенно полна; она объясняетъ только причину различія въ рентѣ различныхъ зе-

---

[1]) VII, 405. Замѣтимъ, что различіе участковъ зависитъ не только отъ плодородія ихъ, но и отъ многихъ другихъ обстоятельствъ напримѣръ, близости къ рынку, наличности минеральныхъ богатствъ и т. п.

[2]) I, 135. То же самое говоритъ Марксъ. Вообще земельная рента, по его словамъ, есть „слѣдствіе земельной собственности". (Капиталъ, III, стр. 607). Въ частности „дифференціальная рента возникаетъ изъ развитія опредѣленнаго для каждой данной степени развитія культуры, — въ природномъ плодородіи родовъ земли"... (Тамъ же, стр. 543).

мель (или, какъ теперь говорятъ, дифференціальную ренту.—М. А.), не принимая, что и самая плохая изъ обрабатываемыхъ земель приноситъ ренту и не объясняя этого; онъ выводитъ ренту ниже дѣйствительной величины ея, потому что беретъ ренту только при достаточности, а не при недостаточности производства" (I, 138). Рента съ самой плохой земли и называется абсолютной рентой. Она зависитъ отъ того, что цѣны на хлѣбъ могутъ стоять и обыкновенно стоятъ выше издержекъ производства на самой худшей землѣ. По Рикардо, „цѣна хлѣба установляется такая, чтобы земледѣлецъ могъ существовать, иначе онъ оставитъ земледѣліе"; а именно: „цѣна хлѣба установляется той цѣною, ниже которой не можетъ безъ раззоренія взять человѣкъ, обрабатывающій самый низкій сортъ изъ обрабатываемыхъ земель" (I, 135—136). Но въ дѣйствительности, „цѣна хлѣба, по словамъ Чернышевскаго, если не можетъ спускаться ниже поставляемой Рикардо границы, то можетъ подниматься выше ея, когда народонаселеніе слишкомъ велико сравнительно съ количествомъ земли, могущей быть обработанною, и хлѣба, ею доставляемаго: тогда хлѣбъ, вслѣдствіе того, что его больше требуется покупщикамъ, нежели предлагается продавцами, дорожаетъ"... Поэтому „низшая рента опредѣляется излишкомъ дохода съ наихудшихъ земель передъ суммою, необходимою для покрытія издержекъ земледѣльца, и земли самаго худшаго сорта изъ удобныхъ къ воздѣлыванію приносятъ ренту (Рикардо упустилъ это изъ виду) тамъ, гдѣ цѣна хлѣба опредѣляется не издержками производства, а стоитъ (по излишку населенія или другимъ причинамъ) выше ихъ; и суммой этой ренты увеличивается и рента всѣхъ другихъ земель. Таково положеніе Англіи, Франціи и проч" [1]).

1) I, 137. Ученіе Маркса объ абсолютной рентѣ нѣсколько отличается отъ вышеизложеннаго. По его мнѣнію, „не вздорожаніе продукта есть причина ренты (абсолютной), а (абсолютная) рента составляетъ причину вздорожанія продукта". (Капиталъ, III, 629). А именно: „землевладѣніе не допускаетъ никакой новой затраты капитала на земляхъ, до сихъ поръ невоздѣланныхъ или не сданныхъ въ аренду, безъ того, чтобы не взыскать дань, т. е. не потребовавъ ренту, хотя земля, взятая подъ распашку такого рода, что дифференціальной ренты не даетъ, и если бы не было земельной собственности, могла бы пойти подъ распашку уже при незначительномъ повышеніи рыночной цѣны"... (III, 628). Такимъ образомъ, по Марксу, частная собственность на землю приводитъ къ тому, что

Переходя затѣмъ къ оцѣнкѣ соціальнаго вліянія ренты, Чернышевскій цѣлымъ рядомъ цифровыхъ иллюстрацій доказываетъ ту простую истину, что такъ какъ „рента составляетъ часть продукта", то „если она отдѣляется отъ рабочей платы, это значитъ, что у человѣка, занимающагося производствомъ, остается ровно настолько меньше продукта, насколько выдѣляется изъ продукта рентой" (VII, 411).

Итакъ, Чернышевскій даетъ въ общемъ правильное ученіе о распредѣленіи общественнаго продукта, хотя его воззрѣнія на заработную плату не совсѣмъ опредѣленны. Менѣе удачна его критика системы наемнаго труда, большая часть которой, какъ мы видѣли, имѣетъ своею цѣлью доказать необходимость ассоціацій самостоятельныхъ производителей, которая такимъ образомъ и въ этомъ отдѣлѣ является центральнымъ пунктомъ ученія Чернышевскаго.

III.

Ученіе о цѣнности и обмѣнѣ. Теорія издержекъ производства и трудовая теорія цѣнности. Деньги. Внутренняя цѣнность.

Какъ буржуазные экономисты, такъ и Марксъ съ его школой одинаково считаютъ ученіе объ обмѣнѣ и цѣнности основнымъ отдѣломъ политической экономіи въ томъ смыслѣ, что оно необходимо для изученія другихъ отдѣловъ (производства и распредѣленія) и потому должно предшествовать имъ. „Были политико-экономы, говоритъ Чернышевскій, ставившіе это понятіе (о цѣнности) основнымъ понятіемъ всей науки, которая у нихъ имѣла почти исключительнымъ предметомъ своимъ теорію обмѣна; о производствѣ и распредѣленіи говорили они лишь для объясненія законовъ, по которымъ происходитъ обмѣнъ" (VII, 416). Сюда Чернышевскій относитъ большую часть нынѣшнихъ (т.-е. современныхъ ему)

самая худшая земля пускается въ обработку только подъ условіемъ уплаты ренты землевладѣльцу. Эта-то абсолютная рента и повышаетъ цѣну. Все это вѣрно, но цѣна хлѣба можетъ повыситься и отъ другихъ причинъ, указанныхъ Чернышевскимъ, и потому именно повышеніе цѣнъ на хлѣбъ сравнительно съ цѣной его производства является ближайшей причиной абсолютной ренты.

послѣдователей Ад. Смита не только на континентѣ, но и въ самой Англіи" (VII, 417). Съ другой стороны, Марксъ построилъ свое экономическое ученіе, исходя изъ такъ наз. трудовой теоріи цѣнности (о которой ниже) и его послѣдователи (напр., Каутскій, Плехановъ и др.), утверждаютъ, что цѣнность есть „важнѣйшая основная категорія политической экономіи, безъ которой современный способъ производства не можетъ быть правильно понятъ" [1]). Болѣе того. Г. Плехановъ считаетъ очевиднымъ недостаткомъ Милля и Чернышевскаго то, что они ставили теорію цѣнности и обмѣна на второй планъ, т.-е. излагали политическую экономію въ другомъ порядкѣ, чѣмъ Марксъ [2]).

Нетрудно показать, что правъ былъ Чернышевскій (вмѣстѣ съ Миллемъ), а не буржуазные экономисты и Марксъ. При изложеніи ученія Милля и Чернышевскаго о производствѣ и распредѣленіи продуктовъ намъ не встрѣчалось надобности въ какой-либо теоріи цѣнности. Только одинъ разъ, по поводу абсолютной ренты, намъ пришлось коснуться зависимости между повышеніемъ цѣны на хлѣбъ и абсолютной рентой. Но для этого достаточно было указать на *фактъ* повышенія цѣнъ, не объясняя его теоретически. Заслуга Чернышевскаго и состоитъ прежде всего въ томъ, что онъ отвелъ ученію о цѣнности надлежащее, т.-е. второстепенное, мѣсто. „Уже тотъ самый фактъ, что изъ пяти книгъ своего трактата могъ Милль изложить цѣлыхъ двѣ книги, почти не касаясь цѣнности, достаточно свидѣтельствуетъ, по его словамъ, о чрезмѣрной узости взгляда, имъ опровергаемаго", относительно зависимости теоріи производства и распредѣленіи отъ ученія объ обмѣнѣ и цѣнности (VII, 417). Современная политическая экономія, кромѣ ортодоксально-марксистскихъ курсовъ (напр., Богданова), слѣдуетъ Миллю и Чернышевскому, а не Марксу.

Главнымъ источникомъ путаницы и недоразумѣнія въ теоріи цѣнности служитъ, какъ это обыкновенно бываетъ, неясная постановка вопроса. Въ общихъ чертахъ дѣло заклю-

---

[1]) Каутскій. Эконом. уч. Маркса, стр. 12. Точно также, по мнѣнію г. Плеханова, „ученіе о стоимости (или цѣнности, по нашей терминологіи) по справедливости считается краеугольнымъ камнемъ науки о законахъ буржуазнаго хозяйства". (С.-Д., № 2, стр. 113).

[2]) „Достаточно сказать, говоритъ г. Плехановъ, что онъ (Чернышевскій), вмѣстѣ съ Миллемъ считалъ возможнымъ излагать ученіе о заработной платѣ *прежде* и *независимо* отъ ученія о стоимости". (С.-Д., 11, 126).

чается въ слѣдующемъ. При общественномъ раздѣленіи труда и частной собственности на средства производства (т.-е. при товарномъ хозяйствѣ), продукты труда одного производства необходимо обмѣниваются на другіе продукты. При этомъ различные продукты въ среднемъ обмѣниваются въ опредѣленной, довольно постоянной, пропорціи. Мѣновой цѣнностью или просто цѣнностью и называется пропорція, отношеніе, въ которомъ обмѣниваются продукты. „Мѣновая цѣнность вещи, говоритъ Чернышевскій, есть покупательная сила вещи, степень власти къ пріобрѣтенію другихъ вещей взамѣнъ за эту вещь“ [1]). Ученіе о цѣнности и ставитъ своей задачей объясненіе процесса обмѣна. — Какъ извѣстно, существуютъ три главнѣйшія системы теоріи цѣнности: [2]) Во-первыхъ, *трудовая* теорія цѣнности, намѣченная еще Адамомъ Смитомъ, съ полной ясностью изложенная Рикардо и затѣмъ подробно развитая Родбертусомъ и Марксомъ (въ I т. Капитала), по которой цѣнность товаровъ опредѣляется среднимъ общественно необходимымъ количествомъ затраченнаго на нихъ труда [3]). Во-вторыхъ, теорія *предѣльной полезности*, принимаемая такъ наз. Австрійской школой (К. Менгеромъ, Бемъ-Баверкомъ и др.), по которой „цѣнность предмета устанавливается его предѣльной полезностью, наименѣе важной потребностью изъ всѣхъ, удовлетворяемыхъ при помощи запасовъ предметовъ этого рода, которыми мы располагаемъ“ [4]). Въ третьихъ, теорія *издержекъ производства*, развиваемая Миллемъ и Чернышевскимъ, а также принятая Мар-

---

[1]) „Мѣновая стоимость, говоритъ Марксъ, прежде всего является отношеніемъ количественнымъ, отношеніемъ, въ которомъ потребительная стоимость одного рода обмѣнивается на потребительную стоимость другого рода“ (Капиталъ, I, стр. 2); и далѣе Марксъ говоритъ о томъ, что это отношеніе измѣняется.

[2]) Систематическое изложеніи ихъ см. въ курсахъ Исаева, Желѣзнова и др. Лучшее изъ извѣстныхъ мнѣ критическихъ изложеній теоріи цѣнности см. въ книгѣ *Франка*. Теорія цѣнности Маркса и ея значеніе. Спб., 1900 г.

[3]) „Стоимость одного какого-ниб. товара, говоритъ Марксъ, относится къ стоимости каждаго другого товара, какъ рабочее время, требуемое для производства перваго товара относится къ рабочему времени, необходимому на производство другого товара (Кап. I, 5). О томъ, держался ли въ дѣйствительности Марксъ трудовой теоріи цѣнности, будетъ сказано ниже.

[4]) Туганъ-Барановскій. Очерки изъ исторіи политической экономіи. 3 изд., стр. 174. См. подробнѣе изложеніе и защиту этой теоріи

ксомъ (въ III т. Капитала). Я считаю эту теорію наиболѣе удовлетворительной. Вотъ ея „совершенно вѣрныя“, по выраженію Чернышевскаго, положенія, резюмированныя Миллемъ.

„Цѣнность есть понятіе относительное. Цѣнность предмета—это значитъ количество какого-нибудь другого предмета или количество предметовъ вообще, за какое онъ обмѣнивается“. Каждому изъ опытовъ извѣстно, что цѣнности предметовъ (какъ и цѣны ихъ), хотя и испытываютъ небольшія колебанія, но въ общемъ держатся около нѣкотораго средняго уровня, такъ что нужно различать временную цѣнность и цѣнность постоянную или среднюю. „Временная или рыночная цѣнность предмета, опредѣляется уравненіемъ запроса и снабженія (или,—какъ обычно говорятъ,—спроса и предложенія. М. А.), поднимаясь при возвышеніи запроса, падая при возвышеніи снабженія. Кромѣ временной цѣнности предметы имѣютъ постоянную или, можно сказать, естественную цѣнность, къ которой постоянно стремится возвратиться рыночная цѣнность послѣ каждаго колебанія; и эти колебанія взаимно вознаграждаются, такъ что въ среднемъ выводѣ товары обмѣниваются по своей естественной цѣнности“.—Чѣмъ же опредѣляется эта естественная цѣнность? Въ этомъ отношеніи предметы дѣлятся на два разряда: во-первыхъ, такіе, число которыхъ можетъ неопредѣленно возрастать (свободно воспроизводимые) и, во-вторыхъ, тѣ, число которыхъ не можетъ значительно увеличиваться (напр., драгоцѣнные камни, древнія статуи, картины умершаго художника и т. п.). Для политической экономіи имѣютъ важность только предметы перваго разряда. Ихъ цѣнность опредѣляется слѣдующимъ образомъ. „Каждый *товаръ*, снабженіе которымъ можетъ неограниченно увеличиваться черезъ трудъ и капиталъ, говоритъ Милль, обмѣнивается за другіе предметы пропорціонально стоимости производства и доставки на рынокъ той части требуемаго снабженія, которая обходится по наибольшей стоимости... Стоимость производства состоитъ изъ нѣсколькихъ элементовъ, между которыми одни постоянны и всеобщи, другіе случайны. Всеобщіе элементы стоимости производства—рабочая плата за трудъ и прибыль на капиталъ. Случайные элементы — налоги и всякая лишняя стоимость, производимая цѣнностью недостачи какихъ-ни-

---

въ его книгѣ „Теоретическія основы марксизма“, гл. VI. Цѣнность и стоимость. Ниже мы вкратцѣ дадимъ ея оцѣнку.

будь принадлежностей производства. Рента (точнѣе дифференціальная рента.—М. А.), не составляетъ элемента стоимости производства товара, дающаго ее" [1]).

Такимъ образомъ, „если оставить въ сторонѣ случайные элементы цѣнности, то предметы, количество которыхъ можетъ возрастать неопредѣленно, естественнымъ и постояннымъ образомъ обмѣниваются другъ на друга по пропорціи количества рабочей платы, какую надобно употребить на ихъ производство, и количеству прибыли, какая должна быть получена капиталистами, выдающими эту плату" (VII, 450—451).

Эти положенія нуждаются въ небольшихъ поясненіяхъ. Прежде всего, очевидно, какъ на это и указываетъ Чернышевскій, что анализъ стоимости, сдѣланный Миллемъ, „ведется съ точки зрѣнія капиталиста; для капиталиста трудъ—только элементъ стоимости производства" (VII, 436). Но такъ какъ дѣло идетъ объ объясненіи явленій нынѣшняго капиталистическаго строя, гдѣ хозяевами жизни являются капиталисты, то Милль поступаетъ вполнѣ правильно. Далѣе. Милль не ограничивается положеніемъ, что средняя мѣновая цѣнность свободно воспроизводимыхъ товаровъ равняется издержкамъ ихъ производства плюсъ средняя прибыль, а разлагаетъ эти издержки (которыя равны заработной платѣ плюсъ цѣна сырого матеріала, плюсъ цѣна износа орудій производства) опять таки на издержки ихъ производства плюсъ прибыль. Такъ какъ цѣна сырья опредѣляется заработной платой плюсъ прибыль на худшей землѣ, то, суммируя этотъ рядъ, Милль получаетъ свой выводъ, что мѣновая цѣнность опредѣляется суммой заработной платы и прибыли. А такъ какъ заработная плата и процентъ прибыли довольно постоянны для даннаго времени, то этимъ и объясняется постоянство мѣновой цѣнности данныхъ вещей. Итакъ, мѣновая цѣнность продуктовъ (C) опредѣляется суммой издержекъ производства (J) и средней прибылью (P). $C=f(J+P)$. Если, напр., издержки производства на суконной фабрикѣ (заработная плата, сырье, изнашивающаяся часть основного капитала, страхованіе и т. д.), равны 1 милл. руб., а средній процентъ прибыли 10%, а фабрика произво-

---

[1]) „Рентою не возвышается цѣнность продукта, опредѣляемая стоимостью производства послѣдней его части, не платящей ренты", поясняетъ Чернышевскій (VII, 434).

дитъ 100 тыс. аршинъ сукна, то мѣновая цѣнность одного аршина будетъ $\frac{1,000,000+100,000}{100,000}=1$ р. 10 к.

* * *

Я покажу сперва отношеніе этой теоріи къ ученію Маркса, развитому въ I и въ III томахъ „Капитала", а затѣмъ разберу возраженія противъ нея.—Ученіе о цѣнности (или стоимости) данное въ I томѣ „Капитала", обыкновенно понималось и очень многими понимается до сихъ поръ, какъ трудовая теорія цѣнности, относящаяся къ капиталистическому строю. Изслѣдовать его законы, какъ извѣстно, и составляло задачу Маркса. Еще въ книгѣ Маркса „Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи" встрѣчаются мѣста, дающія полное основаніе для такого пониманія взглядовъ Маркса (см. Франкъ, стр. 73 и далѣе). „Какъ мѣновыя цѣнности, говоритъ, напр., Марксъ, всѣ товары представляютъ только опредѣленныя количества застывшаго рабочаго времени" („Критика нѣкоторыхъ положеній полит. экон.", стр. 4. См. также стр. 9). Точно также Марксъ иронизируетъ надъ Адамомъ Смитомъ, по которому цѣнность опредѣляется рабочимъ временемъ только въ докапиталистическія „до-Адамовы" времена (тамъ же, стр. 34—35). Поэтому неудивительно, что послѣдователи Маркса признавали, что обмѣнъ въ капиталистическомъ строѣ подчиненъ закону трудовой цѣнности. Такъ, г. Плехановъ въ своихъ статьяхъ о Чернышевскомъ, поучаетъ его и читателей на этотъ счетъ. „Если Ад. Смитъ, говоритъ онъ, относилъ, по замѣчанію Маркса, опредѣленіе стоимости трудомъ къ до-адамовскимъ временамъ, то Чернышевскій, вмѣстѣ съ Прудономъ, относитъ его къ временамъ лучшаго будущаго. А между тѣмъ, мы уже знаемъ, что *это опредѣленіе соотвѣтствуетъ не болѣе и не менѣе, какъ современной намъ некрасивой буржуазной дѣйствительности*" (Соціалъ-дем., № 2, 111—112.— Курсивъ нашъ). Чернышевскій, по словамъ г. Плеханова, держался „неосновательнаго ученія Милля о стоимости", и потому ему „казалось невѣроятнымъ, чтобы трудъ могъ быть единственнымъ источникомъ стоимости въ обществѣ предпринимателей, не заботящихся ни о чемъ, кромѣ прибыли, и обращающихся съ трудомъ, какъ съ простымъ товаромъ" (С. Д., № 2, 112). Въ томъ же

духѣ разсуждало и большинство сторонниковъ Маркса до выхода III тома его „Капитала“ [1]).

Нетрудно показать несостоятельность трудовой теоріи цѣнности для капиталистическаго строя. Такъ какъ это съ отчетливой ясностью уже сдѣлано г. Франкомъ (глава I), то я ограничусь немногими замѣчаніями, отчасти дополняющими его критику. Во-первыхъ, благодаря частной собственности на землю и наличности дифференціальной ренты, мѣновая цѣнность продуктовъ добывающей промышленности опредѣляется не *среднимъ* общественно-необходимымъ количествомъ труда, затраченнаго на ихъ производство, а (по общему правилу) количествомъ труда на *худшей* землѣ. Это обстоятельство указано самимъ Марксомъ. „Относительно дифференціальной ренты слѣдуетъ замѣтить, говоритъ онъ, что рыночная (т.-е. мѣновая) стоимость всегда выше валовой цѣны производства всей массы продукта“ [2]). Если же не считать продукты добывающей промышленности свободно воспроизводимыми (хотя тогда никакой продуктъ не будетъ свободно воспроизводимымъ, ибо вездѣ нужны сырые матеріалы, добываемые съ земли), если ограничиться продуктами обрабатывающей промышленности, то трудовая теорія цѣнности и здѣсь оказывается несостоятельной, какъ это опять-таки показано самимъ Марксомъ.

Дѣло въ томъ, что логическое развитіе трудовой теоріи

---

[1]) См. Франкъ, стр. 62. „Основная нить, связывающая Маркса съ классиками, говоритъ Михайловскій, состоитъ въ положеніи, что источникъ и мѣрило цѣнности есть трудъ. Это—тезисъ чисто научный, теоретическій, достаточно разработанный, чтобы была какая-нибудь надобность его здѣсь доказывать. Читатель можетъ обратиться за доказательствами въ русской литературѣ къ Марксу, къ Миллю, къ переводу Рикардо, къ диссертаціи Зибера“ (Марксъ предъ судомъ Жуковскаго, 1877 г., т. IV, стр. 200. См. также I, 815 и др.). Михайловскій, какъ и многіе другіе, смѣшиваетъ здѣсь трудовую теорію цѣнности и фактъ нетрудового дохода владѣльцевъ земли и капитала.

[2]) „Капиталъ“, III, 545. Вотъ примѣръ, приводимый Марксомъ, въ которомъ мы замѣняемъ англійскія мѣры русскими. „Пусть на 4-хъ различныхъ участкахъ земли, при одной и той же затратѣ труда и капитала въ 10 р., будетъ получено 1, 2, 3 и 4, всего 10 четв. хлѣба“. Тогда „дѣйствительная цѣна производства 10 четв. равна 40 руб. продаются же онѣ за 100 р., дороже въ 2 съ половиной раза. Дѣйствительная средняя цѣна 1 четв.—4 р.; рыночная же цѣна—10 р., точно также дороже въ 2 съ половиной раза“.

цѣнности приводитъ къ противорѣчію съ фактами[1]. Поэтому Марксъ въ III т. „Капитала“ довольно неожиданно для своихъ послѣдователей заявилъ то самое, что раньше его говорилъ Милль и Чернышевскій, а именно, что мѣновая цѣнность товаровъ опредѣляется издержками ихъ производства плюсъ средняя прибыль. „Цѣна производства (т.-е. мѣновая цѣнность) товара, говоритъ Марксъ, равняется... издержкамъ его производства плюсъ прибыль, прибавленная въ процентномъ отношеніи и соотвѣтствующая общей нормѣ прибыли, или равняется издержкамъ его производства плюсъ средняя прибыль... Будетъ дѣломъ случая, говоритъ далѣе Марксъ, если прибавочная стоимость, дѣйствительно произведенная въ какой-нибудь опредѣленной отрасли производства, а слѣдовательно и прибыль, совпадаетъ съ прибылью,

---

[1]) Пусть въ самомъ дѣлѣ мѣновая цѣнность товаровъ опредѣляется трудомъ, затраченнымъ на ихъ производство, какъ утверждаетъ Марксъ въ I т. „Капитала“. Поэтому, цѣнность товаровъ, напр., какой-нибудь суконной фабрики, состоитъ, во-первыхъ, изъ цѣнности сырого матеріала и частей машинъ, зданій и т. п., изношенныхъ за время производства, а во-вторыхъ, изъ цѣнности, созданной трудомъ рабочихъ этой фабрики. Первую часть Марксъ называетъ постояннымъ капиталомъ, трудъ же рабочихъ (и ихъ рабочее время) распадается, по его мнѣнію, на двѣ части: необходимый или оплаченный трудъ (и рабочее время), когда рабочіе отрабатываютъ свою заработную плату, и неоплаченный, когда они создаютъ прибыль капиталиста. Заработная плата есть цѣна рабочей силы, и какъ цѣна всякаго товара, она равняется стоимости средствъ существованія рабочаго и его семьи. Если производство этихъ средствъ существованія требуетъ въ среднемъ, напр., 6 час. труда, а рабочій день продолжается 12 час., то половина рабочаго дня употребляется на созданіе прибыли капиталистовъ. Но если все это вѣрно, то при одинаковой приблизительно длинѣ рабочаго дня во всѣхъ капиталистическихъ предпріятіяхъ процентъ прибыли въ различныхъ предпріятіяхъ (разсчитываемый на весь затраченный въ производствѣ капиталъ) долженъ быть совершенно различный, и при томъ тѣмъ большій, чѣмъ больше часть капитала, идущая на наемъ рабочихъ (перемѣнный капиталъ, по выраженію Маркса). Пусть, напр., въ одномъ предпріятіи постоянный капиталъ 100 тыс. рублей, перемѣнный тоже 100 тыс., и оплаченное рабочее время составляетъ половину рабочаго дня; тогда рабочіе своимъ трудомъ производятъ 100 тыс. прибавочной цѣнности, которая на весь затраченный капиталъ (200 т.) составитъ 50% прибыли. Въ другомъ предпріятіи, при постоянномъ капиталѣ въ 200 тыс., тотъ же перемѣнный капиталъ 100 т. дастъ также 100 тыс. прибавочной цѣнности, но она составитъ всего $33^1/_3$% прибыли. Въ дѣйствительности же прибыль во всѣхъ предпріятіяхъ стоитъ приблизительно на одномъ уровнѣ или стремится къ нему.

содержащеюся въ продажной цѣнѣ товара" („Капиталъ" III, 123—124).

На почвѣ этихъ несомнѣнныхъ противорѣчій I и III томовъ „Капитала" разыгралось слѣдующее комичное приключеніе съ г. Плехановымъ, который всегда и прежде всего вѣрный ученикъ Маркса. Когда г. Плехановъ писалъ свои статьи о Чернышевскомъ, III томъ „Капитала" еще не былъ изданъ, и трудовая теорія цѣнности, данная въ I томѣ, была для г. Плеханова несомнѣннѣйшей истиной. Мы уже приводили его замѣчанія въ этомъ духѣ. Поэтому онъ жестоко разносилъ теорію Милля. Онъ называлъ ее „логически невозможной микстурой", какимъ-то „среднимъ ученіемъ", въ которомъ истинные элементы, взятые у Рикардо, „безслѣдно скрываются въ туманѣ эклектизма" и т. п. (С. Д., № 2, 100). Правда, у него возникали кое-какія сомнѣнія, такъ какъ фактъ стремленія прибыли къ одному уровню былъ извѣстенъ еще Рикардо. Но г. Плехановъ не отваживался самолично разрѣшить этотъ вопросъ, о чемъ онъ и заявляетъ съ простодушной наивностью. „До появленія III тома „Капитала", говоритъ онъ, мы не станемъ пытаться разрѣшить противорѣчіе между закономъ стоимости и закономъ равенства прибыли. Но, прибавляетъ г. Плехановъ, какъ бы ни разрѣшалось это противорѣчіе, несомнѣнно то, что оно никогда не оправдаетъ эклектическаго ученія Милля о стоимости" (стр. 101). Когда же, вопреки всѣмъ ожиданіямъ г. Плеханова, оказалось, что Марксъ пришелъ именно къ „эклектическому ученію Милля", г. Плехановъ немедленно убѣдился, что это и есть несомнѣнная истина и что, собственно говоря, Марксъ (а также вѣроятно и самъ г. Плехановъ) всегда держался этого мнѣнія[1]).

Итакъ, трудовая теорія мѣновой цѣнности въ капиталистическомъ строѣ объявлена послѣдователями Маркса непра-

---

[1]) Въ рецензіи на упомянутую книгу г. Франка, г. Плехановъ цитируетъ изъ I и II томовъ „Капитала" два мѣста, которыя могутъ быть истолкованы въ духѣ третьяго тома, а именно, что Марксъ „отрицаетъ прямое совпаденіе среднихъ цѣнъ товаровъ съ ихъ цѣнностями. Люди, думавшіе, что Марксъ признаетъ это и даже собирается „доказать" это въ третьемъ томѣ, замѣчаетъ г. Плехановъ, просто-на-просто плохо поняли Маркса". (Критика нашихъ критиковъ. СПБ. 1906 г., стр. 249). Г. Плехановъ забываетъ, что и онъ принадлежалъ къ этимъ людямъ. Кстати, г. Франку (см., напр., стр. 59 его книги) извѣстно то, чему поучаетъ его г. Плехановъ.

вильной и даже несуществовавшей. По словамъ Каутскаго, „изъ безчисленныхъ теорій ближе всего къ истинѣ та, которая видитъ основную опредѣляющую причину цѣнности въ издержкахъ производства“ („Эк. уч.“, 73). Разсмотримъ теперь критику этой теоріи. По словамъ Каутскаго, эта теорія неудовлетворительна потому, что она не объясняетъ, „чѣмъ опредѣляется *величина* прибыли, и почему она при извѣстныхъ отношеніяхъ равна 10, а не 100 или 1000 процентовъ“, — что объясняется, по мнѣнію Каутскаго, только трудовой теоріей цѣнности, указывающей среднюю норму прибавочной цѣнности. Если, напр., рабочіе, сверхъ средствъ своего существованія, получаемыхъ ими въ видѣ заработной платы, произведутъ еще цѣнностей, стоящихъ 10 милліардовъ рабочихъ дней (D), весь же общественный капиталъ (K) стоитъ 100 милліардовъ рабочихъ дней, то средній процентъ прибыли будетъ 10%.

Нетрудно видѣть, однако, что это положеніе совершенно неправильно, такъ какъ оно упускаетъ изъ вида ренту. Въ дѣйствительности процентъ прибыли (P) равняется (помноженному на 100) отношенію чистаго дохода націи (D) минусъ абсолютная и дифференціальная рента ($R_a + R_d$) къ капиталу націи (K)

$$P = \frac{D - (R_a + R_d)}{K} \times 100.$$

Для величинъ же R_a и R_d врядъ ли можно дать математическую формулу. Такимъ образомъ, трудовая теорія цѣнности столь же мало, какъ и всякая другая, можетъ математически выразить величину процента прибыли, являющагося однимъ изъ элементовъ мѣновой цѣнности. Да это и не является прямой задачей теоріи цѣнности, подобно тому, какъ ученіе о рентѣ вовсе не берется математически формулировать величины конкретныхъ рентъ (въ особенности абсолютныхъ). Теорія цѣнности ставитъ своею цѣлью дать общую формулу мѣновой цѣнности, объясняющую мѣновыя отношенія, и теорія издержекъ производства, какъ мы видѣли, даетъ ее.

Гораздо серьезнѣе возраженія, выдвинутыя г. Франкомъ. Еще Рикардо считалъ, что для дѣйствія закона издержекъ производства нужны два условія (принимаемыя во вниманіе и Миллемъ): 1) „рента не должна входить въ цѣны продуктовъ, 2) должна имѣться возможность безпрепятственнаго передвиженія капитала и труда по всей аренѣ промышлен-

наго производства" („Теорія цѣнности Маркса", стр. 84). Но такъ какъ въ дѣйствительности абсолютная рента входитъ въ цѣну продукта, и капиталъ, и трудъ перемѣщаются не вполнѣ свободно, то мѣновая цѣнность не вполнѣ опредѣляется закономъ производственныхъ цѣнъ. Факты, указываемые г. Франкомъ, несомнѣнно существуютъ и оказываютъ вліяніе на законъ производственныхъ цѣнъ, но ихъ наличность нимало не опровергаетъ этого закона, точно такъ же, какъ наличность тренія не опровергаетъ закона инерціи. Дѣло идетъ, какъ мы видѣли, о свободно воспроизводимыхъ продуктахъ. Абсолютная же рента есть цѣна, возникающая изъ монополіи земельныхъ собственниковъ; точно также законъ Милля предполагаетъ свободное передвиженіе труда и капитала. Поскольку абсолютная рента и препятствія этому передвиженію имѣются въ наличности, постольку они измѣняютъ конкретное дѣйствіе этого закона, но и только. Законъ же остается вѣрнымъ.

* * *

Нетрудно также показать, что вопреки широко распространенному мнѣнію (въ томъ числѣ и Чернышевскаго) трудовая теорія цѣнности, какъ и всякая другая теорія цѣнности, не можетъ служить обоснованіемъ соціализма. Основныя положенія соціализма заключаются въ установленіи и объясненіи того, что въ нынѣшнемъ строѣ рабочая масса эксплоатируется владѣльцами средствъ производства, получающими безъ труда видную долю продуктовъ общественнаго производства, такъ наз., прибавочную цѣнность; во-вторыхъ, въ доказательствѣ возможности соціалистическаго строя и въ указаніи средствъ его осуществленія. Марксъ дѣйствительно связываетъ трудовую теорію цѣнности и ученіе о прибавочной цѣнности (или нетрудовомъ доходѣ). Но въ дѣйствительности доказательство существованія прибавочной цѣнности (т.-е. эксплоатаціи рабочихъ) не только не зависитъ у Маркса отъ теоріи трудовой цѣнности, но, наоборотъ, сама трудовая теорія цѣнности основана на фактѣ эксплоатаціи рабочихъ. Въ самомъ дѣлѣ. Въ параграфѣ „Производство прибавочной стоимости" Марксъ излагаетъ это производство слѣдующимъ образомъ. Пусть рабочій перерабатываетъ въ 6 час. 10 фунт. хлопка, стоящихъ 10 шилинговъ, въ 10 ф. пряжи, при чемъ изнашивается часть вещества веретена, напр., на 2 шилинга. Эта цѣнность переходитъ безъ измѣ-

ненія пряжи. Далѣе, въ эту цѣнность входитъ трудъ наемнаго рабочаго прядильщика. „При продажѣ рабочей силы *было предположено* (курсивъ нашъ), говоритъ Марксъ, что дневная стоимость ея 3 шилл., и что въ этихъ 3 шилл. воплощено 6 рабочихъ часовъ; слѣдовательно, это количество труда требуется для того, чтобы произвести среднюю сумму ежедневныхъ средствъ существованія, необходимыхъ для работника" („Капиталъ", I, 144). Если бы рабочій день продолжался только эти 6 часовъ, то цѣнность произведеннаго имъ продукта равнялась бы 10+2+3=15 шилл., и фунтъ пряжи стоилъ бы полтора шиллинга. При этомъ капиталистъ не получалъ бы никакой прибыли. „Нашъ капиталистъ останавливается, пораженный изумленіемъ. Стоимость продукта равняется стоимости затраченнаго капитала. Затраченная стоимость не возрасла по своей величинѣ, не породила никакой прибавочной стоимости, и деньги, слѣдовательно, не превратились въ капиталъ". Но капиталистъ заставляетъ прядильщика работать не 6 часовъ (такъ назыв., необходимое рабочее время), а, напримѣръ, 12. „Владѣлецъ денегъ заплатилъ дневную стоимость рабочей силы; поэтому ему принадлежитъ потребленіе ея въ теченіе дня, т.-е. трудъ цѣлаго дня". За 6 часовъ прибавочнаго труда рабочій, по Марксу, опять-таки создаетъ цѣнность въ 15 шиллинговъ, изъ которыхъ цѣнность, произведенная его трудомъ (3 шилл.), составляетъ прибыль капиталиста. (Эти разсужденія обычно приводятся во всѣхъ изложеніяхъ Маркса. См., напр., Каутскій, „Эк. уч. Маркса", гл. II и I).

Въ этихъ разсужденіяхъ Марксъ предполагаетъ, что рабочій только часть своего рабочаго дня отрабатываетъ свою плату, а остальную часть дня работаетъ на капиталиста, создавая прибавочную цѣнность. Такимъ образомъ, Марксъ *исходитъ изъ факта эксплоатаціи рабочихъ*. Конечно, эксплоатація эта, наличность нетрудового дохода или прибавочной цѣнности, есть несомнѣнный фактъ. Но онъ не только не зависитъ отъ трудовой теоріи цѣнности, но, наоборотъ, какъ мы видѣли, лежитъ въ основаніи ея. Такимъ образомъ, не прибавочная цѣнность основывается на трудовой теоріи цѣнности, а наоборотъ, трудовая теорія цѣнности основывается у Маркса на фактѣ прибавочной цѣнности. Поэтому теорія соціализма можетъ и должна исходить не изъ трудовой теоріи цѣнности, а изъ безспорнаго факта эксплоатаціи рабочихъ владѣльцами средствъ производства.

* * *

Какъ уже сказано, Чернышевскій совершенно не допускаетъ наемнаго труда въ нормальномъ общежитіи. А такъ какъ заработная плата наемнаго рабочаго входитъ въ цѣну продукта, то онъ считаетъ нужнымъ поставить для мѣновой цѣнности иную норму, чѣмъ теперь. „Если, говоритъ онъ, трудъ по своей неотдѣлимости отъ самаго человѣка не долженъ быть предметомъ покупки и продажи, т.-е. не долженъ имѣть мѣновой цѣнности, то окажется недостаточно принимаемое господствующею теоріею основаніе для опредѣленія стоимости производства другихъ товаровъ. Дѣйствительно мы видѣли, что она слагается изъ мѣновой цѣнности труда, употребленнаго на предметъ, и прибыли на этотъ трудъ. Если одинъ изъ этихъ двухъ элементовъ, и при томъ важнѣйшій, не долженъ имѣть мѣновой цѣнности, то чѣмъ же опредѣлится стоимость производства? Очевидно, что она должна получить какую нибудь другую норму“ (VII, 436).

Казалось бы, что при устраненіи наемнаго труда и, слѣдовательно, прибыли капиталистовъ, такою нормою будетъ количество труда, затраченнаго на производство. Чернышевскій иногда и утверждаетъ это. „Только односторонняя и узкая привычка забывать о національной или общечеловѣческой точкѣ зрѣнія, по увлеченію ходомъ дѣлъ въ частномъ хозяйствѣ, говоритъ онъ, могла заставить господствующую теорію ограничиваться тѣмъ поверхностнымъ понятіемъ о стоимости труда и производства для нанимателя-капиталиста, какое мы находимъ въ ней. При малѣйшемъ вниманіи къ національному хозяйству, какъ одному экономическому цѣлому, этотъ поверхностный взглядъ на дѣло замѣнился бы изложенною нами идеею общей нормы цѣнностей“ (VII, 492). А именно: „національный продуктъ производится національнымъ трудомъ. Кажется, очень не трудно дойти съ этой точки зрѣнія до идеи, что количество труда служитъ общею нормою цѣнности“ (VII, 493). Въ своихъ примѣрныхъ разсчетахъ (для нормальнаго общества) Чернышевскій всегда опредѣляетъ цѣнность продуктовъ трудомъ, затраченнымъ на ихъ производство. Несомнѣнно, что такъ и будетъ въ соціалистическомъ строѣ, гдѣ впервые будетъ осуществленъ въ жизни законъ трудовой цѣнности [1]).

[1]) Наоборотъ, совершенно нельзя себѣ представить, чтобы обмѣнъ былъ планомѣрно организованъ обществомъ соотвѣтственно закону

Въ самомъ дѣлѣ, съ устраненіемъ частной собственности на землю и капиталы, а вмѣстѣ съ тѣмъ прибыли и ренты, и при общественной организаціи производства, всѣ элементы, входящіе въ цѣнность продукта, сведутся къ цѣнности затратъ производства и къ количеству затраченнаго труда; затраты же производства будутъ также выражаться въ количествахъ труда, такъ что общая цѣнность продукта будетъ точно соотвѣтствовать количеству заключеннаго въ немъ труда. (См. объ этомъ подробно у Энгельса, „Анти-Дюрингъ", стр. 338). Въ частности, цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ будетъ опредѣляться по среднему количеству затраченнаго въ обществѣ на нихъ труда, тогда какъ теперь она опредѣляется по количеству труда и капитала на худшей землѣ. На это, между прочимъ, указываетъ и Марксъ[1]).

Однако Чернышевскій и въ данномъ случаѣ былъ занятъ главнымъ образомъ своей идеей о нормальномъ устройствѣ общества, столь же запутанно связывая ее съ отрицаніемъ мѣновой цѣнности, какъ раньше съ отрицаніемъ соперничества и цѣнъ. На мѣсто мѣновой цѣнности онъ считаетъ нужнымъ поставить „внутреннюю цѣнность". Эта внутренняя цѣнность, повидимому, есть то, что обычно называется потребительною цѣнностью (т.-е. пригодность для удовлетворенія какихъ-либо потребностей) (см. VII, 420), но Чернышевскій придаетъ этому понятію, въ концѣ концовъ, особый соціально-этическій смыслъ. Коренная норма всякаго экономическаго разсчета, говоритъ онъ, „заключается въ человѣческихъ побужденіяхъ, наклонностяхъ, потребностяхъ... Измѣреніе цѣнности потребностями человѣка даетъ норму

„предѣльной полезности" продуктовъ, который такимъ образомъ не имѣетъ значенія ни въ буржуазномъ строѣ (о чемъ ниже), ни въ соціалистическомъ.

[1]) По поводу приведеннаго выше примѣра, гдѣ 4 участка, при затратѣ 10 р. труда и капитала на каждомъ, даютъ 1, 2, 3 и 4 четв. хлѣба, Марксъ замѣчаетъ: „если представить, что капиталистическая общественная форма устранена, и что общество организовано сознательно и по опредѣленному плану, то 10 четв. представили бы количество самостоятельнаго труда, равное тому, которое содержится въ 40 (а не въ 100.—М. А.) рубляхъ. Слѣдовательно, обществу не пришлось бы пріобрѣтать земледѣльческій продуктъ, отдавая за него рабочее время въ два съ половиной раза большее, чѣмъ сколько содержится въ немъ самомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ устранилось бы основаніе для существованія землевладѣльцевъ, какъ отдѣльнаго класса" (Капиталъ, III, стр. 545).

уже вовсе не мѣновой, а внутренней цѣнности". Соотвѣтственно этому „теорія должна смотрѣть на раздѣльность мѣновой цѣнности отъ внутренней точно такъ же, какъ смотритъ на невольничество, монополію, протекціонизмъ. Она можетъ и должна изучать эти явленія со всевозможной подробностью, но не должна забывать, что она тутъ описываетъ уклоненія отъ естественнаго порядка" (VII, 440).

Такимъ образомъ, цѣнность должна измѣряться потребностями человѣка. На первый взглядъ Чернышевскій приближается здѣсь къ такъ называемой психологической теоріи цѣнности австрійской школы,—врядъ ли имѣющей серьезное научное значеніе[1]). Но въ дѣйствительности его занимаетъ не общее мѣрило цѣнности, а нормальный распорядокъ въ удовлетвореніи потребностей всѣхъ членовъ общества. При подведеніи мѣновой цѣнности „подъ законъ внутренней цѣнности, т.-е. прямо подъ разсчетъ человѣческихъ потребностей, говоритъ онъ, гораздо легче становится различать въ экономической жизни нужное отъ ненужнаго, убыточное отъ выгоднаго или, что то же самое—глупое отъ умнаго, безразсудительное отъ разсудительнаго" (VII, 441). А именно, если мы будемъ исходить изъ человѣческихъ потребностей и ихъ соотношеній, то мы придемъ къ слѣдующимъ положеніямъ. „Соразмѣряться между собою прямымъ образомъ могутъ только потребности однородныя, напримѣръ, разные виды потребностей, относящихся къ физическому благосостоянію организма. Поэтому должны имѣть мѣновую цѣнность относительно другъ друга предметы первой необходимости. Но не должны быть сравниваемы прямо между собою потребности совершенно

[1]) Какъ уже говорилось, мѣновая цѣнность, по воззрѣніямъ австрійской школы, опредѣляется наименѣе важной изъ всѣхъ потребностей, удовлетворяемыхъ при помощи запаса предметовъ этого рода. Но мы видѣли, что общее правило сравненія различныхъ конкретныхъ удовольствій (а также и потребностей) совершенно не достижимо, въ виду крайняго разнообразія субъективныхъ вкусовъ и въ особенности житейскихъ обстоятельствъ, при которыхъ являются различныя потребности. А между тѣмъ, теорія цѣнности ищетъ именно общаго правила, объясняющаго постоянство мѣновыхъ отношеній предметовъ. Австрійская школа именно это требованіе и упускаетъ изъ виду. Такъ, напр., г. Туганъ-Барановскій ссылается на „старика Канта", который замѣчаетъ, что мы обычно сравниваемъ наши удовольствія, дѣлая выборъ между ними. Это, конечно, вѣрно, но сдѣлать выборъ въ данный моментъ и дать общее правило количественнаго сравненія (какъ это пытался, напр., Бентамъ)—двѣ вещи совершенно различныя.

разнородныя. Напр., какъ вы станете опредѣлять отношеніе между потребностью ѣды и потребностью чтенія, или между потребностями въ обуви и музыкѣ? Потому и продукты, удовлетворяющіе разнороднымъ потребностямъ, прямо не должны имѣть мѣновой цѣнности относительно другъ друга... Это вещи, несоизмѣримыя прямымъ образомъ" (VII, 444). Съ этой точки зрѣнія потребности могутъ быть раздѣлены на интеллектуальныя и матеріальныя, а эти послѣднія удовлетворяются предметами необходимости, комфорта или роскоши. Такъ какъ „необходимость безконечно сильнѣе комфорта, а роскошь ничтожна передъ комфортомъ", то „пока нѣтъ достаточнаго количества предметовъ необходимости, не должны имѣть никакой цѣнности предметы комфорта; когда нѣтъ достаточнаго количества предметовъ комфорта, не должны имѣть никакой цѣнности предметы роскоши" (VII, 447). И далѣе Чернышевскій даетъ примѣрную цифровую смѣту нормальнаго общественнаго производства, соотвѣтственно различнымъ количествамъ общественныхъ силъ и средствъ.

Словомъ, „если трудъ не считать продажнымъ товаромъ, то мѣновая цѣнность совпадаетъ съ внутреннею, и понятія запроса, снабженія, стоимость производства получаютъ точнѣйшій характеръ, возводясь прямо къ основнымъ элементамъ экономической дѣятельности, къ потребностямъ человѣка. Размѣръ снабженія тутъ опредѣляется количествомъ производительныхъ силъ, размѣръ запроса—интенсивностью надобности производителя въ продуктѣ; стоимость производства опредѣляется прямо количествомъ труда. Уравненіе запроса и снабженія получается черезъ разсчетъ о томъ, по какой пропорціи должны быть распредѣлены производительныя силы по разнымъ занятіямъ для наилучшаго удовлетворенія надобностей человѣка" (VII, 452).

Разумѣется, этотъ нормальный порядокъ осуществляется, по Чернышевскому, въ производительно-потребительной ассоціаціи работниковъ. „Характеръ и количество продукта, говоритъ онъ, будутъ гораздо точнѣе соотвѣтствовать потребностямъ потребителя въ томъ случаѣ, если производство опредѣляется прямо этими потребностями, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда это соотвѣтствіе устанавливается лишь длиннымъ косвеннымъ путемъ обмѣна" (VII, 449).

Нетрудно видѣть, что всѣ эти разсужденія не совсѣмъ удовлетворительны. Прежде всего самые различные предметы,

удовлетворяющіе самымъ различнымъ потребностямъ, не могутъ называться несоизмѣримыми, такъ какъ они въ дѣйствительности соизмѣряются (напр., по своей цѣнѣ, по количеству затраченнаго на нихъ труда и т. д.). Чернышевскій и самъ признаетъ это. Что касается труда, производящаго внѣшніе предметы, говоритъ онъ, напр., то „разныя отрасли его имѣютъ общую норму, потому что предметы, имъ производимые, имѣя одно общее назначеніе, находятъ мѣру своей цѣнности въ томъ, насколько каждый изъ нихъ нуженъ для этого общаго результата“ (VII, 446). Точно также, если бы предметы, удовлетворяющіе различнымъ категоріямъ потребностей, были несоизмѣримы, то они не могли бы обмѣниваться. Но Чернышевскій признаетъ необходимость и пользу обмѣна вообще, безъ всякихъ подраздѣленій предметовъ. „Мы говоримъ вовсе не противъ обмѣна продуктовъ между единицами производительнаго хозяйства. Какъ не быть и зачѣмъ не быть между ними обмѣну? Вѣдь происходитъ же обмѣнъ продуктовъ и между цѣлыми странами, — тѣмъ больше въ немъ надобности и удобства между отдѣльными провинціями, городами, селами“. Необходимо только, „чтобы въ каждой группѣ производителей главная масса продуктовъ производилась на внутреннее потребленіе самой этой группы, а если затѣмъ нѣкоторая часть продукта обмѣнивается, это ничему не мѣшаетъ, — напротивъ, можетъ быть очень полезно“ (VII, 450).

Мы разсмотримъ ниже отношенія ассоціацій между собою. А пока отмѣтимъ только, что Чернышевскій въ сущности вовсе не отвергаетъ обмѣна, а слѣдовательно мѣновой цѣнности и денегъ. Разсужденія же его о внутренней цѣнности представляютъ лишь плохо связанное съ теоріей обмѣна напоминаніе о нормальномъ строѣ общежитія. Въ такомъ строѣ будутъ обладать внутренней цѣнностью и будутъ производиться сперва предметы необходимости для всѣхъ членовъ общества, затѣмъ, — въ мѣру общественныхъ силъ и средствъ, — предметы комфорта и, наконецъ, роскоши.

Такимъ образомъ, Чернышевскій далъ въ общемъ правильное ученіе объ обмѣнѣ, мѣновой цѣнности, и такъ называемой, теоріи издержекъ производства для существующаго строя (къ которой Марксъ пришелъ только въ III т. „Капитала“) и трудовую теорію цѣнности для соціалистическаго. Его запутанное ученіе о внутренней цѣнности представляетъ лишь изложеніе „общихъ принциповъ устройства, наиболѣе

выгоднаго для людей" и не имѣетъ прямой связи съ теоріей цѣнности.

IV.

Тенденціи экономическаго развитія.

Мы уже видѣли изъ очерка общихъ историческихъ воззрѣній Чернышевскаго, что каждая отрасль общественной жизни имѣетъ неизбѣжную тенденцію къ прогрессу, т.-е. къ все болѣе совершенному удовлетворенію соотвѣтствующей потребности. Такъ какъ производство тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ оно крупнѣе и чѣмъ шире въ немъ раздѣленіе труда и примѣненіе машинъ, то окрупнѣніе, *концентрація производства* является необходимой тенденціей развитія хозяйства. „Перевѣсъ выгодъ, даваемыхъ дѣлу усовершенствованными процессами, требующими обширныхъ размѣровъ производства, говоритъ Чернышевскій, такъ великъ, что ни въ какой отрасли экономическаго быта мелкое хозяйство не можетъ выдерживать соперничество съ большимъ, какъ скоро прогрессъ технологіи и механики открываетъ возможность усовершенствованныхъ процессовъ въ этомъ дѣлѣ, и начинаетъ прилагаться къ дѣлу капиталъ большими массами: никакое усердіе въ трудѣ не спасаетъ мелкаго хозяина, когда являются у большого хозяина усовершенствованные процессы, недоступные мелкому [1]). Какъ извѣстно, въ сельскомъ хозяйствѣ эта тенденція встрѣчаетъ другія противодѣйствующія тенденціи, вслѣдствіе чего и возникъ такъ назыв. аграрный вопросъ, т.-е. вопросъ о томъ, происходитъ ли концентрація производства въ сельскомъ хозяйствѣ,

---

[1]) VII, 361. — То же воззрѣніе лежитъ въ основѣ взглядовъ Маркса и марксистовъ. Такъ, извѣстный комментарій Каутскаго къ соц.-дем.(т. наз. Эрфуртской) программѣ начинается слѣдующимъ заявленіемъ. „Экономическое развитіе буржуазнаго общества, съ необходимостью закона природы, приводитъ къ гибели мелкое производство, основой котораго является частная собственность рабочаго на средства производства. Экономическое развитіе разъединяетъ рабочаго и средства производства и превращаетъ работника въ неимущаго пролетарія, между тѣмъ какъ средства производства становятся монополіей сравнительно небольшого числа капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ" (Рус. пер. подъ заглавіемъ „Экономическое развитіе и общественный строй". Книгоизд. Молотъ, СПБ. 1905 стр. 3).

и если нѣтъ, то какими путями осуществится тамъ соціализмъ. Чернышевскій удѣляетъ довольно много вниманія сельскому хозяйству. Въ виду важности этого вопроса мы разсмотримъ его взгляды на этотъ счетъ отдѣльно, въ слѣдующей главѣ.

Что касается тенденцій *распредѣленія* въ капиталистическомъ строѣ, то Чернышевскій пользуется въ данномъ случаѣ „совершенно вѣрнымъ очеркомъ дѣла", даннымъ Миллемъ. Здѣсь нужно припять во вниманіе 4 элемента: ростъ населенія, увеличивающій спросъ на продукты массоваго потребленія, въ особенности на земледѣльческіе, наличность такъ называемаго закона убывающаго плодородія почвы, ростъ капиталовъ и вліяніе усовершенствованій въ производствѣ, въ частности въ земледѣліи.—*Ростъ населенія* вызываетъ или обработку новыхъ, худшихъ земель, или усиленную разработку старыхъ, отчего растетъ дифференціальная рента землевладѣльцевъ. Такъ какъ на худшей землѣ (а также при усиленной разработкѣ прежнихъ участковъ) затраты труда и капитала менѣе производительны, а между тѣмъ онѣ должны быть оплачены въ нормальномъ размѣрѣ, то цѣнность земледѣльческаго продукта (опредѣляемаго цѣнностью производства на худшемъ участкѣ земли) все время возрастаетъ. А такъ какъ эти продукты составляютъ главный предметъ потребленія рабочихъ, то ростъ ихъ цѣнности стремится повысить цѣну необходимыхъ средствъ существованія рабочихъ, т. е. ихъ заработную плату. Реальная (т. е. выраженная въ продуктахъ) заработная плата остается при этомъ той же самой, денежная — растетъ. Поэтому прибыль капиталистовъ, т.-е. разница между чистымъ доходомъ и заработной платой имѣетъ тенденцію понижаться.

Такимъ образомъ, ростъ населенія ведетъ къ росту ренты, т.-е. доли землевладѣльцевъ, и пониженію прибыли капиталистовъ, которые принуждены дороже оплачивать существованіе наемныхъ рабочихъ. *Усовершенствованія въ производствѣ* и вообще ростъ производительности труда имѣетъ какъ разъ обратное дѣйствіе: повышаетъ общую сумму продуктовъ и, уменьшая цѣнность средствъ существованія рабочихъ, увеличиваетъ прибыль капиталистовъ. По словамъ Милля, „земледѣльческія усовершенствованія имѣютъ тенденцію понижать ренту, а всѣ улучшенія, которыми удешевляются предметы, потребляемые работниками, ведутъ къ

уменьшенію стоимости труда и къ повышенію прибыли". (VII, 520). Поэтому, „если въ извѣстный періодъ земледѣльческія улучшенія развиваются быстрѣе населенія, то и рента и денежная рабочая плата въ этомъ періодѣ будутъ имѣть тенденцію падать, а прибыль возвышаться. Если же населеніе размножается быстрѣе, чѣмъ идетъ земледѣльческое улучшеніе, то возможны два случая: или работники соглашаются на пониженіе въ количествѣ или въ качествѣ своей пищи, или, когда несогласны они на это, рента и денежная рабочая плата будутъ постепенно подниматься, а прибыль падать". (VII, 521). Въ общемъ, по мнѣнію Милля, „экономическій прогрессъ общества, состоящаго изъ землевладѣльцевъ, капиталистовъ и работниковъ, ведетъ къ прогрессивному обогащенію сословія землевладѣльцевъ, между тѣмъ какъ стоимость продовольствія работниковъ имѣетъ вообще тенденцію возрастать, а прибыль падать" (VII, 522).

Эти положенія Милля въ общемъ совершенно правильно намѣчаютъ тенденціи въ распредѣленіи продуктовъ. Но самъ Чернышевскій идетъ дальше и, какъ уже говорилось, приписываетъ рентѣ и прибыли какую-то самопроизвольную способность возрастанія; эти разсужденія врядъ ли заслуживаютъ подробнаго разбора.

Болѣе цѣнны разсужденія Чернышевскаго о тенденціяхъ *заработной платы*. Мы видѣли, что въ хозяйствѣ существуетъ несомнѣнная тенденція къ совершенствованію производства, росту раздѣленія труда и примѣненію машинъ. Эта тенденція стремится понизить заработную плату. „Величина рабочей платы, говоритъ Чернышевскій, зависитъ отъ степени умственнаго развитія работника и отъ величины затратъ, какія были нужны работнику для пріобрѣтенія той суммы техническихъ совершенствъ, какими онъ владѣетъ. Чѣмъ выше проводится раздѣленіе труда, тѣмъ проще дѣлается операція, исполняемая каждымъ отдѣльнымъ работникомъ, тѣмъ меньше нужно времени, чтобы достичь совершенства въ ея исполненіи; исключеніемъ служатъ только очень малочисленныя обязанности общаго надзора или соединенія разныхъ отдѣльныхъ частей продукта въ одно цѣлое. За исключеніемъ этихъ немногихъ работниковъ, вся остальная масса, по самой сущности дѣла, должна подвергаться сокращенію рабочей платы соразмѣрно совершенствованію производительныхъ операцій. При машинѣ

почти всѣ работники исполняютъ чисто механическій трудъ; человѣческое занятіе, требующее ума и техническаго знанія, имѣетъ одинъ управляющій всѣмъ механизмъ; поэтому совершенствованіе производительныхъ процессовъ при нынѣшнемъ экономическомъ порядкѣ необходимо ведетъ къ упадку рабочаго класса въ экономическомъ отношеніи. [1]) Кромѣ того, Чернышевскій считаетъ, что высота заработной платы опредѣляется требовательностью рабочихъ, а эта требовательность понижается, когда рабочій становится *наемнымъ*. Отсюда онъ выводитъ, что „работникъ, теряя положеніе хозяина, теряетъ часть уваженія къ себѣ, основаннаго на его общественной роли, и потому его доходъ подвергается вліянію понижающей тенденціи“ (VII, 524—525. См. также III, 182).

Чернышевскій указываетъ также и вліянія, противодѣйствующія понижающимъ тенденціямъ. Такъ, по его словамъ, „очень могущественное“ вліяніе оказываетъ въ этомъ направленіи „развитіе знаній и улучшеніе понятій, цивилизація или общій духъ... прогресса“ (VII, 524). „Вообще говоря, съ каждымъ поколѣніемъ развивается въ немъ уваженіе къ себѣ какъ просто къ человѣку, и соразмѣрно этому обнаруживается тенденція прогресса возвышать его доходъ“. (VII, 525).

Какая изъ этихъ тенденцій преобладаетъ, Чернышевскій не берется рѣшать, не имѣя точныхъ цифръ. Можетъ быть, говоритъ онъ, „благосостояніе рабочаго класса въ цивили-

---

[1]) VII, 182. — Точно также, по Марксу, подъ дѣйствіемъ „законовъ, присущихъ самому капиталистическому производству... развивается въ все большихъ и большихъ размѣрахъ кооперативная форма рабочаго процесса, сознательное техническое приложеніе науки, цѣлесообразная эксплоатація земли“ и т. д., но вмѣстѣ съ тѣмъ „возрастаетъ бѣдность, гнетъ, порабощеніе, униженіе, эксплоатація...“ (Капиталъ, I, стр. 667). „Накопленіе богатства на одномъ полюсѣ производитъ въ то же время на другомъ, т.-е. на сторонѣ класса, производящаго свой собственный продуктъ въ видѣ капитала, — накопленіе нищеты, тягостей труда, рабства, невѣжества, огрубѣнія и нравственнаго униженія“. (Тамъ же, стр. 565), см. также Лассаль, III, 111. — Эта „теорія обнищанія“ Маркса была однако настолько опровергнута фактами (въ особенности успѣхами профессіональной борьбы рабочихъ), что его послѣдователи утверждаютъ даже, что „ни у Маркса, ни у Энгельса... нѣтъ т. наз. теоріи обнищанія, по которой нищета массы увеличивается вмѣстѣ съ усиленіемъ развитія капиталистическаго производства.“ (Бебель. О. Бернштейнѣ, стр. 32).

зованныхъ странахъ не понизилось, а возвысилось въ послѣднія столѣтія, благодаря силѣ обстоятельствъ, противодѣйствующихъ понижающей тенденціи" (VII, 524).

Это положеніе Чернышевскаго выступаетъ нѣсколько неожиданно—послѣ того, какъ онъ подробно описалъ тенденцію ренты къ поглощенію прибыли и заработной платы, тенденцію прибыли къ уменьшенію заработной платы и, наконецъ, тенденцію заработной платы къ уменьшенію вслѣдствіе несомнѣнно наблюдаемаго техническаго прогресса. Вѣдь если всѣ эти тенденціи существуютъ, то, разумѣется, развитіе самоуваженія въ рабочихъ врядъ ли можетъ оказать имъ противодѣйствіе, — тѣмъ болѣе, что Чернышевскій не имѣетъ въ виду наиболѣе дѣйствительнаго средства улучшенія положенія рабочихъ — ихъ организованной борьбы.

Если же мы оставимъ въ сторонѣ этотъ эпизодъ, то смыслъ и цѣль разсужденій Чернышевскаго ясны. Положеніе массы, по его мнѣнію, имѣетъ тенденцію ухудшаться, и потому все болѣе и болѣе требуетъ сознательнаго воздѣйствія на экономическую жизнь. Такимъ воздѣйствіемъ ему представлялось, разумѣется, устройство производительныхъ ассоціацій.

V.

Производительныя ассоціаціи и ихъ критика.

Мы видѣли, что условія успѣшности производства (высокая техника, широкое раздѣленіе труда соотвѣтственно силамъ и способностямъ работниковъ, заинтересованность ихъ въ работѣ) осуществляются, по Чернышевскому, въ товарищескихъ производительно-потребительныхъ ассоціаціяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти ассоціаціи установятъ справедливое распредѣленіе продуктовъ, обезпечивающее каждому члену общества удовлетвореніе его необходимыхъ, а также, въ мѣру общественныхъ силъ и средствъ, и болѣе изысканныхъ потребностей. Такимъ образомъ, резюмируетъ Чернышевскій, „теорія производства и распредѣленія, какъ мы видѣли, предполагаетъ работника хозяиномъ продукта". При этомъ принимаетъ нормальную форму и обмѣнъ. „Если работникъ—хозяинъ, онъ продаетъ изъ своего продукта только то, что у него остается за собственнымъ потребленіемъ, а покупаетъ

на свое потребленіе только тѣ продукты, производствомъ которыхъ не занимается" (VII, 501). Наоборотъ, наемный трудъ отвергается Чернышевскимъ съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія. „Мы видѣли, говоритъ онъ въ отдѣлѣ о торговлѣ, что продажа труда противорѣчитъ принципу распредѣленія продуктовъ, противорѣчитъ условіямъ успѣшнаго производства продуктовъ; теперь мы видимъ, что она противорѣчитъ и принципу обмѣна. Торговля трудомъ—совершенно лишняя торговля".—Словомъ, нормальной формой общественнаго хозяйства является производительная ассоціація равноправныхъ работниковъ [1]).

Чернышевскій подробно разработалъ этотъ „планъ осуществленія теоріи трудящихся" (въ статьѣ „Капиталъ и трудъ" и въ „Примѣчаніяхъ къ Миллю"), а также далъ изображеніе рабочей ассоціаціи въ своемъ романѣ „Что дѣлать?" Начнемъ съ перваго плана, имѣющаго въ виду (какъ, впрочемъ, и второй) „границы возможнаго для нынѣшней эпохи".

„Правительство, говоритъ Чернышевскій, назначаетъ такую сумму, какая сообразна съ его финансовою возможностью, для первоначальнаго пособія основанію промышленно-земледѣльческихъ товариществъ. За эту ссуду оно получаетъ обыкновенные проценты и ссуда погашается постепенными взносами въ казну изъ прибыли товариществъ". Въ крайнемъ случаѣ товарищества, по мнѣнію Чернышевскаго, могли бы обойтись и безъ ссуды. Кромѣ того, въ виду новизны дѣла, „веденіе дѣла поручается человѣку, котораго правительство признаетъ представляющимъ надлежащія гарантіи знанія и добросовѣстности". Это вмѣшательство пра-

---

Точно также, по словамъ Лассаля, „если бы рабочее сословіе сдѣлалось своимъ собственнымъ предпринимателемъ, тогда уничтожилось бы различіе между заработной платой и барышемъ предпринимателя, и вознагражденіемъ труда сталъ бы продуктъ труда! Самое мирное, законнѣйшее, простѣйшее уничтоженіе предпринимательскаго барыша организованіемъ рабочаго сословія посредствомъ добровольныхъ ассоціацій въ положеніе своего собственнаго предпринимателя, устраненіе этимъ единственнымъ способомъ того закона, который при нынѣшнемъ производствѣ даетъ работникамъ лишь необходимое для жизни, какъ наемную плату, а все остальное предоставляетъ предпринимателю,—вотъ единственно истинное, единственно немечтательное, единственно соотвѣтствующее справедливымъ притязаніямъ рабочаго сословія средство улучшить его положеніе". (II, 73).

вительства ограничивается первымъ временемъ. „Какъ только составъ товарищества опредѣлился, члены его по каждому промыслу выбираютъ изъ своего числа административный совѣтъ, согласіе котораго нужно во всѣхъ важныхъ дѣлахъ и вопросахъ, относящихся къ этому промыслу; а всѣ члены товарищества выбираютъ общій административный совѣтъ, который постоянно контролируетъ директора и выбранныхъ имъ помощниковъ и безъ согласія котораго не дѣлается въ товариществѣ ничего важнаго. Со второго года все управленіе дѣлами товарищества переходитъ къ самому товариществу; оно выбираетъ всѣхъ своихъ управителей, какъ акціонерная компанія выбираетъ директоровъ“ [1]).

Составъ товарищества и его экономическая дѣятельность представляются въ слѣдующемъ видѣ. „Число участниковъ въ каждомъ товариществѣ, говоритъ Чернышевскій, полагается отъ 1500 до 2000 человѣкъ обоего пола, (съ этими цифрами Чернышевскій оперируетъ и въ другихъ примѣрныхъ разсчетахъ); они принимаются въ товарищество съ согласія директора, который отдаетъ предпочтеніе семейнымъ людямъ надъ безсемейными. . Товарищество находится относительно своихъ членовъ въ такомъ же положеніи, какъ фабрикантъ и домохозяинъ относительно своихъ работниковъ и жильцовъ. Оно ведетъ съ ними совершенно такіе же счеты, какъ фабрикантъ съ работниками, домохозяинъ съ жильцами... Въ каждомъ промыслѣ, для каждаго разряда работниковъ существуетъ та самая плата, какая обычна для него въ тѣхъ мѣстахъ“. Прежде всего товарищество покупаетъ или строитъ для своихъ членовъ квартиры болѣе удобныя и сообразныя съ привычками работниковъ, чѣмъ обычныя ихъ жилища; здѣсь же устраивается „церковь, школа, зала для театра, концертовъ и вечеровъ, библіотека“, а также больница. „Цѣна за квартиры полагается такая, чтобы за вычетомъ ремонта, капиталъ, затраченный на зданіе, давалъ процентъ, обычный въ томъ государствѣ“. Чернышевскій

---

[1]) Точно также Лассаль намѣчаетъ приблизительно такой же планъ („свободная индивидуальная ассоціація работниковъ, но осуществляемая помощью и покровительствомъ государства“) и то же отношеніе къ государству. Государство, говоритъ онъ, „не должно играть надъ ними роль директора, а лишь утверждать уставы ихъ и имѣть за веденіемъ ихъ дѣлъ контроль, достаточный для обезпеченія своихъ интересовъ“. (II, 77). Но при этомъ Лассаль обращалъ больше вниманія на отношенія ассоціацій другъ къ другу.

полагаетъ, что квартиры будутъ не только хороши, но и дешевы. Впрочемъ, жить въ такихъ большихъ домахъ не обязательно.

„Товарищество будетъ заниматься и земледѣліемъ и промыслами или фабричными дѣлами, какія удобны въ той мѣстности... Каждый занимается той работою, какую знаетъ или какую хочетъ выбрать". Но допускается только производство предметовъ необходимости и комфорта; нужны только сапожники, портные, столяры и т. п. „Но если бы иной членъ вздумалъ заняться производствомъ ювелирныхъ вещей, товарищество разсудитъ, нужна ли ему такая работа"... Въ предѣлахъ же допущенныхъ видовъ труда, для привлеченія къ тому или другому виду (напримѣръ, къ земледѣлію во время страдной поры), увеличивается заработная плата.

Производство у товарищества, по мнѣнію Чернышевскаго, пойдетъ гораздо болѣе успѣшно, чѣмъ на частныхъ фабрикахъ, такъ какъ работники прямо заинтересованы въ его успѣшности. Поэтому товарищество будетъ давать значительный дивидендъ. „Нашъ уставъ, говоритъ Чернышевскій, написанъ именно въ томъ предположеніи, что эта сумма, остающаяся для дивиденда, будетъ значительна... Одна часть этой прибыли пойдетъ на содержаніе церкви, школы, больницы и другихъ общественныхъ учрежденій, находящихся при товариществѣ; другая—на уплату процентовъ по ссудѣ изъ казны и на ея погашеніе; третья—на запасный капиталъ, который будетъ служить, такъ сказать, застрахованіемъ товарищества отъ разныхъ случайностей... За покрытіемъ всѣхъ этихъ расходовъ должна остаться значительная сумма, которая пойдетъ въ дивидендъ всѣмъ членамъ товарищества, каждому по числу его рабочихъ дней".

Но кромѣ того, члены товарищества будутъ получать выгоду вслѣдствіе „посредничества товарищества въ расходахъ его членовъ на потребленіе". Товарищество будетъ покупать товары по оптовой цѣнѣ и дешево продавать ихъ своимъ членамъ; кромѣ того, они, какъ уже говорилось, могутъ имѣть дешевыя квартиры, а также дешевые обѣды въ общей столовой. Въ общемъ получается нѣчто очень привлекательное: „живи, гдѣ хочешь, живи, какъ хочешь, только предлагаются тебѣ средства жить удобно и дешево и кромѣ обыкновенной платы получать дивидендъ". (VI, 46—49).

Итакъ, значительная производительность труда, распредѣленіе всего дохода между работниками и меньшіе расходы

ихъ вслѣдствіе оптовыхъ закупокъ товаровъ и т. п., словомъ, легкій трудъ и благосостояніе — вотъ характерныя черты товарищества. Для устройства и процвѣтанія ихъ нужны, разумѣется, нѣкоторыя условія. Говоря въ другомъ мѣстѣ объ устройствѣ коопераціи, Чернышевскій замѣчаетъ: „Тутъ главное дѣло въ томъ, чтобы работники пріобрѣли искусство сами управлять предпріятіями, въ которыхъ работаютъ: цѣль новыхъ формъ та, чтобы работники сдѣлались изъ наемныхъ людей хозяевами; а хозяинъ, разумѣется, долженъ самъ имѣть неослабный надзоръ за предпріятіемъ и за всѣми людьми, которые завѣдываютъ той или другой стороною его"... Правда „при нынѣшнемъ своемъ развитіи большинство простолюдиновъ, даже и въ передовыхъ странахъ, еще слишкомъ мало подготовлено къ этому. Но и здѣсь мы опять должны сказать, что время подготовки значительно сокращается очевидностью большой выгоды новыхъ формъ для простолюдиновъ" (VII, 328).

Такимъ образомъ, громадныя выгоды этой формы хозяйства говорятъ сами за себя. Стоитъ только устроить нѣсколько такихъ ассоціацій, и осуществленіе соціалистическаго строя станетъ на прочную почву. Поэтому, на вопросъ, что дѣлать?—романъ Чернышевскаго подъ этимъ заглавіемъ отвѣчалъ: устраивать рабочія ассоціаціи. „Добрые и умные люди,—говоритъ одна изъ героинь романа „Что дѣлать?", Вѣра Павловна,—написали много книгъ о томъ, какъ надобно жить на свѣтѣ, чтобы всѣмъ было хорошо; и тутъ самое главное, говорятъ они, въ томъ, чтобы мастерскія завести по новому порядку" (IX, 117). Вѣра Павловна и устраиваетъ швейную мастерскую на новыхъ началахъ, соотвѣтственно плану „осуществленія теоріи трудящихся". Вотъ въ краткихъ чертахъ исторія этого предпріятія, нѣсколько отличающагося отъ предыдущихъ плановъ Чернышевскаго.

Первое время Вѣра Павловна сама завѣдывала мастерской, потомъ швеи выбрали изъ своей среды двухъ завѣдующихъ. Заработная плата была различна, но прибыль распредѣлялась пропорціонально платѣ только первое время, а потомъ стала распредѣляться поровну (см. IX, 118 и 119). Кромѣ того, было учреждено „комиссіонерство для всевозможныхъ закупокъ". „А года черезъ полтора, почти всѣ дѣвушки уже жили на одной большой квартирѣ, имѣли общій столъ, запасались провизіей тѣмъ порядкомъ, какъ дѣлается въ большихъ хозяйствахъ" (IX, 120).

Кирсановъ, одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ романа, написалъ слѣдующій примѣрный цифровой разсчетъ выгодности такой коопераціи работниковъ, какъ это любилъ дѣлать самъ Чернышевскій:

Они получаютъ свою плату	100 р. — к.
Они сами хозяева, потому получаютъ и хозяйскую прибыль	50 „ — „
У нихъ рабочія комнаты помѣщаются при ихъ квартирѣ, поэтому обходятся дешевле особой мастерской; они бережливы на матеріалъ; въ этомъ очень большая пропорція сбереженія, я думаю, наполовину, но мы положимъ только на третью долю; изъ 50 р., которые шли бы на эти расходы, они сберегаютъ въ прибыль себѣ еще	16 „ 67 к.
	166 р. 67 к.

Дешевизна покупки дѣлаетъ, что вещи достаются на одну третью долю сходнѣе, т.-е. положимъ за три вещи платится вмѣсто 3 р. только 2 р., но при нашемъ порядкѣ этими тремя вещами удовлетворяется столько надобностей, сколько при другомъ удовлетворялось бы не менѣе, какъ 4 вещами; это значитъ, что за свои 200 рублей наши швеи имѣютъ столько вещей, сколько при другомъ порядкѣ имѣли бы не менѣе, какъ за 300 р. и что эти вещи при нашемъ порядкѣ доставляютъ ихъ жизни столько удобствъ, сколько при другомъ доставлялось бы суммою не меньше какъ 400 рублей.

„Сравните жизнь семейства, расходующаго 1000 руб. въ годъ, съ жизнью такого же семейства, расходующаго 4,000 р.,— не правда ли, вы найдете громадную разницу? — говоритъ Кирсановъ.—При нашемъ порядкѣ, точно такая же пропорція, если не больше; при немъ получается вдвое больше дохода, и доходъ употребляется вдвое выгоднѣе. Удивительно ли, что вы нашли жизнь нашихъ швей вовсе не похожею на ту, какую ведутъ швеи при обыкновенномъ порядкѣ“ [1]).

[1]) IX, 270—271. Этотъ планъ осуществленія теоріи трудящихся и устройство кооперативной швейной мастерской въ значительной мѣрѣ Чернышевскій заимствовалъ у знаменитаго утописта Р. Оуэна, всю жизнь проповѣдовавшаго эти принципы и съ успѣхомъ примѣнившаго ихъ на практикѣ на своей мануфактурѣ въ Нью-Ленаркѣ. Оуэнъ, говоритъ Добролюбовъ въ своей извѣстной статьѣ объ Оуэнѣ, „устроилъ и отдѣлалъ обширное зданіе со всѣми удобствами для помѣщенія работниковъ и сталъ отдавать имъ квартиры въ

Таковы соціалистическіе планы Чернышевскаго, характерные для цѣлаго теченія общественной мысли, исходящаго отъ такъ называемыхъ великихъ утопистовъ, Фурье и Р. Оуэна, захватившаго собою Лассаля и представляющаго видный элементъ міровоззрѣнія Маркса, какъ ни чуждо это теченіе его основному взгляду на подготовленіе соціализма стихійнымъ развитіемъ капитализма, постоянно обучающимъ, объединяющимъ и организующимъ рабочій классъ [1]). Постепенно ослабѣвая, оно продержалось однако въ современномъ соціализмѣ до 90-хъ годовъ. Только Эрфуртскій съѣздъ 1891 г. германской соціалъ-демократіи исключилъ изъ ея, программы „государственную поддержку кооперативнаго дѣла и государственный кредитъ для производительныхъ ассоціацій при гарантіи ихъ свободы".

Какъ извѣстно, и на практикѣ былъ цѣлый рядъ попытокъ устройства такихъ ассоціацій, начиная съ знаменитаго опыта Роберта Оуэна въ Нью-Ленаркѣ и кончая фурьеристскими общинами Кабэ въ Америкѣ, существующими, кажетс и до сихъ поръ [1]). Однако, для осуществленія соціализма, онѣ почти не имѣютъ значенія, и мы безъ труда поймемъ это, разсмотрѣвъ дѣйствительную цѣнность тѣхъ преимуществъ коопераціи, за которыя такъ держался Чернышевскій.

Какъ мы видѣли, проектированныя имъ ассоціаціи были

наемъ, всего болѣе заботясь о томъ, чтобы не получать съ нихъ никакого барыша за это... Онъ устроилъ въ Нью-Ленаркѣ родъ рынка, закупалъ всевозможные товары, необходимые для рабочихъ, и продавалъ ихъ, опять наблюдая то же условіе: не брать себѣ ни копейки барыша съ продаваемыхъ вещей". (Р. Оуэнъ и его попытки обществ. реформъ. Собр. соч. т. IV, изд. 5, стр. 27).

[1]) Такъ, напримѣръ, говоря въ первомъ манифестѣ международнаго общества рабочихъ (1864 г.) о „кооперативномъ движеніи и въ особенности о кооперативныхъ фабрикахъ", Марксъ замѣчаетъ: „Нельзя достаточно высоко оцѣнить значеніе этихъ громадныхъ соціальныхъ опытовъ. Они доказали фактами, а не одними теоретическими разсужденіями, что производство въ большихъ размѣрахъ и въ полномъ согласіи съ требованіями современной науки можетъ идти также и помимо существованія класса патроновъ, эксплоатирующихъ классъ рабочихъ рукъ". (Изд. Куклина, стр. 11—12). См. также „Капиталъ", I, 284, III, 314, 360 и др.

[2]) Общины Кабэ въ лучшіе годы своего существованія имѣли, по словамъ г. Туганъ-Барановскаго, слѣдующій характеръ: „Нѣсколько скромныхъ домиковъ, простая одежда, грубая пища, умѣренный достатокъ и полное отсутствіе какого бы то ни было блеска и какой бы то ни было роскоши". (Современ. соціализмъ стр. 222).

двухъ типовъ: во-первыхъ, почти самодовлѣющая хозяйственная община въ 2000 человѣкъ, и во-вторыхъ, промышленное предпріятіе болѣе обычнаго типа, т.-е. состоящее изъ рабочихъ одной профессіи (швей). Начнемъ съ перваго, болѣе приближающагося къ его теоретическимъ требованіямъ (ибо, по его словамъ, „по принципу обмѣна только одна пятая или одна десятая часть продуктовъ должна была бы проходить отъ производства къ потребленію черезъ ступень продажи", VII, 502).—Какъ уже не разъ говорилось, преимуществами ассоціаціи являются, по Чернышевскому, высокая техника, раціональное раздѣленіе труда соотвѣтственно силамъ и способностямъ работниковъ и ихъ заинтересованность въ успѣшности производства. Но главнѣйшее изъ этихъ преимуществъ, высокая техника, требуетъ очень крупныхъ размѣровъ предпріятія, примѣненія огромныхъ и дорого стоящихъ машинъ и т. д., какъ это и признается Чернышевскимъ. А между тѣмъ, проектируемая имъ ассоціація заключаетъ только 2000 взрослыхъ людей, т.-е. такое количество ихъ, котораго хватитъ только на два или на три технически совершенныхъ предпріятія. Такъ что—одно изъ двухъ: или община представляетъ самодовлѣющее хозяйство, и тогда оно будетъ вестись самымъ первобытнымъ образомъ, какъ это и было въ американскихъ общинахъ Кабэ [1]); или же оно будетъ стремиться къ наиболѣе совершеннымъ способамъ производства, но тогда община въ 2 тысячи человѣкъ не можетъ быть самодовлѣющей хозяйственной единицей.

Этотъ именно случай и изображается въ романѣ „Что дѣлать?". Мастерская Вѣры Павловны уже не соціалистическая община, гдѣ только пятая или десятая часть продуктовъ идетъ на продажу, а обыкновенное промышленное предпріятіе, гдѣ на продажу идутъ почти всѣ производимые продукты, какъ это и было на фабрикѣ Р. Оуэна въ Нью-Ленаркѣ. Но значеніе такихъ рабочихъ ассоціацій для осуществленія соціалистическаго строя тоже очень незначительно. Это товарищество, какъ и обыкновенныя капиталистическія предпріятія, работаетъ на неопредѣленный рынокъ; застой въ производствѣ, конкурренція и кризисы постоянно угрожаютъ его существованію, и хотя усердіе рабочихъ въ такой коопераціи составляетъ нѣкоторый плюсъ, но, съ другой стороны

[1]) Въ Россіи былъ также рядъ попытокъ устройства рабочихъ ассоціацій, но онѣ не имѣли большого значенія и успѣха. См. о нихъ Лавровъ. „Народники-пропагандисты". Стр. 35, 48 и др.

капиталистическія предпріятія имѣютъ обыкновенно гораздо больше капитала, легче получаютъ кредитъ, лучше знаютъ рынокъ и т. п.

Сравнительно съ совершенствомъ техники, величиной капитала и кредита и знаніемъ рынка, остальныя перечисленныя Чернышевскимъ свойства ассоціацій не играютъ существенной роли. Какъ ни широко примѣнялось въ мануфактурѣ раздѣленіе труда, это не спасло ея отъ вытѣсненія крупнымъ фабричнымъ производствомъ. Что же касается заинтересованности рабочаго въ производительности его труда, то въ ассоціаціи связь между личнымъ усердіемъ и успѣхами всего производства настолько запутана и отдаленна, что это побужденіе врядъ ли можетъ имѣть серьезное значеніе.

Такимъ образомъ, производительныя ассоціаціи (по крайней мѣрѣ въ обрабатывающей промышленности) ни въ коемъ случаѣ не могутъ вытѣснить существующаго капиталистическаго производства. (См. подробнѣе у Николаева. „Теорія и практика кооп. движенія", т. I гл. II).

Однако, производительныя ассоціаціи при извѣстныхъ условіяхъ оказались вполнѣ жизнеспособными и очень полезными для соціализма. Дѣло въ томъ, что за послѣднія 50 лѣтъ въ Зап. Европѣ очень быстро и успѣшно развиваются потребительныя общества въ томъ приблизительно видѣ, какъ ихъ намѣтили Оуэнъ и Чернышевскій. Потребительное общество на капиталъ, составленный изъ паевъ участниковъ, закупаетъ оптомъ товары, продаетъ ихъ своимъ членамъ (а также и другимъ лицамъ) нѣсколько дешевле обыкновеннаго и отъ времени до времени выдаетъ имъ дивидендъ пропорціонально ихъ закупкамъ. Какъ показалъ опытъ, торговцы получаютъ такую огромную долю національнаго дохода (около 10%), что потребительныя общества, противодѣйствуя этой эксплоатаціи потребителей, приносятъ громадную пользу и потому идутъ очень успѣшно. (См., напр., *Тотоміанцъ* „Формы рабочаго движенія", *Николаевъ* „Кооперація" и др.). А въ связи съ потребительными обществами пріобрѣтаютъ жизненное значеніе и работающія на нихъ производительныя ассоціаціи. Такъ какъ рынокъ сбыта при этомъ вполнѣ обезпеченъ, то такимъ ассоціаціямъ нечего бояться конкурренціи капиталистическихъ предпріятій, недостатка кредита и т. п., и потому они непрерывно развиваются. Однако, какъ ни велико значеніе потребительныхъ

и связанныхъ съ ними производительныхъ кооперацій, пріучающихъ рабочихъ къ самостоятельному веденію предпріятій [1]), помогающихъ соціалистической партіи, стачечникамъ и т. д., все же онѣ представляютъ только частныя попытки въ отдѣльныхъ отрасляхъ хозяйства, тогда какъ соціалистическое преобразованіе общества необходимо должно имѣть общій и всесторонній характеръ. Эту сторону соціальнаго вопроса мы и намѣтимъ теперь въ краткихъ словахъ, такъ какъ Чернышевскій занимался ею очень мало.

VI.

Соціалистическая организація производства.

Современное хозяйство представляетъ рядъ отдѣльныхъ, самостоятельныхъ предпріятій, владѣльцы которыхъ ведутъ ихъ въ своихъ собственныхъ интересахъ и по своему личному усмотрѣнію. Неизбѣжнымъ результатомъ основы этого строя, частной собственности на землю и капиталы, помимо трехчленнаго распредѣленія продуктовъ, съ его несправедливостями и бѣдствіями рабочей массы, является то, что соотвѣтствіе производства его цѣли—удовлетворенію потребностей людей, достигается очень плохо и трудно, цѣною громаднаго расточенія общественныхъ силъ и средствъ и періодическихъ потрясеній общественнаго хозяйства—кризисовъ. Послѣдствія соединеннаго съ частной собственностью соперничества предпринимателей общеизвѣстны, говоритъ Чернышевскій: „Промышленная непріязнь между разными странами, разными провинціями одной страны, разными производителями одной провинціи; экономическая непріязнь между сословіями; слишкомъ рискованные обороты, кончающіеся промышленными кризисами". (VII, 325). „Господствую-

[1]) По словамъ проф. Жида, „кооперативы служатъ для сообщенія рабочему классу знаній и добродѣтелей, безъ которыхъ ему никогда не удастся занять въ общественномъ строѣ положеніе, къ которому онъ стремится и на которое онъ имѣетъ право". („Кооперація", пер. Тотаміанца, СПБ., 1909, стр. 57). А именно: „Единственный способъ для рабочаго класса научиться завѣдованію капиталами, ознакомиться съ коммерческой практикой, изучить механизмъ коллективныхъ предпріятій—это учиться на свой счетъ, организовать самому эти дѣла, т.-е. основывать кооперативныя товарищества". (Тамъ же, стр. 80 а).

щая политико-экономическая теорія (буржуазная.—М. А.), говоритъ Чернышевскій въ другомъ мѣстѣ, не видитъ возможности отвратить раззорительную междоусобицу производителей, занимающихся однимъ дѣломъ. Соперничество, какъ орудіе этой междоусобной войны, принимаетъ, между прочимъ, форму спекуляціи, которая постоянно стремится къ безразсудному риску и къ коммерческому обману; это стремленіе промышленной и торговой дѣятельности періодически производитъ кризисы, въ которыхъ погибаетъ значительная часть произведенныхъ цѣнностей и во время которыхъ подвергается страшнымъ страданіямъ масса, живущая заработною платою. Но такой характеръ производства и торговли неизбѣженъ при нынѣшнемъ экономическомъ устройствѣ, когда производство находится подъ властью хозяевъ и купцовъ"... (VI, 25).

Чернышевскій различаетъ коммерческій кризисъ, происходящій вслѣдствіе чрезмѣрныхъ спекулятивныхъ закупокъ (торговцевъ и биржевиковъ), отъ собственно промышленнаго (см. VII, 477—484; вѣрнѣе было бы сказать, что это двѣ стороны одного и того же сложнаго явленія). Онъ указываетъ также въ общихъ чертахъ на неизбѣжность періодическихъ кризисовъ при капиталистическомъ строѣ. „Сбытъ не идетъ размѣреннымъ шагомъ, какъ потребленіе, говоритъ онъ; онъ вѣчно находится въ лихорадочныхъ пароксизмахъ, и крайняя энергія смѣняется въ немъ совершеннымъ безсиліемъ. Къ довершенію гибельности, невозможно заблаговременно предусматривать ни времени, ни продолжительности этихъ перемѣнъ, ни интенсивности каждой изъ нихъ. Потому производство капиталиста подвержено безпрерывнымъ застоямъ, а весь экономическій порядокъ, основанный не на потребленіи, а на сбытѣ, подверженъ неизбѣжнымъ промышленнымъ и торговымъ кризисамъ, изъ которыхъ каждый состоитъ въ потерѣ милліоновъ и десятковъ милліоновъ рабочихъ дней. Эти кризисы, эта насильственная утрата рабочаго времени невозможна при производствѣ, мѣриломъ котораго служитъ потребленіе". (VI, 43).

Такимъ образомъ, причиной кризисовъ является анархія, неорганизованность, нераціональность общественнаго производства въ цѣломъ. „Наугадъ, по памяти, по глазомѣру, говоритъ Чернышевскій, можно вести лишь свое частное хозяйство человѣку, у котораго оно очень невелико, да и у него, какъ бы благоразуменъ ни былъ онъ, часто будутъ

оказываться въ хозяйствѣ прорѣхи, если не ведетъ онъ приходо-расходныхъ книгъ". (VII, 332). Между тѣмъ въ современномъ обществѣ „количество средствъ, какими располагаетъ общество, совершенно неизвѣстно; количество средствъ, нужное для удовлетворенія той или другой человѣческой потребности въ томъ или другомъ размѣрѣ, также совершенно неизвѣстно. Какого тутъ можно ждать порядка, какой можно ждать разсудительности въ экономическихъ дѣлахъ общества?" (VII, 333). Словомъ, „теорія предполагаетъ, говоритъ онъ, что производство ведется по разсчету сбыта на потребленіе; въ такомъ случаѣ производство никогда не можетъ оказываться чрезмѣрнымъ". (VII, 484).

Въ общемъ эта теорія кризисовъ Чернышевскаго правильно изображаетъ дѣло. Однако, при этомъ недостаточно отмѣчено вліяніе на кризисы нѣкоторыхъ факторовъ, въ особенности громаднаго развитія производительныхъ силъ, путей сообщенія, кредита и т. д., благодаря которымъ предприниматели быстро наводняютъ товарами рынокъ, когда ожидается на нихъ спросъ, а также связанность предпріятій другъ съ другомъ, благодаря которымъ раззореніе однихъ отражается на другихъ и принимаетъ характеръ общественнаго бѣдствія. Но самое главное, Чернышевскій упускаетъ изъ виду, что неорганизованность производства неизбѣжно связана съ частной собственностью на средства производства, землю и капиталы, обусловливающей самостоятельность промышленныхъ предпріятій. Поэтому, какъ въ этомъ не трудно убѣдиться, проектируемыя имъ производительныя ассоціаціи будутъ имѣть въ большей или меньшей степени тѣ же недостатки, какъ и современныя частно-хозяйственныя предпріятія, въ особенности ассоціаціи того Оуэновскаго типа, который изображенъ имъ въ романѣ „Что дѣлать?" Вѣдь очевидно, что общественный спросъ на производимые ими товары не можетъ быть имъ извѣстенъ, или раціонально удовлетворенъ, такъ какъ самостоятельность ихъ состоитъ именно въ томъ, что онѣ не подчиняются какой-либо высшей инстанціи, озабоченной достиженіемъ планомѣрности въ общественномъ производствѣ. Точно также и проектируемыя Чернышевскимъ общины въ духѣ Фурье, поскольку онѣ являются самостоятельными и поскольку въ то же время между ними происходитъ обмѣнъ, тоже будутъ конкуррировать между собой, расточая производительныя силы и средства, подвергаясь кризисамъ и т. д. Далѣе, если произво-

дительныя ассоціаціи не будутъ объединены въ одно хозяйственное цѣлое, то онѣ подвержены упрекамъ въ несправедливомъ распредѣленіи продуктовъ. Участки земли, принадлежащіе различнымъ ассоціаціямъ, будутъ неизбѣжно различаться по своему мѣстоположенію, естественному плодородію и т. д., и если дифференціальная рента съ лучшихъ участковъ будетъ поступать не въ общественное достояніе, а самимъ ассоціаціямъ, то такая привиллегія будетъ столь же несправедлива, какъ и современное частное землевладѣніе.

Вообще, соціалистическія построенія Чернышевскаго недостаточно считаются съ поставленными имъ самимъ этическими принципами, быть можетъ благодаря тому, что эти принципы и ихъ значеніе не были имъ ясно сознаваемы. Если задача общественнаго хозяйства прежде всего заключается въ обезпеченіи предметовъ необходимости для всѣхъ членовъ общества (а также въ обезпеченіи для всѣхъ нѣкотораго минимума научнаго и художественнаго образованія), то, послѣдовательно проводя этотъ принципъ, мы придемъ именно къ общественной организаціи производства и распредѣленія этихъ предметовъ. Очевидно вѣдь, что отдѣльныя самостоятельныя товарищества являются не общедоступными, а закрытыми ассоціаціями, съ ограниченными средствами; поэтому во всякомъ случаѣ необходима высшая хозяйственная инстанція, для распредѣленія производства между всѣми этими ассоціаціями, съ такимъ разсчетомъ, чтобы были привлечены къ труду всѣ работоспособные люди и чтобы были удовлетворены необходимыя потребности всѣхъ членовъ общества. Выражаясь юридическимъ языкомъ, праву каждаго на жизнь долженъ соотвѣтствовать субъектъ обязанности, и такимъ субъектомъ можетъ быть лишь общественное цѣлое, а не отдѣльныя ассоціаціи [1]).

---

[1]) „Идеаломъ ассоціаціи потребителей, говоритъ Б. Веббъ, является кооперативное или соціалистическое государство,—управленіе промышленностью наемными служащими въ интересахъ всего общества. Идеалъ соперничающей формы промышленной коопераціи состоитъ въ группахъ самоуправляющихся рабочихъ, владѣющихъ какъ средствами производства, такъ и продуктами своего труда, и конкуррирующими между собой изъ-за прибыли на рынкахъ всего міра. Эти идеалы кажутся мнѣ антагонистическими и взаимно исключающими другъ друга... Самоуправляющіяся мастерскія въ дѣйствительности принадлежатъ не системѣ соціализма, а индивидуалистической системѣ акціонерныхъ компаній". (Предисловіе къ „Кооперативному движенію въ Англіи").—Можно думать, впрочемъ, что и самъ Чер-

Мы видѣли далѣе, что интеллектуальныя потребности удовлетворяются свободной дѣятельностью людей, безъ какой бы то ни было принудительной общественной организаціи. Въ этомъ случаѣ частныя ассоціаціи, проектированныя Чернышевскимъ, вполнѣ умѣстны, такъ какъ удовлетвореніе потребностей въ знаніи, въ эстетическомъ наслажденіи или творчествѣ не является жизненной необходимостью, эксплуатація на этой почвѣ невозможна, а конкурренція и перепроизводство предметовъ науки или искусства не грозитъ никакими общественными бѣдствіями. (См. аналогичные взгляды *Лаврова*—„Государ. элементъ въ будущемъ обществѣ", стр. 65, *Каутскаго*—„На другой день" и т. д.)

Среднее мѣсто между обоими этими разрядами занимаютъ предметы комфорта и роскоши, производство которыхъ (т.-наз. художественная промышленность) приближается къ дѣятельности искусства. Несомнѣнно, что и здѣсь соціалистическое общество будетъ руководиться принципами, выставленными Чернышевскимъ, а именно, снабжать предметами комфорта всѣхъ членовъ общества, въ мѣру своихъ силъ и средствъ. Но столь же очевидно, что и здѣсь оно, наряду съ общественно-организованнымъ производствомъ, должно допустить свободный, неорганизованный трудъ, такъ какъ, во-первыхъ, обществу нѣтъ никакой нужды стѣснять своихъ членовъ въ ихъ занятіяхъ, а, во-вторыхъ, централизованному общественному производству доступны лишь массовыя, однообразныя вещи, изготовляемыя машиннымъ способомъ. На это, какъ мы видѣли, указывалъ и Чернышевскій, говоря, что разъ удовлетворены необходимыя потребности людей, остальные предметы могутъ распредѣляться (а также и производиться) по какому угодно принципу.

нышевскій не былъ рѣшительнымъ сторонникомъ т.-наз. федеративнаго соціализма. По крайней мѣрѣ, его изображеніе соціалистическаго строя (въ снахъ Вѣры Павловны, романъ „Что дѣлать?") скорѣе напоминаетъ громадное централизованное хозяйство, чѣмъ отдѣльныя самостоятельныя ассоціаціи. (Глава XVI, §§ 8—10).—Мы еще коснемся этого пункта въ главѣ о государствѣ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Аграрный вопросъ и ученіе объ общинѣ.

ЛИТЕРАТУРА. *Бельтовъ—Плехановъ*. Наши разногласія (1885).— *Шишко*. Экскурсія въ мало изслѣдованную и таинственную область. „Русск. Бог.", 1899, IX. — *Андреевичъ*. Опытъ философіи русской литературы (1905), § 17. — *Бороздинъ*. Литературныя характеристики. Т. II, вып. I (1905). — *Львовъ*. Журнальныя замѣтки. „Образованіе", 1905, I.—Крестьянскій вопросъ прежде и теперь. „Рев. Россія", 1905, № 73. — *Чернышевъ*. Община, какъ предметъ вѣры и какъ предметъ суевѣрія. „Совр. міръ", 1908, IV.—*Антоновъ*. Чернышевскій о русской общинѣ. „Образованіе", 1909, V.

I.

Тенденціи развитія въ сельскохозяйственной области.

Мы видѣли, что Чернышевскій считаетъ концентрацію производства и вытѣсненіе мелкаго хозяйства необходимымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ процесса экономическаго развитія. Это относится, по его мнѣнію, какъ къ обрабатывающей промышленности, такъ и къ земледѣлію. Вездѣ „всѣ отрасли производства постепенно принимаютъ фабричный размѣръ. Ремесленникъ, работающій при помощи своего семейства и двухъ-трехъ своихъ учениковъ, замѣняется фабрикантомъ; поселянинъ-собственникъ уступаетъ мѣсто фермеру-капиталисту" [1]). Но, какъ извѣстно, въ настоящее время обнаружилась неправильность этой теоріи въ примѣненіи къ земледѣлію, и жизнь поставила передъ соціалистами, такъ называемый, аграрный вопросъ, т.-е. вопросъ о томъ, каково дѣйствительное развитіе сельскаго хозяйства и каковы пути и средства осуществленія соціализма въ этой области. Различіе ея отъ промышленности обращало на себя вниманіе

[1]) VII, 523. Того же воззрѣнія, какъ сказано, держится и Марксъ. Такъ, напр., „Коммунистическій манифестъ" гласитъ: „прежнія мелкія сословія, мелкія промышленники, купцы и рантье, ремесленники и крестьяне, всѣ они сваливаются въ пролетаріатъ отчасти потому, что ихъ маленькій капиталъ недостаточенъ для предпріятій крупной промышленности и убивается конкурренціей болѣе крупныхъ капиталистовъ, отчасти потому, что ихъ ловкость теряетъ цѣнность при новыхъ способахъ производства" (Цит. по переводу Поссе. Жен., 1903, стр. 22). См. исторію вопроса въ книгѣ Чернова: „Марксизмъ и аграрный вопросъ", СПБ., 1906, въ особенности I главу.

уже во время Чернышевскаго, и, хотя онъ ставилъ себѣ нѣсколько иныя задачи, чѣмъ ставимъ мы теперь, но его разсужденія, и въ особенности его ученіе объ общинѣ, крайне поучительны и для нашего времени.

„Земледѣльческій процессъ, говоритъ Чернышевскій, отличается отъ фабричнаго гораздо большей сложностью элементовъ, участвующихъ въ немъ. Тутъ входятъ климатическія и геологическія условія, которыхъ не знаетъ фабрика. На фабрикѣ матеріалъ однороденъ; въ земледѣліи онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ различныхъ частей: кромѣ посѣва, соотвѣтствующаго тому, что собственно называется на фабрикѣ матеріаломъ, земля, служащая какъ будто ретортою, сама входитъ въ химическія соединенія съ матеріаломъ, между тѣмъ какъ на фабрикѣ реторта не смѣшивается съ нимъ. Этимъ объясняется, почему наука стала управляться съ земледѣльческими вопросами гораздо позднѣе, чѣмъ съ фабричными. Для рѣшенія задачъ болѣе сложныхъ, ей было нужно пріобрѣсти гораздо больше знаній. Теперь она уже владѣетъ значительной частью нужныхъ по земледѣльческимъ вопросамъ свѣдѣній и быстро пріобрѣтаетъ тѣ, которыхъ еще недостаетъ ей“ (VII, 209).

Но примѣненіе этихъ, указываемыхъ наукой, техническихъ усовершенствованій возможно только въ крупномъ земледѣльческомъ хозяйствѣ и потому оно, какъ и въ фабричной промышленности, имѣетъ преимущество передъ мелкимъ и, слѣдовательно, стремится вытѣснить его. „Одинъ изъ самыхъ основныхъ законовъ всякаго производства, говоритъ Чернышевскій, таковъ: какъ скоро существуетъ улучшенный способъ, всѣ, кто производитъ не по этому улучшенному способу, остается въ убыткѣ“. Но, говоря о преимуществахъ крупнаго хозяйства, Чернышевскій упускаетъ изъ виду обстоятельство, указанное еще Миллемъ; а именно, что эти преимущества относятся только къ массовому, однообразному производству (напр., хлѣба и сѣна, по Миллю), тогда какъ въ производствахъ, требующихъ разносторонняго тщательнаго труда, машины почти непримѣнимы, и ручной трудъ мелкаго хозяйства можетъ съ успѣхомъ бороться съ такимъ же ручнымъ у крупнаго.

Милль указываетъ для примѣра на винодѣліе, на „воздѣлываніе корнеплодныхъ и стручковыхъ растеній и, наконецъ, растеній, дающихъ матеріалъ для фабричной промышленности“. Что же касается массоваго производства, то

тутъ крупное хозяйство имѣетъ несомнѣнныя преимущества передъ мелкимъ, хотя и не столь значительныя, какъ въ промышленности [1]). Отсюда тенденція къ вытѣсненію мелкаго земледѣльческаго хозяйства, но только тенденція, а не конечный результатъ, какъ это нѣсколько поспѣшно призналъ Чернышевскій (и Марксъ). Дѣло въ томъ, что земля, наиболѣе видный факторъ сельскаго хозяйства, находится въ частной собственности. Поэтому въ дѣйствительности сталкиваются не просто крупное и мелкое хозяйство, а крупное капиталистическое хозяйство, ведущееся при помощи наемныхъ рабочихъ и имѣющее товарный характеръ, т.-е., работающее главнымъ образомъ для продажи съ цѣлью полученія прибыли, и мелкое крестьянское хозяйство, въ которомъ работаетъ самъ собственникъ; при этомъ, что особенно важно, онъ, въ противоположность ремесленнику, самъ потребляетъ значительную часть своихъ продуктовъ. Очевидно, что трудъ земельнаго собственника, вообще человѣка, работающаго на себя, при прочихъ равныхъ условіяхъ, производительнѣе труда наемныхъ рабочихъ. Это преимущество мелкаго хозяйства отчетливо указано Чернышевскимъ (VII, 209). Въ промышленности оно имѣетъ небольшое значеніе, благодаря машинному автоматическому характеру производства и сравнительной легкости надзора, при сосредоточеніи работниковъ на небольшомъ пространствѣ. Напротивъ, въ земледѣліи нужно постоянное участіе самого работника примѣнительно къ разнообразію условій, и въ то же время надзоръ затрудняется обширностью пространства работы.

Далѣе, капиталъ въ сельскомъ хозяйствѣ обращается очень медленно, обыкновенно одинъ разъ въ годъ, тогда какъ въ промышленности и торговлѣ тотъ же капиталъ обернется нѣсколько разъ въ теченіе года (см. объ этомъ Марксъ „Капиталъ", т. II, стр. 212 и далѣе). Поэтому капиталы не могутъ приносить въ земледѣліи такого процента, какъ въ

---

[1]) Какъ извѣстно, вопросъ о сравнительной выгодности крупнаго и мелкаго хозяйства подробно разрабатывался въ послѣднее время въ книгахъ Каутскаго, Герца, Давида и др. на западѣ, Каблукова, Булгакова, Карышева и др. у насъ. Изъ послѣднихъ работъ на эту тему см. I томъ „Борьба за землю" (изд. Трудъ и борьба), въ статьѣ *Н. Быховскаго*. „Предѣлы капитализаціи въ сельскомъ хозяйствѣ", книгу *Суханова*. „Соціальныя отношенія въ крестьянскомъ хозяйствѣ" и т. д.

индустріи и неохотно притекаютъ къ нему [1]). Упустивъ изъ виду это обстоятельство, Чернышевскій полагалъ, что въ ближайшемъ будущемъ именно къ крупному земледѣлію долженъ былъ начаться приливъ капиталовъ. „Мы видимъ, говоритъ онъ, что торговля и вся мануфактурная промышленность въ передовыхъ странахъ уже переполнена капиталомъ; онъ рвется обнять новыя отрасли дѣятельности. На нѣсколько лѣтъ ему достало для новаго занятія построекъ желѣзныхъ дорогъ. Теперь передовыя страны Европы уже покончили сооруженія нужнѣйшихъ и выгоднѣйшихъ предпріятій этого рода. Поэтому капиталу остается одно производительное помѣщеніе—въ сельскомъ хозяйствѣ. Дѣйствительно, прибавляетъ Чернышевскій, въ послѣдніе годы стали въ передовыхъ странахъзападной Европы обращаться къ сельскохозяйственному производству коммерческіелюди“ (VII, 208).

Но въ дѣйствительности для помѣщенія капиталовъ оказалось очень много предпріятій, какъ въ старыхъ капиталистическихъ странахъ, такъ и въ новыхъ, вступившихъ на этотъ путь развитія: стоитъ только вспомнить о колоссальномъ ростѣ промышленности во всѣхъ странахъ за періодъ отъ 60-хъ годовъ до нашего времени. Но въ то время, какъ капиталы, приложенные въ промышленности и торговлѣ, росли въ громадныхъ размѣрахъ, приложеніе ихъ къ земледѣлію, вопреки Чернышевскому, увеличивалось очень медленно, что объясняется отчасти вышеизложенными соображеніями, а отчасти такъ называемымъ аграрнымъ кризисомъ, т.-е. убыточностью капиталистическаго земледѣлія въ Западной Европѣ при подвозѣ хлѣба изъ Америки и другихъ молодыхъ странъ.

Кромѣ того, мелкое земледѣльческое хозяйство имѣетъ въ значительной части продовольственный, а не товарный характеръ, потребляя само видную долю своихъ продуктовъ.

---

[1]) Достиженіе средняго процента прибыли, по словамъ Маркса, „наталкивается на значительныя препятствія въ томъ случаѣ, когда многочисленныя и обширныя отрасли производства, эксплоатируемыя не капиталистическимъ способомъ *(напр., земледѣліе мелкимъ крестьянствомъ.* — Курсивъ нашъ), втираются между предпріятіями капиталистическими и связываются съ ними“. „Капиталъ“, т. III, стр. 148 (СПБ., 1896). См. подробнѣе объ этомъ въ статьѣ В. М. Чернова. „Типы капит. и агр. эволюціи“. „Р. Б.“ 1900, № 6, стр. 218—236, или въ его книгѣ: „Марксизмъ и аграрный вопросъ“. СПБ., 1900 г., глава V.

Поэтому, какъ бы много и дешево ни производило крупное хозяйство, оно не можетъ вытѣснить мелкаго, ибо мелкое, поскольку оно имѣетъ продовольственный характеръ, стоитъ внѣ борьбы.

Такимъ образомъ, благодаря частной собственности и связанному съ ней капиталистическому характеру крупнаго хозяйства (производство при помощи наемнаго труда на продажу для полученія прибыли), его преимущества передъ мелкимъ (съ его работой на себя, въ значительной части для собственнаго потребленія) довольно незначительны. Но въ дѣйствительности частная собственность на землю еще болѣе осложняетъ вопросъ о развитіи сельскаго хозяйства. Дѣло въ томъ, что крупный землевладѣлецъ можетъ не только *самъ* вести крупное хозяйство, но и сдавать свою землю *въ аренду* для веденія крупнаго хозяйства; но, кромѣ того, онъ можетъ вести на своей землѣ не только *крупное*, но и *мелкое* (въ техническомъ смыслѣ) хозяйство, напримѣръ, при помощи крестьянскаго инвентаря или сдавая землю исполу, или же, наконецъ, онъ можетъ сдавать землю въ аренду мелкимъ хозяевамъ.

Чернышевскій очень ясно и убѣдительно доказываетъ, что „необходимымъ слѣдствіемъ частной поземельной собственности, какъ скоро нація достигаетъ значительнаго развитія экономическихъ отношеній“, является сдача земли собственникомъ въ аренду и притомъ, по его мнѣнію, крупнымъ арендаторамъ, фермерамъ. „Какъ скоро у собственника есть такой участокъ земли, который даетъ ренту, достаточную для праздной жизни въ довольствѣ, говоритъ Чернышевскій, для него система фермерства привлекательнѣе и выгоднѣе всякой другой системы свободнаго труда. Самому заниматься хозяйствомъ ему нѣтъ нужды; при томъ же, при той степени развитія, на которой является фермерство, хозяйство требуетъ значительнаго оборотнаго капитала, котораго онъ обыкновенно не имѣетъ по своимъ роскошнымъ привычкамъ; хлопотать ему непріятно, если онъ можетъ получать почти столько же безъ хлопотъ; итакъ, онъ непремѣнно предпочтетъ отдавать свою землю въ пользованіе за вознагражденіе“, — т.-е. въ аренду. (III, 467—468. См. примѣрный разсчетъ III, 483—484). При этомъ, по мнѣнію Чернышевскаго, крупная аренда выгоднѣе мелкой для землевладѣльца, ибо крупный арендаторъ, производя дешевле, можетъ платить большую сумму.

Разсмотримъ этотъ вопросъ подробнѣе. Мелкая аренда, въ противоположность крупной арендѣ съ ея капиталистическимъ характеромъ, является преимущественно продовольственной, давая крестьянину, работающему на землѣ, средства для существованія. Поэтому, все выше сказанное о крупномъ и мелкомъ хозяйствѣ приложимо и къ данному случаю, а именно: техническія преимущества крупной аренды не столь значительны, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мелкая аренда не уступаетъ и превосходитъ крупную. Но для того, чтобы выяснить измѣняющееся отношеніе между крупной и мелкой арендой, надо разсмотрѣть еще какъ измѣняется спросъ на землю со стороны трудящагося населенія. При ограниченности пространства земли и при постоянномъ возрастаніи населенія, спросъ на землю неизбѣжно возрастаетъ (даже при неизмѣнности % земледѣльческаго населенія). Но кромѣ того, этотъ спросъ измѣняется подъ вліяніемъ еще одного фактора, — распредѣленія земельной собственности между населеніемъ. Чернышевскій подробно останавливается на тенденціяхъ распредѣленія частной земельной собственности. Вотъ его разсужденія.

Въ статьѣ „О поземельной собственности", онъ разбираетъ вліяніе „принциповъ наслѣдства, приданаго, дарственныхъ записей и духовныхъ завѣщаній" на движеніе частной собственности. Чтобы опредѣлить тенденціи воздѣйствія важнѣйшаго изъ нихъ, наслѣдства, онъ примѣняетъ очень остроумный математическій пріемъ. Онъ взялъ изъ родословной книги, составленной кн. Долгоруковымъ, 250 мужчинъ, предположилъ, что каждый изъ нихъ имѣетъ по 12 десятинъ земли, которую завѣщаетъ поровну своимъ потомкамъ; благодаря тому, что число дѣтей, внуковъ и т. д. различно, на каждаго изъ нихъ приходится различное количество земли, такъ что распредѣленіе земли между правнуками страшно неравномѣрно. Въ „Примѣчаніяхъ къ Миллю" Чернышевскій перепечаталъ это вычисленіе (VII, стр. 648—653) и сдѣлалъ новое, еще въ большемъ размѣрѣ, взявъ уже 1000 прадѣдовъ. Выводы получились тѣ же самые. „Двѣ работы, веденныя въ разное время, одинаково показываютъ, по его словамъ, что принципъ наслѣдственности дѣйствуетъ чрезвычайно сильно по двумъ противоположнымъ направленіямъ"... „Одною своею стороною, захватывающею около $^1/_7$ части всего количества земли, принципъ наслѣдственности чрезвычайно сильно дробитъ эту незначительную долю земли,

такъ что быстро превращаетъ ее въ ничтожные клочки, ничего не стоящіе и почти ни на что не годные. Другою своею стороною, захватывающею отъ $^4/_5$—$^9/_{10}$ частей и, вѣроятнѣе всего, около $^6/_7$ частей всего количества земли, чрезвычайно сильно сосредоточиваетъ эту землю въ очень незначительное число рукъ" (VII, 661). Въ этомъ же направленіи дѣйствуютъ, по мнѣнію Чернышевскаго, принципы приданаго, даренія, духовнаго завѣщанія (въ случаяхъ отсутствія прямыхъ наслѣдниковъ), а также принципъ продажи и покупки. „Въ періоды нормальнаго, спокойнаго хода дѣлъ, говоритъ Чернышевскій, преобладаетъ въ продажѣ и покупкѣ стремленіе къ соединенію мелкихъ кусковъ въ большія массы. Это обычный путь, по которому раздробившіеся клочки превращаются въ крупныя массы" (III, 494).

Въ этихъ разсужденіяхъ Чернышевскій упустилъ изъ виду рядъ существенныхъ обстоятельствъ и потому его выводъ относительно концентраціи земельной собственности не согласуется съ фактами. Его остроумныя изслѣдованія родословныхъ книгъ совершенно правильно указываютъ тенденцію къ растущей неравномѣрности распредѣленія земли при частной собственности, но не изображаютъ дѣйствительности въ цѣломъ. Во-первыхъ, Чернышевскій предполагаетъ въ начальный моментъ равныя имущества у родоначальниковъ, тогда какъ въ дѣйствительности эти имущества самой различной величины. Если обозначить ихъ для наглядности цифрами 100, 10 и 1 — тогда раздробленіе имущества 100 между 20 лицами дастъ имущество въ 5 единицъ, и точно также соединеніе имуществъ, равныхъ 1, дастъ имущества въ 2, 3, 4, 5 и т. д. единицъ. А самое главное то, что общимъ, наиболѣе типичнымъ случаемъ дѣйствія принципа наслѣдственности, является дробленіе имуществъ, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ, ибо въ общемъ разрастается громадная часть семей.

Въ томъ же направленіи, вопреки Чернышевскому, дѣйствуютъ браки и даренія. Если имѣть въ виду матеріальные интересы при заключеніи браковъ („бракъ по разсчету"), то, при прочихъ равныхъ условіяхъ, бѣднякъ болѣе энергично стремится жениться на богатой невѣстѣ, чѣмъ богачъ. Точно также мобилизація земельной собственности состоитъ преимущественно въ распродажѣ крупныхъ имѣніи по частямъ, а не наоборотъ, не въ соединеніи мелкихъ

участковъ. Это объясняется тѣмъ, что, во-первыхъ, крупному землевладѣльцу выгоднѣе продать имѣніе мелкими частями, чѣмъ болѣе крупными. Наоборотъ, соединеніе мелкихъ участковъ въ крупные довольно затруднительно, такъ какъ приходится имѣть дѣло съ множествомъ мелкихъ собственниковъ, и если одни изъ нихъ принуждены или вообще согласны продать свой участокъ, то другіе не имѣютъ въ этомъ надобности или желанія.

Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ, вѣрна только одна половина вывода Чернышевскаго: съ возрастаніемъ населенія земельные участки все болѣе и болѣе дробятся, концентраціи же ихъ не происходитъ. Изъ этого слѣдуетъ, что если въ опредѣленный моментъ крестьяне имѣли участокъ, достаточный для ихъ пропитанія, то съ теченіемъ времени ихъ участки станутъ не достаточны. Если поэтому прежде они могли арендовать землю для полученія нѣкотораго избытка въ своемъ хозяйствѣ, то съ теченіемъ времени имъ приходится думать уже не объ избыткѣ, а о необходимомъ. Поэтому спросъ на землю для продовольственной аренды имѣетъ тенденцію возрастать. Не трудно видѣть, что вмѣстѣ съ тѣмъ эта продовольственная аренда все болѣе вытѣсняетъ крупную, капиталистическую. Какъ уже говорилось, мелкой арендѣ, какъ и мелкому хозяйству на собственной землѣ, достаточно получить плату за свой трудъ, тогда какъ крупному предпринимателю, на собственной ли землѣ или на арендованной, нужно получить еще и прибыль на свой капиталъ. Но благодаря усиленному спросу на землю, мелкіе арендаторы не только отдаютъ землевладѣльцу всю ренту, но и значительную долю своей заработной платы [1]). Отсюда общеизвѣстный фактъ, что сдача земли мелкими участками даетъ землевладѣльцу гораздо больше доходу, чѣмъ капиталистическая аренда или собственное веденіе крупнаго хозяйства [2]).

Такимъ образомъ, мелкая и краткосрочная аренда, бла-

---

[1]) См., напр., Марксъ „Капиталъ“. III т., стр. 516—518. О Россіи, см. *Мануйловъ*. „Земельный вопросъ въ Россіи“. М. 1905, стр. 44 и дал.; *Вихляевъ*. „Очерки изъ русской сельско-хозяйственной дѣйствительности“, стр. 67.

[2]) См., напр., Булгаковъ. „Капитализмъ и земледѣліе“, т. I, стр., 125—126. *Герцъ*. „Аграрные вопросы“, стр. 213. Ср. Марксъ „Капиталъ“, III, 511 и Каутскій. „Аграрный вопросъ“, стр. 168 (Харьковскаго изданія).

годаря росту населенія и спроса на землю, все болѣе стремится вытѣснить крупную и долгосрочную аренду. Между тѣмъ, уже эта послѣдняя форма аренды имѣетъ рядъ недостатковъ съ технико-экономической точки зрѣнія; мелкая же и краткосрочная аренда прямо ведетъ къ истощенію земли и упадку производительныхъ силъ вообще. Несомнѣнно („не подлежитъ спору"), говоритъ Чернышевскій, что „фермерство (т.-е. крупная аренда) чрезвычайно противно всякимъ прочнымъ улучшеніямъ въ сельскомъ хозяйствѣ" (III, 467). Тѣмъ болѣе это относится къ мелкой арендѣ, ибо для улучшеній нуженъ хоть небольшой капиталъ, а этимъ арендаторамъ въ общемъ достается только заработная плата, изъ которой, при возрастающемъ спросѣ па землю, урѣзывается въ пользу землевладѣльца все большая доля. Такимъ образомъ, при частной собственности на землю болѣе раціональные способы веденія хозяйства или не примѣняются или даже вытѣсняются менѣе раціональными, но болѣе выгодными для землевладѣльцевъ; техника производства и производительность труда стоятъ на одномъ уровнѣ или даже падаютъ [1]). О ростѣ нищеты, бѣдствій и эксплоатаціи трудящагося земледѣльческаго населенія нечего и говорить.

Итакъ, по мнѣнію Чернышевскаго, въ аграрной области происходитъ, во-первыхъ, концентрація громадной части земельной собственности и распыленіе остальной, во-вторыхъ, ростъ арендныхъ хозяйствъ и притомъ крупнаго капиталистическаго типа. Этимъ стихійнымъ тенденціямъ Чернышевскій надѣялся противопоставить сознательное вмѣшательство посредствомъ устройства коопераціи. Но если бы эти тенденціи имѣли мѣсто въ дѣйствительности, то онѣ, какъ и въ промышленности, только стихійно подготовляли бы условія соціалистическаго строя, и коопераціи не могли бы имѣть и здѣсь сколько-нибудь серьезнаго значенія. Однако, мы видѣли, что благодаря особенностямъ сельско-хозяй-

---

[1]) „Дѣйствительно раціональное земледѣліе, говоритъ Марксъ, встрѣчаетъ повсюду въ частной собственности непреодолимую преграду" („Кап.", III, 509). „Капиталистическая система, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, противодѣйствуетъ раціональному земледѣлію или... раціональное земледѣліе несовмѣстимо съ капиталистической системой (хотя послѣдняя и способствуетъ техническому его развитію) и требуетъ рукъ или самостоятельно работающихъ мелкихъ крестьянъ или контроля объединившихся производителей". („Капиталъ", III, 83).

ственнаго производства, сравнительно невыгоднымъ для крупнаго хозяйства, благодаря продовольственному характеру мелкаго хозяйства, вытѣсненіе мелкихъ хозяйствъ крупными, концентрація производства не только не происходитъ, но скорѣе статистика указываетъ на обратный процессъ.

Въ то же время, при частной собственности на землю, благодаря ея монопольному характеру и растущему спросу на землю, какъ на средство для существованія, развиваются наиболѣе плохія, хищническія и технически несовершенныя формы хозяйства, мелкая и краткосрочная аренда. Поэтому во всякомъ случаѣ стихійное развитіе капитализма въ земледѣліи не ведетъ къ соціализму.

Если Чернышевскій, считалъ возможнымъ противопоставить вышеизложеннымъ стихійнымъ тенденціямъ устройство коопераціи, то онъ несомнѣнно впадалъ въ утопизмъ. Но если этихъ тенденцій въ дѣйствительности не существуетъ, то отпадаетъ главнѣйшее препятствіе для сознательнаго общественнаго вмѣшательства въ сельско-хозяйственную область. Мы видѣли, что основной причиной бѣдствій земледѣльческаго населенія и упадка сельско-хозяйственнаго производства является частная собственность на землю. Поэтому, по мнѣнію, такъ называемаго, народническаго направленія русскаго соціализма, уничтоженіе ея является необходимымъ условіемъ не только для устраненія вопіющей нищеты и эксплоатаціи крестьянъ и земледѣльческихъ рабочихъ, но и для подготовленія технико-экономическихъ условій соціалистическаго строя. Въ то же время, такъ какъ землевладѣльцы, какъ таковые, являются только получателями ренты, а не организаторами производства, то уничтоженіе частной земельной собственности не потребуетъ немедленнаго измѣненія въ организаціи самого производства, какъ это неизбѣжно потребовалось бы для обрабатывающей промышленности. Поэтому, уничтоженіе частной собственности на землю *экономически* возможно въ любой моментъ и на этомъ основаніи входитъ въ область такъ называемой программы-минимумъ с.-р-овъ, т.-е. считается осуществимымъ еще въ капиталистическомъ строѣ.

II.

Значеніе общины для соціализма. Право на землю.

Для уничтоженія частной собственности на землю требуются двоякаго рода условія: во-первыхъ, психологическія,

сознаніе народной массой необходимости ея уничтоженія и способность къ веденію хозяйства на новыхъ основаніяхъ, и во-вторыхъ, политическія, принадлежность власти въ государствѣ людямъ, желающимъ произвести это правовое измѣненіе. Изъ всѣхъ европейскихъ странъ только въ Россіи имѣются необходимыя психологическія условія для уничтоженія частнаго землевладѣнія. Эти условія созданы, главнымъ образомъ, *общиннымъ землевладѣніемъ* русскихъ крестьянъ. Отсюда громадная важность этого факта въ міровой жизни соціализма, и отсюда же великая заслуга Герцена и въ особенности Чернышевскаго, которымъ, по словамъ К. Качоровскаго, „съ чрезвычайной ясностью и яркостью и во всю свою огромную величину" былъ поставленъ вопросъ о значеніи общины и о необходимости ея сохраненія. Мы займемся сначала разсужденіями Чернышевскаго о значеніи общины для соціализма. Въ виду важности этого вопроса, мы приведемъ довольно значительныя выдержки.

„Введеніе лучшаго порядка дѣлъ чрезвычайно затруднено въ Западной Европѣ безграничнымъ расширеніемъ юридическихъ правъ отдѣльной личности, говоритъ Чернышевскій. На Западѣ лучшій порядокъ экономическихъ отношеній соединенъ съ пожертвованіями, и потому его учрежденіе очень затруднено. Онъ противенъ привычкамъ англійскаго и французскаго поселянина. У французскаго поселянина одно стремленіе въ жизни—прикупать побольше и побольше земли къ своему участку; у англійскаго фермера одно стремленіе—возвысивъ по возможности доходъ съ своей фермы, забирать и забирать сосѣдніе участки въ наемъ, для увеличенія своей фермы; у его работника одна мечта—сдѣлаться фермеромъ. Для нихъ всѣхъ мысль объ улучшеніи своего состоянія срослась съ мыслью о полной власти надъ землею, которую онъ обрабатываетъ. Нѣсколько иначе, но та же самая мысль о безотчетномъ распоряженіи своею дѣятельностью, давно проникла англійскаго и французскаго фабричнаго работника. Для введенія союзнаго производства въ этихъ земляхъ, надобно въ цѣломъ народѣ, огромнѣшая масса котораго еще погрязаетъ въ невѣжествѣ и не привыкла къ размышленію о своихъ обычаяхъ, вселить новое убѣжденіе, и не только вселить его, но и утвердить до такой силы, чтобъ оно взяло верхъ надъ обычаями и привычками, которыя чрезвычайно сроднились со всѣмъ образомъ жизни тѣхъ племенъ,—надобно путемъ разумнаго

убѣжденія перевоспитать цѣлые народы. Какой гигантскій трудъ для этого требуется—вполнѣ понимаетъ только тотъ, кто перевоспитывалъ себя“ (III, 184).

Другое дѣло Россія. „Тѣ привычки, проведеніе которыхъ въ народную жизнь кажется дѣломъ неизмѣримой трудности англичанину и французу, существуютъ у русскаго, какъ фактъ его народной жизни. У насъ есть землевладѣльцы съ юридическимъ полновластіемъ англійскаго или французскаго землевладѣльца (помѣщики, купцы и разночинцы, купившіе себѣ землю, однодворцы, нѣсколько тысячъ крестьянъ, владѣющіе собственной землею),—но они составляютъ, сравнительно съ массою народа, еще очень немногочисленный классъ, понятія котораго о полновластной собственности отдѣльнаго лица надъ землею еще не проникли въ сознаніе массы нашего племени. По праву полновластной собственности обрабатываются у насъ уже милліоны десятинъ (всѣ земли, обрабатываемыя въ пользу людей, непринадлежащихъ къ сельской общинѣ), — но всѣ эти милліоны десятинъ составляютъ еще незначительную, быть можетъ, пятнадцатую, быть можетъ, двадцатую часть въ общей массѣ обрабатываемыхъ земель, которыя или распредѣляются для обработки или пользованія по общинному началу (почти всѣ земли, воздѣлываемыя на себя помѣщичьими и государственными крестьянами, и всѣ земли, воздѣлываемыя на помѣщика барщиною, такъ же какъ и мірскія запашки въ казенныхъ селеніяхъ), или принадлежатъ государству, т.-е. всей націи (оброчныя статьи)[1]. Масса народа до сихъ поръ понимаетъ землю, какъ общинное достояніе, и количество земли, находящейся въ общинномъ владѣніи, или пользованіе ими подъ общинною обработкою такъ велико, что масса участковъ, совершенно выдѣлившихся изъ него въ полновластную собственность отдѣльныхъ лицъ, по сравненію съ нимъ, незначительна. Порядокъ дѣлъ, къ которому столь труднымъ и долгимъ путемъ стремится теперь Западъ, еще существуютъ у насъ въ могущественномъ народномъ обычаѣ нашего сельскаго быта“ [2]).

---

[1]) Чернышевскій даетъ свои цифры не голословно, а пользуясь статистическими данными его времени, какъ онъ самъ на это указывалъ (III, стр. 424). Для нашего времени цифры общинной и вообще коллективной земельной собственности приведены, напр., К. Р. Качоровскимъ („Крест. Община“, стр. 71 и далѣе).

[2]) То же воззрѣніе красной нитью проходитъ черезъ всѣ статьи

„Мы видимъ, заключаетъ Чернышевскій, какія печальныя слѣдствія породила на Западѣ утрата общинной поземельной собственности, и какъ тяжело возвратить западнымъ народамъ свою утрату. Примѣръ Запада не долженъ быть потерянъ для насъ“ [1]).

Герцена о Россіи. „Право на землю, говоритъ онъ, у насъ гораздо больше, чѣмъ право; оно фактъ, оно больше, чѣмъ призракъ, оно существуетъ. Крестьянинъ на немъ стоитъ, онъ его мѣритъ десятинами и для него его право на землю естественное послѣдствіе *рожденія и работы*. Оно такъ же несомнѣнно въ народномъ сознаніи, такъ же логически вытекаетъ изъ его понятія родины и необходимости существованія возлѣ отца, какъ право на *воздухъ*, пріобрѣтаемое дыханіемъ вслѣдъ за отдѣленіемъ отъ матери. Право каждаго на пожизненное обладаніе землею до того вросло въ понятіе народа русскаго, что, переживая личную свободу крестьянина, закабаленнаго въ крѣпость, оно выразилось, повидимому, безсмысленной поговоркой: *мы господскіе, а земля наша*... И это не все. Сверхъ признанія права каждаго на землю, въ народномъ бытѣ нашемъ есть другое начало, необходимо пополняющее первое, безъ котораго оно никогда не имѣло бы своего полнаго развитія. Это начало состоитъ въ томъ, что земля, на пользованіе которой каждый имѣетъ право, съ тѣмъ вмѣстѣ не принадлежитъ никому *лично и потомственно*“. (Русскіе нѣмцы и нѣмецкіе русскіе, „Колоколъ“, 1859 г. № 59, стр. 187). См. цѣлый рядъ аналогичныхъ разсужденій, въ особенности стр. 191, 458, 513, 559, 566, 656, 657 и др.

[1]) Это положеніе составляетъ отличительную черту *русскаго* соціализма, исходящаго отъ Герцена и Чернышевскаго, получившаго яркое выраженіе въ извѣстной прокламаціи Михайлова „Къ молодому поколѣнію“ (1861), подробно разработаннаго Лавровымъ и Михайловскимъ и лежащаго въ основѣ программы партіи с.-р-овъ. „Мы русскимъ соціализмомъ называемъ тотъ соціализмъ, говоритъ Герценъ, который идетъ отъ земли и крестьянскаго быта, отъ фактическаго надѣла и существующаго передѣла полей, отъ общиннаго владѣнія и общиннаго управленія—и идетъ вмѣстѣ съ работничьей артелью навстрѣчу той экономической справедливости, къ которой стремится соціализмъ вообще и которую подтверждаетъ наука“ („Порядокъ торжествуетъ“. „Колоколъ“, № 233, стр. 661). Точно также у Лаврова въ программѣ, напечатанной въ журналѣ „Впередъ“, читаемъ: „для русскаго спеціальная почва, на которой можетъ развиться будущность большинства русскаго населенія въ томъ смыслѣ, который указанъ общими задачами нашего времени, есть крестьянство съ общиннымъ землевладѣніемъ. Развить нашу общину въ смыслѣ общинной обработки земли и общиннаго пользованія ея продуктами, сдѣлать изъ мірской сходки основной политическій элементъ русскаго общественнаго строя, поглотить въ общинной собственности частную... вотъ спеціально русскія цѣли, которымъ долженъ содѣйствовать всякій русскій, желающій прогресса своему отечеству“. („Впередъ“, 1873 г. № 1, стр. 11. Перепечатано Лавро-

Такимъ образомъ, благодаря общинѣ, правосознаніе русскаго народа соотвѣтствуетъ соціалистическому требованію отмѣны частнаго землевладѣнія, намѣчая такимъ образомъ иной некапиталистическій путь сельскохозяйственнаго развитія Россіи.

* * *

Дальнѣйшій ходъ развитія по направленію къ соціализму также въ общихъ чертахъ намѣченъ Чернышевскимъ.

Указавъ на выгодность общиннаго землевладѣнія для благосостоянія массы (объ этомъ мы будемъ говорить ниже), онъ замѣчаетъ: „черезъ 30 или 25 лѣтъ общинное владѣніе будетъ доставлять нашимъ поселянамъ другую, еще болѣе важную выгоду, открывая имъ чрезвычайно легкую возможность къ составленію земледѣльческихъ товариществъ для обработки земли... Не можемъ сказать, прибавляетъ Чернышевскій, чтобы это соображеніе не оказывало сильнаго вліянія на нашу приверженность къ общинному владѣнію". Въ другомъ мѣстѣ Чернышевскій останавливается на этомъ подробнѣе. Онъ прекрасно понимаетъ, что „между общиннымъ владѣніемъ безъ общиннаго производства и общиннымъ владѣніемъ съ общиннымъ производствомъ, разница неизмѣримая" (точнѣе было бы сказать огромная, а не безконечно-большая, „неизмѣримая", что, впрочемъ, сейчасъ же и указываетъ Чернышевскій). „Извѣстно, говоритъ онъ, что общинное производство основывается на общинномъ владѣніи, и что согласіе на общинное производство гораздо за-

---

вымъ, въ его книгѣ „Народники-пропагандисты". Спб. 1907 г., стр. 100). См. также Михайловскій, „Литературныя замѣтки", 1872 г. I, 708—709, 720—721, IV, 452, 952 и др. На этой основѣ построена, какъ извѣстно, аграрная программа с.-р-овъ, оказавшаяся настолько жизнеспособной въ революціонный періодъ 1905—1906 гг., что даже русскіе соціалъ-демократы къ своимъ обычнымъ воззрѣніямъ на развитіе капитализма, какъ единственный путь къ соціализму, эклектически присоединили требованіе уничтоженія частной собственности на землю (такъ называемая муниципализація земли у Маслова, Валентинова и др., націонализація ея у Громана, Вольскаго, отчасти у Ленина и др.). См. объ этомъ *Вадимовъ*. „Аграрная программа россійской соціалдемократіи" (Спб. 1906). Наоборотъ, русское правительство, прежде считавшее общину меньшимъ зломъ сравнительно съ пролетаріатомъ, въ послѣднее время (законъ 9 ноября 1906 г. и т. д.) круто повернуло свою политику, принимая мѣры къ уничтоженію общины, въ виду обнаруженнаго ею соціалистическаго вліянія на крестьянъ.

труднительнѣе, нежели согласіе на общинное владѣніе", и затѣмъ онъ намѣчаетъ три логическія и вмѣстѣ съ тѣмъ фактическія ступени развитія общины:

1. „Общинная собственность или владѣніе безъ общиннаго производства".

2. Общинное владѣніе съ общиннымъ же производствомъ, но безъ „общиннаго потребленія" (напр., люди могутъ имѣть общую мастерскую и дѣлить доходы, но жить все-таки отдѣльными хозяйствами). Этой второй ступени, повидимому, соотвѣтствуютъ коопераціи трудящихся, предлагавшіяся Чернышевскимъ.

3. Общинное владѣніе съ общиннымъ производствомъ и общиннымъ потребленіемъ. Для осуществленія такого коммунистическаго порядка „мало тутъ условій, достаточныхъ для успѣшности общиннаго производства, мало довѣрія къ взаимной честности, мало и нравственнаго убѣжденія въ выгодности дѣла; тутъ нужны другія пружины, чтобы я захотѣлъ жить не такъ, какъ лично мнѣ приходитъ фантазія жить, а какъ требуетъ жить разумъ и экономическій разсчетъ, чтобы я захотѣлъ отказаться отъ многихъ своихъ прихотей" (III, 462).

Въ этихъ не совсѣмъ опредѣленныхъ разсужденіяхъ дѣло, повидимому, идетъ объ изложенномъ уже нами требованіи Чернышевскаго, чтобы въ соціалистическомъ строѣ сперва удовлетворялись необходимыя потребности всѣхъ членовъ общества, а затѣмъ уже производились предметы комфорта и, наконецъ, роскоши. Во всякомъ случаѣ, необходимость общиннаго или, точнѣе, общественнаго землевладѣнія, какъ необходимаго предварительнаго, не только логическаго, но и фактическаго условія для общественнаго производства, достаточно ясно показана Чернышевскимъ[1]). Вполнѣ понятна поэтому та страстность, съ какой онъ желалъ сохраненія общины, какъ залога лучшаго будущаго Россіи. Каковы бы ни были перемѣны въ экономическомъ развитіи, „да не дерзнемъ мы, говоритъ онъ, коснуться священнаго спасительнаго обычая, оставленнаго намъ нашей прошедшей жизнью, бѣдность которой съ избыткомъ искупается однимъ

[1]) Срав. эволюцію взглядовъ Маркса и Энгельса относительно русской общины,—въ общемъ совпадающихъ съ взглядами Чернышевскаго,—въ статьѣ „Марксъ и Энгельсъ о русской общинѣ". „Револ. Россія", № 76, перепечатана въ книгѣ В. Чернова: „Марксизмъ и аграрный вопросъ", гл. X, стр. 206 и далѣе.

этимъ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ,—да не дерзнемъ мы посягнуть на общинное пользованіе землями, — на это благо, отъ пріобрѣтенія котораго теперь зависитъ благоденствіе земледѣльческихъ классовъ западной Европы. Ихъ примѣръ да будетъ намъ урокомъ" [1]).

* * *

Желательный аграрный строй представлялся Чернышевскому почти въ томъ же видѣ, какъ онъ намѣченъ теперь въ программѣ с.-р-овъ. Нужно, говоритъ онъ, „чтобы трудящійся всегда имѣлъ средства къ труду. Это дается государственной поземельной собственностью съ общиннымъ владѣніемъ. Я сынъ моей родины,—этого довольно: родина поступаетъ со мной какъ мать,—она даетъ мнѣ пріютъ, она даетъ мнѣ наслѣдство, достаточное для моего существованія, если я буду имъ пользоваться, — я получаю участокъ изъ государственной собственности. Всѣ дѣти равно милы ей, — я получаю столько же, сколько мои братья. Они, быть можетъ, должны были нѣсколько потѣсниться, чтобы дать мѣсто новому гражданину, — они не ропщутъ на то, потому что и сами прежде меня получили участіе въ государственной землѣ такимъ же образомъ, — мое право есть ихъ право; явятся новые граждане, и когда мнѣ придется въ свою очередь потѣсниться для нихъ, я не ропщу на то, потому что самъ помѣщенъ былъ въ участіе наслѣдства моей родины такимъ же образомъ,—ихъ право есть мое право" (III, 461—462).

Но, разумѣется, Чернышевскій прекрасно понималъ, что при тогдашнихъ общественныхъ условіяхъ, право каждаго гражданина на землю еще не могло служить практическимъ требованіемъ, и всѣ свои усилія онъ направилъ на защиту общины, какъ факта русской жизни.

„Принципъ частнаго владѣнія, говоритъ онъ, хотя бы онъ и вытѣснялся постепенно общиннымъ, будетъ еще долго и долго господствовать и, какъ переходное состояніе, неизбѣ-

---

[1]) III, 186. „Какое счастье для Россіи, говоритъ Герценъ, что сельская община не погибла, что личная собственность не раздробила собственности общинной; какое это счастье для русскаго народа, что онъ остался внѣ всѣхъ политическихъ движеній, внѣ европейской цивилизаціи, которая, безъ сомнѣнія, подкопала бы общину..." (Русскій народъ и соціализмъ, 1851 г., собр. соч., т. V, стр. 198). См. также „Колоколъ", 1866 г., № 230, въ статьѣ „Порядокъ торжествуетъ" и т. д.

женъ. Если это такъ, то первый вопросъ, мнѣ кажется, состоитъ только въ томъ, какъ единовременно совмѣстить возможно мирное господство обоихъ способовъ владѣнія, и какъ распоряженіе частной собственностью сдѣлать наивозможно плодотворнымъ и нестѣснительнымъ для соприкасающагося съ нимъ общиннаго владѣнія. Затѣмъ уже можетъ подлежать къ разрѣшенію другой вопросъ: какъ оградить навсегда благодѣтельное для большинства общинное владѣніе отъ возможности вторженія въ его область частнаго, и какой лучшій и мирный путь къ постепенному расширенію этой области, съ усовершенствованіемъ самаго распоряженія общественною собственностью. Время сдѣлаетъ остальное" [1]).

Границы между общинной и частной собственностью въ тотъ моментъ очень отчетливо указывались Чернышевскимъ. „Все, чѣмъ владѣютъ или воздѣлываютъ для себя поселяне по общинному праву, говоритъ онъ, должно быть государственной собственностью въ общинномъ владѣніи" (III, 477). Для огражденія отъ частной собственности нужно было, очевидно, закрѣпить закономъ это общинное землевладѣніе. Наоборотъ, земли, которыя не только называются частной собственностью (одного имени мало), но также и воздѣлываются по принципу частной собственности, должны быть частной собственностью, потому что фактически только онѣ выдѣлились изъ общиннаго владѣнія".

Такимъ образомъ, частная собственность оставлялась не только у помѣщиковъ и купцовъ, но и у тѣхъ крестьянъ, которые пользовались землею не на общинномъ, а на частномъ правѣ. „Гдѣ обычай—частная собственность, говоритъ Чернышевскій, вводить общинное владѣніе было бы слишкомъ сильнымъ потрясеніемъ обычая. Этой цѣли надобно достигать постепенно и при томъ преимущественно объясненіями поселянамъ выгодъ общиннаго владѣнія и наглядными примѣрами по сосѣдству".

Дальнѣйшая же политика государства должна была, по

---

[1]) IV, 88. См. также IV, 96. Точно также Герценъ писалъ Кинэ: „мы представляемъ починъ иного отношенія человѣка къ почвѣ, наша задача состоитъ въ опытѣ развитія личной свободы безъ потери права на землю, въ опытѣ ограниченія самодержавія недвижимой собственности неотъемлемымъ правомъ на поземельное владѣніе, словомъ, сохраненіемъ общинной собственности рядомъ съ личнымъ пользованіемъ" (Письма къ будущему другу, „Колоколъ", 1864, № 181, стр. 499).

Чернышевскому, расширять область общиннаго землевладѣнія. Для этого онъ, во-первыхъ, предлагалъ разрѣшить крестьянамъ-собственникамъ переходить къ общинѣ, а во-вторыхъ, проектировалъ „присоединеніе къ прилежащей общинѣ тѣхъ клочковъ частной земли, которые черезъ наслѣдственное дробленіе измельчали до извѣстнаго предѣла". Кромѣ того, онъ считалъ желательнымъ установленіе передачи по завѣщанію отца наслѣдственной земли въ общинное владѣніе его роду (IV, 96). Ссылаясь на извѣстную уже читателямъ картину крайней неравномѣрности распредѣленія земли, неизбѣжную при частной собственности, Чернышевскій говоритъ: „этотъ видоизмѣненный порядокъ наслѣдованія, не выходя изъ области частнаго права, удовлетворяетъ въ одно время и требованію справедливости, и родовому кровному чувству заботливости о судьбѣ своего потомства" (IV, 90).

Но кромѣ этого, такъ сказать, добровольнаго перехода къ общинному владѣнію (для „тихаго" достиженія этой цѣли, по выраженію Чернышевскаго), Чернышевскій намекаетъ на принудительныя мѣры государства съ цѣлью расширенія площади общинной земли. Онъ устанавливаетъ минимальную норму общиннаго надѣла, а именно: „государственная поземельная собственность (съ общиннымъ владѣніемъ), говоритъ онъ, должна имѣть, по крайней мѣрѣ, такой объемъ, чтобы каждый изъ подушныхъ участковъ давалъ безбѣдныя средства для жизни землевладѣльцу" (III, 476). Очевидно, что принявъ такой принципъ земельной политики, государство, по мѣрѣ роста населенія, должно расширять пространство общинныхъ земель (поскольку „безбѣдныя средства для жизни" не могутъ быть получены усиленной интенсификаціей земледѣлія). „Общинное владѣніе, огражденное отъ вторженія частной собственности въ свою область, можетъ и должно, говоритъ Чернышевскій, расширять эту область сообразно тому, какъ будетъ представляться въ томъ надобность по мѣрѣ возрастанія населенія и развитія другихъ условій, требующихъ этого расширенія общиннаго владѣнія" (IV, 96). Но на развитіи этого положенія и на перечисленіи другихъ, не „тихихъ" мѣръ къ расширенію общиннаго владѣнія, Чернышевскій не останавливается [1]).

---

[1]) Послѣ всего вышеизложеннаго нетрудно видѣть неосновательность нижеслѣдующихъ разсужденій г. Иванова-Разумника. „Чернышевскій энергично возставалъ противъ *государственнаго закрѣпленія*

III.

Отношеніе Чернышевскаго къ славянофиламъ и либераламъ по поводу общины. Защита общины.

Изъ двухъ главныхъ тогдашнихъ теченій русской общественной мысли славянофилы были сторонниками общины, а либеральные экономисты ея противниками. Несмотря на разногласіе съ славянофилами почти по всѣмъ другимъ вопросамъ, Чернышевскій объявилъ себя ихъ единомышленникомъ и союзникомъ по вопросу о значеніи общины. „Читатели, зная нашъ образъ мыслей, говоритъ онъ, не могутъ, конечно, предполагать въ насъ особеннаго расположенія къ тѣмъ примѣсямъ славянофильской системы, которыя находятся въ противорѣчіи и съ идеями, выработанными современной наукой, и съ характеромъ нашего племени. Но мы повторяемъ, что выше этихъ заблужденій есть въ славянофильствѣ элементы здоровые, вѣрные, заслуживающіе сочувствія". А именно: „Они считаютъ общинное пользованіе землями, существующее нынѣ, важнѣйшимъ залогомъ, необходимѣйшимъ условіемъ благоденствія земледѣльческаго класса. Въ этомъ случаѣ они высоко стоятъ надъ многими

общины, котораго впослѣдствіи требовали критическіе народники семидесятыхъ годовъ, во главѣ съ Михайловскимъ. Государственное закрѣпленіе общины Чернышевскій считаетъ вредной мѣрой, препятствующей образованію личной крестьянской собственности и тѣмъ самымъ приковывающей къ малоземельной общинѣ лишнихъ крестьянъ; но „кажется, подобныхъ насильственныхъ мѣръ у насъ опасаться и нечего", замѣчаетъ Чернышевскій. Отсюда ясно, что Чернышевскій не могъ быть противникомъ частной земельной собственности въ шестидесятыхъ годахъ въ Россіи; подобно Кавелину, онъ видѣлъ въ земельной собственности коррективъ общинному владѣнію и обратно". Г. Разумникъ ссылается только на нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній Чернышевскаго при разборѣ статей „Журнала землевладѣльцевъ". Въ данномъ случаѣ Чернышевскій логически развиваетъ положенія этого журнала о томъ, что будетъ при развитіи въ крестьянахъ охоты къ пріобрѣтенію частной земельной собственности. Утверждать же, что Чернышевскій „радуется этому распространенію между крестьянами частной поземельной собственности", какъ это дѣлаетъ г. Разумникъ, нѣтъ никакихъ основаній. Между тѣмъ г. Разумникъ въ дальнѣйшемъ заявляетъ даже, что закрѣпленіе общины „Чернышевскій признавалъ вредной мѣрой" (стр. 23).

изъ такъ-называемыхъ западниковъ, которые почерпаютъ свои убѣжденія въ устарѣлыхъ системахъ, принадлежащихъ по духу своему минувшему періоду односторонняго увлеченія частными правами отдѣльной личности и которые необдуманно готовы возставать противъ нашего драгоцѣннаго обычая, какъ несовмѣстимаго съ требованіями этихъ системъ, несостоятельность которыхъ уже обнаружена наукой и опытомъ западно-европейскихъ народовъ. Всѣ теоретическія заблужденія, всѣ фантастическія увлеченія славянофиловъ, прибавляетъ Чернышевскій, съ избыткомъ вознаграждаются уже однимъ убѣжденіемъ ихъ, что общинное устройство нашихъ селъ должно остаться неприкосновеннымъ при всѣхъ перемѣнахъ въ экономическихъ отношеніяхъ". (III, 199. См. также III, 149—153 и 180—181).

Противниками же общины были такъ-называемые либеральные экономисты манчестерской школы, имѣвшіе органомъ „Экономическій указатель", выходившій подъ редакціей И. Вернадскаго. Чернышевскій, какъ соціалистъ и какъ сторонникъ общины, крайне враждебно относился къ этимъ буржуазнымъ экономистамъ, твердившимъ съ чужого голоса о великихъ достоинствахъ частной собственности вообще и земельной въ особенности. Эти экономисты, кромѣ всего прочаго, были и порядочными невѣждами даже въ предѣлахъ своей науки, и потому Чернышевскій, прекрасно знакомый съ европейскимъ соціализмомъ и его критикой буржуазной экономіи, легко разбилъ своихъ противниковъ на голову.

Полемикой съ либеральными экономистами и занятъ главнымъ образомъ Чернышевскій въ своихъ статьяхъ объ общинѣ. Въ этихъ статьяхъ онъ касается вопроса о происхожденіи русской общины и подробно доказываетъ преимущества общины передъ частнымъ владѣніемъ въ отношеніи распредѣленія и производства продуктовъ, а также въ томъ, что общинное устройство соотвѣтствуетъ свободѣ людей и разумному законодательству. Чернышевскій доказываетъ также логическую и фактическую несостоятельность возраженій противъ общины и опровергаетъ философскіе предразсудки противъ общиннаго землевладѣнія. Написанныя прекраснымъ языкомъ, остроумно и убѣдительно, съ блестящими полемическими пріемами, эти статьи и теперь читаются съ величайшимъ интересомъ.

Я не буду останавливаться здѣсь на вопросѣ о проис-

хожденіи общины, въ виду его спеціальности. Интересующихся отсылаю къ моей статьѣ „Чернышевскій о русской общинѣ",—„Образованіе", 1909, V, и прямо перехожу къ защитѣ общины Чернышевскимъ.

Онъ доказываетъ прежде всего преимущество общиннаго землевладѣнія для благосостоянія трудящейся массы. Пріемъ его самый простой. Онъ беретъ два одинаковыхъ участка земли съ одинаковымъ населеніемъ (2000 человѣкъ); въ одномъ случаѣ онъ предполагаетъ, что этотъ участокъ принадлежитъ нѣсколькимъ землевладѣльцамъ, у которыхъ его арендуютъ фермеры, обрабатывая его при помощи наемныхъ рабочихъ; другой участокъ равномѣрно распредѣленъ между крестьянами. Онъ взялъ завѣдомо невыгодный для себя случай, а именно, онъ предположилъ, что на первомъ участкѣ производительность труда больше на 66%, а также, что землевладѣлецъ получаетъ только 25% чистаго дохода, фермеру достается 45%, а рабочимъ—30%. Понятно, что на одного работника въ общинѣ пришлось гораздо больше, чѣмъ при фермерской системѣ (ибо 30% отъ 1,66, т.-е. 0,50 меньше, чѣмъ всѣ 100% одной единицы). При этомъ Чернышевскій употребилъ военную хитрость: въ своей статьѣ онъ взялъ, повидимому, произвольныя цифры. Его противникъ, либеральный экономистъ Вернадскій, пошелъ на эту удочку, упрекая Чернышевскаго въ грубомъ искаженіи дѣйствительности. Въ отвѣтъ на это Чернышевскій привелъ наиболѣе совершенныя данныя того времени, а именно, что при частной собственности въ европейскихъ странахъ производительность земледѣлія не въ 1,66 раза выше чѣмъ въ Россіи (при общинѣ), а всего отъ 1,10 до 1,40 раза. Точно также доля работниковъ не 30%, а всего 24%. (Ш, 190—191).

Кромѣ того, какъ мы уже видѣли, Чернышевскій доказывалъ, что частная земельная собственность имѣетъ тенденцію приводить къ крайне неравномѣрному распредѣленію земельной собственности, „съ одной стороны раздробляя до крайности земельную собственность, съ другой—гораздо въ сильнѣйшей степени сосредоточивая ее". Уже говорилось, что въ дѣйствительности не наблюдается такой значительной концентраціи земельной собственности, какъ это предполагалъ Чернышевскій; но это не значитъ, что она распредѣляется равномѣрно. Пусть, напр., въ среднемъ приходится на душу 10 десятинъ; если при этомъ $^1/_3$ населенія имѣетъ по 30 дес. на душу, то на остальныхъ $^2/_3$ населенія почти

вовсе не останется земли. Общинное же землевладѣніе постепенно возстановляетъ равномѣрность землепользованія. „Оно обезпечиваетъ каждому члену общины право на участіе въ пользованіи, говоритъ Чернышевскій; оно обезпечиваетъ существованіе каждаго отдѣльнаго члена общины, доставляя ему право на землю". (III, 190). Эти преимущества общины настолько очевидны, что „поселяне, чуждые русскому племени, по словамъ Чернышевскаго, когда видятъ вокругъ себя русскихъ поселянъ, мало-по-малу убѣждаются въ преимуществахъ общественнаго владѣнія и принимаютъ его". Такъ, „нѣмецкіе колонисты въ Саратовской губерніи ввели у себя общинное владѣніе, убѣдившись въ томъ, что оно для благосостоянія цѣлой общины выгоднѣе, нежели принесенный этими колонистами изъ Германіи законъ частной поземельной собственности... Гакстгаузенъ прямо указываетъ причину, заставившую нѣмецкихъ колонистовъ предпочесть нашъ порядокъ своему: при наслѣдственной собственности и при правѣ продавать землю, очень многіе изъ нихъ скоро увидѣли себя обѣднѣвшими, и тогда всѣ колонисты, опасаясь каждый для себя или для своихъ дѣтей подобной же участи, приняли русскій обычай, и этотъ обычай возстановилъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ цвѣтущее благосостояніе. Далѣе... тотъ же обычай, съ тѣми же счастливыми результатами, былъ принятъ меннонитами въ Новороссійскомъ краѣ. Въ нѣсколькихъ татарскихъ селахъ Гакстгаузенъ слышалъ то же самое. Татары, подобно нѣмцамъ, усваиваютъ себѣ русскій порядокъ, какъ выгоднѣйшій для сохраненія общаго благосостоянія" [1]). Такимъ образомъ, общинное владѣніе (разумѣется, при извѣстныхъ условіяхъ) предохраняетъ крестьянъ отъ пролетаризаціи...

Переходимъ къ другимъ возраженіямъ противъ общины, изъ которыхъ важнѣйшія два: „общинное пользованіе не допускаетъ удобренія и улучшенія земли... Община убиваетъ энергію въ человѣкѣ". На первое Чернышевскій отвѣ-

---

[1]) III, 296. Замѣтимъ, что Марксъ вполнѣ признавалъ положительное вліяніе общины въ этомъ отношеніи. По его словамъ, „общинное землевладѣніе не только не создало нищеты русскихъ крестьянъ, но, наоборотъ, только оно смягчило ее". („Statt dan Elend hervor zubringen hat das Gemeinligenthum allein es gemässigt". Briefe an Kugelman, Neue Zeit, XX, B. 2, s. 415).—Нужно имѣть въ виду, что въ русскомъ переводѣ этихъ писемъ къ Кугельману (изд. СПБ. книжной экспедиціи, 1907 г.) эта фраза совершенно искажена.

чаетъ, что оно не касается самого общиннаго землевладѣнія, „а относится только къ одному изъ способовъ этого пользованія (ежегодному передѣлу земель) и легко устраняется при другихъ способахъ, между прочимъ, при передѣлѣ на продолжительные сроки, съ вознагражденіемъ отъ общины прежняго обрабатывателя за улучшеніе земли, если по передѣлу участокъ или клинъ участка переходитъ къ другому члену общины“ [1]).

Поэтому, „въ первые годы“, число которыхъ у фермера нѣсколько меньше, нежели у общинника, „оба они имѣютъ одинаково полную выгоду отъ улучшенія“. Но когда кончится срокъ контракта, фермеръ „долженъ будетъ повысить плату собственнику настолько, насколько увеличилась доходность земли отъ произведеннаго улучшенія“ (ибо, если онъ не повыситъ, то землевладѣлецъ сдастъ свою землю другому фермеру). Наоборотъ, общинникъ въ худшемъ случаѣ „можетъ потерять часть произведенныхъ улучшеній“; фермеръ же „теряетъ непремѣнно всю сумму ихъ“ (III, 466). Очевидно также, что „чѣмъ продолжительнѣе періодъ дѣйствія произведеннаго улучшенія, тѣмъ болѣе склоняется преимущество на сторону общинника“. Чернышевскій, по своему обыкновенію, иллюстрируетъ это цифровыми примѣрами [2]).

---

[1]) То же самое говорилъ впослѣдствіи проф. Посниковъ въ своемъ трудѣ „Общинное землевладѣніе“. „Весь вредъ, могущій происходить отъ прославленныхъ передѣловъ, состоитъ существенно въ томъ, что въ послѣднее время, можетъ быть, только послѣдній годъ, общинникъ не будетъ удобривать отведенную ему въ пользованіе землю. Зло совершенно одинаковое съ тѣмъ, какое оказываетъ арендная система по отношенію именно къ этому улучшенію вездѣ, гдѣ не существуетъ обычай вознаграждать фермера. И то же самое средство, которое противодѣйствуетъ этому злу при правильно развитой арендѣ, помогаетъ и здѣсь; оно уничтожается именно, когда войдетъ въ обычай вознаграждать владѣльца за улучшенія, не изъятыя изъ земли“. (2-е изд. Одесса, 1878, стр. 152).

[2]) III, 481. Буквально тѣ же доводы приводилъ г. Посниковъ. „Если затраты на землю, говорилъ онъ, возможны для фермера, лица, пользующагося временно чужой землей, отчего же онѣ не доступны члену общины, пользующемуся мірской землей въ теченіе извѣстнаго времени? Несмотря на срочность владѣнія, фермеръ прилагаетъ капиталъ къ землѣ и при томъ въ размѣрахъ, какъ полагаютъ нѣкоторые, недоступныхъ для собственника; онъ является сверхъ того хозяиномъ болѣе энергичнымъ... Въ виду неоспоримаго процвѣтанія хозяйства при арендныхъ системахъ, — возможно ли серьезно обвинять общинное землевладѣніе на томъ основаніи, что

Столь же просто Чернышевскій опровергаетъ обвиненіе общиннаго землевладѣнія въ томъ, что оно плодитъ черезполосицу. „Если въ общинномъ землевладѣніи, говоритъ онъ, представляется та невыгода, что во многихъ мѣстахъ наши поселяне дробятъ землю на нѣсколько частей по качеству почвы и потомъ дѣлятъ каждую изъ этихъ частей особо, такъ что у каждаго домохозяина, вмѣсто одного большого участка, бываетъ нѣсколько мелкихъ (что, конечно, невыгодно, при извѣстныхъ условіяхъ, для успѣховъ земледѣлія) то примѣръ Франціи указываетъ намъ, что частная собственность страдаетъ тѣмъ же неудобствомъ". (III, 443). „Очень легко придумать теорію, замѣчаетъ Чернышевскій, что, дескать, каждый частный собственникъ можетъ имѣть всю свою землю въ одномъ участкѣ, а взглянешь на дѣйствительность,— оказывается, что при самомъ безтолковомъ дѣлежѣ общинная земля не можетъ раздробиться на столько клочковъ, на сколько дробится при частной собственности [1]).

Далѣе Чернышевскій доказываетъ, что общинное землевладѣніе соотвѣтствуетъ принципамъ разумнаго законодательства. Прежде всего оно „въ чрезвычайно высокой степени достигаетъ тѣхъ цѣлей, къ которымъ стремится", а именно—„сохранить участіе огромному большинству націи во владѣніи недвижимой собственностью; поддержать по возможности равномѣрное распредѣленіе подлежащей ему части недвижимой собственности между лицами, участвующими въ ней". Далѣе, общинное владѣніе соотвѣтствуетъ основнымъ условіямъ успѣшной правовой дѣятельности, такъ какъ оно „поддерживается и охраняется силами общества,

---

члены общины пользуются землей временно" (68). Но общинное землепользованіе имѣетъ и несомнѣнныя преимущества передъ арендным. „Если истекаетъ срокъ арендного контракта, говоритъ г. Посниковъ, то вмѣстѣ съ этимъ прекращается всякое отношеніе фермера къ арендуемой землѣ; и хотя собственникъ воленъ соглашаться на продленіе его владѣнія, все же, однако, для этого необходимо новое условіе, которое можетъ состояться и можетъ не состояться. Напротивъ, передѣлъ общинныхъ земель въ глазахъ отдѣльнаго члена имѣетъ лишь то значеніе, что съ этого момента прекращается владѣніе извѣстнымъ опредѣленнымъ участкомъ, вмѣсто котораго онъ долженъ все-таки получить какой-либо другой изъ той же земли общины" (стр. 70).

[1]) То же самое подробно доказываетъ проф. Мануйловъ въ статьѣ „Община съ экономической точки зрѣнія", „Очерки по крестьянскому вопросу", вып. I, стр. 258—264.

возникающими изъ иниціативы частныхъ людей... При общинномъ владѣніи, говоритъ Чернышевскій, устройство самой важной части экономическаго быта каждаго частнаго лица прямымъ образомъ связано съ его участіемъ въ дѣлахъ общества; рѣшенія общества зависятъ отъ его участія; онъ можетъ имѣть все то вліяніе на нихъ, которое доступно его способностямъ и силѣ его характера; не участвовать въ общественныхъ дѣлахъ со всею возможною для его личности энергіею нельзя ему, потому что съ ними связанъ очень важный личный интересъ" (IV, 457).

Благодаря этому, „оно не увеличиваетъ, а уменьшаетъ хлопоты и расходы правительства... По общинному владѣнію, говоритъ Чернышевскій, возникаетъ въ милліонъ разъ меньше юридическихъ споровъ, нежели по частной собственности: не бывало еще примѣра, чтобы судебная власть должна была хлопотать о рѣшеніи дѣлъ по общинному поземельному владѣнію... По общинному владѣнію, для центральной или провинціальной администраціи, еще меньше хлопотъ, нежели для судебной власти: жизнь этого факта совершенно внѣ сферы дѣйствій центральной или провинціальной администраціи. Это единственный родъ собственности, охраненіе котораго не доставляетъ правительству ровно никакихъ хлопотъ и не требуетъ отъ него ровно никакихъ расходовъ" (IV, 456. См. также III, 308).

Это обстоятельство очень важно для правительства, но въ то же время оно чрезвычайно цѣнно и для частныхъ лицъ, такъ какъ „изъ всѣхъ родовъ собственности, общинное владѣніе есть тотъ родъ, который наиболѣе предохраняетъ частную жизнь отъ административнаго вмѣшательства и полицейскаго надзора. Точно то же надобно сказать и о судебныхъ вмѣшательствахъ. Общинное владѣніе такой фактъ, до котораго вообще есть дѣло только тѣмъ лицамъ, которыхъ онъ прямо касается, и только въ тѣ немногія минуты, когда пересматривается устройство этого факта для опредѣленія его на періодъ времени, во всякомъ случаѣ, довольно продолжительный. Затѣмъ во все продолженіе этого періода каждый частный человѣкъ остается уже совершенно огражденъ отъ всякой возможности какихъ бы то ни было хлопотъ и споровъ по охраненію своего недвижимаго имущества: никто не можетъ даже и подумать вмѣшаться въ его права, или оспаривать ихъ,—опасность, которая ежеминутно виситъ надъ частной собственностью и безпрестанно

хватаетъ того или другого частнаго собственника, призывая его къ тяжбамъ или административнымъ разбирательствамъ" (IV, 455—456). Въ самомъ дѣлѣ. „Находясь въ зависимости отъ безчисленнаго множества фактовъ (законности браковъ и рожденій, отсутствія другихъ завѣщаній, актовъ продажи и залога и т. п.), изъ которыхъ каждый можетъ служить для нея источникомъ юридическихъ споровъ, она (частная собственность) представляетъ для огражденія законнымъ путемъ безчисленное множество сторонъ, изъ которыхъ каждая можетъ нуждаться въ защитѣ длиннымъ спорнымъ путемъ, исполненнымъ безпокойствъ и доставляющимъ безчисленное множество хлопотъ для судебной и административной власти". Напротивъ, право каждаго гражданина на землю и въ частности право общинника на такой-то данный ему общиной участокъ земли, не можетъ вызвать спора. „Принадлежность участка Ивану Захарову, говоритъ Чернышевскій, также ясна для всѣхъ и такъ же безспорна, какъ принадлежность ему тѣхъ мозолистыхъ рукъ, которыми онъ кормитъ свою семью" (IV, 457). Такимъ образомъ, при общинномъ землевладѣніи, „сутяжничество невозможно, права не могутъ быть потеряны". Давая поэтому безспорность и независимость правамъ частнаго лица, общинное землевладѣніе „благопріятствуетъ развитію въ немъ прямоты характера и качествъ, нужныхъ для гражданина" (IV, 458).

Итакъ, цѣль, поставляемая общиннымъ землевладѣніемъ (равномѣрное распредѣленіе земли) достижима вообще и достигается имъ очень успѣшно, благодаря осуществленію ея самими заинтересованными лицами. Въ то же время общинное землевладѣніе „отстраняетъ нужду во вмѣшательствѣ всякой центральной и посторонней администраціи". Это послѣднее положеніе Чернышевскаго, какъ и другія аналогичныя его разсужденія въ духѣ т. наз. корпоративнаго соціализма, не достаточно считается съ интересами общества, какъ цѣлаго. Пусть община способна самостоятельно справиться съ своей задачей, точнымъ и безспорнымъ распредѣленіемъ земли между общинниками, но вѣдь земельная политика государства гораздо шире. Разъ государство, какъ это признается и самимъ Чернышевскимъ, должно обезпечить право на землю каждому земледѣльцу, то оно неизбѣжно вмѣшается въ общинные порядки, намѣчая общія нормы земельнаго надѣла, организуя переселенія изъ одной общины въ другую, взимая дифференціальную ренту за есте-

ственныя преимущества земельнаго участка данной общины и т. д. Понятно также, что на этой почвѣ, вопреки Чернышевскому, возможны споры и недоразумѣнія, хотя они дѣйствительно не будутъ имѣть такого запутаннаго и тягостнаго характера, какъ при частномъ землевладѣніи.

Какъ извѣстно, русское законодательство относительно общины получило желательный для Чернышевскаго характеръ. По нашимъ законамъ и сенатскимъ разъясненіямъ, „при общинномъ владѣніи, полнымъ хозяиномъ общественной (мірской) земли является сельское общество, а каждому члену этого общества принадлежитъ только право владѣнія и притомъ лишь въ тѣхъ предѣлахъ, которые будутъ установлены обществомъ, міромъ“ (Хвостовъ. „Юрид. положеніе крест. общины“. Очерки по крест. вопросу, I, 283).

Заканчивая статьей объ „экономической дѣятельности и законодательствѣ“ рядъ возраженій противъ общиннаго землевладѣнія по существу, Чернышевскій писалъ: „Пропицательный читатель видитъ, что предметомъ слѣдующей статьи будутъ также возраженія противъ общиннаго поземельнаго владѣнія: почему же, дескать, оно не оказываетъ тѣхъ удивительныхъ дѣйствій, которыя, какъ вы объясняете, должны происходитъ изъ его натуры?“. Чернышевскій тутъ же намѣчаетъ лейтмотивъ статьи, которая послужитъ на нихъ отвѣтомъ: „въ связи съ этимъ затруднительнымъ вопросомъ, говоритъ онъ, мы будемъ разсматривать другой, столь же затруднительный вопросъ: почему лещъ, вытащенный на берегъ рыболовной сѣтью, не плаваетъ?“ (III, 463).

Въ статьѣ „Суевѣріе и правила логики“ Чернышевскій развиваетъ это остроумное сравненіе. „Очень часто, говоритъ онъ, могутъ совпадать между собою факты, тенденціи которыхъ противоположны, и въ такомъ случаѣ результаты слабѣйшаго факта подавляются противоположными ему результатами сильнѣйшаго факта“. Такъ, изъ того факта, что многіе, окончившіе университетъ, берутъ взятки, нельзя заключать, что ученіе дѣлаетъ человѣка взяточникомъ. „Логика велитъ судить объ этомъ иначе. Она говоритъ: если даже люди образованные становятся взяточниками, несмотря на противорѣчіе между образованностью и взяточничествомъ, то надобно полагать, что въ обстановкѣ, среди которой живутъ эти люди, есть обстоятельства, столь могущественно влекущія къ взяточничеству, что противоположное напра-

вленіе, внушаемое образованностью, можетъ изнемогать подъ силою этихъ обстоятельствъ“ (IV, 561).

На тѣхъ же нелогическихъ основахъ построены обвиненія общины въ отсталости русскаго земледѣлія.

Чернышевскій перечисляетъ „много причинъ, имѣющихъ гибельное вліяніе на наше земледѣліе: отсутствіе умственнаго развитія въ народѣ, упадокъ его энергіи, крѣпостное состояніе, недостатокъ оборотнаго капитала, неразвитость торговли и промышленности, плохое состояніе путей сообщенія, слабое развитіе городовъ, незначительная степень населенности“... „Все это такія причины, заключаетъ онъ, изъ которыхъ каждая сама по себѣ и безъ содѣйствія другихъ бываетъ въ состояніи задержать сельское хозяйство на низкой степени развитія. Изъ европейскихъ народовъ нѣтъ ни одного, у котораго хотя одинъ изъ этихъ фактовъ, враждебныхъ успѣхамъ земледѣлія, имѣлъ бы такой обширный размѣръ, какъ у насъ, и нѣтъ въ Европѣ ни одного народа, у котораго бы соединялись всѣ эти факты, соединенные у насъ... При видѣ фактовъ, нами перечисленныхъ, говорить, что наше земледѣліе задерживается общиннымъ владѣніемъ, значитъ подражать той дамѣ, которая зимой поѣхала на балъ, накинувъ на голыя плечи только легкую мантилью, а потомъ, выдержавъ горячку, приписывала свою болѣзнь тому обстоятельству, что забыла взять свой вѣеръ“ (IV, 557).

* * *

Разсмотримъ, наконецъ, „критику философскихъ предубѣжденій противъ общины“. Какъ уже говорилось, эта критика построена на основѣ гегелевской философіи, которую Чернышевскій считалъ важнѣйшей философской системой своего времени. „Чтеніе статей противъ общиннаго владѣнія, говоритъ Чернышевскій, убѣдило насъ, что нерасположеніе къ этой формѣ поземельныхъ отношеній основано не столько на фактахъ или понятіяхъ, спеціально относящихся къ данному предмету, сколько на общихъ философскихъ и моральныхъ воззрѣніяхъ о жизни“ (IV, 311). „Едва ли найдется хоть одинъ противникъ общиннаго владѣнія, который не повторялъ бы со всѣми другими: общинное владѣніе есть первобытная форма поземельныхъ отношеній, а частная поземельная собственность—вторичная форма; какъ же можно не предпочитать высшую форму низшей. Намъ тутъ странно одно, замѣчаетъ Чернышевскій; изъ противниковъ общин-

наго владѣнія многіе принадлежатъ къ послѣдователямъ новой нѣмецкой философіи; одни хвалятся тѣмъ, что они шеллингисты, другіе твердо держатся гегелевской школы, и вотъ о нихъ-то мы недоумѣваемъ, какъ не замѣчаютъ они, что налегая на первобытность общиннаго владѣнія, они выставляютъ именно такую сторону его, которая должна чрезвычайно сильно предрасполагать въ пользу общиннаго владѣнія всѣхъ, знакомыхъ съ открытіями нѣмецкой философіи относительно преемственности формъ въ процессѣ всемірнаго развитія" (IV, 309). Главное изъ этихъ открытій состоитъ въ томъ, что „по формѣ высшая степень развитія сходна съ началомъ, отъ котораго она отправляется"; „это мы видимъ во всѣхъ сферахъ жизни", а, слѣдовательно, это относится и къ общинному землевладѣнію. Приведя массу примѣровъ діалектическаго развитія, Чернышевскій спрашиваетъ: „неужели въ самомъ дѣлѣ правдоподобно, чтобы одинъ только фактъ поземельныхъ отношеній былъ противорѣчіемъ общему закону, которому подчинено развитіе всего матеріальнаго и нравственнаго міра?" Конечно, нѣтъ, отвѣчаетъ Чернышевскій, и строитъ слѣдующую схему поземельныхъ отношеній.

„1. Первобытное состояніе (начало развитія). Общинное владѣніе землей. Оно существуетъ потому, что человѣческій трудъ не имѣетъ прочныхъ и дорогихъ связей съ извѣстнымъ участкомъ земли...

2. Вторичное состояніе (усиленіе развитія). Земледѣліе требуетъ затраты капитала и труда собственно на землю... Человѣкъ, затратившій капиталъ на землю, долженъ неотъемлемо владѣть ею; слѣдствіе того — поступленіе земли въ частную собственность.

3. Промышленно-торговая дѣятельность усиливается и производитъ громадное развитіе спекуляціи; спекуляція, охвативъ всѣ другія отрасли народнаго хозяйства, обращается на основную и самую обширную вѣтвь его—на земледѣліе. Оттого поземельная личная собственность теряетъ свой прежній характеръ. Прежде землею владѣлъ тотъ, кто обрабатывалъ ее, затрачивалъ свой капиталъ на ея улучшеніе... Но вотъ является новая система: фермерство по контракту; при ней рента, возвышающаяся вслѣдствіе улучшеній, производимыхъ фермеромъ, идетъ въ руки другому лицу, которое или вовсе не участвовало или только въ самой незначительной степени участвовало своимъ капиталомъ въ улучшеніи

земли, а между тѣмъ пользуется всею прибылью, какую доставляютъ улучшенія. Такимъ образомъ, личная поземельная собственность перестаетъ быть способомъ къ вознагражденію за затрату капитала на улучшеніе земли. Съ тѣмъ вмѣстѣ обработка земли начинаетъ требовать такихъ капиталовъ, которые превышаютъ средства огромнаго большинства земледѣльцевъ, а земледѣльческое хозяйство требуетъ такихъ размѣровъ, которые далеко превышаютъ силы отдѣльнаго семейства, и по обширности хозяйственныхъ участковъ также исключаютъ (при частной собственности) огромное большинство земледѣльцевъ отъ участія въ выгодахъ, доставляемыхъ веденіемъ хозяйства, и обращаютъ это большинство въ наемныхъ работниковъ. Этими перемѣнами уничтожаются тѣ причины преимущества частной поземельной собственности передъ общиннымъ владѣніемъ, которыя существовали въ прежнее время... Общинное владѣніе оказывается единственнымъ разумнымъ и полезнымъ средствомъ соединить выгоду земледѣльца съ улучшеніемъ земли и методы производства съ добросовѣстнымъ исполненіемъ работы?" (IV, 321—322. Ср. почти тождественныя разсужденія Энгельса, „Анти-Дюрингъ", стр. 141—142).

Мы видѣли, однако, что въ дѣйствительности гегелевскій законъ, не говоря уже о его безсодержательности, далеко не является всеобщимъ. Но кромѣ того, въ данномъ случаѣ этотъ „необходимый и неизбѣжный" законъ уничтожается, по Чернышевскому, дѣйствіемъ другого закона, по которому, „подъ вліяніемъ высокаго развитія, котораго извѣстное явленіе общественной жизни достигло у передовыхъ народовъ, это явленіе можетъ у другихъ народовъ развиваться очень быстро, поднимаясь съ низшей ступени прямо на высшую, минуя средніе логическіе моменты". (IV, 331).

Чернышевскій приводитъ рядъ примѣровъ въ доказательство того, что средніе моменты могутъ отсутствовать (напр., дикари прямо заимствуютъ у европейцевъ ихъ усовершенствованное оружіе). „Исторія, какъ бабушка, страшно любитъ младшихъ внучатъ", остроумно замѣчаетъ Чернышевскій. „Все, чего добились другіе, готовое наслѣдіе намъ. Не мы трудились надъ изобрѣтеніемъ желѣзныхъ дорогъ,— мы пользуемся ими. Все хорошее, что сдѣлано какимъ бы то ни было народомъ для себя, на три четверти сдѣлано тѣмъ самымъ и у насъ" [1]).

[1]) IV, 333. Точно также Герценъ на вопросъ: „Должна ли Россія

Все это очень хорошо и вѣрно, но не совсѣмъ ясно, при чемъ здѣсь передовые народы и русское общинное землевладѣніе? Мы видѣли, что община по 1-му закону должна разложиться, перейти во 2-й фазисъ и только потомъ въ 3-й. Затѣмъ Чернышевскій приводитъ другой законъ, по которому развитіе можетъ переходить съ низшей ступени на высшую, минуя среднія звенья, „подъ вліяніемъ высокаго развитія, котораго извѣстное явленіе общественной жизни достигло у передовыхъ народовъ". Но такъ какъ у *передовыхъ народовъ* (т.-е. въ Зап. Европѣ) *общины нѣтъ*, то ихъ примѣръ не имѣетъ значенія для русскаго общиннаго строя. Разсужденія Чернышевскаго надо понимать, повидимому, въ томъ смыслѣ, что если въ З. Европѣ осуществится соціалистическій строй, то Россія послѣдуетъ ея примѣру, при чемъ общинное землевладѣніе облегчитъ этотъ переходъ. Это предположеніе подтверждается его многочисленными намеками на близость соціальной революціи въ Западной Европѣ. (См., напр., VI, 730, VIII, 575, IX, 210, IX, 244 и т. д.). Какъ извѣстно, эти предсказанія не сбылись, и Россіи приходится самостоятельно вырабатывать пути и средства осуществленія соціалистическаго строя въ аграрной области.

Такимъ образомъ, философская защита общины у Чернышевскаго не имѣетъ особой цѣнности, хотя въ свое время она произвела очень сильное впечатлѣніе. По существу же Чернышевскій превосходно выполнилъ свою защиту общины съ точки зрѣнія производства, распредѣленія и законодательства. Онъ и самъ вполнѣ сознавалъ свой тріумфъ. „Со стороны успѣха именно этой защиты, говоритъ онъ, я могу признать за своимъ дѣломъ чрезвычайную удачу: слабость аргументовъ, приводимыхъ противниками общиннаго владѣнія такъ велика, что безъ всякихъ опроверженій съ моей стороны начинаютъ журналы, сначала рѣшительно

пройти всѣми фазами европейскаго развитія, или ея жизнь пойдетъ по инымъ законамъ?" отвѣчаетъ: „Я совершенно отрицаю необходимость этихъ повтореній. Мы, пожалуй, должны пройти трудными и скорбными испытаніями историческаго развитія нашихъ предшественниковъ, но такъ, какъ зародышъ проходитъ до рожденія всѣ низшія ступени зоологическаго существованія. Оконченный трудъ и добытый результатъ входитъ въ общее достояніе всѣхъ понимающихъ—это круговая порука прогресса, майоратъ человѣчества", („Старый міръ и Россія". Письма къ Линтону. 1854 г., собр. соч., т. V. стр. 278). См. также *Михайловскій* „Письма посторонняго" (1883, т. V, стр. 778, а также IV, 952 и др.)

отвергавшіе общинное владѣніе, одинъ за другимъ дѣлать все больше и больше уступокъ общинному поземельному принципу. Теперь уже нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что большинство литературнаго міра считаетъ нужнымъ сохранить отъ вторженія личной частной собственности, по крайней мѣрѣ на ближайшее время, тѣ части земли, которыя до сихъ поръ оставались собственностью или владѣніемъ общества. Такая уступка послѣ первоначальнаго совершеннаго и рѣзкаго отверженія общественной поземельной собственности во всѣхъ ея видахъ, могла бы внушить мнѣ нѣкоторую гордость"... (IV, 306). Но, разумѣется, этого для Чернышевскаго было мало, и онъ требовалъ, кромѣ сохраненія общины, надѣленія крестьянъ достаточнымъ количествомъ земли, безъ обременительныхъ платежей. (IV, 306—307) [1]).

---

[1]) Нѣкоторыя неудачныя въ стилистическомъ отношеніи выраженія (Чернышевскій называетъ себя глупцомъ за то, что онъ яко бы забылъ объ этомъ) дали г. Плеханову поводъ утверждать, что Чернышевскій „считалъ безполезнымъ защищать не только общинное землевладѣніе, но и самый принципъ надѣленія освобожденныхъ крестьянъ землею". (Соц.-дем., № 1, стр. 150. См. также „За 20 лѣтъ", стр. 465 и др.). Послѣ всего вышесказаннаго, опровергать г. Плеханова излишне.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Ученіе о государствѣ.

„Государство существуетъ для блага индивидуальной личности". (IV, 444).

ЛИТЕРАТУРА. *Тунъ*. Исторія революціоннаго движенія, гл. I и II, и примѣчанія *Шишко* къ этимъ главамъ.—*Кульчицкій*. Исторія русскаго революціоннаго движенія, т. I, гл. VII—IX.—*Антоновъ*. Чернышевскій о революціи. Былое, 1908, VIII.

I.

Общее ученіе о государствѣ. Справедливость, какъ норма его дѣятельности. Необходимыя функціи государства. Другая норма—цѣлесообразность. Условное значеніе государства.

Мы видѣли, что въ общемъ удовлетвореніе потребностей составляетъ причину и сознательную цѣль человѣческой дѣятельности. Экономическая наука разсматриваетъ по преимуществу матеріальную сторону удовлетворенія человѣческихъ потребностей. Но человѣкъ живетъ въ обществѣ и удовлетвореніе большей части его потребностей связано съ дѣятельностью другихъ людей, съ ихъ содѣйствіемъ или противодѣйствіемъ его цѣлямъ. Отсюда необходимость особой общественной дѣятельности, разграничивающей интересы людей и регулирующей ихъ совмѣстную жизнь. „Для каждой сферы общественной жизни, говоритъ Чернышевскій, существуютъ свои особые законы: есть правила, опредѣляющія семейную жизнь (законы о бракѣ, объ отношеніяхъ мужа и жены, родителей и дѣтей); есть правила для развитія умственной жизни (законы о воспитаніи и преподаваніи); есть правила для отношеній между независимыми людьми въ государственной ихъ дѣятельности (законы о правахъ личности и о степени ея участія въ государственной жизни); есть законы для политической дѣятельности (законы о государственныхъ учрежденіяхъ, о формахъ законодательства и администраціи)". (IV, 447. См. также VI, 34).

Если вообще, по Чернышевскому, „нормой человѣческихъ дѣйствій должна служить справедливость", то въ частности и „государство обязано заботиться о томъ, чтобы его вліяніе производилось сообразно закону справедливости", при чемъ справедливость Чернышевскій понимаетъ, какъ мы видѣли, въ общечеловѣческомъ смыслѣ этого слова. „Спра-

ведливо, говоритъ онъ, то, что благопріятно правамъ человѣческой личности; всякое нарушеніе ихъ противно справедливости; потому отстраненіе всего противнаго человѣческимъ правамъ требуется справедливостью". (IV, 462—463).

Разсмотримъ подробнѣе функціи государства, сообразныя этому принципу.

Прежде всего, интересы отдѣльныхъ людей могутъ сталкиваться между собою, и дѣйствія однихъ могутъ угрожать безопасности и достоинству другихъ. „По натурѣ своей человѣкъ склоненъ къ доброжелательству относительно другихъ людей, говоритъ Чернышевскій; но себя каждый любитъ болѣе всего на свѣтѣ. Каждый хочетъ удовлетворить своимъ потребностямъ; а средства, предлагаемыя природою, для удовлетворенія всѣхъ людей не окажутся достаточными; изъ этого возникаетъ вражда между людьми, разстройство лежащаго въ человѣческой природѣ взаимнаго доброжелательства. Столкновеніе интересовъ приводитъ къ необходимости установить, съ общаго согласія, правила, опредѣляющія отношенія между людьми въ разныхъ сферахъ дѣятельности". (IV, 447 и далѣе).

Итакъ, благодаря недостатку средствъ для удовлетворенія потребностей людей и относительной слабости этическихъ мотивовъ сравнительно съ эгоистическими, между людьми возникаетъ борьба, насилія и обманы, требующіе вмѣшательства государства. Чернышевскій совершенно несогласенъ съ „преувеличенными понятіями о силѣ общественнаго мнѣнія надъ характеромъ быта". Сторонники такихъ воззрѣній говорятъ: „пусть только общественное мнѣніе сдѣлается строго къ извѣстному пороку или преступленію и онъ исчезнетъ." „Нѣтъ, возражаетъ Чернышевскій, общественнаго мнѣнія тутъ мало. Къ разбою, къ поджогамъ оно очень строго, но если бы нація не защищалась отъ этихъ преступленій законодательствомъ, по десяти разъ въ годъ выгоралъ бы отъ поджоговъ каждый городъ, сотни убійствъ совершались бы каждую ночь. Общественное мнѣніе указываетъ только зло и средства къ его искорененію; но если эти средства не приводятся въ дѣйствіе, зло остается неприкосновенно" [1]). Чернышевскій не останавливается, однако, на во-

[1]) III, 525. Точно также, по справедливому замѣчанію Лаврова, „нравственно-разумная дѣятельность есть лишь одинъ изъ видовъ человѣческой дѣятельности; внѣ его человѣкъ можетъ дѣйствовать автоматически, подъ вліяніемъ животныхъ влеченій, рутины или

просѣ, почему для удовлетворенія потребности въ безопасности необходимо вмѣшательство именно государства, а не частныхъ лицъ. Какъ извѣстно, основаніе для этого заключается, во-первыхъ, въ томъ, что вмѣшательство государства представляетъ наиболѣе надежный и достойный способъ удовлетворенія этой насущной потребности. Человѣкъ, по справедливому замѣчанію Іеринга, „былъ бы самымъ несчастнымъ существомъ на свѣтѣ, если бы удовлетвореніе его потребностей зависѣло отъ случая, если бы при этомъ онъ не могъ съ увѣренностью разсчитывать на содѣйствіе и помощь себѣ подобныхъ". („Цѣль въ правѣ", стр. 78). Отсюда и вытекаетъ необходимость общественной организаціи, обязанной выполнять опредѣленныя дѣйствія въ интересахъ личности, имѣющей на нихъ *право*. А, во-вторыхъ, когда права человѣка защищаются не его собственными силами, а общественной организаціей, то при этомъ сокращается число случаевъ насилія, и принужденіе принимаетъ болѣе цѣлесообразный и согласный съ этикой характеръ. (См., напр., Коркуновъ „Русское государственное право", стр. 29—30 и др.).

Но государство, по мнѣнію Чернышевскаго, не можетъ ограничиться охраненіемъ общества и частныхъ лицъ отъ насилія и обмана, какъ учатъ „рутинные политико-экономы". По словамъ Чернышевскаго, „Милль прекрасно доказываетъ несостоятельность этого принципа, объясняя, что никто изъ приверженцевъ его не думаетъ оспаривать у правительства множества обязанностей и правъ, далеко переходящихъ границы его, такъ что онъ оказывается только плодомъ легкомысленной несообразительности". (VII, 556).

Чернышевскій посвящаетъ цѣлую статью („Экономическая дѣятельность и законодательство", 1859 г.) критикѣ т.-наз. манчестерской теоріи буржуазныхъ экономистовъ, съ ея девизомъ „laissez faire, laissez passer", по которой „государство существуетъ только для огражденія безопасности

страстей. Можно надѣяться, что прогрессъ въ человѣчествѣ уменьшитъ долю дѣйствій, приходящуюся на эти виды дѣятельности; но пока они на лицо, пока умственное и нравственное развитіе личностей еще весьма недостаточно, приходится охранять слабѣйшихъ отъ дѣйствій сильнѣйшихъ. Эта охрана неизбѣжно принимаетъ характеръ принужденія, слѣдовательно, заключаетъ въ себѣ элементъ государственный". („Историческія письма". Письмо 13-е, Государство, стр. 241).

частныхъ лицъ и для отвращенія стѣсненій, которыя могли бы мѣшать полнѣйшему развитію частной дѣятельности". Онъ доказываетъ, что уже для достиженія этой цѣли необходимы не только карательныя, но и широкія предупредительныя мѣры, что во всякомъ случаѣ государство неизбѣжно вмѣшивается въ экономическія отношенія своимъ бюджетомъ и т. д., такъ что положительная дѣятельность государства совершенно нормальна [1]).

Съ этой точки зрѣнія государственное вмѣшательство необходимо, во-первыхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о людяхъ, которые совершенно или отчасти не могутъ отстаивать свои интересы. „Общество, говоритъ Чернышевскій, обязано принимать на себя заботу о дѣлахъ такихъ людей, которые не могутъ сами охранять своихъ интересовъ". (IV, 432). „Когда съ одной стороны сильный, съ другой—слабый, свобода сильнаго развѣ не угнетеніе слабаго?" замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ. (IV, 227). Но Чернышевскій только мелькомъ намѣтилъ эту сторону дѣятельности государства, почти не касаясь наиболѣе важныхъ конкретныхъ ея формъ (фабричнаго законодательства, въ особенности о женскомъ и дѣтскомъ трудѣ, призрѣнія стариковъ и больныхъ, и т. д.).

Очень мало разработанъ имъ также вопросъ о положительной экономической дѣятельности государства. Мы уже видѣли, что Чернышевскій не совсѣмъ отчетливо представлялъ себѣ задачи общественнаго хозяйства въ соціалистическомъ строѣ, интересуясь главнымъ образомъ экономическими выгодами рабочихъ ассоціацій, какъ таковыхъ. Со-

---

[1]) IV, 444. Точно также, по Лассалю, „цѣль государства не въ томъ, чтобы охранять только личную свободу и собственность индивидуума, которыми, согласно буржуазной идеѣ, человѣкъ будто бы обладаетъ уже при своемъ вступленіи въ государство; нѣтъ, цѣль государства, наоборотъ, въ томъ, чтобы такимъ соединеніемъ людей дать имъ возможность осуществлять такія цѣли, достигать такихъ степеней существованія, какія никогда недостижимы для отдѣльной личности, дать имъ возможность пріобрѣсти такую сумму просвѣщенія, силы и свободы, какая была бы немыслима для отдѣльной личности.

Итакъ, цѣль государства—положительно развивать и неустанно совершенствовать человѣческое существо; другими словами,—осуществлять въ дѣйствительности назначеніе человѣка, т.-е. культуру, къ которой человѣческій родъ способенъ; цѣль государства—воспитаніе и развитіе человѣчества въ направленіи къ свободѣ". („Программа работниковъ", 1862 г., I т., стр.).

отвѣтственно этому, онъ, повидимому, допускаетъ и въ соціалистическомъ строѣ частно-хозяйственныя предпріятія не только для удовлетворенія болѣе изысканныхъ потребностей, но и для предметовъ необходимости. (VII, 600—602). Но онъ упускаетъ при этомъ изъ виду то обстоятельство, что хозяйство, основанное на частной собственности на средства производства, ставящее себѣ частныя цѣли, конкуррирующее съ другими хозяйствами, словомъ, современное капиталистическое хозяйство приводитъ къ нищетѣ и эксплоатаціи рабочей массы, не говоря уже о громадномъ расточеніи общественныхъ силъ и средствъ. Поэтому разумное общественное устройство, имѣющее въ виду интересы всѣхъ людей, никакъ не можетъ допустить частнаго хозяйства для предметовъ необходимости, такъ какъ именно на почвѣ неудовлетворенія насущныхъ потребностей создается острая нужда и эксплуатація людей. Наоборотъ, для болѣе изысканныхъ потребностей положенія Чернышевскаго вполнѣ примѣнимы, такъ что его ошибка состоитъ только въ томъ, что онъ недостаточно отчетливо проводитъ имъ самимъ установленную классификацію предметовъ по ихъ жизненному значенію.

Неудивительно поэтому, что въ другихъ мѣстахъ онъ не только не возражаетъ противъ монопольнаго государственнаго хозяйства, но, наоборотъ, выражаетъ полное сочувствіе разсужденіямъ Милля объ его необходимости. „Есть множество случаевъ, говоритъ Милль, въ которыхъ правительства, съ общаго одобренія, принимаютъ на себя власть и исполняютъ обязанности, которымъ нельзя найти никакого основанія, кромѣ той простой причины, что при этомъ для всѣхъ бываетъ удобнѣе“... Приведя цѣлый рядъ такихъ случаевъ, Чернышевскій замѣчаетъ: „Само собою разумѣется, что съ выводомъ Милля совершенно согласны мы, постоянно старающіеся возводить каждый частный случай къ единственному верховному принципу всѣхъ общественныхъ наукъ—къ пользѣ человѣка“. (VII, 559. Ср. также IV, 230).

Однако и въ данномъ случаѣ Чернышевскій почти не останавливается на необходимости именно общественной организаціи для удовлетворенія необходимыхъ потребностей людей. Какъ уже говорилось, эта необходимость заключается въ томъ, что и достоинства, и удобства человѣка требуютъ, чтобы его право на жизнь осуществлялось не изъ милости и не случайно, а по праву, опредѣленными лицами, на ко-

торыхъ лежитъ соотвѣтствующая обязанность и къ которымъ личность можетъ предъявлять поэтому опредѣленныя притязанія.

По словамъ Іеринга, „нельзя себѣ представить состоянія невыносимѣе того, когда намъ пришлось бы отъ услужливости ожидать удовлетворенія всѣхъ нашихъ потребностей; это былъ бы удѣлъ нищаго“ („Цѣль въ правѣ“, стр. 95). Вообще въ книгѣ Іеринга (главы VII и VIII) прекрасно показана необходимость общественной организаціи для удовлетворенія человѣческихъ потребностей. Вотъ остроумный примѣръ, которымъ Іерингъ иллюстрируетъ свои положенія. „Положимъ, читателю во время путешествія предстоитъ совершенно свободный выборъ между двумя странами: въ одной онъ вездѣ найдетъ гостиницы, въ другой—ихъ вовсе нѣтъ, восполняется же этотъ недостатокъ гостепріимствомъ, весьма распространеннымъ по всей странѣ. Предположивъ всѣ другія условія вполнѣ одинаковыми, спросимъ: куда направитъ онъ свои стопы? Я не сомнѣваюсь, что въ первую изъ этихъ странъ. Конечно, гостепріимство, широко растворяющее двери для усталаго путника, прекрасная вещь... Но гостиница лучше гостепріимнаго дома. Гостиница всегда гарантируетъ мнѣ пріютъ за деньги, которыя совершенно избавляютъ меня вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ необходимости унижаться до просьбъ, или отъ обязанности благодарить за благодѣяніе; въ моемъ кошелькѣ—моя свобода и полная независимость во время путешествія“ (стр. 93). Правда, въ этихъ разсужденіяхъ Іерингъ не выходитъ изъ предѣловъ нынѣшняго буржуазнаго строя, но они приложимы и ко всякому будущему обществу. Въ томъ же духѣ разсуждаетъ Еллинекъ въ своей извѣстной книгѣ „Право современнаго государства“. (Спб., 1903). „Всякая увѣренность въ будущемъ—это необходимое условіе соціальной дѣятельности,—говоритъ онъ, возможна только на основѣ права. Предусмотрѣть, хотя бы съ нѣкоторой степенью достовѣрности, вліяніе эгоистическихъ или альтруистическихъ мотивовъ на другихъ индивидовъ—невозможно, вслѣдствіе безконечнаго разнообразія индивидовъ въ этическомъ отношеніи, незамѣчаемаго только доктринерами. Только право и гарантирующая его господствующая власть могутъ сузить это разнообразіе такъ, что является возможность съ нѣкоторою точностью предвидѣть въ сношеніяхъ съ другими людьми соціальный характеръ ихъ дѣйствій“ (144).

Итакъ, справедливость требуетъ вмѣшательства организованной общественной силы—государства, во первыхъ, въ случаяхъ частныхъ насилій, для ихъ устраненія или смягченія, во-вторыхъ, когда дѣло идетъ о людяхъ, совершенно или отчасти не могущихъ отстаивать свои интересы и, въ-третьихъ, когда общіе интересы требуютъ организованной общественной дѣятельности [1]).

* * *

Помимо справедливости, другою нормою государственной дѣятельности, по мнѣнію Чернышевскаго, должна быть ея

---

[1]) Различныя анархистскія системы обыкновенно безусловно отрицаютъ необходимость этихъ функцій государства. Какъ извѣстно эти системы могутъ быть раздѣлены на 3 главныхъ группы: *абсолютный или индивидуалистическій анархизмъ* (Штирнеръ, въ послѣднее время Тэкеръ и др.) выставляетъ требованіе абсолютной свободы личности, логически приводящее къ войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ. „Всякій человѣкъ и всякая группа ихъ, говоритъ, напр., Тэкеръ, имѣютъ право, если въ ихъ рукахъ сила, убивать и принуждать другихъ людей, или подчинить весь міръ своимъ цѣлямъ". („Вмѣсто книги". М. 1908, стр. 28–29, см. также 84, 182 и т. д.). Но и сами анархисты-индивидуалисты не проводятъ этого принципа на практикѣ или хотя бы въ теоріи. Во-вторыхъ, *христіанскій анархизмъ* Толстого и его послѣдователей исходитъ изъ абсолютной недопустимости насилія надъ людьми въ какихъ бы то ни было цѣляхъ (для самообороны, защиты другихъ людей, или для общаго блага). Съ этой точки зрѣнія Толстой совершенно послѣдовательно отвергаетъ государство, но его доказательства общеобязательности такой точки зрѣнія совершенно несостоятельны, и она является чисто-субъективной, какъ объ этомъ не разъ заявляетъ и самъ Толстой. „Очень можетъ быть, что государство было нужно и теперь нужно для всѣхъ тѣхъ цѣлей, которыя вы приписываете ему, говоритъ Толстой отъ лица человѣка, усвоившаго христіанское жизнепониманіе, знаю только то, что, съ одной стороны, *мнѣ* не нужно болѣе государство, съ другой—*я* не могу совершать тѣ дѣла, которыя нужны для существованія государства. Устраивайте для себя то, что нужно вамъ для вашей жизни, я не могу доказывать ни общей необходимости, ни общаго вреда государства, я знаю только то, что мнѣ нужно и ненужно, что мнѣ можно и нельзя". („Царство Божіе внутри васъ". 2-е изд. Черткова, стр. 88). Критику Толстого см., напр., въ книгѣ Соловьева „Оправданіе добра".

Наконецъ, третій, наиболѣе распространенный *коммунистическій анархизмъ*, въ отличіе отъ индивидуалистическаго, признаетъ необходимость этическихъ нормъ и, въ отличіе отъ Толстого, допускаетъ насиліе для борьбы со зломъ. Такимъ образомъ онъ исходитъ изъ тѣхъ же положеній, что и соціализмъ. Вышеизложенное обоснованіе необходимыхъ функцій государства есть въ то же время критика этого анархизма.

разумность, цѣлесообразность. „Эта норма, говоритъ онъ,— здравый разсудокъ, главное правило котораго: берись только за то, что возможно". (IV, 461). Онъ подробно говоритъ о томъ, что надо различать „регламентацію, т.-е. нелѣпость, и законъ, достойный своего имени, т.-е. развивающій и ограждающій свободу, которую давитъ регламентація". Чернышевскій приводитъ нѣсколько характерныхъ примѣровъ регламентаціи. Такъ, „коренными чертами протекціонизма являются слѣдующіе факты: цѣль, имъ предположенная, не достигается на практикѣ; мелочной надзоръ вводитъ государство въ лишніе расходы; жизнь отдѣльныхъ людей подвергается мелочнымъ стѣсненіямъ; легкость обмана развиваетъ въ націи наклонность къ нему". (IV, 451). Вообще регламентація характеризуется тѣмъ, что она „не достигаетъ своей цѣли, опутываетъ жизнь мелочнымъ надзоромъ и развиваетъ качества, дѣлающія нужнымъ усиленіе административнаго контроля; наконецъ, она обременяетъ администрацію и убыточна для казны". (IV, 452).

Наоборотъ, дѣльные законы отличаются тѣмъ, что „при нихъ для администраціи меньше хлопотъ, а для казны меньше расхода, нежели было бы безъ нихъ; они прямо достигаютъ той цѣли, къ которой стремятся; надзоръ за ихъ исполненіемъ легокъ, такъ какъ при нихъ для администраціи меньше дѣла, нежели безъ нихъ, слѣдовательно, они уменьшаютъ зависимость частнаго лица и содѣйствуютъ развитію въ немъ самостоятельности". Примѣромъ такого разумнаго законодательства, по мнѣнію Чернышевскаго, служитъ, какъ мы видѣли, общинное землевладѣніе. Оно „въ чрезвычайно высокой степени достигаетъ тѣхъ цѣлей, къ которымъ стремится", ибо, помимо достижимости этихъ цѣлей вообще, оно „поддерживается и охраняется силами самого общества, возникающими изъ иниціативы частныхъ людей". Далѣе, оно не увеличиваетъ, а уменьшаетъ хлопоты и расходы правительства, и т. д.

Эти разсужденія Чернышевскаго очень цѣнны, но, къ сожалѣнію, не получили у него дальнѣйшаго развитія и не были примѣнены имъ къ различнымъ вопросамъ государственнаго права. Онъ совершенно правъ, что дѣятельность государства, какъ и всякая другая, прежде всего должна ставить себѣ только достижимыя цѣли. Съ этой точки зрѣнія государство не должно, напр., вмѣшиваться въ область знанія и вѣры, гдѣ совершенно неумѣстно какое-либо при-

нужденіе. Точно также государственное хозяйство не могло бы взять на себя производство предметовъ, соотвѣтствующихъ изысканнымъ индивидуальнымъ потребностямъ, такъ какъ ему по силамъ только массовое, машинное производство однородныхъ продуктовъ, допускающее легкій и простой надзоръ. Столь же правильно замѣчаніе Чернышевскаго, что условіемъ успѣшности государственной дѣятельности является дѣятельное сочувствіе и поддержка ея со стороны самого общества. Ниже мы подробнѣе остановимся на формахъ государства, соотвѣтствующихъ этому условію. Наконецъ, такъ какъ дѣятельность государства всегда имѣетъ насильственный, принудительный характеръ, а принужденіе стѣсняетъ свободу людей и можетъ быть лишь меньшимъ зломъ, а не положительнымъ благомъ, то государственное вмѣшательство въ общественную жизнь не только не должно переходить въ мелочную регламентацію, а, наоборотъ, должно ограничиться самымъ необходимымъ [1]).

Чернышевскій разсматриваетъ также условія, при которыхъ государство могло бы и совсѣмъ исчезнуть.

* * *

„Мы видѣли, говоритъ онъ, что необходимость законовъ возникаетъ изъ несоразмѣрности человѣческихъ потребностей со средствами удовлетворенія. Но одинъ изъ самыхъ избитыхъ трюизмовъ состоитъ въ томъ, что человѣкъ все больше подчиняетъ себѣ природу... Мы принимаемъ за ариѳметическую истину, что со временемъ человѣкъ вполнѣ под-

---

[1]) Но изъ этого не слѣдуетъ, что нужно ограничивать дѣятельность центральной, а не мѣстной коммунальной организаціи, какъ повидимому, полагаетъ Чернышевскій. „Мы слышали, говоритъ онъ, напр., будто соціалисты провозглашаютъ полнѣйшую децентрализацію“ (VIII, 341. См. также статью о Токвилѣ „Непочтительность къ авторитетамъ“, гдѣ Чернышевскій не совсѣмъ различаетъ централизацію отъ бюрократіи и регламентаціи). Въ дѣйствительности все зависитъ отъ условій даннаго случая. Починкой деревенскихъ мостовъ должна, разумѣется, завѣдывать сельская административная единица. Но желѣзныя дороги должны быть въ управленіи центральной власти. „Въ обоихъ противоположныхъ принципахъ централизаціи и самоуправленія нѣтъ ничего абсолютно цѣннаго, справедливо замѣчаетъ Михайловскій; въ каждомъ частномъ случаѣ на различныхъ ступеняхъ исторіи и тотъ, и другой получаетъ особенное значеніе и подлежитъ особому изслѣдованію съ точки зрѣнія интересовъ народа“. („Записки профана“, 1876, т. III, стр. 707).

чинитъ себѣ внѣшнюю природу, насколько будетъ ему нужно, передѣлаетъ все на землѣ сообразно съ своими потребностями, отвратитъ или обуздаетъ всѣ невыгодныя для себя проявленія силъ внѣшней природы, воспользуется до чрезвычайной степени всѣми тѣми силами ея, которыя могутъ служить ему въ пользу". Кромѣ того, „съ развитіемъ просвѣщенія и здраваго взгляда на жизнь будутъ постепенно ослабѣвать до нуля разныя слабости и пороки, рожденные искаженіемъ нашей натуры и страшно убыточные для общества; будетъ ослабѣвать и общій корень большинства этихъ слабостей и пороковъ—тщеславіе. Итакъ, съ одной стороны, трудъ будетъ становиться все производительнѣе и производительнѣе, съ другой стороны все меньшая и меньшая доля его будетъ тратиться на производство предметовъ безполезныхъ. Вслѣдствіе дружнаго дѣйствія обоихъ этихъ измѣненій, люди придутъ когда-нибудь къ уравновѣшенію средствъ удовлетворенія съ своими потребностями. Тогда, конечно, возникнутъ для общественной жизни совершенно новыя условія и, между прочимъ, прекратится нужда въ существованіи законовъ для экономической дѣятельности. Трудъ изъ тяжелой необходимости обратится въ легкое и пріятное удовлетвореніе физіологической потребности, какъ нынѣ возвышается до такой степени умственная работа въ людяхъ просвѣщенныхъ: какъ вы, читатель, перелистываете теперь книгу не по какому-нибудь принужденію, а просто потому, что это для васъ занимательно и что было бы для насъ скучно не посвящать чтенію каждый день извѣстное время, такъ нѣкогда наши потомки будутъ заниматься матеріальнымъ трудомъ. Тогда, конечно, производство цѣнностей точно также обойдется безъ всякихъ законовъ, какъ теперь обходится безъ нихъ прогулка, ѣда, игра въ карты и другіе способы пріятнаго препровожденія времени. Каждая пробужденная потребность будетъ удовлетворяться досыта и все-таки останется за потребленіемъ излишекъ средствъ удовлетворенія: тогда, конечно, никто не будетъ спорить и ссориться за эти средства, и распредѣленіе ихъ вообще будетъ обходиться безъ всякихъ особенныхъ законовъ, какъ нынѣ обходится безъ особенныхъ законовъ пользованіе водами океана: плыви кто хочетъ—мѣста всѣмъ достанетъ". (IV, 449).

Такимъ образомъ, Чернышевскій, считая безгосударственный строй, анархію, высшимъ идеаломъ общежитія, признаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, *условную* необходимость государства,

поскольку возможны столкновенія между людьми на личной и матеріальной почвѣ, и поскольку трудъ будетъ необходимостью, а не легкимъ и пріятнымъ удовлетвореніемъ физіологической потребности [1]).

Эта точка зрѣнія очень цѣнна и плодотворна, но она недостаточно развита Чернышевскимъ, упустившимъ изъ виду нѣкоторые относящіеся сюда факты. Такъ, напр., мы еще можемъ представить себѣ, что взрослые люди пріобрѣтутъ такую власть надъ природой и надъ собою, что ихъ совмѣстная жизнь можетъ обходиться безъ всякихъ ограничительныхъ и принудительныхъ нормъ. Въ иномъ положеніи находятся дѣти, старики, больные и т. п. Ихъ право на жизнь должно быть осуществляемо общественной организаціей. А такъ какъ, кромѣ того, производство для удовлетворенія необходимыхъ потребностей всѣхъ вообще людей врядъ ли когда-либо перестанетъ быть общественнымъ и потому требующимъ правовой нормировки, то государство нужно признать необходимымъ для всего того будущаго, на которое распространяется наше предвидѣніе [2]).

---

[1]) Въ этихъ взглядахъ очень замѣтно вліяніе одного изъ первыхъ анархистовъ—Годвина, котораго Чернышевскій называетъ „человѣкомъ очень сильнаго ума, великаго литературнаго таланта и вполнѣ радикальнаго образа мыслей". Годвинъ, по словамъ г. Туганъ-Барановскаго, „исходитъ не только изъ предположенія, что вся душевная природа человѣка испытаетъ глубочайшее преобразованіе, что любовь къ ближнему вытѣснитъ окончательно въ душѣ человѣка всѣ своекорыстныя чувства, но и изъ предположенія не менѣе глубокаго преобразованія техники, которое дастъ человѣку возможность своими единоличными силами исполнять самыя трудныя задачи". („Современный соціализмъ въ его историческомъ развитіи". Спб., 1906 г., стр. 195—196). См. также о Годвинѣ въ книгѣ Эльцбахера „Современный анархизмъ". Гл. III, или (короче) у Кульчицкаго „Современный анархизмъ". Ч. I, гл. 1.

[2]) Вопросъ о государственной власти вообще и въ соціалистическомъ строѣ въ частности очень мало разрабатывался соціалистами, большей частью склонявшимися къ анархистскимъ воззрѣніямъ. Взгляды Маркса на этотъ счетъ прошли довольно сложную эволюцію. Отъ безусловнаго преклоненія предъ государствомъ подъ вліяніемъ Гегеля (когда Марксъ писалъ, напр., что „сводъ законовъ—это библія свободы народа",—Дебаты рейнскаго ландтага, 1842 г., „Лит. насл.", т. 1, стр. 327) Марксъ, подъ вліяніемъ утопическихъ соціалистовъ, перешелъ къ отожествленію его съ правомъ частной собственности и къ отрицанію его. „Существованіе государства и существованіе рабства неразрывны", говоритъ, напр., Марксъ („Король прусскій и соціальная реформа", 1844, Лит. насл., II, 58—60; см.

II.

Нормальный политическій строй. Критика абсолютизма и защита политической свободы и парламентаризма.

Въ ученіи Чернышевскаго о формахъ государственнаго устройства мы находимъ два обычныхъ для него направленія. Съ одной стороны, придавая главное значеніе матеріальнымъ потребностямъ людей и считая отдѣльныя коопераціи

также „Святое семейство", 1845, Лит. насл., II, 250—251 и т. д.). Далѣе, участіе въ политической борьбѣ рабочихъ то приводило Маркса къ признанію государства, какъ силы, полезной для пролетаріата (См., напр., „Коммунистическій манифестъ", 1847, стр. 24—35, изд. Куклина, „Первый манифестъ международнаго общества рабочихъ". 1864 г., стр. 12; тамъ же, въ частности о фабричномъ законодательствѣ, а также въ „Капиталѣ", I, стр. 255, 420 и т. д.), то, наоборотъ, къ отрицанію его, какъ органа классоваго господства, ненужнаго послѣ устраненія классовъ. Марксъ въ одной своей статьѣ прямо называетъ соціалистическій строй анархіей. „Всѣ соціалисты, говоритъ онъ, понимаютъ подъ анархіей слѣдующее: разъ достигнута цѣль пролетарскаго движенія—уничтоженіе классовъ, исчезаетъ государственная власть, служащая нынѣ для держанія огромнаго трудящагося большинства подъ игомъ ничтожнаго эксплуатирующаго меньшинства, и функціи правительства обращаются въ простыя административныя функціи. („Les prétendues scissions dans l'internationale" Genève, 1872, p. 37. См. также „Гражданскую войну во Франціи" изд. Куклина, стр, 43 и т. д.). Это именно воззрѣніе развиваетъ Энгельсъ (см., напр., „Анти-Дюрингъ", стр. 302—303 и т. д.) и вообще марксисты. (Критику этихъ взглядовъ Маркса см. у Еллинека—„Право современнаго государства", Спб., 1903, гл. VII, § III).

Тѣхъ же приблизительно взглядовъ держались и русскіе соціалисты. Такъ, по словамъ Герцена, „подъ словомъ соціализмъ всѣ разумѣютъ такое же отрицаніе современнаго государственнаго быта, какъ христіанство было отрицаніемъ быта греко-римскаго". (Россія и Польша, „Колоколъ", 1859, стр. 115. См, также „Съ того берега", V т., собр. соч., стр. 49; V, 165, 254 и др.). Въ томъ же родѣ писалъ и П. Л. Лавровъ, хотя и съ существенными оговорками. „На моей родинѣ, говоритъ онъ, напр., вкоренилось глубокое убѣжденіе, что *всякая* (курс. Лаврова.—М. А.) политическая власть вредна въ своей сущности, что нельзя и не должно ждать постепеннаго ослабленія и вымиранія политическаго элемента, но слѣдуетъ разомъ, путемъ самой радикальной соціальной революціи, не только разрушить существующій порядокъ, но и устранить всякую форму возстановленія государственной принудительной власти". („Кому принадлежитъ будущее?" Второе загр. изд. 1902 г., стр. 78. См. также „Госуд. элементъ въ будущемъ обществѣ", стр. 70—76). Впрочемъ, у Лаврова встрѣчается и болѣе правильное воззрѣніе, признающее условную необходимость государства. См., напр., „Ист. письма", стр. 258 и т. д.

главнымъ средствомъ для ихъ нормальнаго удовлетворенія онъ, подобно Оуэну, Фурье и др. утопистамъ, пренебрежительно относится къ вопросамъ политическаго устройства и къ самой политической свободѣ. Съ другой стороны, присматриваясь къ западно-европейской жизни, онъ съ своимъ яснымъ умомъ не могъ не видѣть, какую громадную роль играетъ политическая свобода и участіе народа въ управленіи страной. Первый взглядъ преобладаетъ въ его болѣе раннихъ статьяхъ (по исторіи Франціи 19 вѣка), второй въ особенности въ его политическихъ хроникахъ. Впрочемъ, оба эти взгляда часто встрѣчаются рядомъ, такъ что мы можемъ только приблизительно придерживаться хронологическаго порядка въ ихъ изложеніи.

Чернышевскій противопоставляетъ либераловъ, сторонниковъ политической свободы, какъ таковой, „демократамъ" или „радикаламъ" (т.-е. соціалистамъ). Для либераловъ „выше всего" право свободной рѣчи и конституціонное устройство, либералы хлопочутъ „объ отвлеченныхъ правахъ, не заботясь о житейскомъ благосостояніи массъ" [1]). Вообще „либерализмъ, по словамъ Чернышевскаго, понимаетъ свободу очень узкимъ, формальнымъ образомъ. Она для него состоитъ въ отвлеченномъ правѣ, въ разрѣшеніи на бумагѣ, въ отсутствіи юридическаго запрещенія. Онъ не хочетъ понять, что юридическое разрѣшеніе для человѣка имѣетъ цѣну только тогда, когда у человѣка есть матеріальныя средства пользоваться этимъ разрѣшеніемъ. Ни мнѣ, ни вамъ, читатель, не запрещено обѣдать на золотомъ сервизѣ; къ сожалѣнію, ни у васъ, ни у меня нѣтъ и, вѣроятно, никогда не будетъ средствъ для удовлетворенія этой изящной идеи; потому я откровенно говорю, что нимало не дорожу своимъ правомъ имѣть золотой сервизъ и готовъ продать это право за одинъ рубль серебромъ, или даже дешевле. Точно таковы для народа всѣ тѣ права, о которыхъ хлопочутъ либералы. Народъ невѣжественъ и почти во всѣхъ странахъ большинство его безграмотно; не имѣя денегъ, чтобы получить образованіе, не имѣя денегъ, чтобы дать образованіе своимъ дѣтямъ, какимъ образомъ станетъ онъ дорожить правомъ свободной рѣчи? Нужда и невѣжество отнимаютъ

[1]) „О хлѣбѣ насущномъ либерализмъ серьезно не думалъ, говоритъ также Герценъ, онъ слишкомъ романтикъ, чтобы печься о такихъ грубыхъ потребностяхъ". („Съ того берега", 1848, V, стр. 95, см. также стр. 149 и др.).

у народа всякую возможность понимать государственныя дѣла и заниматься ими, скажите,—будетъ ли дорожить, можетъ ли онъ пользоваться правомъ парламентскихъ преній?" (IV, 157—158). Наоборотъ, „демократы имѣютъ въ виду по возможности уничтожить преобладаніе высшихъ классовъ надъ низшими въ государственномъ устройствѣ, съ одной стороны, уменьшить силу и богатство высшихъ сословій, съ другой—дать болѣе вѣса и благосостоянія низшимъ сословіямъ. Какимъ путемъ измѣнить въ этомъ смыслѣ законы и поддержать новое устройство общества—для нихъ почти все равно". (IV, 156). Далѣе, по словамъ Чернышевскаго, радикализмъ (т.-е. въ данномъ случаѣ соціализмъ) „расположенъ производить реформы съ помощью матеріальной силы, и для реформъ готовъ жертвовать и свободою слова и конституціонными формами". (IV, 157).

Далѣе выясняется, впрочемъ, что Чернышевскій имѣлъ въ виду не столько безполезность свободныхъ политическихъ формъ, сколько ихъ недостаточность въ томъ урѣзанномъ видѣ, въ какомъ ихъ добиваются либералы. „Необходимымъ условіемъ политической свободы кажется имъ (либераламъ) свобода печатнаго слова и существованіе парламентскаго правленія; но такъ какъ свобода слова, при нынѣшнемъ состояніи западно-европейскихъ обществъ, становится обыкновенно средствомъ для демократической страстной и радикальной пропаганды, то свободу слова они желаютъ держать въ довольно тѣсныхъ границахъ, чтобы она не обратилась противъ нихъ самихъ. Парламентскія пренія также должны принять повсюду радикально-демократическій характеръ, если парламентъ будетъ состоять изъ представителей націи въ обширномъ смыслѣ слова; потому либералы принуждены также ограничивать участіе въ парламентѣ тѣми классами народа, которымъ довольно хорошо или даже очень хорошо жить при нынѣшнемъ устройствѣ западно-европейскихъ обществъ". (IV, 157).

Тѣмъ не менѣе въ приведенныхъ выше разсужденіяхъ ясно сквозитъ пренебрежительное отношеніе Чернышевскаго къ политической свободѣ и такъ наз. неотъемлемымъ правамъ личности (свободѣ слова, напр.), отношеніе, которое наряду съ аполитизмомъ долго составляло отрицательную черту русской соціалистической мысли [1]).

[1]) Такъ Герценъ выражалъ свое полное сочувствіе именно этой антиконституціонной сторонѣ воззрѣній Чернышевскаго. Идеалы его

* * *

Въ дальнѣйшемъ же Чернышевскій, наоборотъ, постоянно указываетъ на необходимость народовластія и парламентаризма, жестоко критикуя абсолютизмъ и бюрократію.

Образцомъ абсолютистскаго строя, „примѣрнымъ государствомъ" (V, 459) была въ глазахъ Чернышевскаго Австрія и онъ не жалѣлъ красокъ для изображенія ея порядковъ Такъ, говоря объ организаціи австрійской арміи, онъ нахо-

---

пропаганды, говоритъ онъ, „были въ совокупномъ трудѣ, въ устройствѣ мастерской, а не въ тощей палатѣ, въ которой бы Собакевичи и Ноздревы разыгрывали „дворянъ въ мѣщанствѣ" и помѣщиковъ въ оппозиціи" („Колоколъ", 1866. № 230, стр. 662). Точно также Михайловскій, характеризуя умонастроеніе 70-хъ годовъ, пишетъ: „скептически настроенные по отношенію къ принципу свободы, мы готовы были не домогаться никакихъ правъ для себя; не привилегій только, объ этомъ и говорить нечего, а самыхъ даже элементарныхъ параграфовъ того, что въ старину называлось естественнымъ правомъ... И все это ради одной возможности, за которую мы всю душу клали, именно возможности непосредственнаго перехода къ лучшему высшему порядку, минуя среднюю стадію европейскаго развитія, стадію буржуазнаго государства". („Литературныя замѣтки" 1880г., IV т. собр. соч., стр. 952). „Свобода великая и соблазнительная вещь, пишетъ тутъ же Михайловскій, но мы не хотимъ свободы, если она, какъ было въ Европѣ, только увеличитъ нашъ вѣковой долгъ народу" (стр. 949).—Переломъ начался вмѣстѣ съ „Народной Волей", выступившей на борьбу за политическую свободу. „Партія Народной Воли убѣдилась, говорится въ редакціонной статьѣ перваго номера „Вѣстника Народной Воли" (1883 г.), что передъ подданными Россійской Имперіи эти (соціалистическіе.—М. А.) задачи поставлены теперь неизбѣжно въ формѣ необходимости измѣненія политическаго строя Россія для возможности дальнѣйшаго здороваго развитія всякой прогрессивной партіи, въ томъ числѣ и партіи соціалистической" (стр. V—VI). См. также *Михайловскій*, „Литературн. замѣтки" 1880 г., IV, стр. 1000 и др. Характерно, что Марксъ, въ первыхъ своихъ статьяхъ, также отрицательно относился къ политической свободѣ. „Свободная человѣчность и ея признаніе (т.-е. такъ наз. права человѣка—М. А.), говоритъ онъ, суть не что иное, какъ признаніе эгоистическаго буржуазнаго индивидуума и необузданнаго движенія духовныхъ и матерьяльныхъ элементовъ, образующихъ содержаніе жизненнаго положенія индивидуума, содержаніе современной буржуазной жизни... Признаніе человѣческихъ правъ современнымъ государствомъ имѣетъ такой же самый смыслъ, какъ признаніе античнымъ государствомъ рабства (!)". И далѣе Марксъ говоритъ, что основой современнаго строя является право собственности, которое такимъ образомъ заслоняетъ для него другія „естественныя права человѣка". („Святое семейство", 1845—1846 гг., Лит. насл., т. II, стр. 250—251).

дитъ, что „эта организація служитъ примѣненіемъ къ военному быту того начала, на которомъ одномъ построено все государственное зданіе, которое одно пользуется привилегіею быть законнымъ основаніемъ и единственною рамкою гражданской жизни въ Австріи,—мы говоримъ о бюрократіи... Въ Австріи, продолжаетъ Чернышевскій, бюрократія не есть прихоть нелѣпаго произвола, размѣры которой могутъ по произволу ограничиваться тѣмъ же самымъ произволомъ; нѣтъ, бюрократія въ Австріи составляетъ дѣйствительную необходимость для поддержки государства, которое распалось бы отъ предоставленія простора внутренней жизни, принадлежащаго ей разноплеменнаго населенія; потому австрійское правительство не въ силахъ устроить ни одной своей отрасли иначе, какъ по бюрократическому принципу, по началу мертвой, все подчиняющей холодному механизму, сосредоточивающей всю жизнь въ рукахъ чиновной касты, убивающей всякую индивидуальность, всякое развитіе личности, стало быть, и живого соображенія.

Австрія не могла устроить и свою армію на болѣе живомъ основаніи, и безсиліе, которымъ такъ страшно отличалась ея громадная, превосходная со стороны формалистики армія—можетъ служить новымъ примѣромъ,—если только нужны на это новые примѣры,—къ убѣжденію насъ въ томъ, что бюрократія приводитъ лишь къ одному результату: къ полнѣйшему внутреннему разслабленію того самаго механизма, которому приноситъ она въ жертву все“ (VI, 310). Поэтому, напримѣръ, „человѣкъ сколько нибудь даровитый составляетъ между австрійскими командирами странное исключеніе; онъ, можно сказать, неумѣстенъ, не соотвѣтствуетъ своей обстановкѣ сверху и снизу, потому на него косятся, да и онъ не въ состояніи сдѣлать ничего путнаго, во-первыхъ, не выпроситъ разрѣшенія сверху, во-вторыхъ, не найдетъ порядочныхъ исполнителей въ непосредственныхъ своихъ помощникахъ. Разумѣется, эта бездарность командировъ также въ значительной степени производится бюрократическимъ порядкомъ. Человѣкъ состоитъ на бумагѣ въ извѣстномъ чинѣ, удовлетворяетъ на бумагѣ и на парадахъ формальнымъ условіямъ хорошаго офицера, постепенно повышается по заведенному бумажному порядку, и если онъ обладаетъ умѣньемъ пользоваться бюрократическими пружинами повышенія, есть при томъ у него деньжонки, собранныя соблюденіемъ строгой бумажной отчетности, да

связишки, то почему бы ему не дойти и до командованія корпусомъ или даже цѣлою арміею, когда Богъ продлилъ жизнь для выслуги числа лѣтъ, нужнаго для прохода по всѣмъ степенямъ бумажнаго производства въ чины?" (V, 311).

То же самое говоритъ онъ объ австрійскихъ финансахъ, по поводу безуспѣшныхъ попытокъ одного даровитаго австрійскаго министра, Брука, поправить эти финансы (V, 462). И т. д. и т. д.

О русскомъ государственномъ строѣ Чернышевскій не могъ писать по цензурнымъ условіямъ. Его „Письма безъ адреса" (1862), гдѣ онъ пытался это сдѣлать, не были пропущены цензурой. Въ этой статьѣ онъ характеризуетъ русскую бюрократію тѣми же чертами, что и австрійскую.

„При бюрократическомъ порядкѣ, говоритъ онъ, совершенно безполезны умъ, знаніе, опытность людей, которымъ поручено дѣло. Люди эти дѣйствуютъ, какъ машины, у которыхъ нѣтъ своего мнѣнія; они ведутъ дѣло по случайнымъ намекамъ и догадкамъ о томъ, какъ думаетъ про это дѣло то или другое, или третье лицо, совершенно не занимающееся этимъ дѣломъ". (X, II, 309).

Для примѣра Чернышевскій подробно разбираетъ дѣятельность Редакціонныхъ комиссій при освобожденіи крестьянъ.

* * *

Наоборотъ, Чернышевскій горячо привѣтствуетъ всякій шагъ по направленію къ народовластію. Такъ, по его словамъ, „сардинскій правительственный принципъ (т.-е. конституція) при всѣхъ своихъ несовершенствахъ, при всѣхъ современныхъ уклоненіяхъ отъ заботы объ облегченіи матеріальной участи народа, все-таки въ милліонъ разъ лучше австрійскаго, который по натурѣ своей соединенъ съ угнетеніемъ народа и въ матеріальномъ отношеніи, какъ основанъ на угнетеніи его въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ, между тѣмъ какъ сардинскій принципъ существенно принужденъ обращаться къ улучшенію народнаго быта, хотя бы по временамъ и уклонялся отъ этой обязанности по случайнымъ обстоятельствамъ". (V, 362).

Съ особеннымъ одобреніемъ Чернышевскій отзывается объ англійской политической свободѣ и парламентаризмѣ. Такъ, говоря объ администраторахъ, преслѣдующихъ на службѣ свои личныя цѣли, онъ замѣчаетъ: „въ Англіи, гдѣ

контроль газетъ и митинговъ хотя не такъ дѣйствителенъ, какъ воображаютъ англоманы, но все таки не совсѣмъ безсиленъ и очень полезенъ; нельзя такимъ людямъ упражнять надъ государствомъ свои способности слишкомъ свободно, и чуть чуть подальше свернутъ они съ дороги, ихъ или вовсе сталкиваютъ, или ворочаютъ на дорогу подъ уздцы" (V, 104). Точно также Чернышевскій противопоставляетъ тогдашней Франціи съ ея бюрократіей англійское самоуправленіе и парламентаризмъ. Во Франціи „правительство дѣйствуетъ въ потемкахъ, не зная, на кого можно положиться, и въ большей части случаевъ не имѣетъ усердныхъ исполнителей, не имѣя въ то же время и средствъ удостовѣриться, дѣйствительно ли приказанія исполняются. Ничего подобнаго, никакой подобной путаницы и безсилія нѣтъ при парламентѣ. Каждое распоряженіе принимается цѣлою партіею, т.-е. безчисленнымъ множествомъ людей во всѣхъ классахъ общества, какъ личное дѣло каждаго изъ нихъ; и каждый изъ нихъ всячески содѣйствуетъ надлежащему его исполненію. Обязательство въ этомъ уже напередъ дано ими, еще до обнародованія распоряженія, и дано оно съ дѣйствительнымъ желаніемъ дать и исполнить его. Опора парламента такъ сильна, что правительство или „корона" замѣтно ослабѣваетъ даже въ тѣ короткіе промежутки, которые бываютъ между сессіями парламента" (V, 147. Ср. VIII, 14—16).

Такимъ образомъ пренебрежительное отношеніе Чернышевскаго къ политической свободѣ, какъ второстепенной потребности народной массы, смѣнилось у него съ теченіемъ времени самымъ горячимъ сочувствіемъ конституціонному и парламентскому строю, основанному на всеобщемъ голосованіи.

Мы не можемъ останавливаться здѣсь на ученіи Чернышевскаго о путяхъ и средствахъ достиженія политической свободы. Отмѣтимъ только, что онъ не разъ указывалъ на необходимость единоличной (VIII, 37—38; V, 9, 87; IX, 152—153) и массовой борьбы (VI, 197; IX, 241) для ея достиженія. (См. объ этомъ нашу статью: „Чернышевскій о революціи". Былое, Парижъ. 1908, VIII).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Стихійныя тенденціи историческаго процесса. Ростъ населенія и законъ убывающаго плодородія.

ЛИТЕРАТУРА. *Бибиковъ.* Вступительная статья къ переводу Мальтуса.—Каутскій. Tschernischewsky und Malthus (1881).—*Бельтовъ. Плехановъ.* Чернышевскій и Мальтусъ, (1892).—*Скворцовъ.* Основанія политической экономіи (1898).

I.

Ученіе Мальтуса.

Ученіе Чернышевскаго о населеніи и о такъ наз. убывающемъ плодородіи почвы составляетъ, собственно говоря, часть его исторической теоріи. Мы выдѣляемъ его въ особую главу въ виду своеобразности и обширности этого вопроса, получающаго у Чернышевскаго оригинальную и мало извѣстную обработку. Чернышевскій развиваетъ свои взгляды на критикѣ Мальтуса.

Какъ извѣстно, Мальтусъ резюмировалъ свое ученіе въ трехъ слѣдующихъ положеніяхъ: „1) Народонаселеніе неизбѣжно ограничивается средствами существованія. 2) Народонаселеніе неизбѣжно размножается всюду, гдѣ возрастаютъ средства существованія, если только не будетъ остановлено какими либо чрезвычайными и явными препятствіями. 3) Эти исключительныя препятствія и всѣ тѣ, которыя, останавливая силу размноженія, возвращаютъ народонаселеніе къ уровню средствъ существованія, могутъ быть приведены къ слѣдующимъ тремъ видамъ: нравственному обузданію, пороку и несчастью“. („Опытъ о законѣ народонаселенія“, пер. Бибикова, т. I, стр. 113). Въ этихъ положеніяхъ заключаются только самыя банальныя мысли, что безъ пищи люди не могутъ существовать, что имъ свойственно размножаться и т. п. Болѣе извѣстныя и цѣнныя, но въ то же время и болѣе спорныя положенія Мальтуса заключаются въ его попыткахъ опредѣлить, „съ какой быстротой пойдетъ естественное размноженіе населенія, если бы оно не встрѣчало никакой помѣхи, а съ другой стороны, какъ сильно можетъ быть возрастаніе произведеній земли при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для производительнаго труда“. (стр. 97).

Мы можемъ считать несомнѣннымъ, говоритъ Мальтусъ, „что *если размноженіе населенія не встрѣчаетъ никакого препятствія, то оно удваивается каждыя двадцать пять лѣтъ и возрастаетъ въ геометрической прогрессіи* (курсивъ, какъ и далѣе, самого Мальтуса—М. А.)... Доказательства будутъ приведены ниже.

„Для сравненія съ возрастаніемъ населенія сдѣлаемъ теперь предположеніе, которое, какъ бы оно неточно ни было, тѣмъ не менѣе безъ всякаго сомнѣнія значительно преувеличиваетъ производительность почвы, сравнительно съ тѣмъ, что представляетъ дѣйствительность. Вообразимъ, что ежегодное приращеніе средняго производства не уменьшается, а остается то же, такъ что въ каждый двадцатипяти-лѣтній періодъ къ годовому производству Великобританіи прибавляется количество произведеній, равное такому же годовому доходу. Вѣроятно, никакое горячее воображеніе не рѣшится сдѣлать болѣе широкаго предположенія...

„Итакъ, основываясь на настоящемъ положеніи занятыхъ уже земель, мы можемъ сказать, что *средства существованія, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для труда, ни въ какомъ случаѣ не могутъ возрастать быстрѣе, чѣмъ въ ариѳметической прогрессіи.*

„Сравненіе двухъ этихъ законовъ возрастанія даетъ поразительные результаты... Примемъ населеніе земного шара въ настоящее время въ тысячу милліоновъ: человѣческая порода размножалась оы какъ 1, 2, 4, 8, 32, 64, 128, 256, между тѣмъ, какъ средства существованія возрастали бы какъ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Черезъ два столѣтія народонаселеніе относилось бы къ средствамъ существованія, какъ 256 къ 9; черезъ три столѣтія, какъ 4096 къ 13, а по прошествіи двухъ тысячъ лѣтъ отношеніе это было бы безпредѣльно и неисчислимо“ (стр. 99—102).

Отсюда Мальтусъ дѣлалъ выводъ, что „причина нищеты и ея послѣдствій, пороковъ и преступленій, въ Англіи и подобныхъ ей странахъ — неразсудительность массы народа въ дѣлѣ размноженія... Никакія перемѣны въ политическихъ учрежденіяхъ такой страны не могутъ имѣть вліяніе на судьбу народа ея въ экономическомъ отношеніи. Какъ бы дурны ни были учрежденія такой страны, нищета и послѣдствія нищеты въ ней происходятъ не отъ нихъ, а отъ неразсудительности ея народа въ дѣлѣ размноженія“ (X, II, 19)... Какъ извѣстно, самая книга Мальтуса была составлена „съ

цѣлью опровергнуть доводы Годвина, оправдать систему отказа во всякихъ реформахъ", — какъ это прекрасно показано Чернышевскимъ (см. въ особенности начало статьи „Происхожденіе теоріи благотворности борьбы за жизнь", т. X, ч. II, а также въ „Примѣчаніяхъ къ Миллю", т. VII стр. 247 и далѣе. Ср. Туганъ-Барановскій. „Очерки новѣйшей исторіи полит. эк.").

* * *

Это ученіе Мальтуса о народонаселеніи, несмотря на жестокую критику всѣхъ его частей, до сихъ поръ еще довольно прочно держится въ умахъ экономистовъ. „Въ настоящее время,—говоритъ авторитетный нѣмецкій „словарь государственныхъ знаній", сущность ученія Мальтуса большинствомъ экономистовъ признается правильной. Не признавая правильности отдѣльныхъ его положеній, какъ напримѣръ, ариѳметической и геометрической прогрессіи, они допускаютъ, однако, справедливость сущности его теоріи, того именно положенія, что населеніе имѣетъ тенденцію увеличиваться скорѣе, нежели растутъ средства продовольствія" [1]). Точно также русскій послѣдователь теоріи Мальтуса, покойный Н. В. Водовозовъ, говоритъ, что „современная экономическая наука все больше и больше склоняется къ взгляду Мальтуса" относительно того, что „народонаселеніе имѣетъ постоянную тенденцію возрастать быстрѣе продовольствія" [2]).

Правильность ученія Мальтуса въ этомъ смыслѣ признается не только буржуазными учеными, но и нѣкоторыми видными соціалистами, напр., Каутскимъ (въ сочиненіи „Вліяніе роста населенія на развитіе общества". Вѣна, 1880).

---

[1]) Русское изданіе статей этого словаря, относящихся къ населенію, подъ заглавіемъ „Народонаселеніе и ученіе о народонаселеніи" М. 1897, стр. 183, (статья проф. Эльстера).

[2]) Водовозовъ. „Мальтусъ, его жизнь и научная дѣятельность", изд. Павленкова, стр. 90. То же говоритъ Водовозовъ въ своемъ болѣе позднемъ и болѣе основательномъ изслѣдованіи „Ученіе Мальтуса о народонаселеніи". Ученіе Мальтуса, по его словамъ, „болѣе соотвѣтствуетъ, чѣмъ противорѣчитъ нашей (т.-е. современной) наукѣ" (стр. 2). Онъ сравниваетъ его съ недостроеннымъ зданіемъ: „великолѣпный, прочный фундаментъ, крѣпкія, массивыя стѣны, но окна безъ рамъ, и никакая крыша, никакой куполъ не увѣнчиваетъ прекраснаго сооруженія" (стр. 73).

Точно также проф. А. Менгеръ въ своемъ „Новомъ ученіи о государствѣ“ и особенно въ „Народной политикѣ“ видитъ въ размноженіи населенія серьезнѣйшую опасность для соціалистическаго строя. Менгеръ упрекаетъ соціалистическихъ народныхъ вождей въ томъ, что они „не рѣшаются выступить противъ могущественнѣйшаго изъ всѣхъ инстинктовъ и открыто заявить народнымъ массамъ, что даже самый демократическій общественный строй безъ регулированія размноженія населенія, не можетъ разсчитывать на прочное существованіе“. („Народн. политика“, 55. См. также 57, 74 и др.).

Въ то же время убѣжденіе, что Чернышевскій окончательно опровергъ Мальтуса, по словамъ г. Плеханова, „очень распространено въ Россіи, гдѣ опроверженіе Мальтуса считается едва ли не самой важной и ужъ во всякомъ случаѣ самой безспорной изъ заслугъ нашего знаменитаго писателя“ („За 20 лѣтъ“ СПБ. 1905, стр. 419). Г. Бельтовъ-Плехановъ съ этимъ не согласенъ, находя въ критикѣ Чернышевскаго рядъ серьезныхъ недостатковъ; съ своей стороны, онъ приводитъ правильное, по его мнѣнію, рѣшеніе вопроса о народонаселеніи, данное Марксомъ. Статья г. Плеханова о Чернышевскомъ была напечатана еще въ началѣ 90-хъ годовъ въ заграничномъ журналѣ „Соціалъ-Демократъ“ и, повидимому, не встрѣтила надлежащаго отпора, такъ какъ г. Плехановъ перепечаталъ ее безъ существенныхъ измѣненій въ сборникѣ своихъ статей „За двадцать лѣтъ“. Гораздо болѣе серьезную критику Чернышевскаго мы находимъ въ уже упоминавшейся статьѣ Каутскаго „Чернышевскій и Мальтусъ“.

Отсюда естественно намѣчается планъ этой главы. Я разсмотрю сперва разборъ теоріи Мальтуса Чернышевскимъ, затѣмъ его собственное ученіе о ростѣ населенія и убывающемъ плодородіи почвы; далѣе я сопоставлю это ученіе со взглядами Маркса и разберу возраженія противъ Чернышевскаго, сдѣланныя Каутскимъ и г. Плехановымъ.

II.

Критика ученія Мальтуса о населеніи и собственные взгляды Чернышевскаго.

Въ своихъ „Примѣчаніяхъ къ Миллю“ Чернышевскій очень убѣдительно доказываетъ, что данныя, которыми пользовался Мальтусъ, совершенно недостаточны для его широ-

кихъ обобщеній. „Напрасно, говоритъ онъ, стали бы мы искать въ цѣлой книгѣ Мальтуса фактовъ, которые служили бы болѣе точными основаніями для выводовъ объ относительной быстротѣ, съ какою могутъ возрастать населеніе и земледѣльческій продуктъ“ [1]).

Что касается роста населенія, то главный доводъ Мальтуса (25-лѣтнее удвоеніе населенія въ Соединенныхъ Штатахъ) представляетъ грубую ошибку вслѣдствіе упущенія изъ вида того громаднаго вліянія, которое имѣютъ переселенія на приростъ населенія въ этой странѣ. Но Чернышевскій, какъ сказано, даетъ не только критику Мальтуса, но и собственныя положенія, сущность которыхъ состоитъ въ слѣдующемъ. „Періодъ плодородія у женщинъ кавказскаго племени въ Европѣ и Сѣверной Америкѣ простирается приблизительно отъ 15 до 45 лѣтъ. Число женщинъ этихъ лѣтъ въ населеніи, возрастающемъ не очень быстро или вовсе не возрастающемъ, составляетъ одну пятую часть всего населенія. Періодъ беременности продолжается девять мѣсяцевъ; послѣ того кормленіе грудью занимаетъ около года, и

---

[1]) Современный читатель, сознается сторонникъ Мальтуса Водовозовъ, невольно поражается той скудостью статистическихъ данныхъ, которыми располагаетъ Мальтусъ для подтвержденія своего во всякомъ случаѣ весьма широкаго обобщенія“. Вотъ эти данныя (мы приводимъ ихъ въ изложеніи сторонника Мальтуса, Водовозова). „Въ сѣверныхъ провинціяхъ Америки, говоритъ Мальтусъ, населеніе регулярно удваивалось самое большее каждыя 25 лѣтъ. Въ Нью-Джерсеѣ періодъ удвоенія не превышалъ 22 лѣтъ, въ Родъ-Исландѣ онъ былъ еще короче. По свѣдѣніямъ доктора Прайса, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сѣв.-Америки періодъ удвоенія не длиннѣе 15 лѣтъ. Послѣднія извѣстныя Мальтусу переписи народонаселенія Соединенныхъ Штатовъ вполнѣ подтверждаютъ принятый имъ 25-лѣтній періодъ удвоенія. Я видѣлъ недавно, говоритъ онъ, мемуаръ, содержащій факты и цифры, относящіяся къ населенію Соед. Штатовъ; въ немъ опредѣляется періодъ удвоенія народонаселенія всѣхъ Штатовъ за все время ихъ существованія всего въ 20 лѣтъ. Я не могу сказать, присовокупляетъ Мальтусъ, въ какой степени мемуаръ этотъ заслуживаетъ довѣрія; но насколько онъ опирается на факты и на обнародованныя цифры, мнѣ кажется, что на него можно положиться. Вотъ, въ сущности, весь тотъ небогатый матеріалъ, замѣчаетъ Н. В. Ведовозовъ, на которомъ Мальтусомъ строится его геометрическая прогрессія. Нужно еще отмѣтить его оговорку, въ сущности вполнѣ голословную, что въ этомъ быстромъ увеличеніи сѣверо-американскаго населенія переселенія изъ Европы не играли никакой существенной роли“ („Мальтусъ, его жизнь и ученіе“, стр. 60).

здоровье младенцевъ требуетъ въ большей части случаевъ, по мнѣнію матерей, кормленія больше, чѣмъ въ теченіе года. Такимъ образомъ, самое устройство организма полагаетъ между рожденіями дѣтей у женщины средній періодъ около 2 лѣтъ". При этомъ, дѣло идетъ, „по самымъ условіямъ вопроса, о такомъ обществѣ, гдѣ вовсе не было бы бѣдности, т.-е. не представлялось бы женщинамъ необходимости заботиться о здоровьи своихъ младенцевъ меньше, чѣмъ онѣ хотѣли бы" (VII, 266). Такимъ образомъ, „число рождающихся могло бы достигать до 10 на 100 человѣкъ лишь при томъ условіи, чтобы всѣ безъ исключенія женщины отъ 15 до 45 лѣтъ находились постоянно въ положеніяхъ беременности и кормленія грудью", что очевидно нелѣпо. Вообще, врядъ ли можно допустить въ среднемъ больше 6 дѣтей на женщину, что составитъ 40 рожденій на 1000 человѣкъ населенія (VII, 267). Признавая это число „за самую высшую цифру, какая только допускается устройствомъ человѣческаго организма безъ насильственнаго изнуренія физическихъ силъ женщины" (VII, 273), Чернышевскій руководится, между прочимъ, и тѣмъ соображеніемъ, что нужда и грубость нравовъ имѣютъ свойство увеличивать число рожденій, доводя ихъ до процента, изнурительнаго для силъ женскаго организма. Такъ, напр., „въ Восточной Европѣ, по словамъ Чернышевскаго, число дѣйствительныхъ рожденій до сихъ поръ остается выше нормальнаго", а такъ какъ оно все же не превосходитъ обычно 45 на 1000 населенія, то „едва ли можно ожидать даже 40 рожденій на 1000 человѣкъ населенія" (VII, 273). Это подтверждается и данными современной статистики, приводимыми, напр., у проф. Георга Майра. „На основаніи данныхъ международной статистики, говоритъ онъ, годовой итогъ, составляющій менѣе 30 рожденій на 1000 жителей, можетъ считаться малымъ, отъ 30 до 40 рожденій—нормальнымъ, а итогъ въ 40 и болѣе рожденій на 1000 жителей—очень высокимъ" („Закономѣрность въ общественной жизни", стр. 306). Затѣмъ Чернышевскій опредѣляетъ, такъ сказать, естественный процентъ смертности. Онъ указываетъ на то, что, по изслѣдованіямъ Чедуика, „изъ дѣтей англійскихъ землевладѣльцевъ въ первыя пять лѣтъ умираетъ 20%", а между тѣмъ „зажиточные классы въ Англіи славятся заботливостью и раціональностью въ физическомъ воспитаніи дѣтей". Поэтому Чернышевскій считаетъ 20% естественной смертностью младен-

цевъ въ возрастѣ до 5 лѣтъ (т.-е., что изъ 100 новорожденныхъ, переживаетъ 5 лѣтъ только 80). Отнеся затѣмъ разницу между общимъ числомъ смертей и этимъ нормальнымъ числомъ къ разряду смертей отъ нужды, Чернышевскій допускаетъ, что въ населеніи выше 5 лѣтъ процентъ такихъ лишнихъ смертей вдвое меньше, и вычисляетъ затѣмъ естественную смертность людей выше 5 лѣтъ, а разница естественной рождаемости и естественной смертности даетъ ему процентъ нормальнаго прироста населенія и періоды его удвоенія. Въ общемъ, онъ приходитъ къ выводу, что „періодъ удвоенія, при нынѣшнихъ обычаяхъ странъ, гдѣ число рожденій даже превышаетъ естественную норму, имѣетъ едва ли меньше, а по всей вѣроятности больше 35 лѣтъ“ (VII, 277).

Эти вычисленія сами по себѣ врядъ ли могутъ быть признаны точными. Такъ, естественная смертность дѣтей до 5 лѣтъ несомнѣнно преувеличена Чернышевскимъ. По свѣдѣніямъ Центральнаго статистическаго комитета (обнимающимъ данныя съ 1867—1881 г.), въ Норвегіи изъ 1000 родившихся живыми умираетъ до 5 лѣтняго возраста 173, въ Ирландіи 169, въ Швеціи (по Майру, стр. 462) 186. А такъ какъ эти страны очень далеки отъ совершенства, то при нормальномъ общественномъ строѣ процентъ естественной смертности долженъ быть ниже 19%. Затѣмъ, процентъ естественной смертности людей старше 5 лѣтъ взятъ Чернышевскимъ довольно произвольно, такъ что и его нормальный періодъ удвоенія населенія имѣетъ лишь приблизительный характеръ. Правда, данныя современной статистики ему не противорѣчатъ [1]).

---

[1]) Въ книгѣ „Народонаселеніе и ученіе о народонаселеніи“ приведена таблица роста населенія въ семидесятые годы (стр. 197), изъ которой видно, что наименьшій годовой приростъ наблюдается во Франціи (0,45%), наибольшій въ Англіи и Уэльсѣ (1,35%). Такъ какъ населеніе удваивается въ 50 лѣтъ при процентѣ размноженія 1,39595, т.-е. большемъ англійскаго, то населеніе всѣхъ европейскихъ странъ можетъ удвоиться не въ 50 лѣтъ, а въ болѣе продолжительный періодъ. Для Франціи, а также Италіи (процентъ размноженія 0,6) и Швейцаріи (0,64) періодъ удвоенія болѣе 100 лѣтъ (этотъ періодъ соотвѣтствуетъ проценту размноженія 0,69555). „Въ среднемъ, годичный приростъ населенія въ культурныхъ странахъ можетъ считаться въ 1%, говоритъ проф. Ш. Жидъ,—что даетъ періодъ удвоенія населенія въ 72 года“ (Основ. полит. экономіи, стр. 179). Въ Россіи населеніе удваивается въ 65 лѣтъ (Исаевъ. Начала полит. экономіи, 6-ое изд., стр. 706).

Но во всякомъ случаѣ Чернышевскій совершенно правильно намѣтилъ общія задачи и пріемы теоріи населенія, для которой необходимо прежде всего выяснить проценты естественной рождаемости и смертности посредствомъ наблюденія соотвѣтствующихъ явленій въ возможно чистомъ видѣ, независимо отъ общественныхъ условій. Чернышевскій совершенно правильно указывалъ также, что чрезмѣрная рождаемость зависитъ въ значительной степени отъ грубости нравовъ и нужды низшихъ классовъ населенія, такъ что вмѣстѣ съ ростомъ благосостоянія и культурности процентъ рождаемости долженъ понизиться. Современная статистика вполнѣ подтверждаетъ это. Такъ, въ частности, рождаемость во Франціи въ первыя 20 лѣтъ XIX вѣка была 31,7—32 на 1000, а въ 80-хъ годахъ всего 23—24,6. Въ Пруссіи первыя 30 лѣтъ XIX вѣка она была 40—44 на 1000, а въ 1860—90-хъ гг. только 37—40. Для Бельгіи 30-хъ и 40-хъ гг. мы имѣемъ рождаемость въ 32—33 на 1000 жителей, а за 1860—90 гг. 29—31. Въ Швейцаріи съ 30 — 31 въ 70-хъ годахъ рождаемость понизилась до 27—28 въ 80-хъ годахъ. (Исаевъ. „Начала полит. экон., 703—704). Общій же приростъ населенія уменьшился во Франціи съ 4,5 на 1000 жителей въ 70-хъ годахъ до 3,7 въ 80-хъ; въ Германіи съ 10,8 до 10,3 (за тотъ же періодъ) [1]).

Но хотя утвержденіе Мальтуса о двадцатипятилѣтнемъ періодѣ удвоенія населенія ни на чемъ не основано и вполнѣ опровергнуто Чернышевскимъ, несомнѣнно, однако, какъ это и признается Чернышевскимъ, что ростъ населенія выражается геометрической прогрессіей, только съ гораздо меньшимъ знаменателемъ, чѣмъ думалъ Мальтусъ.

---

[1]) „Народонаселеніе...“, стр. 197. Какъ извѣстно, существуетъ очень солидная біологическая теорія Спенсера, по которой способность къ размноженію уменьшается съ развитіемъ индивидуальности. „Всякій прогрессъ въ развитіи индивидуальности, говоритъ Спенсеръ, обусловливаетъ регрессъ въ размноженіи даннаго вида и наоборотъ. Прогрессъ въ величинѣ, сложности и активности связанъ съ регрессомъ въ плодовитости, а прогрессъ въ плодовитости предполагаетъ регрессъ въ величинѣ, сложности и активности“. (Principes de Biologie. Не имѣя подъ руками русскаго перевода, цитирую по французскому переводу Cazelles Paris 1878, p. 482).—Эти взгляды Спенсера раздѣляются и развиваются Н. К. Михайловскимъ. (См. Лит. восп. и совр. смута, I, 115).

III.

Ростъ земледѣльческихъ продуктовъ.

Еще менѣе обоснована у Мальтуса ариѳметическая прогрессія роста средствъ существованія. Эта прогрессія, по словамъ Водовозова, „не только не доказана, но и не доказывается, а просто лишь формулируется“ („Мальтусъ, его жизнь и ученіе“, стр. 67). Переходя къ разсмотрѣнію положеній Мальтуса, нужно предварительно рѣшить вопросъ, какой именно смыслъ имѣютъ эти положенія: тотъ ли, что земледѣльческій продуктъ растетъ въ ариѳметической прогрессіи, *несмотря на всѣ возможныя улучшенія*, или же, что такова тенденція его роста при отсутствіи улучшеній. Первое предположеніе совершенно противорѣчитъ фактамъ. „Изъ нынѣшнихъ агрономическихъ книгъ видно, говоритъ Чернышевскій, что если бы Англія захотѣла и встрѣтила надобность увеличить свой земледѣльческій продуктъ въ теченіе 25 лѣтъ не въ 2 раза, а въ 5 или даже 9 разъ, это было бы вовсе не трудно при нынѣшнемъ состояніи сельскохозяйственныхъ знаній“. То же самое мы находимъ въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Такъ, по словамъ американскаго профессора статистики Майо-Смита, „богатство per capita (т.-е. на душу населенія.—М. А.) и производство per capita возрастаетъ быстрѣе, чѣмъ населеніе... Такимъ образомъ, опасенія мальтузіанцевъ, повидимому, устраняются усовершенствованіями въ способахъ производства“. („Статистика и Экономія“, стр. 64). Здѣсь говорится, повидимому, не о земледѣліи, а о производствѣ вообще. Но и земледѣльческое производство въ Америкѣ, несмотря на громадный ростъ ея населенія, возрастаетъ быстрѣе народонаселенія. Такъ, населеніе Соединенныхъ Штатовъ съ 60-хъ годовъ до 80-хъ увеличилось на 58%, а производство всѣхъ хлѣбовъ на 112%, въ частности производство пшеницы на 154%. (Масловъ. „Агр. вопросъ въ Россіи“, стр. 75). Къ такимъ же выводамъ приходятъ ученый авторъ статьи о населеніи въ „Словарѣ государственныхъ знаній“ и Н. В. Водовозовъ; ниже мы приведемъ соотвѣтствующія цитаты.

Такимъ образомъ, если бы Мальтусъ просто утверждалъ, что земледѣльческій продуктъ, несмотря на всѣ улучшенія, можетъ расти только въ ариѳметической прогрессіи, то такое утвержденіе было бы просто невѣрно. Чернышевскій

вовсе не хочетъ одерживать надъ Мальтусомъ легкихъ побѣдъ и потому придаетъ его ученію тотъ смыслъ, который наиболѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Дѣло въ томъ, что существуетъ законъ такъ назыв. убывающаго плодородія почвы, по которому увеличенное (напримѣръ, двойное) количество труда на данномъ участкѣ земли даетъ не пропорціональное (т.-е. не двойное) количество продуктовъ, а нѣсколько меньшее; поэтому обыкновенно бываетъ выгоднѣе не затрачивать на томъ же участкѣ дополнительнаго количества труда, а тратить его на новомъ, даже гораздо худшемъ участкѣ. „Когда удвоится число населенія, говоритъ Чернышевскій, т.-е. и число хлѣбопашцевъ, то они могутъ пахать и боронить прежнія 200 десятинъ вдвое лучше прежняго, т.-е. употреблять на нихъ вдвое больше труда. Но отъ удвоенія труда на десятинѣ десятина не дастъ вдвое больше хлѣба. Изъ чего же видно, что не дастъ она? Вотъ изъ чего: если бы отъ удвоенія труда на десятинѣ удваивался продуктъ ея, то не было бы разсчета вмѣстѣ съ этимъ увеличеніемъ труда на прежнихъ земляхъ лучшаго качества обращать подъ распашку новыя земли худшаго качества. Между тѣмъ новыя земли распахиваются: это значитъ, что обращеніе прибавочнаго труда на прежнія земли не болѣе выгодно, чѣмъ обращеніе труда на новыя земли, худшія прежнихъ“ (VII, 252). Этотъ законъ можно объяснить тѣмъ, что однимъ изъ фактовъ земледѣльческаго производства служитъ совершенно опредѣленное и немогущее возрастать количество свѣта и тепла, посылаемыхъ солнцемъ на единицу земельной площади. Если обозначимъ количество труда черезъ A, а количество тепла и свѣта черезъ S, то при удвоеніи количества труда общая сумма дѣйствующихъ факторовъ (2 A + S) будетъ не вдвое больше первоначальной, а всего въ $1^1/_2$ или въ $1^3/_4$ и т. п. [1])

Нетрудно видѣть, что законъ убывающей производительности труда не распространяется на промышленность. По словамъ Чернышевскаго, „никто не говоритъ, что количеству одежды, жилищъ и другихъ надобностей, кромѣ пищи,

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ и вообще о законѣ убывающаго плодородія почвы см. у *Булгакова*. „Капитализмъ и земледѣліе“, т. I, стр. 1—21.— Замѣтимъ, что *Марксъ* упоминаетъ объ этомъ законѣ только мимоходомъ, при чемъ въ I томѣ „Капитала“ (стр. 442) отзывается о немъ отрицательно; наоборотъ, въ III томѣ (стр. 613—614) онъ, повидимому, признаетъ его.

трудно возрастать съ такою же быстротою, какъ размножается населеніе" (VII, 297). Это очень хорошо объяснено Миллемъ. „Всѣ матеріалы мануфактурныхъ продуктовъ получаются изъ земли, говоритъ Милль, а многіе собственно отъ земледѣлія, которое въ особенности доставляетъ весь матеріалъ одежды: потому общій законъ уменьшенія выручки долженъ прилагаться не только къ земледѣльческой, но въ сущности и къ мануфактурной промышленности... Но стоимость матеріала составляетъ обыкновенно лишь очень малую долю, по своей суммѣ, стоимости мануфактурнаго продукта, и земледѣльческій трудъ въ производствѣ мануфактурныхъ товаровъ лишь незначительная доля всего труда, употребляемаго на нихъ. А весь остальной трудъ имѣетъ постоянную и сильную тенденцію уменьшаться пропорціонально возрастанію населенію. Мануфактурное производство гораздо болѣе земледѣлія способно къ приложенію механическихъ усовершенствованій и сберегающихъ трудъ изобрѣтеній... Потому въ мануфактурной промышленности причины, ведущія къ увеличенію ея производительности далеко перевѣшиваютъ единственную причину, ведущую къ ея уменьшенію, и возрастаніе производства, вызываемое прогрессомъ общества, происходитъ не съ возрастаніемъ, а съ постояннымъ уменьшеніемъ пропорціи стоимости" (VII, 235).

Итакъ, законъ паденія производительности труда не относится къ обрабатывающей промышленности, но несомнѣнно касается земледѣлія. Если бы Мальтусъ и не имѣлъ въ виду этого закона, то все же онъ имѣетъ прямое отношеніе къ вопросу о томъ, можетъ ли возросшее населеніе имѣть достаточныя средства для существованія. Но Мальтусъ и въ особенности Дж. Ст. Милль, его послѣдователь, несомнѣнно затрагивали эту сторону дѣла. „Мы прочли у Милля, очень вѣрно передающаго мысли Мальтуса, говоритъ Чернышевскій, что это пониженіе средней пропорціи земледѣльческаго продукта или производительности земледѣлческаго труда относится только къ тѣмъ обстоятельствамъ, когда не происходитъ прямыхъ улучшеній въ земледѣльческихъ процессахъ, или такихъ улучшеній въ другихъ отрасляхъ дѣятельности, которыя отражались бы благопріятнымъ образомъ или на всякомъ трудѣ вообще, или на земледѣльческомъ трудѣ въ частности" [1]).

1) Нужно замѣтить, что въ сочиненіяхъ Мальтуса можно найти мѣста какъ въ томъ, такъ и въ другомъ духѣ (и даже скорѣе можно

Переходимъ теперь къ размѣрамъ паденія производительности земледѣльческаго труда. Чернышевскій справедливо упрекаетъ экономистовъ, что они уже нѣсколько десятковъ лѣтъ твердятъ „вслѣдъ за Мальтусомъ о прогрессивномъ уменьшеніи производительности земледѣльческаго труда, а между тѣмъ никто изъ нихъ до сихъ поръ не позаботился собрать какія нибудь статистическія данныя, относящіяся къ этой прогрессіи“ (VII, 253). Съ тѣхъ поръ, какъ писалъ это Чернышевскій, дѣло мало подвинулось впередъ, по крайней мѣрѣ проф. Эльстеръ говоритъ слѣдующее: „относительно увеличенія средствъ продовольствія вообще нѣтъ еще достаточныхъ данныхъ. Мы не знаемъ даже наивысшей возможной степени интенсивности земледѣлія“. („Народонас.“, стр. 201). Справедливость требуетъ, однако, прибавить, что общее рѣшеніе этого вопроса, при разнообразіи почвенныхъ и климатическихъ, техническихъ и общественныхъ условій, крайне затруднительно.

IV.

Устраненіе дефицита вслѣдствіе закона убывающаго плодородія почвы.

Заслуга Чернышевскаго и состоитъ въ томъ, что онъ выдѣлилъ цѣнные элементы теоріи Мальтуса, а затѣмъ съ замѣчательной силой и ясностью поставилъ и разрѣшилъ основной, относящійся сюда вопросъ: „*какой размѣръ улучшеній необходимъ для уравновѣшенія недочета въ продуктѣ, происходящаго отъ меньшей производительности труда прибылыхъ работниковъ по сравненію съ прежними*“. (VII, 255).

Чернышевскій, какъ и другіе экономисты, не имѣлъ точныхъ данныхъ о паденіи производительности земледѣльческаго труда, но это не помѣшало ему справиться съ вопросомъ, отъ котораго экономисты малодушно убѣгали подъ сѣнь Мальтусовыхъ формулъ, и дать на него ясный и категорическій отвѣтъ. Онъ разсуждалъ такъ. Мы не знаемъ дѣйствительнаго паденія производительности, но мы знаемъ, что въ прогрессіяхъ Мальтуса оно несомнѣнно преувеличено, и потому, если мы возьмемъ пропорцію паденія, соот-

предположить, что Мальтусъ считалъ, что земледѣльческіе продукты растутъ въ ариѳметической прогрессіи при всѣхъ улучшеніяхъ труда).

вѣтствующую прогрессіямъ Мальтуса, и вычисливъ нужное при этомъ возрастаніе производительности труда, то полученная цифра будетъ во всякомъ случаѣ выше необходимой.

Такъ какъ въ прогрессіяхъ Мальтуса (ростъ населенія: 1, 2, 4, 8, 16, 32... ростъ продовольствія: 1, 2, 3, 4, 5, 6...) продуктъ за каждый періодъ возрастаетъ на 1, а населеніе на 1, 2, 4, 8..., то производительность труда новыхъ работниковъ, очевидно падаетъ въ прогрессіи 1, $^1/_2$, $^1/_4$, $^1/_8$..., т.-е. уменьшается пропорціонально росту населенія. Легко провѣрить, что именно эти коэффиціенты производительности соотвѣтствуютъ прогрессіямъ Мальтуса. Въ самомъ дѣлѣ, начнемъ со 2-го члена; когда населеніе и продовольствіе соразмѣрны, выражаясь числомъ 2. Затѣмъ населеніе увеличивается до 4 единицъ, т.-е. прибавляются два новыхъ работника. Производительность ихъ труда будетъ меньше прежней (=1) во столько разъ, во сколько возрасло населеніе, т.-е. будетъ равна $^1/_2$, такъ что эти два работника произведутъ $2 \times {}^1/_2 = 1$ продукта, а вмѣстѣ съ прежнимъ 3 единицы, какъ и слѣдуетъ по прогрессіи Мальтуса. Затѣмъ населеніе опять увеличится вдвое, прибавится 4 новыхъ работника, ихъ производительность $= {}^1/_2 : 2 = {}^1/_4$, они произведутъ 1 продукта, а вмѣстѣ съ прежними 3 единицы, какъ и слѣдуетъ по прогрессіи, и т. д.

Отсюда легко вывести формулу такого роста производительности труда, который уравновѣсилъ бы дефицитъ отъ меньшей производительности труда новыхъ работниковъ. У Чернышевскаго выводъ (стр. 259 и 260) слишкомъ сложенъ, а конечная формула не совсѣмъ удобна; мы постараемся сдѣлать это какъ можно проще. Пусть въ начальный моментъ, когда продовольствія достаточно, число населенія $=A$ (напр., 2000 человѣкъ); производительность ихъ труда примемъ за 1. За годъ населеніе увеличится на N, (напримѣръ, 70 человѣкъ), т.-е. на $\frac{N}{A}$ 100 процентовъ (на $\frac{70}{2000}$ $100 = 3,5\%$). Производительность труда этихъ новыхъ N работниковъ будетъ, по принятому нами закону, меньше прежней во столько разъ, во сколько разъ увеличилось населеніе, т.-е. въ $\frac{A+N}{A}$ разъ; значитъ, будетъ равна не 1, а $\frac{A}{A+N}$. Поэтому новые работники произведутъ $\frac{AN}{A+N}$ еди-

ницъ продукта, старые попрежнему A, а всего $A+\frac{AN}{A+N}$ Между тѣмъ для пропитанія A+N работниковъ надо A+N единицъ продукта, т.-е. производительность труда должна увеличиться въ $(A+N):(A+\frac{AN}{A+N})$ разъ, или, сдѣлавъ преобразованія, въ $\left(1+\frac{N^2}{A^2+2AN}\right)=\left(1+\frac{\left(\frac{N}{A}\right)^2}{1+\frac{2N}{A}}\right)$ разъ. Обозначимъ процентъ прироста населенія $\left(=100\frac{N}{A}\right)$ черезъ q: тогда $\frac{N}{A}=\frac{q}{100}$ и потому формула пріобрѣтаетъ такой видъ: производительность труда всѣхъ работниковъ должна ежегодно увеличиваться въ $\left(1+\frac{q^2}{100\ (100+2q)}\right)$ разъ [1]).

Такъ какъ процентъ размноженія q никогда не превышаетъ 2, (что соотвѣтствовало бы 35-лѣтнему періоду удвоенія), то легко видѣть, что производительность труда должна ежегодно расти въ очень незначительной пропорціи (менѣе чѣмъ въ 1,00038 раза или менѣе чѣмъ на 0,38%). Чтобы получить необходимый ростъ производительности за нѣсколько (t) лѣтъ, надо ежегодную пропорцію прироста возвести въ степень t. Такъ что, напримѣръ, при удвоеніи населенія въ 35 лѣтъ, производительность труда каждаго работника въ теченіе столѣтія должна возрасти въ $1{,}00038^{100}=$ $=1{,}03877$ разъ,т.-е. всего на 3,9%. Даже если мы возьмемъ явно невозможный періодъ удвоенія въ 12 лѣтъ, что соотвѣтствуетъ проценту размноженія 5,94631, то и тогда, для соотвѣтствія населенія и продовольствія, производительность труда всѣхъ работниковъ въ теченіе вѣка должна увеличиться всего въ1,36958 разъ, т.-е. *всего на 37%*. Это значитъ, говоритъ Чернышевскій, что въ „земледѣльческой техникѣ или въ удобреніи почвы, или въ способахъ огражденія посѣва отъ дурной погоды, или вообще въ какомъ бы то ни было изъ элементовъ, имѣющихъ вліяніе на количество жатвы, должны

1) У Чернышевскаго (стр. 260) формула имѣетъ такой видъ: $\frac{(A+N)^2}{(A+N)^2-N^2}$ гдѣ A и N имѣютъ тѣ же значенія, что у насъ. Эта формула можетъ быть преобразована въ данную нами; для пользованія она гораздо менѣе удобна.

произойти въ теченіе вѣка такія улучшенія, чтобы одинъ земледѣлецъ, воздѣлывая данное число десятинъ, въ концѣ столѣтія могъ собрать хлѣба съ этихъ десятинъ на 37% больше, чѣмъ собиралъ съ нихъ въ началѣ столѣтія. Напримѣръ, если въ 1860 году земледѣлецъ, обрабатывающій 4 десятины, собираетъ съ нихъ 10 четвертей хлѣба, то въ теченіе слѣдующаго вѣка надобно произвести улучшенія, которыя давали бы возможность въ 1960 году также одному земледѣльцу собрать съ этихъ 4 десятинъ около $13\frac{3}{4}$ четвертей хлѣба. [1]). При такой пропорціи улучшеній люди до 1960 года не будутъ чувствовать недостатка въ продовольствіи, размножаясь съ быстротой, удваивающей число ихъ въ каждые 12 лѣтъ. Конечно, при такой быстротѣ размноженія, постепенно будетъ являться на 4 десятинахъ вмѣсто одного хлѣбопашца 2 работника, потомъ 3, 4 и т. д. 10, 11, 12 работниковъ и т. д.; прибавка каждаго новаго работника на этихъ 4 десятинахъ будетъ увеличивать продуктъ ихъ въ пропорціи нѣсколько меньшей того, на сколько увеличилось количество труда отъ прибавки этого работника къ прежнимъ. Но все таки при такомъ ходѣ земледѣльческихъ улучшеній, который равняется 37% на цѣлое столѣтіе, постоянно будетъ собираться съ этихъ 4 десятинъ количество продукта, дающее въ общей сложности попрежнему 10 четвертей на каждаго изъ обрабатывающихъ эти 4 десятины землепашцевъ". (VII,261).

Вообще „если мы примемъ явно преувеличенную прогрессію ослабленія производительности земледѣльческаго труда, принимаемую Мальтусомъ, и если мы примемъ какой угодно краткій періодъ удвоенія, хотя бы явно невозможный по устройству организма, мы все таки получимъ, что для предотвращенія дефицита нужно было бы усовершенствованіе земледѣльческой техники лишь въ такомъ размѣрѣ, который гораздо меньше дѣйствительнаго прогресса въ земледѣльческомъ искусствѣ. Размѣръ земледѣльческихъ улучшеній, требуемый для предотвращенія дефицита, даже при быстротѣ размноженія, далеко превышающей физическія силы организма, такъ малъ, что всегда во всѣхъ прогрессирующихъ странахъ дѣйствительное улучшеніе земледѣль-

---

[1]) Чернышевскій ошибся. Производительность труда должна возрасти на 37%, чтобы получить черезъ 100 лѣтъ *то же самое* количество хлѣба, т.-е. 10 четвертей на одного работника.

ческой техники шло гораздо быстрѣе". [1]) Такимъ образомъ, ростъ населенія самъ по себѣ не представляетъ никакой опасности для общества, такъ какъ для доставленія возрастающему населенію достаточнаго продовольствія нужно такое небольшое увеличеніе производительности труда, которое легко осуществимо при нынѣшнемъ состояніи знаній, а тѣмъ болѣе при ихъ грядущемъ расцвѣтѣ. Итакъ, вопреки Мальтусу, „нищета происходитъ не отъ закона природы, а просто отъ человѣческихъ отношеній".

Поразительные выводы, къ которымъ пришелъ Чернышевскій, имѣютъ математическую достовѣрность [2]). Чтобы читатель лучше понялъ, какимъ образомъ даже при громадномъ ростѣ населенія необходимы столь незначительныя усовершенствованія, Чернышевскій приводитъ наглядное сравненіе. (Мы нѣсколько измѣняемъ его примѣръ, чтобы онъ больше подходилъ къ данному случаю). Пусть кто нибудь занялъ 100 рублей по 5%. Чтобы его долгъ не росъ, ему достаточно уплачивать ежегодно по 5 рублей. Если онъ этого не будетъ дѣлать, то долгъ его будетъ быстро рости и, напримѣръ, черезъ 50 лѣтъ, какъ легко вычислить по формулѣ сложныхъ процентовъ, кромѣ основнаго долга 100 рублей, нарастетъ еще 1046 р. 70 к. процентовъ. Такимъ образомъ, если платить своевременно по 5 рублей въ годъ (т.-е. уплатить за 50 лѣтъ 250 рублей), то не придется платить гораздо большей суммы 1046 р. 70 к. Пусть это лицо уплачиваетъ ежегодно проценты, но не всѣ 5 рублей, а только 4; тогда долгъ будетъ расти гораздо медленнѣе, но все таки черезъ 50 лѣтъ нарастетъ процентовъ 151 р. 47 к., какъ нетрудно вычислить по соотвѣтствующимъ формуламъ. Этотъ именно случай соотвѣтствуетъ нашему вопросу. Населеніе ежегодно растетъ и ежегодно же новые работники вступаютъ въ производство; хотя трудъ ихъ менѣе производителенъ (что соотвѣтствуетъ уплатѣ не всѣхъ причитающихся процентовъ, а только части ихъ), но вслѣдствіе этихъ ежегод-

---

1) VII. 281. Ср. выводъ г. Маслова: „*Техническій прогрессъ въ земледѣліи, говоритъ онъ, уравновѣшиваетъ дѣйствіе закона убывающаго плодородія почвы при новыхъ затратахъ на нее труда и капитала*". (Курсивъ г. Маслова). „Агр. вопр. въ Россіи", 3-ье изд., стр. 76.

2) „Ходъ доказательства здѣсь, какъ и вездѣ у Чернышевскаго, безспоренъ (unantastbar)", говоритъ Каутскій (Tchernischevsky und Malthus, s. 76); но по его мнѣнію, Чернышевскій исходитъ изъ невѣрныхъ предположеній. Объ этомъ ниже.

ныхъ уплатъ долга, онъ будетъ расти гораздо медленнѣе. Чтобы онъ совершенно не росъ, нужны очень незначительныя ежегодныя усовершенствованія въ производствѣ,—точно также, какъ доплачивая ежегодно еще по 1 рублю и уплативъ за 50 лѣтъ 50 рублей, мы избавляемся отъ уплаты 151 р. 47 к. Такимъ образомъ, незначительность необходимыхъ улучшеній объясняется (и обусловливается) тѣмъ, что все ежегодно возрастающее населеніе (или постоянный процентъ его) принимаетъ участіе въ трудѣ и тѣмъ какъ бы погашаетъ часть лежащаго на немъ долга; а остальная часть (возмѣщеніе меньшей производительности труда новыхъ работниковъ) распредѣляется между всѣмъ населеніемъ.

Разумѣется, абсолютное количество продуктовъ должно рости пропорціонально населенію, но возможность неограниченнаго роста продуктовъ никѣмъ не оспаривалась, даже Мальтусомъ. Современная наука, какъ мы увидимъ, смотритъ еще болѣе оптимистически.

Если же необходимыя улучшенія не будутъ своевременно производиться, или если пропорція трудящихся (собственно земледѣльцевъ) среди возросшаго населенія будетъ уменьшаться, тогда, разумѣется, потребуется гораздо большій ростъ производительности, и возможно, что продовольствія окажется недостаточно. Отсюда ясно, что въ соціалистическомъ строѣ, съ его сознательной, планомѣрной организаціей производства и обязательной трудовой повинностью для всѣхъ способныхъ къ труду, ростъ населенія не представитъ никакихъ общественныхъ затрудненій.

V.

Каутскій и Плехановъ объ ученіи Чернышевскаго.

Остановимся вкратцѣ на возраженіяхъ Каутскаго и г. Плеханова противъ этихъ выводовъ Чернышевскаго. Каутскій указываетъ на то, что, во-первыхъ, „плодородіе почвы вещь очень прихотливая, его никакъ нельзя выразить математическими формулами“, во-вторыхъ, что „успѣхи земледѣлія направлены не столько къ тому, чтобы получить при той же работѣ бо́льшее количество продуктовъ, сколько къ тому, чтобы то же количество продуктовъ на данной площади получить съ меньшей затратой труда“. Такъ что „про-

изводительность почвы растетъ гораздо медленнѣе, чѣмъ производительность прилагаемаго къ ней труда... Если населеніе за 100 лѣтъ увеличится въ 16 разъ, то, конечно, вмѣсто одного работника могутъ обрабатывать поле 16 человѣкъ, но сомнѣваюсь, чтобы вслѣдствіе такого возрастанія труда и добавочныхъ улучшеній въ размѣрѣ 9% (какъ требуется по формулѣ Чернышевскаго.—М. А.), чтобы вслѣдствіе этого стебли стали приносить въ 16 разъ болѣе зеренъ, чтобъ деревья росли въ 16 разъ быстрѣе, а скотъ размножался въ 16 разъ скорѣе, чѣмъ теперь. Трудъ людей только до извѣстной степени можетъ содѣйствовать этимъ естественнымъ процессамъ, за этими предѣлами онъ безсиленъ" (стр. 76 и 77).

Вотъ въ сущности и всѣ возраженія Каутскаго противъ основного положенія Чернышевскаго, что незначительный ростъ улучшеній въ земледѣльческомъ трудѣ достаточенъ для продовольствія растущаго населенія. Врядъ ли ихъ можно признать основательными. Если измѣненія плодородія земли трудно выразить точной формулой, то мы можемъ взять формулу, завѣдомо невыгодную для насъ и потому пригодную для нашихъ разсчетовъ,—какъ это и сдѣлалъ Чернышевскій. Если успѣхи земледѣлія имѣли до сихъ поръ въ виду вытѣсненіе рабочихъ рукъ въ интересахъ капиталистовъ, то въ будущемъ обществѣ они могутъ и должны направиться на увеличеніе количества земледѣльческихъ продуктовъ. Уже и теперь агрономія раскрываетъ передъ нами грандіозныя перспективы. „Нельзя даже приблизительно указать предѣлы, которые могутъ быть достигнуты теоретическимъ знаніемъ силъ, дѣйствующихъ въ сельскомъ хозяйствѣ". (Исаевъ. „Нач. полит. экон.", стр. 702). „Наши средства къ добыванію изъ земли всего, что намъ нужно, говоритъ Крапоткинъ, при какомъ бы то ни было климатѣ и при какой бы то ни было почвѣ, настолько усовершенствовались въ послѣднее время, что трудно предвидѣть предѣлы производительности земли" [1]). Конечно, деревья не станутъ рости въ 16 разъ быстрѣе, чѣмъ теперь, и скотъ тоже не можетъ размножаться скорѣе въ 16 разъ, но ко-

[1]) Крапоткинъ. „Земледѣліе, фабрично-заводская и кустарная промышленность". Пер. Коншина, стр. 87. См. также крайне интересную главу „Земледѣліе" въ книгѣ Крапоткина „Завоеваніе хлѣба". (СПБ. 1906, изд. Яковенко).

лосья, какъ показываютъ опыты, могутъ имѣть зеренъ въ десятки разъ больше, чѣмъ теперь, деревья тоже смогутъ приносить больше плодовъ, люди могутъ держать гораздо больше скота и гораздо лучшаго качества, такъ что недостатка въ продовольствіи не будетъ [1]).

Г. Плехановъ указалъ нѣсколько дѣйствительныхъ ошибокъ Чернышевскаго, но очень мелкихъ и неважныхъ, почти описокъ, не имѣвшихъ никакого значенія для его выводовъ. Какъ мы видѣли, прогрессіямъ Мальтуса соотвѣтствуетъ уменьшеніе производительности труда новыхъ работниковъ въ той же *пропорціи* (или *прогрессіи*), „въ какой возрастаетъ количество этихъ прибавляющихся работниковъ", (или всего населенія). Но кромѣ этой правильной формулировки, Чернышевскій даетъ и неправильную, употребляя вмѣсто слова *„прогрессія"* слово *„процентъ"*: „процентъ размноженія работниковъ, говоритъ онъ, служитъ процентомъ уменьшенія производительной силы труда прибывающихъ работниковъ" (VII, 254). Разумѣется, это невѣрно, такъ какъ число работниковъ увеличивается за каждый періодъ на 100%, производительность же ихъ труда не можетъ уменьшиться на 100%, ибо это значитъ обратиться въ нуль. Легко убѣдиться, что это простая обмолвка Чернышевскаго. Такъ, онъ говоритъ, что „процентъ размноженія равняется числу населенія 1 января второго года, дѣленному на число населенія 1 января перваго года" (VII, 259). Но это отношеніе вовсе не называется процентомъ. Если, напримѣръ, 1 января перваго года было 100 человѣкъ населенія, а 1 января второго года—105, то процентъ размноженія не $\frac{105}{100}=1{,}05$, а 5%. Въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ Чернышевскій пользуется именно отношеніемъ $\frac{105}{100}$, а не процентомъ. Такимъ образомъ, Чернышевскій дѣлаетъ ошибку только въ словахъ. А между тѣмъ на этой обмолвкѣ, какъ мы увидимъ, въ значительной мѣрѣ основывается критика г. Бельтова, (который однажды и самъ дѣлаетъ ту же ошибку, стр. 224).

---

[1]) Каутскій указываетъ кромѣ того, что при возрастаніи населенія потребуется все большая площадь земли для жилищъ и т. п., и она, по его мнѣнію, должна быть отнимаема у земледѣлія. Это было бы вѣрно, если бы постройки будущаго имѣли такой же характеръ, какъ теперь, но мы можемъ легко представить себѣ совсѣмъ иной типъ, напр., жилища на столбахъ и сады на кровляхъ.

Далѣе г. Бельтовъ обвиняетъ Чернышевскаго въ томъ, что онъ „считаетъ *неизмѣннымъ быстро увеличивающійся* процентъ уменьшенія производительности труда, т.-е. иначе сказать, принимаетъ *перемѣнную* величину за *постоянную*“ (курс. вездѣ г. Бельтова). Въ дѣйствительности же, по Бельтову, „процентъ увеличенія числа прибылыхъ работниковъ остается неизмѣннымъ, процентъ же уменьшенія ихъ производительной силы быстро растетъ“, такъ что „отождествлять эти два процента нѣтъ ни малѣйшаго основанія“ (стр. 422—423). Какъ видимъ, эта критика основана на упомянутой обмолвкѣ Чернышевскаго и не имѣетъ отношенія къ его разсужденію по существу, такъ какъ въ этихъ разсужденіяхъ онъ признаетъ и учитываетъ непрерывное паденіе производительности труда новыхъ работниковъ.

Далѣе г. Бельтовъ говоритъ, что „сама эта мнимо постоянная величина (уменьшеніе производительности труда— М. А.) оказывается у него (Чернышевскаго) несравненно меньшей, чѣмъ она должна быть по смыслу „Мальтусовой теоремы“. А именно: „процентъ размноженія людей по самымъ преувеличеннымъ разсчетамъ не можетъ превышать 7 (при 12-лѣтнемъ періодѣ удвоенія населенія онъ нѣсколько меньше 6). По смыслу же „Мальтусовой теоремы“ производительность труда уже въ третьемъ періодѣ уменьшается на 50%... Согласитесь, прибавляетъ г. Бельтовъ, что это большая разница, и что ея совершенно достаточно для объясненія тѣхъ поразительныхъ выводовъ, къ которымъ пришелъ Чернышевскій“ (стр. 423).

Это возраженіе въ высшей степени нелѣпо, если даже взять ошибочную формулировку Чернышевскаго (гдѣ вмѣсто пропорціи говорится о процентѣ). Процентъ размноженія, говоритъ г. Бельтовъ, бываетъ не болѣе 7, производительность же труда уменьшается гораздо больше, а именно уже въ третьемъ періодѣ уменьшается на 50%. Но вѣдь процентъ размноженія относится къ увеличенію населенія въ теченіе *одного года*, тогда какъ третій періодъ наступаетъ *черезъ 50 лѣтъ*. Критика г. Бельтова основана на смѣшеніи этихъ различныхъ вещей, т.-е. на такой грубой ошибкѣ, за которую гимназисты младшихъ классовъ получаютъ единицы. (Въ томъ же родѣ разсуждаетъ Бельтовъ на стр. 424—425).

Переходимъ къ болѣе существеннымъ замѣчаніямъ г. Бельтова. Примемъ положенія Чернышевскаго, говоритъ онъ, и

допустимъ, что „въ первомъ году у насъ было 100 работниковъ, во второй ихъ оказывается уже 103. Производительность труда прибылыхъ работниковъ на 3% меньше прежней производительности... Но какъ распредѣляются прибылые работники по земельнымъ участкамъ? Это, конечно, зависитъ отъ обстоятельствъ. Прежде каждый работникъ воздѣлывалъ 4 десятины, а каждые 2 работника воздѣлывали участокъ въ 8 десятинъ. Новые работники распредѣлились, положимъ, такъ, что на трехъ 8-ми десятинныхъ участкахъ теперь работаетъ уже по 3, а не по 2 человѣка, какъ это было прежде. На этихъ участкахъ „размноженіе работниковъ“ будетъ равно 50%. Слѣдовательно, производительная сила ихъ уменьшится на половину (въ дѣйствительности уменьшается производительная сила только *новыхъ* работниковъ—М. А.)... Сообразно съ этимъ увеличится дефицитъ въ земледѣльческомъ производствѣ, а слѣдовательно и размѣръ необходимыхъ улучшеній. Но въ такомъ случаѣ выводы, къ которымъ пришелъ Чернышевскій въ своихъ вычисленіяхъ, потеряли бы всякую убѣдительность, если бы даже и были основательны“. („За 20 лѣтъ“, стр. 426—427).

Это возраженіе (если сдѣлать обычную поправку насчетъ процентовъ и сдѣлать указанное нами въ скобкахъ исправленіе) дѣйствительно имѣетъ значеніе для нынѣшнихъ раздробленныхъ хозяйствъ, когда возросшее населеніе распредѣляется такъ, что одни участки обрабатываются прежнимъ числомъ рабочихъ, а другіе — увеличеннымъ въ большее число разъ, чѣмъ возросло все населеніе. Но это возраженіе не имѣетъ никакой силы для соціалистическаго, т.-е. общественнаго планомѣрно организованнаго хозяйства.

Наконецъ, г. Бельтовъ говоритъ, что взгляды Чернышевскаго, если бы они даже были вѣрны, имѣютъ очень незначительную цѣнность вслѣдствіе своего „крайне отвлеченнаго характера“. „Тамъ, гдѣ надо было бы внимательнѣе всмотрѣться въ окружающую дѣйствительность, Чернышевскій довольствовался формальной правильностью своихъ силлогизмовъ. Но формальная правильность силлогизма еще не ручается за вѣрность вывода. Все зависитъ отъ посылокъ. Посылки же Чернышевскаго строились обыкновенно на нѣсколькихъ цифрахъ, часто очень остроумно истолкованныхъ, но далеко не исчерпывающихъ всего разнообразія разсматриваемыхъ явленій“. Разсужденія Черны-

шевскаго дѣйствительно имѣютъ отвлеченный характеръ, но это не мѣшаетъ имъ быть очень цѣнными. Эта цѣнность ихъ очень рельефно выдѣляется при сопоставленіи ихъ съ взглядами Маркса по вопросу о населеніи. Мы сейчасъ приведемъ ихъ нарочно въ изложеніи г. Бельтова (соотвѣтствующія мѣста см. въ „Капиталѣ", I, гл. 23, § 3, въ особенности стр. 533, изд. 1898 г.).

VI.

Марксъ о законѣ населенія. Выводы.

„Вопросъ о народонаселеніи, говоритъ г. Бельтовъ, разсматривается въ „Капиталѣ", повидимому, *совершенно мимоходомъ, въ нѣсколькихъ словахъ*... (курс. нашъ). Онъ (Марксъ) говоритъ, во-первыхъ, что абстрактные законы населенія существуютъ только для животныхъ и растеній, да и то лишь до тѣхъ поръ, пока законы эти не видоизмѣняются дѣятельностью человѣка... Далѣе Марксъ говоритъ, что для каждаго историческаго способа производства существуетъ свой особый законъ народонаселенія, дѣйствіе котораго ограничивается данной исторической эпохой. Эта мысль... блистательно подтверждается современными статистическими изслѣдованіями о народонаселеніи (въ примѣчаніи г. Бельтовъ ссылается на французскую статистику и въ частности на „Бертильона младшаго и Дюмона". — М. А.). Кромѣ того, Марксъ устанавливаетъ свойственный капиталистическому обществу законъ населенія, который можетъ быть выраженъ такъ: развитіе производительныхъ силъ ведетъ къ образованію и возрастанію относительно излишняго (т.-е. не имѣющаго заработка) населенія, запасной арміи рабочихъ, какъ назвалъ это населеніе Энгельсъ еще въ сороковыхъ годахъ". („За 20 лѣтъ", стр. 408—409).

Вотъ и все. И тѣмъ не менѣе г. Бельтовъ утверждаетъ, что Марксъ „лишь далъ *научное* выраженіе и доказательство (?) тому, о чемъ догадывались его предшественники", а именно, что „нѣтъ одного, общаго для всего человѣчества, *закона народонаселенія*, а есть законы, свойственные различнымъ ступенямъ историческаго развитія" (стр. 395). Но очевидно, что если еще можно формулировать эти законы „совершенно мимоходомъ, въ нѣсколькихъ словахъ", то для доказательства

ихъ нужно, по крайней мѣрѣ нѣсколько страницъ, если не печатныхъ листовъ.

Посмотримъ, какова научная цѣнность выставленныхъ Марксомъ положеній. По его мнѣнію, абстрактные законы размноженія существуютъ только для растеній и животныхъ (да и то пока не вмѣшивается человѣкъ) и не существуютъ для людей, у которыхъ размноженіе различно въ различныя эпохи. Это не совсѣмъ вѣрно. Абстрактные законы въ одинаковой мѣрѣ существуютъ для каждаго вида органическаго міра, въ томъ числѣ и для людей, подобно тому, какъ законъ тяготѣнія дѣйствуетъ на каждой планетѣ. Притяженіе вездѣ заставляетъ тѣла падать равно-ускоренно (хотя и съ различной скоростью на различныхъ планетахъ); точно также всѣ организмы *имѣютъ тенденцію* размножаться въ болѣе или менѣе опредѣленной, т.-е. заключенной между опредѣленными предѣлами геометрической прогрессіи. Но въ конкретной сложной дѣйствительности эти законы никогда не проявляются въ чистомъ видѣ. Вслѣдствіе сопротивленія воздуха и вообще вліянія среды, паденіе тѣлъ въ дѣйствительности не происходитъ равно-ускоренно, какъ этого требуетъ „абстрактный законъ". Точно также размноженіе даже дикихъ растеній и животныхъ (какъ это указывалъ еще Ланге въ его „Рабочемъ вопросѣ") никогда не слѣдуетъ абстрактнымъ законамъ, которые являются только тенденціями, измѣняющимися въ сложной дѣйствительности. Задача всѣхъ, такъ назыв., эволюціонныхъ наукъ (исторіи земли, исторіи органическаго міра, человѣческой исторіи и въ частности ученія о населеніи) и состоитъ прежде всего въ установленіи такихъ тенденцій, абстрактныхъ законовъ, а затѣмъ въ суммированіи ихъ и въ опредѣленіи видоизмѣняющаго вліянія окружающей среды. Такъ и понималъ свою задачу Чернышевскій. Наука, говоритъ онъ, „всегда начинаетъ разъясненіе вопросовъ тѣмъ, что приводитъ ихъ въ наипростѣйшій видъ, условно отвлекая сущность дѣла отъ всѣхъ постороннихъ обстоятельствъ, которыми измѣняется оно въ дѣйствительности. Но, по разъясненіи сущности дѣла, наука обращается къ разсмотрѣнію формъ, которыми облекается оно въ дѣйствительности подъ вліяніемъ другихъ элементовъ общественной жизни" (VII, 286).

Такимъ образомъ, наука, достойная этого имени, непремѣнно должна дать абстрактные законы данной области явленій. Удовлетворяютъ ли этому требованію воззрѣнія Маркса?

Очевидно, что нѣтъ. Сущность ученія Маркса о населеніи состоитъ въ томъ, что для „каждаго историческаго способа производства существуетъ свой особый законъ народонаселенія, дѣйствіе котораго ограничивается данной исторической эпохой". Такъ какъ Марксъ не говоритъ, каковы именно эти законы, то его положеніе сводится къ простому указанію на тотъ фактъ, что въ различныя эпохи населеніе росло различнымъ образомъ.—Но въ такомъ утвержденіи столько же научности, сколько въ констатированіи любого факта, напр., что Волга течетъ въ Каспійское море, или что люди бываютъ различнаго роста [1]).

Г. Бельтовъ говоритъ, что и самъ Марксъ доказалъ свои законы, и „современныя статистическія изслѣдованія" блистательно подтвердили ихъ. Хотя Марксъ въ дѣйствительности не занимался этими доказательствами, но, собственно говоря, его „законы" и не нуждаются въ ученыхъ доказательствахъ. И безъ того очевидно, что вслѣдствіе разнообразія и измѣненій окружающей природной и исторической среды, населеніе росло различнымъ образомъ въ разные періоды и въ различныхъ странахъ. Мы уже упомянули о значительныхъ колебаніяхъ процента прироста населенія въ различныхъ европейскихъ странахъ (отъ 0,45% до 1,35%). Все это происходитъ въ одинъ и тотъ же „историческій періодъ" (даже за одни и тѣ же 70-ые годы), такъ что одно изъ двухъ: или и для этого періода нѣтъ одного общаго для всѣхъ европейскихъ странъ закона народонаселенія, или же конкретныя различія не исключаютъ, а только видоизмѣняютъ основную тенденцію, которую и предстоитъ прежде всего опредѣлить. Очевидно, что вѣрно это послѣднее, и столь же очевидно, что въ разсужденіяхъ Маркса научное изслѣдованіе еще и не начиналось, еще не были научно поставлены и самые вопросы теоріи народонаселенія, т.-е. вопросы о томъ, каковы естественныя тенденціи его роста и каково осложняющее вліяніе среды [2]).

---

1) См. объ этомъ *Водовозовъ*. „Этюды", стр. 56.

2) Приведенный выше Марксовъ законъ народонаселенія въ капиталистическомъ обществѣ касается не роста населенія, а роста безработицы, вліяніе которой на ростъ населенія не совсѣмъ установлено. Такъ, въ книгѣ о „народонаселеніи", съ одной стороны, утверждается, что „необезпеченность существованія и отсутствіе надежды измѣнить свое положеніе въ этомъ отношеніи всего болѣе вліяютъ на чрезмѣрное увеличеніе населенія" (стр. 206), а съ дру-

***

Г. Бельтовъ признаетъ, что „окончательный выводъ Чернышевскаго не подлежитъ сомнѣнію: не законы природы а взаимныя отношенія людей, общественныя отношенія, причиняютъ бѣдность рабочаго класса". Но такъ какъ онъ считаетъ критику Чернышевскаго неправильной, то посмотримъ, каковы его собственныя возраженія противъ Мальтуса. „Чтобы доказать несостоятельность Мальтусовой теоріи народонаселенія, говоритъ онъ, слѣдовало прежде всего указать на то, что по Мальтусу буржуазное общество одновременно страдаетъ и отъ перепроизводства, и отъ перенаселенія. Подобное опроверженіе было бы, какъ выражаются математики, *необходимымъ* и *достаточнымъ*" (стр. 440). — Въ дѣйствительности такое возраженіе совершенно недостаточно, потому что оно относится только къ современному буржуазному обществу. Мальтусъ, разумѣется, былъ не правъ, считая, что средствъ существованія не хватаетъ уже въ настоящее время. Но даже признавъ эту частную ошибку, Мальтусъ и его послѣдователи могли бы возразить, что, дѣйствительно, въ начальныхъ членахъ прогрессіи Мальтуса еще нѣтъ несоотвѣтствія между населеніемъ и средствами существованія, но оно неизбѣжно является впослѣдствіи. Такъ и смотрятъ, напримѣръ, Каутскій и Менгеръ. Какъ мы видѣли, Каутскій считаетъ, что теперь и въ ближайшемъ будущемъ перенаселенія еще нѣтъ, но оно наступитъ въ будущемъ, и „эта опасность даже тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе стараются распространить счастье и благосостояніе".

Что же отвѣчаетъ на это г. Бельтовъ? Буквально слѣдующее: „Мы не можемъ найти законъ народонаселенія свойственный еще не существующему обществу... А если на этомъ основаніи намъ вздумаютъ грозить *перенаселеніемъ*, которое, по мнѣнію мальтузіанцевъ, неизбѣжно при соціалистическомъ порядкѣ, мы отвѣтимъ, что, во-первыхъ, современное состояніе производительныхъ силъ очень далеко отодвигаетъ для цивилизованныхъ странъ *физическій* предѣлъ размноженія, а во-вторыхъ, если человѣчеству и придется когда-нибудь бороться съ перенаселеніемъ, то ему гораздо удобнѣе будетъ бороться съ нимъ, имѣя дѣло съ раціонально организованнымъ производствомъ и всесторонне раз-

---

гой, тамъ же говорится, что „хорошая и обильная пища повышаетъ плодовитость" (стр. 202).

витыми производителями, чѣмъ при нынѣ существующемъ общественномъ устройствѣ, основанномъ на угнетеніи рабочей массы и на господствѣ продукта надъ производителемъ" (стр. 40).

Очевидно, что это совсѣмъ не отвѣтъ. Мы знаемъ, что и въ будущемъ обществѣ населеніе будетъ расти въ геометрической прогрессіи, что законъ убывающаго плодородія почвы будетъ имѣть силу и тогда. Поэтому несоотвѣтствіе между населеніемъ и средствами существованія можетъ быть устранено или регулированіемъ прироста населенія или же достаточнымъ развитіемъ производительности труда. Каутскій, подобно многимъ послѣдователямъ Мальтуса, предлагаетъ первое средство, а именно „превентивныя средства въ половыхъ отношеніяхъ". Какъ бы мы ни относились къ этому съ этической точки зрѣнія, но несомнѣнно, что люди, вродѣ Каутскаго, предлагающіе это, относятся серьезно къ этому серьезному вопросу. Чернышевскій показалъ, что опасность перенаселенія легко устраняется вторымъ способомъ, т.-е. развитіемъ производительности труда, такъ что „превентивныя" и т. п. средства являются просто ненужными. Зная это, мы можемъ спокойно смотрѣть впередъ.

Нетрудно, конечно, ариѳметически показать, что когда нибудь, при нынѣшней скорости размноженія, людямъ негдѣ будетъ повернуться на землѣ и даже стоять рядомъ; но дѣло науки не гадать о томъ, что будетъ (или не будетъ) черезъ тысячу лѣтъ, когда люди, можетъ быть, завоюютъ воздухъ и небо, а разсуждать въ предѣлахъ ея предвидѣнія. Такъ и дѣлаетъ оптимистическая теорія Чернышевскаго. „Думайте о томъ, какъ вамъ устроить вашу жизнь, говоритъ онъ, а заботу о судьбѣ праправнуковъ оставьте праправнукамъ. Вы можете видѣть, что и ваши дѣти и внуки могутъ уже обезпечить себя отъ нищеты,—ну, пусть этого и будетъ довольно съ васъ: черезъ 200 лѣтъ люди будутъ смѣяться надъ вашими надеждами на будущее, какъ надеждами слишкомъ мелкими, надъ вашими опасеніями за будущее, какъ опасеніями, проистекавшими только изъ вашей дикости". (VII, 280).

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Подведемъ итоги. *Философскія* воззрѣнія Чернышевскаго, какъ мы видѣли, характеризуются слѣдующими чертами. Въ качествѣ послѣдователя Фейербаха, онъ отрицательно относится къ матафизикѣ и ея проблемамъ, считая, что въ нашихъ обыденныхъ и научныхъ знаніяхъ мы познаемъ подлинную дѣйствительность. Методы познанія состоятъ, по Чернышевскому, въ томъ, чтобы разсматривать вещи всесторонне и въ ихъ развитіи, не успокаиваясь на опредѣленныхъ выводахъ (діалектическій методъ); впрочемъ, на этомъ послѣднемъ пунктѣ онъ не настаиваетъ и даже, наоборотъ, утверждаетъ, что установленныя положенія точныхъ наукъ могутъ служить для отрицательныхъ и положительныхъ выводовъ въ менѣе точныхъ наукахъ (аналогическій методъ). Въ частности для общественной науки съ ея сложными явленіями Чернышевскій предложилъ гипотетическій методъ изслѣдованія, состоящій въ томъ, чтобы, отвлекаясь отъ запутанныхъ историческихъ фактовъ, оперировать съ отвлеченными категоріями и цифровыми иллюстраціями ихъ. Далѣе, мы находимъ у Чернышевскаго попытки построенія цѣльнаго міровоззрѣнія. Исходя изъ естественнаго, такъ сказать, происхожденія и постепеннаго нарастанія всѣхъ явленій человѣческаго организма, въ томъ числѣ и психическихъ, Чернышевскій слѣдуя Фейербаху, путемъ своеобразнаго примѣненія аналогическаго метода, доказывалъ тождество психическихъ явленій съ матеріальными. Точно также онъ далъ по Гегелю единую формулу развитія для явленій матерьяльнаго и духовнаго міра—возвращеніе высшей стадіи развитія по формѣ къ первоначальной.

Что касается *психологическихъ* и *этическихъ* воззрѣній, то мы видѣли, что, стремясь къ объясненію человѣческаго поведенія изъ единаго принципа, Чернышевскій, слѣдуя Бентаму, представлялъ себѣ психику людей раціоналистически

и въ духѣ гедонизма, по которому мотивомъ поведенія является представленіе удовольствій и разсчетъ выгоды. Слѣдуя той же монистической точкѣ зрѣнія, Чернышевскій старался вывести этическія чувства людей изъ утилитарныхъ соображеній собственной выгоды или даже чисто словесно доказывалъ тождество добра и пользы. Точно также онъ пытался обосновать этическій принципъ равноправія людей, представляющій содержаніе сознательнаго нравственнаго чувства, выгодностью равенства и невыгодностью соціальныхъ явленій, ему противорѣчащихъ,—напр., роскоши однихъ людей при недостаткѣ необходимаго у другихъ. Эта гедонистическая—утилитарная линія у него господствуетъ въ разсужденіяхъ о морали. Но на ряду съ нею Чернышевскій далъ и болѣе широкія волюнтаристическія воззрѣнія на психику человѣка, а также очень цѣнное ученіе о надлежащемъ соотношеніи трехъ видовъ потребностей, какъ условіи индивидуальнаго счастья; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отчетливо намѣтилъ этическій принципъ равноправія людей и проводилъ его во всѣхъ областяхъ общественной жизни.

Именно это волюнтаристическое воззрѣніе господствуетъ въ *соціологическомъ* ученіи Чернышевскаго. Движущими силами общественной жизни являются, по Чернышевскому, различныя потребности людей (матерьяльныя, потребность въ безопасности, интеллектуальныя потребности и др.), для удовлетворенія которыхъ люди ведутъ борьбу съ природой или между собой. Сравнительно съ этими общечеловѣческими мотивами поведенія людей расовыя и національныя особенности имѣютъ очень незначительное и трудно опредѣлимое вліяніе; однако, косвенно, объединяя людей въ враждебныя другъ другу группы, эти особенности (національное чувство и т. п.) играютъ въ исторической жизни значительную роль. Чернышевскій не далъ общей и точной формулировки зависимости между различными сторонами общественной жизни, но въ частныхъ случаяхъ онъ правильно указывалъ на ихъ соотношенія (приспособленіе подчиненной дѣятельности, отраженіе преобладающаго занятія на всей психикѣ людей и т. д.). Далѣе Чернышевскимъ дано превосходное ученіе о прогрессѣ въ удовлетвореніи различныхъ человѣческихъ потребностей, какъ неизбѣжномъ слѣдствіи способности выбирать и усваивать болѣе совершенные пріемы. Двигателемъ прогресса въ этомъ (такъ

сказать, техническомъ) смыслѣ является развитіе знаній, но этотъ прогрессъ является лишь тенденціей, которая можетъ быть парализована противоположными вліяніями. Чернышевскій указалъ также условія общечеловѣческаго или соціально-этическаго прогресса, но онъ обращалъ при этомъ свое вниманіе, главнымъ образомъ, не на классовую и политическую борьбу, а на развитіе просвѣщенія массы и разумное пониманіе ею и всѣми вообще людьми своихъ выгодъ.

Это воззрѣніе находится въ связи съ *экономической* и *соціалистической* системой Чернышевскаго. Какъ мы видѣли, въ своихъ экономическихъ статьяхъ онъ не только широко популяризировалъ политическую экономію, но и далъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе цѣнныхъ положеній относительно теоріи производства, распредѣленія и обмѣна въ существующемъ строѣ. Онъ систематически изслѣдовалъ условія успѣшности производства (его соотвѣтствіе силамъ и способностямъ рабочихъ при надлежащей организаціи раздѣленія труда, а также вліяніе благосостоянія рабочихъ); онъ далъ превосходную теорію абсолютной ренты, и—что особенно важно—его теорія цѣнности (по которой цѣнность товара въ современномъ обществѣ опредѣляется издержками его производства плюсъ средняя прибыль, а въ соціалистическомъ будетъ опредѣляться количествомъ вложеннаго въ продуктъ труда) не только совершенно правильна, но и занимаетъ надлежащее мѣсто въ его экономической системѣ Чернышевскій не ограничился этимъ изученіемъ существующаго строя, но совершенно правильно ставилъ задачей (прикладной) экономической науки его критику, изложеніе основъ нормальнаго общества и указаніе путей и средствъ его осуществленія. Онъ нашелъ, что существующее капиталистическое производство противорѣчитъ условіямъ успѣшности производства вообще; что при системѣ наемнаго труда рабочій не только не можетъ имѣть удовлетворительной платы, но, наоборотъ, эта система обрекаетъ его на положеніе раба, создаетъ неправильную норму мѣновой цѣнности, чрезмѣрное количество торговыхъ сдѣлокъ и т. п. Что касается тенденцій экономическаго развитія, то Чернышевскій, исходя изъ желѣзнаго закона заработной платы, держится въ общемъ такъ назыв. теоріи обнищанія, а также приписываетъ прибыли и рентѣ какую то самопроизвольную способность къ возрастанію. Мы видимъ далѣе, что, по мнѣнію Чернышевскаго, нормальныя условія производства, распредѣленія

и обмѣна продуктовъ осуществляются въ производительныхъ ассоціаціяхъ, которыя представлялись ему въ двухъ видахъ: какъ почти самодовлѣющая община и какъ кооперативное производство фабричнаго типа. Экономическія преимущества тѣхъ и другихъ казались Чернышевскому настолько значительными, что ассоціаціи должны были, по его мнѣнію, быстро вытѣснить капиталистическое производство,— стоило только рабочей массѣ понять выгодность этихъ ассоціацій.

Эта же точка зрѣнія приводится Чернышевскимъ и въ *аграрной* области. Мы видѣли, что, по его мнѣнію, стихійное развитіе сельскаго хозяйства, подъ вліяніемъ „принциповъ наслѣдства, приданаго, даренія, купли и продажи", приводитъ къ концентраціи земельной собственности, съ одной стороны, и крайнему раздробленію ея, съ другой, и вмѣстѣ съ тѣмъ, къ росту крупной капиталистической аренды. Этому тяжелому стихійному процессу, соединенному съ чрезвычайными бѣдствіями рабочей массы, Чернышевскій считалъ возможнымъ и желательнымъ противопоставить устройство рабочихъ ассоціацій, для которыхъ въ Россіи была, по его мнѣнію, вполнѣ подходящая почва въ видѣ выработаннаго *общиной* народнаго воззрѣнія на землю, какъ на общее, а не частное достояніе. Такъ какъ, кромѣ того, община, съ ея уравнительно-передѣльной функціей, могла и сама по себѣ противодѣйствовать стихійному процессу концентраціи и распыленія земельныхъ участковъ, то Чернышевскій чрезвычайно усердно защищалъ общинное землевладѣніе, требуя его законодательнаго закрѣпленія и постепеннаго распространенія на всю земельную площадь. Онъ доказывалъ, вопреки Чичерину, самостоятельное, органическое развитіе общины, какъ института обычнаго народнаго права, сохранившагося съ первыхъ вѣковъ государственной жизни русскаго народа; онъ доказывалъ далѣе выгодность общины сравнительно съ частной собственностью съ точки зрѣнія благосостоянія массы, успѣховъ производства, разумнаго законодательства, намѣтивъ при этомъ всѣ пункты, которые впослѣдствіи развивались другими изслѣдователями; онъ критиковалъ фактическія возраженія противъ ея положительнаго вліянія, и, наконецъ, философскія предубѣжденія противъ нея. Этотъ послѣдній пунктъ, впрочемъ, не имѣетъ значенія.

Что касается ученія о *государствѣ*, то оно у Чернышев-

скаго въ общемъ мало разработано и не систематично, хотя имъ и затронуто большинство основныхъ вопросовъ. Выставивъ принципами государственной дѣятельности справедливость и цѣлесообразность, онъ намѣтилъ,—правда, не совсѣмъ опредѣленно,—троякія ея функціи: огражденіе безопасности, защиту интересовъ лицъ, не могущихъ самостоятельно отстаивать ихъ, и общественную организацію удовлетворенія необходимыхъ потребностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выставилъ очень цѣнное, но не получившее у него развитія положеніе, объ условномъ значеніи государства. По вопросу о формахъ государственнаго устройства Чернышевскій въ общемъ стоялъ на совершенно правильной точкѣ зрѣнія, признавая огромную важность народовластія и парламентаризма, хотя однажды онъ заявилъ, что соціализмъ для экономическихъ реформъ „готовъ жертвовать и свободой слова и конституціонными формами".

Наконецъ, Чернышевскій, исходя изъ критики *Мальтуса*, даетъ очень цѣнныя положенія относительно естественнаго роста населенія и средствъ существованія и остроумно разрѣшаетъ вопросъ о томъ, какова должна быть величина усовершенствованій въ производствѣ, чтобы противодѣйствовать закону убывающаго плодородія почвы. По его мнѣнію, этотъ необходимый ростъ усовершенствованій, при разумной организаціи общественнаго производства, настолько незначителенъ, что онъ не представитъ никакихъ серьезныхъ затрудненій.

* * *

Давая оцѣнку этихъ взглядовъ Чернышевскаго по существу, мы видѣли, въ главѣ *„теоретическая философія"*, что реалистическіе взгляды Чернышевскаго (какъ и Маркса) не были обоснованы критическимъ изслѣдованіемъ нашей познавательной способности, и потому его отказъ отъ метафизики не помѣшалъ ему въ вопросѣ объ отношеніи физическихъ и психическихъ явленій вступить на почву метафизическаго матеріализма. Эти стороны философскаго міровоззрѣнія заимствованы Чернышевскимъ у Фейербаха, у котораго онѣ были недостаточно продуманной реакціей противъ идеалистической метафизики Гегеля. Чернышевскій, какъ и Марксъ, не пошелъ дальше своего учителя, такъ какъ эти положенія были достаточны для его общественныхъ цѣлей: противопоставленіе прежнимъ метафизическимъ и религіознымъ взглядамъ новаго научнаго міровоззрѣнія,

при чемъ большая опредѣленность его антиметафизическихъ и антирелигіозныхъ взглядовъ сравнительно съ Марксомъ, вѣроятно, соотвѣтствуетъ большей рѣзкости общественнаго перелома въ Россіи. Во всякомъ случаѣ то обстоятельство, что отказъ отъ метафизики у него не былъ достаточно обоснованъ, а реакція противъ религіи зашла слишкомъ далеко,—все это указываетъ на спѣшность построенія философскаго міровоззрѣнія, на то, что оно было не самоцѣлью, а средствомъ для другихъ, въ данномъ случаѣ общественныхъ, цѣлей. Это подтверждается также его заимствованіемъ Гегелевской теоріи развитія, очень поверхностной и неудовлетворительной, но на первый взглядъ пригодной для обоснованія общественныхъ идеаловъ Чернышевскаго. Это подтверждается, наконецъ, характерными чертами методологическихъ разсужденій Чернышевскаго. Мы видѣли, что онъ правильно, хотя и не совсѣмъ отчетливо, намѣтилъ общія задачи научнаго изслѣдованія, при чемъ главное его вниманіе было обращено на пріемы „нравственныхъ" и общественныхъ наукъ. Стремясь къ ясности и опредѣленности своихъ соціальныхъ построеній, онъ иногда смѣшивалъ, какъ мы видѣли, точное изученіе подлинныхъ общественныхъ явленій съ произвольными цифровыми иллюстраціями дедукцій изъ отвлеченныхъ положеній; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прямо допускалъ пользованіе аналогическимъ методомъ, т.-е. перенесеніе выводовъ точныхъ наукъ на другія области, безъ прямого изслѣдованія ихъ. Словомъ, Чернышевскій выдвинулъ тѣ стороны ученія о методахъ, которыя были пригодны для распространенія и укрѣпленія новыхъ, поспѣшно возводившихся теоретическихъ построеній. Дальнѣйшее развитіе русской общественной мысли въ лицѣ Лаврова и Михайловскаго ликвидировало эти неустойчивые элементы міровоззрѣнія Чернышевскаго, его наивный реализмъ и матеріализмъ, гегельянство и аналогическій методъ. Они сыграли свою общественную роль и уступили мѣсто болѣе опредѣленному и обоснованному позитивизму О. Конта и Спенсера.

Разсматривая далѣе *психологическіе* и *этическіе* взгляды Чернышевскаго, мы видѣли, что его гедоническое воззрѣніе на психологію упускаетъ изъ виду громадную роль безсознательныхъ влеченій и потребностей, по отношенію къ которымъ представленіе удовольствій и разсчетъ выгоды обыкновенно является лишь подчиненнымъ средствомъ. Точно также этическія чувства и потребности нужно признать при-

сущими человѣку и несводимыми къ другимъ эгоистическимъ побужденіямъ. Правда, этическій *принципъ* равноправія людей можетъ быть выведенъ и утилитарно, но разсужденія Чернышевскаго на эту тему не могутъ быть признаны удовлетворительными. Если, тѣмъ не менѣе, онъ, какъ сказано, приходитъ къ надлежащему этическому принципу и неуклонно держится его во всѣхъ своихъ общественныхъ построеніяхъ, то это свидѣтельствуетъ о силѣ беасознательно присущаго ему нравственнаго чувства. Это характерная черта *индивидуальности* Чернышевскаго. Что же касается особенностей его психологическихъ и этическихъ взглядовъ, то они, какъ мы видѣли, связаны съ своеобразнымъ пониманіемъ средствъ и путей осуществленія стоявшихъ для Чернышевскаго на первомъ планѣ соціально-этическихъ цѣлей. Подобно большинству соціалистовъ его времени, Чернышевскій былъ убѣжденъ, что соціальный вопросъ (по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время) легко и просто разрѣшается устройствомъ и распространеніемъ рабочихъ ассоціацій, экономическія выгоды которыхъ были, по его мнѣнію, такъ огромны, что эти ассоціаціи должны были немедленно вытѣснить капиталистическое хозяйство. Но если такъ, то прежде всего необходимо было, чтобы люди научились разсчитывать свои прямыя эгоистическія выгоды, поборовъ безсознательно привитыя имъ жизнью привычки и воззрѣнія. Отсюда усиленное подчеркиваніе Чернышевскимъ сознательныхъ разсчетовъ выгоды, отсюда его гимны разумному эгоизму, который самъ по себѣ достаточенъ для всеобщаго благополучія, и отсюда же его стремленіе утилитарно обосновать этическіе принципы. Именно воззваніе къ разумному пониманію собственнаго блага каждымъ членомъ общества, а не обращеніе къ альтруистическимъ чувствамъ людей и не призывъ угнетенной и эксплуатируемой массы къ борьбѣ за ея права и интересы, такова позиція, занятая Чернышевскимъ и несомнѣнно подсказанная его общественными взглядами. Такова была, какъ извѣстно, и позиція „просвѣтителей“ конца 18-го вѣка. Правда, содержаніе ихъ общественныхъ требованій было иное; борясь съ ненавистнымъ гнетомъ феодализма и еще не предвидя бѣдствій капиталистическаго строя, они думали, что для наибольшаго блага всѣхъ людей достаточно свободнаго преслѣдованія каждымъ человѣкомъ своихъ интересовъ. Наоборотъ, великіе утописты 19-го вѣка и Чернышевскій, ихъ ученикъ, дали прекрасное освѣщеніе

и оцѣнку язвъ развившагося капитализма, но вмѣстѣ съ тѣмъ имъ казалось, что они нашли вѣрное и быстрое средство для ихъ излѣченія. Такимъ образомъ и просвѣтители, и утописты одинаково вѣрили въ близкую осуществимость всеобщаго благополучія при разумномъ пониманіи собственныхъ выгодъ и распространеніи здравыхъ понятій. Понятно поэтому, что Чернышевскій могъ прямо воспользоваться утилитарнымъ ученіемъ одного изъ теоретиковъ того времени, Бентама, которое, какъ нельзя лучше, подходило къ его общественному міровоззрѣнію.

Причинная связь между общественнымъ міровоззрѣніемъ Чернышевскаго и особенностями его психологическихъ и этическихъ взглядовъ подтверждается также сопоставленіемъ ихъ съ соотвѣтствующими взглядами Лаврова, ученіе котораго столь же глубоко проникнуто нравственными принципами. Первая половина дѣятельности Лаврова происходила приблизительно при тѣхъ же условіяхъ, т.-е. при отсутствіи массоваго соціалистическаго движенія, особенно въ Россіи; въ связи съ этимъ и Лавровъ мало интересовался безсознательными, стихійными мотивами дѣятельности людей. Вѣра въ огромную мощь производительной коопераціи еще сохранилась, но, не подтверждаясь фактами, она утратила свой пылъ или, точнѣе, медленно умирала. Поэтому у Лаврова почти нѣтъ гимновъ разумному эгоизму и пренебреженія къ этическимъ чувствамъ; наоборотъ, въ виду того, что возможными дѣятелями соціализма являлись лишь отдѣльныя развитыя личности состоятельныхъ классовъ, сквозь все ученіе Лаврова красной нитью проходитъ призывъ къ альтруизму интеллигенціи, значеніе которой получаетъ у него огромную и, нужно сказать, преувеличенную оцѣнку. Вмѣстѣ съ тѣмъ вопросы этики привлекаютъ усиленное вниманіе Лаврова, и въ его работахъ мы находимъ еще болѣе отчетливую формулировку ихъ, чѣмъ у Чернышевскаго, и болѣе глубокое ихъ обоснованіе [1]).

---

[1]) Наоборотъ, Н. К. Михайловскій въ своихъ статьяхъ былъ занятъ не столько общими вопросами этики, сколько приложеніемъ ихъ къ отдѣльнымъ сторонамъ общественной жизни, въ особенности къ судьбамъ личности по отношенію къ общественному цѣлому. Поэтому сопоставленіе его воззрѣній съ ученіемъ Чернышевскаго не представляетъ особеннаго интереса. То же нужно сказать и о работахъ Маркса и Энгельса, у которыхъ мы встрѣчаемъ лишь отрывочныя и мало интересныя замѣчанія по вопросамъ этики.

По своимъ *соціологическимъ* взглядамъ Чернышевскій, подобно Михайловскому и Лаврову, принадлежитъ къ психологическому направленію въ соціологіи, которое для объясненія общественныхъ явленій исходитъ изъ ихъ элементовъ,—данныхъ физіологіи и въ особенности психологіи и ихъ законовъ. Несомнѣнно, что это направленіе стоитъ на единственно вѣрномъ пути, такъ какъ только оно слѣдуетъ дѣйствительному принципу всякаго научнаго изслѣдованія—разложенію сложныхъ явленій на ихъ элементы и синтезу дѣйствительности изъ этихъ элементовъ (потребностей, влеченій и т. д.) и ихъ закономѣрности. Характерною же особенностью соціологическихъ воззрѣній Чернышевскаго, какъ и Маркса, является, во-первыхъ, усиленное, иногда чрезмѣрное вниманіе къ матеріальнымъ потребностямъ; какъ мы видѣли, онъ нерѣдко изъ-за нихъ игнорируетъ другія самостоятельныя силы (напр., стремленіе къ національному единству) или придаетъ экономикѣ слишкомъ большое вліяніе на теоретическіе взгляды людей. Однако Чернышевскій не возводитъ этой важности матеріальныхъ потребностей, хозяйства и классовой борьбы въ господствующій принципъ, какъ это дѣлаютъ экономическіе матеріалисты,—быть можетъ потому, что текущая русская дѣйствительность показала ему огромное значеніе политической дѣятельности государства и интеллектуальныхъ факторовъ въ величайшемъ событіи того времени — освобожденіи крестьянъ. — Другая характерная черта соціологическихъ взглядовъ Чернышевскаго—чрезмѣрная роль, которую онъ приписываетъ просвѣщенію массы: въ его глазахъ оно является не только необходимымъ, но и достаточнымъ условіемъ соціальнаго прогресса. Это воззрѣніе, подобно раціоналистической этикѣ Чернышевскаго, связано съ его представленіями о рабочихъ ассоціаціяхъ, какъ о простомъ, близкомъ и общедоступномъ средствѣ осуществленія выгоднаго для всѣхъ общественнаго строя. По его мнѣнію, достаточно было массѣ убѣдиться въ огромныхъ преимуществахъ этого строя, чтобы онъ былъ осуществленъ.

Мы видѣли, однако, что этотъ центральный пунктъ соціалистическаго міровоззрѣнія Чернышевскаго, заимствованный имъ у великихъ утопистовъ Фурье и Р. Оуэна, не выдерживаетъ критики: экономическія преимущества производительной ассоціаціи при капиталистическомъ строѣ настолько незначительны, что они не могутъ играть серьезной роли въ его устраненіи. Кромѣ того, самостоятельность ассо-

ціацій противорѣчитъ самому духу и цѣли соціализма, требующаго общественной организаціи производства необходимыхъ предметовъ, въ противоположность современной промышленной анархіи.

Эти *экономическіе* и *соціалистическіе* взгляды Чернышевскаго носятъ, какъ мы видѣли, печать его эпохи. Организованное рабочее движеніе въ то время было еще слабо, и потому теоретики не видѣли возможности улучшенія положенія рабочихъ при капиталистическомъ строѣ. Отсюда—желѣзный законъ заработной платы и теорія обнищанія, въ признаніи которыхъ Чернышевскій сходится съ Марксомъ и Лассалемъ. Благодаря той же слабости рабочаго движенія теоретикамъ приходилось не столько считаться съ его опытомъ и стихійными тенденціями, сколько самостоятельно строить планы общественнаго переустройства. Этотъ характеръ и имѣютъ проекты производительныхъ ассоціацій у Чернышевскаго и Лассаля. Въ высшей степени замѣчательно и то, что такого рода проекты не только не получили отпора у великаго скептика Маркса, но, наоборотъ, въ значительной мѣрѣ были имъ признаны, несмотря на полную несогласованность ихъ съ основнымъ соціалистическимъ тезисомъ Маркса,—что условія соціалистическаго строя подготовляются стихійнымъ развитіемъ самого капитализма. Однако, соціальное творчество Чернышевскаго, какъ и другихъ утопическихъ соціалистовъ, вовсе не прошло безплодно, такъ какъ проектированныя имъ производительныя и въ особенности потребительныя ассоціаціи играютъ не послѣднюю роль въ подготовленіи условій соціалистическаго строя. Въ особенности важна ихъ роль въ области земледѣлія.

Мы видѣли, что тенденціи сельско-хозяйственнаго развитія были намѣчены Чернышевскимъ не совсѣмъ правильно, такъ какъ въ дѣйствительности, благодаря незначительности преимуществъ крупнаго землевладѣнія передъ мелкимъ, благодаря потребительному характеру крестьянскаго хозяйства и монопольности частной земельной собственности, развитіе въ сельскомъ хозяйствѣ идетъ совсѣмъ инымъ путемъ, чѣмъ въ обрабатывающей промышленности: вмѣсто концентраціи земельной собственности и земледѣльческаго производства статистика показываетъ скорѣе обратный процессъ. Такъ какъ при этомъ частная собственность на землю, создавая величайшія бѣдствія народной массы, нисколько не служитъ для стихійнаго подготовленія соціа-

листическаго строя, то уничтоженіе ея (національзація или соціализація земли) является основнымъ требованіемъ аграрной программы русскаго соціализма, отчасти отразившимся и на марксистскихъ аграрныхъ построеніяхъ. Необходимое для этого правосознаніе народа подготовлено именно общиной, и потому блестящая, всесторонняя защита общины Чернышевскимъ, несомнѣнно повліявшая (наряду съ огненными статьями Герцена) на ходъ крестьянской реформы 1861 г., составляетъ его громадную научную и историческую заслугу.

Замѣчанія Чернышевскаго о *правѣ* и *государствѣ*, какъ сказано, отрывочны и не всегда отчетливы, но тѣмъ не менѣе они въ общемъ болѣе цѣнны, чѣмъ воззрѣнія другихъ видныхъ теоретиковъ соціализма (Маркса и Энгельса, съ одной стороны, Герцена, Михайловскаго и Лаврова, съ другой), очень мало касавшихся этихъ вопросовъ, болѣе или менѣе склонныхъ къ анархизму и нерѣдко отрицавшихъ значеніе свободныхъ политическихъ формъ. Общій источникъ этихъ недоразумѣній и ошибки заключается въ томъ, что огромное значеніе матерьяльныхъ потребностей, хозяйства и классовой борьбы заслоняло передъ соціалистами самостоятельное значеніе другихъ потребностей (въ безопасности и вообще въ огражденіи „естественныхъ правъ" человѣка), правовую сторону общественнаго удовлетворенія потребностей и роль государства, какъ представителя общественнаго цѣлаго. Но если этотъ источникъ и объясняетъ психологически антиконституціонныя замѣчанія Чернышевскаго и др. соціалистовъ и анархистскія воззрѣнія послѣднихъ, то во всякомъ случаѣ это—недостатокъ ихъ теоретическихъ построеній, задача которыхъ состоитъ во всестороннемъ изслѣдованіи соціальной дѣйствительности.

***

Такимъ образомъ, основною чертою личности Чернышевскаго является соціально-этическое направленіе его воли. Чернышевскій принадлежалъ къ тѣмъ этическимъ натурамъ, которыя во всѣ времена ставятъ цѣлью своей дѣятельности устраненіе нужды и страданій человѣчества и осуществленіе общественнаго строя, основаннаго на нравственномъ принципѣ равноправія людей. Это сдѣлало его соціалистомъ [1]).

---

[1]) Именно это глубокое этическое чувство направило Чернышевскаго въ частности къ разносторонней, просвѣтительной и публи-

Опредѣленная же окраска его соціалистическихъ взглядовъ въ духѣ такъ наз. утопизма была обусловлена тогдашнимъ состояніемъ общественной жизни и науки въ Зап. Европѣ. Ошибка утопистовъ, какъ мы видѣли, заключалась въ томъ, что они считались только съ очень ограниченной областью соціальныхъ явленій, да и въ этой области они переоцѣнили экономическія выгоды ассоціацій сравнительно съ капиталистическимъ хозяйствомъ и не замѣтили ихъ недостатковъ. Отсюда тотъ, на первый взглядъ, элементарный и мало поучительный выводъ, что теоретическія построенія должны охватывать всю ту область, на которую простираются ихъ задачи, и давать возможно точное изображеніе, такъ сказать, удѣльнаго вѣса различныхъ ея частей и причино-зависимостей. Мы нашли у Чернышевскаго цѣлый рядъ изслѣдованій, удовлетворяющихъ этому требованію и потому сохранившихъ свою цѣнность. Такова его классификація потребностей по ихъ жизненному значенію (совпадающая съ положеніями проф. Бэло, — человѣка совсѣмъ другой эпохи, страны и умонастроенія); таково въ значительной части его ученіе объ относительномъ значеніи общечеловѣческихъ, расовыхъ и національныхъ факторовъ, о прогрессѣ, о стихійныхъ тенденціяхъ историческаго процесса,

---

цистической дѣятельности, въ которой онъ надѣялся быть наиболѣе полезнымъ для русскаго народа, несмотря на его склонность къ чисто-теоретической работѣ. „До сихъ поръ для русскаго человѣка, говоритъ онъ, единственная возможная заслуга передъ высокими идеями правды, искусства, науки — содѣйствіе распространенію ихъ въ его родинѣ. Со временемъ будутъ и у насъ, какъ и у другихъ народовъ, мыслители и художники, дѣйствующіе чисто только въ интересахъ науки или искусства; но пока мы не станемъ по своему образованію наравнѣ съ наиболѣе успѣшными націями, есть у каждаго изъ насъ другое дѣло, болѣе близкое къ сердцу—содѣйствіе, по мѣрѣ силъ, дальнѣйшему развитію того, что начато Петромъ Великимъ. Это дѣло до сихъ поръ требуетъ и, вѣроятно, еще долго будетъ требовать всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, какими обладаютъ наиболѣе одаренные сыны нашей родины. Русскій, у кого есть здравый умъ и живое сердце, до сихъ поръ не могъ и не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ патріотомъ, въ смыслѣ Петра Великаго — дѣятелемъ въ великой задачѣ просвѣщенія русской земли. Всѣ остальные интересы его дѣятельности — служеніе чистой наукѣ, если онъ ученый, чистому искусству, если онъ художникъ, даже идеѣ общечеловѣческой правды, если онъ юристъ,— подчиняются у русскаго ученаго, художника, юриста, великой идеѣ служенія на пользу своего отечества“ (II, стр. 121 и 122).

отчасти о государствѣ и въ особенности его ученіе объ общинѣ, въ которомъ Чернышевскій далъ все, что только могло дать первоначальное изученіе вопроса.

Помимо личныхъ склонностей и общеевропейской жизни и науки, міровоззрѣніе Чернышевскаго слагалось подъ вліяніемъ особыхъ русскихъ обстоятельствъ его времени, а именно того великаго переворота, который былъ вызванъ Севастопольской войной и паденіемъ крѣпостного права. Въ такія критическія эпохи разрыва съ прошлымъ міровоззрѣніе передовыхъ слоевъ общества характеризуется двумя психологически понятными чертами: во-первыхъ, оно стремится найти прочныя твердо установленныя положенія, изъ которыхъ можно было бы исходить въ дальнѣйшихъ построеніяхъ, а во-вторыхъ, это міровоззрѣніе строится обыкновенно изъ элементовъ, прямо противоположныхъ тѣмъ, которыя входили въ составъ прежняго. Отсюда — характеризующее Чернышевскаго и всю эпоху 60-хъ годовъ увлеченіе естествознаніемъ съ его точными методами и крупными успѣхами, а, съ другой стороны, близкій ему по духу матеріализмъ и утилитаризмъ, въ качествѣ реакціи противъ господствовавшей прежде религіи (особенно ненавистной Чернышевскому, какъ бывшему семинаристу) и оффиціальной идеализаціи существующаго строя [1]).

---

[1]) Эти характерныя черты міровоззрѣнія 60-хъ годовъ превосходно намѣчены Н. К. Михайловскимъ. „Естественныя науки, говоритъ онъ, съ самаго начала нашего возрожденія, тотчасъ послѣ крымской войны, привлекли у насъ къ себѣ особенное вниманіе; переводилось множество книгъ по естествознанію, писались популярныя статьи по разнымъ отраслямъ естественныхъ наукъ. Это лишь отчасти объясняется тѣмъ страннымъ положеніемъ полузапретнаго, а частью и совсѣмъ запретнаго плода, которое естественныя науки занимали въ дореформенную эпоху. Въ такомъ положеніи находилось, пожалуй, знаніе вообще, а не только естествознаніе. Но проснувшаяся жажда просвѣщенія и помимо закона реакціи должна была устремиться къ естествознанію. Это безспорно знаніе по преимуществу въ томъ смыслѣ, что, допуская провѣрку не только умозрѣніемъ, а и наблюденіемъ, и не только наблюденіемъ, а и опытомъ, оставляетъ наименьшее мѣсто сомнѣніямъ. А намъ именно нужно было нѣчто несомнѣнное, чтобы оріентироваться въ нахлынувшей на насъ массѣ новыхъ идей. Не мудрено, что дѣло не обошлось безъ увлеченій...“ („Лит. воспоминанія“, т. I, стр. 307). А вотъ замѣчанія Михайловскаго относительно общественнаго умонастроенія 60-хъ годовъ. Въ противоположность господствовавшей прежде идеализаціи благодѣтельныхъ помѣщиковъ, благоденствующихъ крестьянъ, храбрыхъ и искусныхъ генераловъ, неподкупныхъ чиновниковъ, національнаго

Мы видѣли, однако, что эта реакція зашла слишкомъ далеко, что метафизикѣ и религіи надо было противопоставить не матеріализмъ, а ограниченіе нашего познанія предѣлами опыта и детерминизмъ науки (причинная обусловленность всѣхъ явленій, исключающая всякія сверхъ-естественныя существа и вліянія); точно также идеалистическое лганье, превознесеніе высокихъ чувствъ требуетъ для своего опроверженія только точнаго указанія той скромной роли, которую играютъ въ жизни людей альтруистическіе мотивы; утилитаризмъ же, вовсе отрицающій эти мотивы, какъ и матеріализмъ, и самъ по себѣ не выдерживаетъ критики.

Съ логической стороны источникъ ошибки и здѣсь состоитъ въ переоцѣнкѣ однихъ фактовъ и упущеніи изъ виду другихъ. Однако, очевидная въ данномъ случаѣ зависимость неправильныхъ выводовъ отъ психологическаго настроенія изслѣдователя вызываетъ обыкновенно двоякаго рода совѣты для ихъ предотвращенія. Съ одной стороны, изслѣдователю предлагается подавить въ себѣ общественныя симпатіи и антипатіи, отойти отъ общественной жизни, чтобъ она не вмѣшивалась въ его теоретическую работу. Съ другой стороны, это въ вмѣшательство признается неизбѣжнымъ и законнымъ, и изслѣдователю рекомендуется лишь выбрать наиболѣе благопріятную общечеловѣческую позицію (такъ наз. субъективный методъ Михайловскаго и Лаврова и классовая точка зрѣнія марксистовъ). Изученіе воззрѣній Чернышевскаго показываетъ, что нѣтъ никакой необходимости прибѣгать къ тому или другому пріему. Мы видѣли, что его общее утилитарное отношеніе къ наукѣ не помѣшало ему дать цѣлый рядъ объективно цѣнныхъ положеній, и наоборотъ, общечеловѣческая, этическая основа его исканій не спасла его отъ крупныхъ заблужденій. Да и вообще понятно, что самая нелѣпая исходная точка зрѣнія можетъ

величія, патріархальныхъ нравовъ, „намъ нужны были именно низкія истины, говоритъ Михайловскій. Ихъ же мы искали и въ чисто теоретической области. Если прежде мы носились съ высокими идеями и идеалами патріотизма, самоотверженія, любви, преданности идеалами, впрочемъ, весьма умѣренно осуществлявшимися въ жизни, то теперь мы съ особенной настоятельностью стали развивать тотъ философскій принципъ, что человѣкъ всегда, вездѣ и во всемъ неизбѣжно эгоистъ, хотя это не мѣшало намъ быть менѣе всего эгоистами“ и т. д. („Идеализмъ, идолопоклонничество и реализмъ“, 1873 г., IV т. собр. соч. стр. 35).

не помѣшать объективному описанію данной области явленій и установленію ихъ причино-зависимостей, поскольку изслѣдователь, независимо отъ другихъ своей цѣлей, стремится именно къ этому; напротивъ, самыя благородныя убѣжденія и чувства изслѣдователя не могутъ замѣнить объективной провѣрки его классификацій и законовъ. Словомъ, все дѣло въ точности и всесторонности изслѣдованія, доступныхъ каждому человѣку. Въ наукѣ нѣтъ и не можетъ быть мѣста какому бы то ни было субъективизму.

Но этотъ объективизмъ *въ познаніи* не только не требуетъ индифферентизма, но, наоборотъ, соединимъ съ самымъ крайнимъ субъективизмомъ по отношенію къ самой *дѣйствительности*[1]). Человѣкъ состоитъ не изъ одного только мозга, его потребности, влеченія и чувства ставятъ передъ нимъ разнообразныя цѣли, и онъ можетъ и долженъ критиковать существующее съ точки зрѣнія своихъ стремленій и всѣми силами работать для его измѣненія. Въ этомъ отношеніи Чернышевскій представляетъ для насъ великій образецъ, какъ по широтѣ и благородству своихъ общественныхъ цѣлей, имѣвшихъ общечеловѣческую, этическую основу, такъ и по той энергіи, съ какою онъ относился къ ихъ осуществленію. Мы видимъ, что Чернышевскій ошибался насчетъ путей, ведущихъ къ его общественному идеалу, они казались ему простыми, легкими и близкими, но онъ столь же рѣшительно пошелъ бы и по тернистому пути, какъ показываетъ все его мужественное поведеніе въ тюрьмѣ, на судѣ и на каторгѣ.

* * *

Наконецъ сопоставленіе взглядовъ Чернышевскаго съ воззрѣніями Маркса, Энгельса и Лассаля, съ одной стороны, и Герцена, Михайловскаго и Лаврова, съ другой, даетъ очень цѣнный матерьялъ по различнымъ вопросамъ, представляющимъ значительный интересъ для настоящаго времени. Таковъ вопросъ объ обоснованіи соціализма, и прежде всего о философскомъ его обоснованіи, т.-е. о томъ, существуетъ ли особая соціалистическая (въ частности соціальдемократическая, марксистская) философія, необходимо связанная съ соціалистической системой. — Разбирая міровоззрѣнія

---

[1]) Такъ наз. субъективный методъ смѣшиваетъ эти двѣ рѣзко различныя вещи.

различныхъ соціалистовъ, мы констатировали, какъ сходство соціалистическихъ построеній при различіи философскихъ взглядовъ, такъ и, наоборотъ, различіе существенныхъ частей соціалистическихъ взглядовъ при тождествѣ философскаго міровоззрѣнія. Такъ, напр., Марксъ и Чернышевскій держатся реалистическихъ положеній по вопросу объ отношеніи познанія къ дѣйствительности, въ то же время они близки къ матеріализму Фейербаха и діалектикѣ Гегеля; напротивъ, Михайловскій и Лавровъ, отвергая матеріализмъ и діалектику (въ особенности Михайловскій), принадлежатъ къ позитивизму съ оттѣнкомъ агностицизма, о которомъ Чернышевскій отзывается рѣзко отрицательно. Въ то же время Чернышевскій, одинаково съ Михайловскимъ и Лавровымъ, но въ отличіе отъ Маркса и Энгельса, держится характернаго для русскаго соціализма положенія, что осуществленіе соціалистическаго строя, по крайней мѣрѣ, въ аграрной области, не связано съ стихійнымъ развитіемъ капитализма. На это можно возразить, что только одна изъ этихъ группъ мыслителей вполнѣ послѣдовательно проводитъ свои философскіе принципы, другая же болѣе или менѣе отступаетъ отъ нихъ. Однако, при сколько нибудь отчетливой постановкѣ вопроса это возраженіе отпадаетъ, и онъ рѣшается очень просто. Въ самомъ дѣлѣ. Развѣ, напр., положеніе о стихійномъ подготовленіи соціалистическаго строя при развитіи капитализма предполагается ученіемъ о познаваемости дѣйствительности въ нашемъ опытѣ и, наоборотъ, противорѣчитъ утвержденію, что сущность „вещей въ себѣ“ непознаваема? Развѣ философскій матеріализмъ непримиримъ съ признаніемъ особаго пути соціальнаго развитія сельскаго хозяйства? Развѣ діалектика, въ смыслѣ метода изслѣдованія, предрѣшаетъ какіе бы то ни было его результаты? Очевидно, что нѣтъ, и столь же очевидно, что не существуетъ необходимой связи между философіей и опредѣленной соціалистической системой, такъ какъ философія, вслѣдствіе высокой общности своихъ положеній, можетъ служить основой для самыхъ различныхъ конкретныхъ выводовъ. Даже самая крайняя идеалистическая метафизика, признающая духъ подлинной сущностью вещей, вполнѣ соединима съ какими угодно соціальными воззрѣніями, такъ какъ они относятся къ области опыта, опытъ же нисколько не затрагивается метафизическими исканіями по ту сторону его.

Но если такимъ образомъ не существуетъ какихъ-либо

обязательныхъ для всѣхъ соціалистовъ философскихъ положеній, то каковы же необходимые элементы соціализма? Что касается разсмотрѣнныхъ нами теоретиковъ, то они сводятся прежде всего въ тѣхъ цѣляхъ, которыя ставятся ими соціализму, и притомъ въ самомъ общемъ, а не конкретномъ ихъ видѣ. Какъ Чернышевскій, Михайловскій и Лавровъ, такъ и Марксъ съ Энгельсомъ ставятъ задачей соціализма осуществленіе общественнаго строя, обезпечивающаго каждому человѣку его право на жизнь,—удовлетвореніе его потребностей, всестороннее развитіе его силъ и его способностей. И дѣйствительно, соціализмъ немыслимъ безъ этой цѣли. Нельзя, напр., допустить, чтобы соціализмъ мирился съ какой-либо привиллегіей какихъ-нибудь расъ, націй, сословій или классовъ, стѣсняющихъ право на жизнь другихъ общественныхъ группъ или отдѣльныхъ людей.

Но если признаніе права на жизнь каждаго человѣка есть необходимый элементъ соціализма, то онъ, разумѣется, самъ по себѣ еще недостаточенъ. Не говоря уже о томъ, что одно признаніе этой цѣли, безъ дѣятельной работы для ея осуществленія, ровно ничего не стоитъ, самое стремленіе къ осуществленію соціалистическаго идеала предполагаетъ, что настоящее положеніе вещей не соотвѣтствуетъ этому идеалу, такъ что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые элементы существующаго подлежатъ устраненію. Это положеніе и его подробное развитіе также составляетъ необходимый элементъ соціализма, и мы дѣйствительно видѣли, что разсмотрѣнные нами теоретики соціализма сходятся въ признаніи ненормальнаго положенія народной массы въ существующемъ строѣ, а отчасти и въ объясненіи причинъ этой ненормальности. Какъ Чернышевскій и другіе представители русскаго соціализма, такъ и Марксъ съ Лассалемъ, болѣе или менѣе согласны въ томъ, что нынѣшнее „трехчленное“ распредѣленіе продуктовъ общественнаго производства обрекаетъ рабочую массу на нужду и необезпеченность существованія, и что причина такого распредѣленія заключается въ частной собственности на средства производства, землю и капиталы. Если этотъ центральный пунктъ теоріи соціализма (а также вопросъ объ организаціи общественнаго производства въ цѣломъ) не достаточно ясно намѣченъ Чернышевскимъ, то это связано, какъ мы видѣли, съ его чрезмѣрными надеждами на производительныя ассоціаціи, но во всякомъ случаѣ указываетъ на неразработанность его

общихъ представленій о соціализмѣ. То же нужно сказать и о стремленіи Маркса исходить въ своей соціалистической системѣ изъ трудовой теоріи цѣнности, которая, какъ мы видѣли, неправильна въ примѣненіи къ капиталистическому строю и столь же мало, какъ и всякая теорія цѣнности, можетъ служить обоснованію соціализма. Основной фактъ, изъ котораго можетъ и долженъ исходить соціализмъ, это нетрудовой доходъ владѣльцевъ земли и капитала и эксплуатація ими рабочей массы.

Очевидно далѣе, что постановка соціально-этическихъ цѣлей устраненія недостатковъ существующаго строя соединима съ самыми различными представленіями о средствахъ достиженія этихъ цѣлей. Мы видѣли, напр., что одни соціалисты считаются преимущественно со стихійнымъ развитіемъ капитализма (Марксъ), другіе же останавливались, главнымъ образомъ, на общественно-цѣлесообразномъ вмѣшательствѣ въ историческій процессъ, въ особенности въ аграрной области (русская соціалистическая школа). Несомнѣнно, что если бы нашелся такой могучій умъ, который сумѣлъ бы учесть всѣ общественные факторы, ихъ относительную силу и взаимную зависимость, то онъ могъ бы построить объективно-правильную соціалистическую программу. Если же принять во вниманіе указанную выше зависимость соціальныхъ воззрѣній отъ общественной жизни данной страны и въ особенности данной эпохи, а также огромную трудность разработки многочисленной общественной науки, то придется признать, что фактически еще очень долго будетъ продолжаться борьба различныхъ соціалистическихъ программъ. Можно пожелать лишь возможно большей всесторонности и точности, или, что то же, объективности для такого рода построеній.

Есть, однако, еще одинъ пунктъ, который также долженъ быть включенъ въ понятіе соціализма въ болѣе узкомъ смыслѣ, въ отличіе отъ анархизма (въ особенности, отъ т. наз. анархизма-коммунизма), исходящаго приблизительно изъ тѣхъ же самыхъ экономическихъ положеній и требованій. Въ настоящее время соціалисты, по крайней мѣрѣ фактически, рѣзко отличаются отъ анархистовъ признаніемъ необходимости (хотя бы условной) государства для настоящаго и будущаго. Если же цѣлый рядъ крупныхъ теоретиковъ соціализма, какъ мы видѣли, высказывается по этому пункту довольно неопредѣленно, сбивчиво и про-

тиворѣчиво, то это связывается съ тѣмъ, что вопросъ о необходимыхъ функціяхъ государства (въ особенности, для будущаго строя) еще не ставился жизнью достаточно рѣзко, что на первомъ планѣ для соціалистовъ стояли матерьяльныя потребности массы и ея экономическая борьба съ теперешними организаторами производства, а потому игнорировались менѣе существенныя потребности (въ безопасности и т. д.) и вопросъ объ организаціи общественнаго производства въ цѣломъ. Я лично полагаю, что объективное изслѣдованіе вполнѣ установило бы условную необходимость государства, признаніе котораго и должно поэтому войти въ составъ понятія соціализма.

Такимъ образомъ, задача современныхъ теоретиковъ соціализма заключается не въ „философскомъ обоснованіи" его, а въ обстоятельномъ развитіи его основной этической цѣли примѣнительно къ различнымъ областямъ общественной жизни и въ всестороннемъ и точномъ, объективномъ изслѣдованіи необходимыхъ предпосылокъ, путей и средствъ его осуществленія.

Чернышевскій не мало потрудился на этомъ поприщѣ, и если намъ удалось показать высокую цѣнность его исканій правды-истины и правды-справедливости и, хотя бы отчасти, намѣтить положеніе дѣла, наша задача достигнута.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.

I. *Теоретическая философія.* Генезисъ философскихъ идей Чернышевскаго. Реализмъ.—Ученіе о методахъ (діалектическомъ, аналогическомъ и гипотетическомъ). — Матеріализмъ.—Общая теорія развитія (по Гегелю)

Глава II. *Психологія, этика и эстетика.* Гедонизмъ и волюнтаризмъ. — Три группы потребностей. — Эгоизмъ и альтруизмъ. — Этическій принципъ равноправія людей и его развитіе.—Опредѣленіе прекраснаго.—Прекрасное въ дѣйствительности и въ искусствѣ.—Задачи искусства.

Глава III. *Соціологическіе взгляды.* Потребности, какъ движущіе мотивы.—Расовыя и національныя особенности, дѣленіе на національныя группы. — Соотношеніе различныхъ сторонъ общественной жизни.—Ученіе о прогрессѣ въ техническомъ и соціально-этическомъ смыслахъ.

Глава IV. *Экономическое ученіе и теорія соціализма.* Условія успѣшности производства.—Ученіе о распредѣленіи. Обмѣнъ и цѣнность; внутренняя цѣнность. — Производительная ассоціація, какъ нормальная форма общественнаго строя и какъ переходная ступень.—Общественное хозяйство въ цѣломъ.

Глава V. *Аграрный вопросъ и ученіе объ общинѣ.* Тенденціи сельско-хозяйственнаго развитія.—Значеніе общины, какъ переходной ступени къ соціализму; аграрная программа Чернышевскаго.—Защита общины Чернышевскимъ.

Глава VI. *Ученіе о государствѣ.* Общее ученіе о правѣ и государствѣ; ихъ нормы. Условная необходимость государства.—Нормальный политическій строй.

Глава VII. *Стихійныя тенденціи историческаго процесса* (критика ученія Мальтуса). Ростъ населенія.—Законъ убывающаго плодородія почвы. — Ростъ усовершенствованій, необходимыхъ для покрытія дефицита.—Критика Каутскаго и Плеханова.—Заключеніе.

Библіографическій указатель литературы о Чернышевскомъ.

Довольно обширная критическая и біографическая литература о Н. Г. Чернышевскомъ до сихъ поръ не была предметомъ систематическихъ обзоровъ. Немногія, по преимуществу біографическія, указанія даны С. А. Венгеровымъ въ его статьѣ о Чернышевскомъ въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза (полутомъ 76), а также Г. Малышенко въ приложеніи къ біографіи Чернышевскаго („Русская Мысль" 1906 г. №№ IV—VI). Довольно обширный библіографическій указатель, охватывающій, между прочимъ, цѣлый рядъ газетныхъ и мелкихъ журнальныхъ статей, приложенъ къ 2-й части X тома собранія сочиненій Чернышевскаго, изданнаго его сыномъ М. Н. Чернышевскимъ (1906). Но и этотъ указатель, во-первыхъ, кончается 1906 годомъ, во-вторыхъ, онъ далеко не полонъ и, главное, въ немъ пропущенъ рядъ болѣе или менѣе крупныхъ и цѣнныхъ статей и замѣтокъ о Чернышевскомъ; въ-третьихъ, онъ составленъ нерѣдко въ довольно неопредѣленныхъ выраженіяхъ, напр., „Михайловскій Н. К., сочиненія", или „Добролюбовъ Н. А, сочиненія",—хотя у Добролюбова сказано о Чернышевскомъ буквально четыре строки, у Михайловскаго же имѣется цѣлый рядъ (около 25—27) болѣе или менѣе краткихъ замѣчаній о Чернышевскомъ, при чемъ онъ иногда не называется по имени, и т. д.

Настоящій указатель также далекъ отъ полноты, такъ какъ авторъ лишенъ возможности пользоваться большими русскими библіотеками. Но авторъ надѣется, что все существенное въ немъ указано. Статьи, которыя указываются авторомъ со вторыхъ рукъ, отмѣчены звѣздочкой (*).

Литература о Чернышевскомъ можетъ быть раздѣлена на четыре различныхъ періода: во-первыхъ, періодъ его собственной литературной дѣятельности, 1853—1862 г., и вообще 60-е годы; во-вторыхъ, время его Сибирской ссылки, жизни въ Астрахани и Саратовѣ, до самой его смерти (1884 г.), въ-третьихъ, девяностые и девятисотые годы, кончая годомъ перелома въ русской жизни (1904) и, наконецъ, литература новѣйшаго времени (1905 и слѣд.).

1854—1870

Альбертини. Автору „Полемическихъ красотъ". „Отеч. записки". 1861, VIII, (объ отношеніи Ч. къ либераламъ).

Его же. „Политическія идеи Токвиля и отзывъ о нихъ въ „Современникѣ". Тамъ же, 79—97.

Антоновичъ. „Современная эстетическая теорія". „Современникъ", 1865, III, 37—82 (объ „Эстетическихъ отношеніяхъ"). См. слѣд. періодъ.

Бестужевъ-Рюминъ. „Французскіе софимы въ параллель съ русскими". „Отеч. Записки". 1861 г., VIII., 109—124 (по поводу ст. Ч. „О причинахъ паденія Рима").

Бибиковъ. Вступительная статья къ I т. перевода Мальтуса. „Опытъ о населеніи". СПБ. изд. Семенова (годъ не обозначенъ) гл. III (изложеніе критики Мальтуса у Ч.). Въ прилож. ко II-му т. изложеніе вглядовъ Ч. на теорію Мальт., стр. 420—423.

Его же. „Критическіе этюды", 1859—65 г. СПБ. 1855 г. Этюдъ 4-й. „Ревность животныхъ (по поводу шельмованнаго поступка В. П. Лопуховой), стр. 153—189, (о „Что дѣлать?").

„Библіотека для чтенія". 1861, VIII. По поводу журнальной полемики. „Повальное недоразумѣніе", стр. 24—50 (о „Полемич. крас.").

Тамъ же. 1862, III. „Кто стоялъ въ послѣднее время въ главѣ рус. литературы—Добролюбовъ или Панаевъ", 176—178. (Касается отношеній Ч. къ Добролюбову).

Тамъ же. 1862, V. Внутреннее обозрѣніе. „В. Гюго, какъ поклонникъ разсказа Ч. о Добролюбовѣ", с. 225—226.

Благовѣщенскій. „Н. Г. Помяловскій". Современникъ. 1864, III, стр. 134 и 139 (о вліяніи на него Ч.).

* **В. (А. В.)** „Что дѣлать?"—„Сынъ Отеч." 1863, № XXXIV (воскресный) с. 535—543.

* **В—овъ, А.** „Что дѣлать"? Духъ Христ., 1863, кн. I. отд. II, с. 1—31.

Вернадскій. „О поземельной собственности". „Экон. указатель". 1857 №№ 22, 25, 27, 29 (О статьяхъ Ч. въ защиту общины).

* **Гаевскій, В. П.** „Новые люди", „Что дѣлать?" „Модный магазинъ", 1863, № 14, с. 165—170.

Герценъ. „Лишніе люди и желчевики". „Колоколъ" № 83 отъ 15 окт. 1860 (объ отношеніи Ч. и его лагеря къ либераламъ; въ частности разговоръ Герцена съ Ч.). Собр. соч. Женева. 1879, т. X СПБ. 1905, т. V, с. 341—348. Сборн. ст. изъ „Колокола". Женева. 1887, 248—256. „Uery dangerons"!!! (о томъ же) изъ „Колокола". VI т. изд. 1905, ст. 242—246. Въ ст. „Апогей и перегей" (о личномъ отнош. къ. Ч.) XI т., с. 158. Женевск. изд.

Его же. „Колоколъ" № 186 (15 іюня 1864) „Н. Г. Чернышевскій" (по поводу его осужденія. Перепечатано въ Сборн. ст. изъ „Колокола". Женева. 1887, с. 502 и 503.—Тамъ же отдѣльн. замѣчанія о Ч. стр. 587, 627, 674. „Порядокъ торжествуетъ". „Колоколъ" №№ 233—34 (о соціалист. взглядахъ Ч.) перепечатано въ Сб. ст., стр. 662.

Громека. „Отъ С. С. Громека Ч.". „Отеч. З." 1861, VIII, 76—82 (Противъ „Полем. кр"., въ частн. о Кавурѣ.

Добролюбовъ, Н. А. Собр. соч. т. II въ ст. (1859). „Литер. мелочи прошлаго", с. 419 (о ст. Ч. 1858).

* **„Домашняя бесѣда"**, 1864, вып. 8, с. 204—213.—Апологія (по поводу ром. „Что дѣлать?" и „Смѣлый шагъ").

Дружининъ. „Критика Гоголевскаго періода русской литературы" и наши къ ней отношенія". „Библ. для чтенія." 1856, XI и XII. Перепечатано въ VII т. собр. соч.

Дудышкинъ. „Русская литература". „Отеч. З." 1861. VIII, 148—167 („О полемич. красотахъ").

Z. (Зайцевъ). „Н. Г. Чернышевскій". (О судѣ надъ нимъ и публичн. чтеніи приг.). „Колоколъ". 1864, № 189. Перепеч. въ „Матерьялахъ для ист. рев. дв. въ Рос." (см.).

Зайцевъ. „Библіографическій листокъ". „Рус. Сл.". 1865, IV, с. 80—96 (объ „Эстетич. отн.").

Заринъ. „Лесть живому и поруганіе надъ мертвымъ". „Библ. для чтенія". 1862, III, с. 137—152 (въ отвѣтъ на замѣтку Ч. „Изъявленіе признательности").

* **Зотовъ В.** „Петерб. Вѣдомости". 1856, № 165 („Объ очеркахъ Гоголевскаго періода").

* **К. (М. К).** „Учиться или не учиться". Замѣтка о вліяніи Ч. въ литер. („Библ. д. чт." 1862, V).

Катковъ. См. „Русскій Вѣстникъ".

* **„Книжникъ".** 1855, № 6 (объ „Эстетическихъ отношеніяхъ").

* **„Книжникъ".** 1865, № 7 (объ „Эстет. отнош.").

„Книжный Вѣстникъ". 1865, стр. 183—184 (объ „Эст. отн.").

„Колоколъ". 1864, № 190. „Н. Г. Чернышевскій" (біогр.) 1865, № 193. Дѣло Ч. (сенатская запис.).

Косица. См. Страховъ.

* **Ламбины В. и В.** „Русская историч. библіографія". (1855—1863). СПБ.

Лѣсковъ. „Загадочный человѣкъ". Собр. соч., изд. „Нивы". 1903, т. 28, с. 92 (объ отнош. Ч. къ Каткову). См. объ этомъ у **Михайловскаго.**

* **Его-же.** „Н. Г. Чернышевскій въ романѣ „Что дѣлать?". „Рус. Рѣчь". 1865, № 142.

Межовъ. „Библіографическій указатель исторіи рус. и всеобщ. литературы". СПБ. 1872.

* **„Московскія Вѣдомости".** 1856, № 45 (объ „Очеркахъ Гогол. пер.").

* **Моск. Вѣд.".** 1856, № 143 (о книгѣ „А. С. Пушкинъ").

„Народное Дѣло". Женева. 1869, № 7—10, Серно-Соловьевичъ и Ч. (стр. 111), Ч. и община, 143—146.

Немировскій. „Наши идеалисты и реалисты". СПБ. 1867, гл. I (о „Что дѣлать?"), гл. VIII—X (объ эст. взгл. Ч.).

Н—овъ. „Современныя поминки по друзьямъ". Матеріалы для обществ. физіологіи. „Библ. для чтенія". 1862. № 3 (о Добролюбовѣ и Ч.) стр. 153—175.

„Отечественныя Записки". 1854, VIII. отд. „Журналистика", стр. 89—104 (о ст. Ч. „Что такое искренность въ критикѣ?").—1855, VI. Разборъ „Эстет. отнош.", стр. 79—87.—1856, X. Литературн. и журнальн. замѣтки, стр. 75—77 (о VI гл. „Очерковъ гоголевск. періода").—1861, VIII „Рус. литература", стр. 138—167 (о тонѣ „Полем. Кр." и въ частности объ отн. Ч. къ Юркевичу).—Тамъ же, „Современ. критика". с. 75—76 (о „Полем. Кр.").—1862, II, с. 40—45 (о литер. пріемахъ Ч.).—1870, I, стр. 105. Въ рецензіи на книгу **Соловьева.** „Искусство и Жизнь".

* **Павловъ.** „Чернышевскій и его время". „Наше Время". 1861, № 28.

* **„Петерб. Вѣд.".** 1858, № 258 (объ „Очеркахъ Гогол. періода").

* **Тамъ же.** 1858, № 142 (о Лессингѣ).

Писаревъ. „Мыслящій пролетаріатъ“ (о „Что дѣлать?“) IV т., собр. соч. изд. 1867, 1—47.—„Разрушеніе эстетики“ (объ „Эстет. отн.“) IV, т. изд. 1867, 101—19; въ изд. 1897, IV т., 497—516. „Схоластики XIX в.“, гл. XI—XVII (по пов. „Полем. Кр.“) IX т. изд. 1867, 118—43; въ изд. 1897, т. I, 375—400.—„Московскіе мыслители“. Въ изд. 1867, т. II, 197—98 (о Юркевичѣ и Ч.).—Въ ст. „Посмотримъ“. Въ изд. 1897, т. V, 146—47 (нѣск. замѣч. о Ч. и о своемъ отнош. къ нему).

* **„Православное Обозрѣніе“.** 1861, IX.—По поводу полемики изъ-за ст. Юркевича (объ „Антрополог. принципѣ“ Ч.), 56—104.

* **Ростиславъ.** „Лжемудрость героевъ Черн.“. „Сѣв. Пчела“. 1865, № 138, 551—53.

„Русская Старина“. 1861, V. „Къ ист. рус. цензуры“. 1861—62 гг. 383—384 (о ст. Ч. „Франц. законы по дѣламъ книгопечатанія“).

„Русскій Вѣстникъ“. Литературное обозрѣніе и замѣтки. 1851, II. Въ ст. Каткова „Старые боги и новые боги“, 903—904 (объ экон. ст. Ч.).—Изъ науки о человѣческомъ духѣ. 1861, IV, 79—105 и V, 26—59 (перепечатка ст. **Юркевича**, (см.).—По поводу „Полемическихъ красотъ“ въ „Современникѣ“. 1861, VI, 138—58. „Виды на entente cordiale“ съ „Соврем.“, 1861, VII, 50—95 (по поводу „Полем. кр.“).

* **„Русское Слово“.** 1863, № 3, отд. II. 75—78 (о переводѣ Шлоссера),

Салтыковъ. „Письмо къ Ч.“. (1862). „Былое“. 1906, № 2, 250—251 (предлож. участвовать въ основываемъ Салт. журналѣ и отношеніе Салтыкова къ Ч.).

Его же. „Наша общественная жизнь“. „Современникъ“. 1864, I, 26 (по поводу „Что дѣлать?“). То же.—1864, III, 59 (о „Что дѣлать?“), — перепеч. у Михайловскаго, Арсеньева, Пыпина и друг.

„Свободное Слово“. Берлинъ. 1862, № 5—6. Аресты (объ арестѣ Ч.).

* **„Свѣточъ“.** СПБ. 1861, кн. VIII, с. 43—48.

* **Серно-Соловьевичъ.** „Наши домашнія дѣла“. Женева. 1867 (Ч. и Герценъ).

Славянскій. „Развитіе явленій общественнаго быта“, „Отеч. Зап.“. 1859, VII, 157—200 („О критикѣ философск. предубѣжд. противъ общины“).

Случевскій. „Явленія рус. жизни подъ критикой эстетики“. СПБ. 1866. Вып. I.—Введеніе (нѣскол. замѣч. о Ч.); вып. II.—„Эстет. отношенія искусства и дѣйствительности“ (V+65 с.); вып. III, 1867.—„О томъ, какъ Писаревъ эстетику разрушалъ“. (Рядъ замѣчаній о взглядахъ Ч. и объ отношеніи къ нимъ Писарева).—Рецензія, повидимому, Михайловскаго). „Книжн. Вѣстникъ“. 1866, 15/XI, № 21—22, 405—8 (объ эстет. взгл. Ч.).

Соловьевъ Н. „Критика критики „Отеч. Записокъ“. „От. Зап.“. 1865, IV, гл. II (объ „Эстет. отн.“).

Его же. „Искусство и Жизнь“. Критическія отношенія. М. 1869, ч. I, въ ст. „Теорія безобразія“, 17—18 (о „Что дѣлать?“). Въ ст. „Вопросъ объ искусствѣ“, гл. I „Эстет. отнош. искус. и дѣйствит.“, 59—98, гл. IV „Сочин. Писарева, Антоновича и др.“. 192—194, 198—200 (отнош. Ч. къ Бѣлинскому). Ч. II. Ст. „Женщины и дѣти“, 7—9 (о „Что дѣлать“?)—Рез. въ „Отеч. Зап.“.

Страховъ. „Изъ исторіи литературнаго нигилизма". (1861—65). СПБ. 1890. Въ ст. „Еще о Петерб. литературѣ". (1861) объ истор. взгл. Ч. (по поводу ст. „О причинахъ паденія Рима") 15, 18, 19, 26—31, о томъ же въ др. ст., 67, 83, 140.—Въ ст. „Счастливые люди" (изъ „Библ. для чт.", 1865) о „Что дѣлать", с. 314—342.

* **Суворинъ.** „Фельетонъ Незнакомца въ „Петерб. Вѣд.". 1867, № 208 (по поводу изд. Ч. за границей г. Элпидинымъ).

* **Толль.** „Наша дѣтская литература", 148—149 (о кн. „А. С. Пушкинъ").

* **„Учитель".** 1865. т. V, № 17, 642 (о кн. „А. С. Пушкинъ").

Цвѣтъ. „Экономическая дѣятельность и законодательство". „Рус. Вѣстн.". 1860, VII, 236 — 267 (о ст. Ч. подъ этимъ загл. и о „Примѣч. къ Миллю").

* **Ципринусъ.** „Промахъ въ ученіи новыхъ людей". „Голосъ". 1863, № 169, с. 659—660 (о „Что дѣлать?").

Ц—ская Е. „Что мѣшаетъ женщинѣ быть самостоятельной?". „Библ. для чтенія". 1863, IX, 1—19 (о „Что дѣлать?").

Щербина. „Чернышевскій" (стих.). „Рус. Ст.". 1907, VIII, 262.

Юркевичъ. „Изъ науки о человѣческомъ духѣ". Труды Кіевской духовной академіи. 1860, вып. IV, 367 - 511 (по поводу „Антропологическаго принципа"). Перепечатана въ сущ. частяхъ подъ тѣмъ же заглав. въ „Рус. Вѣст.". 1861, V.

1871—1890

Ал. (Гр.). „Хроника революціонной борьбы". „Вѣст. Народной Воли". № 2. Женева. 1884, 173—75 (возвращеніе Ч. изъ ссылки и его жизнь въ Астрахани, по корреспонденціи „Daily News").

„Allgemeine Zeitung". 1883. № 325 (29/XI) „Die Aesthetik der Nihilisten" (объ „Эстет. отношен." и „Что дѣлать"?).

Арсеньевъ К. К. „Общественная хроника". (Краткая характеристика литературной дѣятельности Ч. по случаю его смерти). „Вѣст. Евр". 1889, № 11, 468.

Бельтовъ П. (Плехановъ Г. В.). „Наши разногласія". Женева. 1885, с. 10—28. Перепеч. въ соч. изд. „Б-ки научнаго соціализма". Женева. 1905, т. I. (Введеніе § 4, „Н. Г. Чернышевскій"). Тамъ же, 146—168 (о взглядахъ Ч. на общину; а также отдѣльн. замѣч.—Переиздано легально „Новымъ Міромъ".

Его же. „Н. Г. Чернышевскій". „Соц.-Демократъ". № 1. Лондонъ. 1890, 38—175. („Философскіе и историческіе взгляды Ч."); № 2. Женева. 1890, 62—142. („Ученіе Ч. о стоимости, деньгахъ, капиталѣ и заработной платѣ"); № 3. Женева. 1890, 71—11 („Ученіе Ч. о прибыли и рентѣ"); № 4. Женева. 1892, 144—194. („Ученіе Ч. о народонаселеніи и кризисахъ"). Эта послѣдняя статья съ небольшими измѣненіями перепечатана Плехановымъ въ его книгѣ. Бельтовъ. „За двадцать лѣтъ". Всѣ статьи о Ч. перепечатаны по-нѣмецки (Plechanoff. „N. G. Tschernischewsky". Eine literar-historische Studie. 1894, съ прибавленіемъ „Введенія объ исторической средѣ").—См. слѣд. періоды.

* **Благовѣстъ.** 1889. № 17. „Ник. Гавр. Чернышевскій". (Некрологъ).

Брюнетьеръ Ф. (Brunetière). „Un roman nihiliste". Revue des deux Mondes. 1876, 15/XI. 946—958 (о „Что дѣлать?").

* **„Восходъ".** 1885. № 2, 19 - 25 (рецензія А. Волынскаго о переводѣ Вебера).

„Впередъ". (Журналъ). 1874, т. II. Предисловіе редакціи къ „Письмамъ безъ адреса", с. 250—251; тамъ же „Письмо изъ Иркутска" (О положеніи Ч. въ Сибири) с. 107—110.

„Впередъ". (Газета). 1875, 15, IV, № 7, с. 211—212. Свѣтозаръ Марковичъ („О вліяніи Ч. въ Сербіи"). 1875, 15—XII, № 23, 717—718. Изъ Иркутска. („О попыткѣ освободить Ч."). 1876. № 46, 31—XII. „Рѣчь на Казанской площади о Чернышевскомъ", с. 792—793.

* **Henkel.** „Zur russichen Roman literatur". Allgemeine Zeitung. 1883, № 299 (о „Что дѣлать"?).

Головачева-Панаева. „Воспоминанія". Историч. Вѣст. 1889, № VII, гл. XIV (отношеніе Ч. къ Добролюбову; домашняя жизнь Ч.). № VIII, гл. XV. (Ч. при кончинѣ Добролюбова). № IX, гл. XVI (Ч. на вечерѣ лит. фонда; приключенье съ рукописью „Что дѣлать?"). Отд. изд. СПБ. 1890.

* **„Гражданинъ".** 1898. № 295, 24 окт.—„Замѣтки прозаика". Интересное воспоминаніе о Чернышевскомъ".

Достоевскій. „Дневникъ писателя". 1873, гл. IV. „Нѣчто личное" (объ отношеніяхъ къ Ч. и въ частности по поводу повѣсти „Крокодилъ"). Въ изд. „Нивы". 1895 г., т. IX, 190—199.

Драгомановъ М. „Историческая Польша и великорусская демократія". Женева. 1882. Гл. VII. „Современникъ" и „Земля и Воля" въ польскомъ вопросѣ; вѣрныя теоретическія основы и незнаніе подробностей польскаго вопроса у Ч.; великорусская субъективность въ оцѣнкѣ явленій жизни западныхъ славянъ субъективность восточническая и западническая; положеніе дѣлъ въ Галиціи и украинская „хлопоманія", ускользнувшія отъ вниманія Ч. и великорусскихъ демократовъ вообще. Перепечатано въ брошюрѣ Драгоманова. „Герценъ, Бакунинъ, Чернышевскій и національный вопросъ". Казань. 1906.

Духовниковъ. „Н. Г. Чернышевскій, его жизнь въ Саратовѣ". „Рус. Старина". 1890, IX, 53—64. (Дѣтство Ч. и его ученіе въ семинаріи).

Его же. Письмо въ редакцію по поводу ст. **Полиносова** (см. о Ч.— тамъ же с. 564—568.

* **„Закаспійское Обозрѣніе".** 1889, № 193, 5 сент.—По поводу воспоминаній о Н. Г. Чернышевскомъ.

Иванюковъ. „Паденіе крѣпостного права въ Россіи". СПБ. 1882, 127. (Ч. и выкупъ земли) 135—141. (Ч. объ общинѣ).

К. (В. К.). „Позитивизмъ въ русской литературѣ". „Рус. Бог.". 1889, № 3, 13—14 (о философскихъ взглядахъ Ч.).

Каутскій. „Чернышевскій и Мальтусъ" (на нѣм. яз.). „Tschernischewsky und Malthus". Jahrbuch für Socialwissenschaft und Socialpolitik. von D-r L. Richter. 2 Jargang. Zürich. 1881, ss. 70—87.

Колайяни. „Соціализмъ" (на итал. и фр. яз.). Colajanni. „Le socialisme".

Paris. 1900. p. 19 (о критикѣ Дарвина у Ч. и объ отнош. Ч. къ Ламарку), p. 131 (о его критикѣ Дарвина).

Колубовскій. „Матеріалы для исторіи философіи въ Россіи". „Вопросы философіи и психологіи". 1890, кн. V, с. 37—39 (о полемикѣ Юркевича и др. съ Ч.).

Его же. „Прибавленіе къ исторіи новой философіи Ибервега-Гейнце". СПБ. 1890. „Философія у русскихъ", с. 529 и 548 (о философскихъ взглядахъ Ч.).

Лавровъ П. Л. „Біографія Лопатина" (съ прилож. къ процессу 21). Жен. 1888, XXI—XXIX (попытка Лопатина освободить Ч.).

Его же. „Народники 1873—1878 гг.". „Матеріалы для исторіи рус. соціально-революціоннаго движенія"; вып. X. Женева. 1895 и 1896. Отд. изд. подъ заглав. „Народники-пропагандисты 1875—78 гг.". СПБ. 1907, I гл. (О движеніи 60-хъ г. и значеніи Ч. въ немъ), 54 (въ личныхъ отнош. къ Ч.).

Его же. „Послѣдовательныя поколѣнія". Въ память Елисѣева и Шелгунова. Женева. 1893, 3 (характеристика Ч.) и нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній.

Ernest Lavigne. „Introduction à l'histoire du nihilisme russe". Paris. 3, 2-me partie, 1-ier chap. „Le nihilisme scientifique", 157—206. (Судъ надъ Ч. и публичная казнь, выдержки изъ его „Писемъ безъ адреса", „Примѣч. къ Милю" и „Что дѣлать?").

Lövenfeld. „Tshernysehevsky und sein roman" „Was thun?". Unsere zeit 1882. Leipzig, 608—624 (о „Что дѣлать?").

„Magazin für die Literatur des Auslandes". 1872, VII, I. H. „Russischer Nihilismus", ss. 20—21. (Замѣт. по поводу брошюры Шедо-Феротти о томъ, нужно ли было запрещать „Что дѣлать?"). Излож. этой замѣтки въ „Рус. Вѣстн." (см.).

Марксъ. Предисловіе ко 2-му изд. I т. „Капитала". (Отзывъ о Ч.).

Его же. „Письмо къ Михайловскому". „Вѣст. Народной Воли„ № 5. Женева. 1886, с. 216, (тотъ же отзывъ о Ч.). Это письмо перепечатано въ „Юридич. Вѣст.". 1888 г., кн. 10; „Научн. Обозр.". 1899, III, 596—598; въ брошюрѣ Гарденина: „Н. К. Михайловскій". СПБ. 1906 г. 94 и далѣе), и др.

Его же. „Письма къ Н-ону". „Минувшіе годы". 1908, № 1, с. 56—57 (нѣсколько замѣч. объ отнош. Маркса къ Ч.).

„Матеріалы для біографіи Добролюбова", собранные въ 1861—62 гг. т. I, М. 1890. Предисловіе (о редактированіи ихъ Ч-мъ), 631' 624—29. (Письма Добролюбова къ Н. О. Л-скому, т. е. къ Ч.).

Михайловскій Н. К. „Отдѣльныя замѣчанія". Собр. соч. СПБ. 1897— т. I. „Литературныя замѣтки 1873 г.", 815 (о Ч. въ связи съ трудовой теоріей цѣнности);—т. II. „Литературныя замѣтки 1874 г.", 577 (Ч. и славянофилы); 551—553. (По поводу перевода и „Примѣч. къ Милю");—т. III. „Записки Профана", гл. XX, 755—757 и 760—761 (Ч. и трудовая теорія цѣнности);—т. IV въ въ ст. „Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ", (вообще о 60-хъ годахъ); въ частности с. 68—69 (Ч. и Гегель); „О литературной дѣятельности Жуковскаго", с. 137—138. (О литерат. пріемахъ Ч.); „К. Марксъ передъ судомъ Жуковскаго", с. 200 (О трудовой теоріи цѣнности по Ч.); „Письма о правдѣ и не-

правдѣ", 438—439 (Ч. и община;—т. VI. „Случайныя замѣтки". (О трудномъ положеніи русскаго читателя), 860 и далѣе, особенно 864 (къ біографіи Ч.). См. слѣд. періодъ.

* „Моск. Вѣд.". 1879. № 153. Передовая статья (по поводу брошюры Цитовича „Что дѣлали въ ром. „Что дѣлать?").

* „Наблюдатель". 1886. № 2, 31; № 7, 29—30; № 10, 16—18; 1887. № 11, 47—48; 1889, № 4 (о переводѣ Вебера).

„На родинѣ". Лондонъ. 1882. Изъ Якутской области, 70 (положеніе Ч. въ Як. обл.).

Никитенко. „Записки и дневникъ". „Рус. Старина". 1890. Отд. изд. СПБ. 1905, т. I и II. (Рядъ мелк. замѣч.).

* „Новое Обозрѣніе". 1885. № 449 (о ст. „Характеръ человѣческаго знанія").

* „Новое Время". 1889. № 4900, 19 окт. — Н. Г. Чернышевскій. некрологъ.

* „Новости". 1889. № 289, 20 окт.—Н. Г. Чернышевскій, некрологъ.

Калинисостовъ. „Ч. по воспоминаніямъ земляка". „Рус. Архивъ". 1890, IV, (дѣтство и юность Ч.).

Пыпинъ. Замѣтки по поводу статьи Розанова, (см.) „Рус. Старина". 1889, XII, 830.

Розановъ, свящ. „Н. Г. Чернышевскій". (Воспоминанія о Ч. въ Саратовской семинаріи). „Рус. Старина". 1889, XI, 499—502. Замѣтки объ этомъ Пыпина (см).

Розовъ. „Н. Г. Чернышевскій". (Краткая біографія и характер.) „Рус. Бог.". 1889, № XI, 191—96.

„Русскій Вѣст.". 1872, I. Смѣсь. Шедо-Феротти о замѣткѣ г. Ч. (излож. замѣтки „Magazin für die Litteratur des Auslandes", (см.) по поводу критики „Что дѣлать?" у Шедо-Феротти), 399—401.

„Русскія Вѣдомости". 1889, 18 окт.—Н. Г. Чернышевскій, некрологъ.

* „Саратовскій Дневникъ". 1889. № 222, 18 окт.—Н. Г. Чернышевскій, некрологъ.—1889. №№ 222, 223, 224, 18—20 окт. Публикація о кончинѣ Ч.—1889. № 226, 22. Краткое описаніе похоронъ.

Сиирновъ А. В. „Н. Г. Чернышевскій" (біографія и библіограф. свѣд.). „Рус. Старина". 1890, V, 449—465.

* „Страна". 1881. № 7, 15 янв. Передовая ст. о необходимости возвращ. Ч.—Выдержка.—Порядокъ. 1881. № 16, 17 окт.

„Судъ надъ Чернышевскимъ". Заграничное изд. Элпидина въ Женевѣ, 1903. (Краткая біографія и исторія суда. Послѣсловіе. N. (о романѣ „Что дѣлать?"), стр. 575—576.

Тунъ. „Исторія революціон. движенія въ Россіи", гл. I и II (Ч. и обществен. движ 60-хъ годовъ). Есть нѣсколько заграничныхъ и рус. изд. („Земли и Воли", „Библіотеки для всѣхъ").

Фарсовъ. „Н. Г. Чернышевскій", (некрологъ). „Историч. Вѣст.", 1889, XII, с. 644—651, (въ томъ числѣ списокъ статей Ч.).

* Цитовичъ. „Что дѣлали въ романѣ, „Что дѣлать?". Одесса. 1879.

* Schedo-Ferotti. „Aus der Literatur des Nihilismus". Kritiche Belatung des Tschernyschevsky'schen Romans.: „Was thun"? — Braunschweig. 1871.

Энгельсъ. „Soziales aus Russland". (1875). Nachwort. (1894). Переведено подъ заглав.: „Очерки соціальной жизни Россіи". Изд. „Мысль".

СПБ. 1906 (о взглядахъ Ч. на общину), 20—22 и 30; с. 28 (цит. изъ письма Маркса къ Михайловскому, касающагося Ч.). Заграничн. изд. подъ заглав.: „Фр. Энгельсъ о Россіи". Женева. 1894. Переводъ В. Засуличъ.

* **Языковъ**. „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей", вып. IX. „Русскіе писатели, умершіе въ 1889 г.".—М. 1905.

1891—1904.

* **Аббадона**. (Амфитеатровъ). Фельетонъ.—Зарубежные отклики, XVIII. (О „Что дѣлать?")—„Русь", 1904, 7 нояб.

* **Ангарскій, В**. „Памяти Н. Г. Чернышевскаго". (Къ пятнадцатилѣтію со дня его смерти). „Самар. Газ.". 1904, 17 окт.

Андреевичъ. (Соловьевъ). „Очерки по ист. рус. литературы XIX в.". 1902, стр. 200—203, (60-е годы и Ч.), 205—220, (разночинецъ 60-хъ гг., міровоззрѣніе Ч.), 220—230 (краткая біогр. и характеристика Ч.), 282—291 (беллетристика Ч.), 318—319 (общ. замѣч. о 60-хъ гг. и Ч.). Кромѣ того, рядъ отдѣльныхъ замѣчаній.

Его же. А. П. Чеховъ. „Жизнь" 1899. IV, 192. (Ч. и Юркевичъ).

Его же. Беллетристика Ч. (о „Что дѣлать?" и отчасти, о „Прологѣ пролога" и о драматич. произвед. Ч.). „Научное Обозрѣніе". 1899, IV, 755—767.

Его же. „Прекрасное есть жизнь". „Жизнь". 1899, X, с. 352—359 (объ эстет. и др. воззрѣніяхъ Ч.); см. слѣд. періодъ.

Аничковъ. „Литературные нравы и мнѣнія". СПБ. 1904. Въ ст. „Эстетика правды справедливости", гл. I и въ особен. III, а такъ же V (объ эстет. взг. Ч.).

Анненскій. „Сорокъ лѣтъ назадъ". Сборн. „На славномъ посту". 2-е изд., с. 449—450 (общ. характеристика міровоззрѣнія Ч.); см. слѣд. періодъ.

Антоновичъ. „Изъ воспоминаній о Добролюбовѣ". „Журналъ для всѣхъ". 1902, I, 83—85, 89—90 (объ отнош. Ч. къ Антоновичу и Добролюбову).

Арсеньевъ. „Матерьялы для біографіи Салтыкова", въ I т. собр. соч Салтыкова, 3-е изд. СПБ. 1897, с. CVII—CVIII (отзывъ Салтыкова о „Что дѣлать?", см.).

Ачкасовъ. „Письма о литературѣ". „Рус. Вѣстн.". 1885, I, с. 224—227 (объ эстет. взг. Ч.).

Ашешовъ. „Метерлинкъ или Чернышевскій" (по поводу взгл. Ч. на бракъ). „Образов.". 1902, X, 107.

* **В**. „Изъ жизни въ Нерчинскихъ рудникахъ въ 60-хъ гг.". Воспоминанія. „Амурскій Край". 1900, №№ 5, 8, 11, 14, 17, 23, 24.

Б. (А. Б.). „Критическія замѣтки". „Міръ Божій". 1904, XII, 11—13 (о судѣ надъ Ч. по В. Соловьеву).

Б. (С. Б.). „Литературныя замѣтки". Н. Г. Чернышевскій. „Новый Путь". 1904, № 11, 318—320 (общ. характеристика Ч. и его философск. взгл.).

Базилевскій. „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX в." Stuttgart. 1903, с. 221—222 (приговоръ по дѣлу Ч. изъ „Сенатскихъ Вѣд." 8 мая 1864 г.).

Ватуринскій. „Герценъ, его друзья и знакомые". Матерьялы для исторіи общест. движ. въ Рос., т. I, СПБ. 1904, 103—108 (о ст. Герцена, касавшейся Ч.).

Берлинъ. „Къ генезису матеріалистическаго пониманія исторіи". „Образ". 1904, XI, 34—35 (Ч. и діалектичнскій методъ).

Его же. „Рецензія на „Основанія полит. экономіи Милля". „Жизнь". 1899, VIII, 342.

Боборыкинъ. „Красота, жизнь и творчество". Вопросы философіи и психологіи. 1893, кн. I, 71—108 (объ эстет. отнош.); кн. II, 50—62 (о критикѣ „Эстет. отнош.").

Богучарскій. Изъ прошлаго русскаго общества. СПБ. 1904. Статья „Столкновеніе двухъ теченій обществен. мысли", первоначально въ „МірѣБожьемъ", 1901, XI (объ отнош. Ч. и Добролюбова къ Герцену. Отдѣльн. замѣч. въ др. ст.

Борисовъ. „Алексѣевскій Равелинъ въ 1863—65 гг.". „Рус. Стар.". 1901, XII, 573—578 (о пребываніи тамъ Ч. и объ его голодовкѣ).

Вороздинъ. „Популярныя лекціи по исторіи рус. словесности". Семейный университетъ Комарскаго. СПБ. 1902. лекція 32, 333—335 (объ эстет. и литерат. взгл. Ч.).

* **Буренинъ, В.** „Критическіе очерки". „Нов. Время", 1894, 28 окт (О развѣнчиваніи Волынскимъ Ч.).

Бурцевъ, А. „Описаніе рѣдкихъ россійскихъ книгъ". Ч. V. СПБ, 1897, 222—223 (о „Что дѣлать?").

Бурцевъ, В. „За сто лѣтъ". 1897, гл. XIV. „Н. Г. Чернышевскій", 69—85. Сенатская записка о дѣлѣ Ч. Изъ дневника Никитенко, 1864 (о приговорѣ надъ Ч.). Письма Головина къ Панаеву (отношеніе Ч. къ правительству). — Кромѣ того, рядъ мелкихъ замѣчаній. См. указатель въ концѣ книги.

„Былое". 1903 г. Заграничное изд. соц.-рев. № 4. Въ статьяхъ: „Изъ жизни Саратовскихъ кружковъ" (о вліяніи Ч. въ Саратовѣ, 3) и въ ст. „Ссылка и каторга въ 60-хъ гг." (нѣсколько замѣч. о полож. Ч. на каторгѣ), 59 и 65.

Венгеровъ С. А. Статья объ общихъ взглядахъ Ч., въ частности объ его эстетикѣ. 76-й полутомъ энцеклопед. словаря Брокгауза и Ефрона.

Волынскій. Литературныя замѣтки. „Сѣверный Вѣст.". 1892, VII, § 4; X, § 2—1893, I, §§ I—IV.—1894, X—XII; 1895, I, IV.—Перепечатаны въ его книгѣ „Рус. Критики". СПБ. 1896. Въ ст. „Бѣлинскій" ст. I, с. 26—27. (Ч. о Бѣлинскомъ). „Добролюбовъ", ст. I, с. 156—161 (Ч. и Добролюбовъ и тогдашніе журналы объ ихъ отношеніяхъ). „Журналистика 60-хъ г. и Писаревъ". Ст. I. „Чернышевскій и Юркевичъ". („Антрополог. принципъ въ философіи".—С. Симонъ, Шопенгауеръ, Милль, Прудонъ въ излож. Ч.—Возраженія Юркевича.—Катковъ.—„Полемич. красоты".—Схватка съ „Отеч. Записками").—Ст. 2 (защита Ч. Антоновичемъ и отвѣтъ Юркевича, с. 337—344, 346). Ст. 3 (Антоновичъ и Ч., 369—371, 374, 381).—Ст. 4. (Громека о Ч. 426, 431; Щедранъ о Ч. 434, 443, 450; Антоновичъ и Писаревъ о Ч. 466—471). „Писаревъ" стр. 514, 596—599 (Писаревъ о Ч.) 588—596 (о беллетристикѣ Ч.). „Полемическіе матерьялы". Ч. и Го-

голь, §§ I—III (687—696). „Очерки Гоголевскаго періода" и вопросъ о гегельянствѣ Бѣлинскаго (727-729, Ч. и Бѣлинскій). „Эстетическое ученіе Ч." 738—750.—Замѣтка объ этомъ Буренина, „Нов. Вр.". 1894, 28, X.

Его же. Отвѣтъ „Вѣстнику Европы" „Сѣв. Вѣст.". 1893, VI (119—120, о критическихъ ст. Ч.).

* **„Восточное Обозрѣніе".** 1904, № 271, 13 нояб.—Фельетонъ.—„Н. Г. Чернышевскій".

„Вѣстникъ Европы". Библіографическія замѣтки. 1892, V, с. 410—412 (объ „Очеркахъ Гогол. періода"). XI, 405—409 (о критическихъ статьяхъ); 1893, II, 887—889 (объ эстет. отнош.); 1894, III 419—421 (о „Замѣткахъ о современной литературѣ").

Г. (С. Г.). „Фантазія и жизнь". Книжки „Недѣли", 1893, № 7, 217—235 (объ „Эстетическихъ отношеніяхъ").

Г. (П. Г.). „Къ характеристикѣ нашего философскаго развитія". Сборн. „Проблемы идеализма". М. 87—89 (о Ч. вообще, и въ частности о его философіи).

* **Г.** (П. Г.). Нѣсколько словъ по поводу статьи г. Чернышевскаго „о поземельной собственности".—„Экономич. указатель", 1850, вып. 12 (№ 64) 258—264.

Галлерея русскихъ писателей. Текстъ редакт. Игнатовъ. Изд. Скирмунта. М. 1901, 268—273.

Грабель. Настольный энциклопедическій словарь. М. 1891, т. IX, 5130.

* **Глинка,** Юстина. Письмо въ редакцію.—„Наша Жизнь", 1904, № 10, 16 нояб. (по поводу ходат. о возвр. Ч.).

Головинъ. (Орловскій). „Русскій романъ и русское общество". Изд. 2-е Маркса. СПБ. Ч. III. Эпоха бури и натиска, гл. III: Ч., его критическія статьи.—Диссертація объ отношеніи искусства къ дѣйствительности.—Въ чемъ ошибка аргументаціи Ч.—Разборъ Тургеневской Аси.—Экономическія статьи.—Гл. IV: Романъ „Что дѣлать?".—Содержаніе романа.—Фигура Рахметова.—Значеніе „Что дѣлать?", какъ жизненной программы.—Нравственное ученіе, лежащее въ основѣ этой программы.—Слабая сторона утилитарной нравственности.—Противорѣчіе между личными стремленіями и общимъ благополучіемъ.—Мнимое совпаденіе того и другого по ученію Ч. и шестидесятниковъ.—Гл. V (начало гл.). Причина популярности романа Ч.: онъ удовлетворяетъ двумъ потребностямъ: жаждѣ личнаго счастья и стремленью къ аскетизму.

Гольцевъ. Изъ воспоминаній и переписки. „Н. Г. Чернышевскій". „Рус. Мысль". 1903, № 1, 226—229 (о сотрудничествѣ Ч. въ „Рус. Мысли").

* **Его же.** „Рус. Мысль". 1881, II. Внутр. обозр. (о необходимости измѣнить участь Ч.).

Гутьяръ. „Тургеневъ и Некрасовъ". „Рус. Старина". 1903, I, 81—82 (о разборѣ Ч. „Рудина" Тургенева).

Дебогорій Мокріевичъ. „Воспоминанія". Загран. изд. и лег. 1906 г. 186—187 (о попыткѣ Мышкина освободить Ч.).

Джаншіевъ. „Эпоха великихъ реформъ". 7-е изд. М. 1898, с. 790—791 (объ оцѣнкѣ Грановскаго Ч-мъ).

Добролюбовъ, В. А. „Ложь г. Ник. Энгельгардта и Розанова о Н. А. Добролюбовѣ, Чернышевскомъ и духовенствѣ". СПБ. 1902. (Полемика съ Энгельгардтомъ, по которому Добролюбовъ и Ч., какъ утилиталисты, были не художественными критиками, а губителями искусства, и съ Энгельгардтомъ и Розановымъ, утверждавшими, что Добролюбовъ и Ч., какъ семинаристы, внесли грубое отрицаніе искусства). Въ частности о Ч. 75—94 (объ эстет. взгл. Ч.), 101—104, 108, 111 (объ отнош. Ч. къ Пушкину), 142—153 (отнош. Ч. къ Добролюбову).

Заль (Л. С. З.). Статья объ экономич. взгл. Ч., 76 полутомъ энц. словари Брокгауза и Ефрона.

* **„Заласкійск. Обозр.".** 1904, 23 и 25 ноября.—„Н. Г. Черныш., какъ экономистъ". (Перепеч. изъ „Одес. Нов." доклада Геккера).

* **Захарьинъ, Ив.** (Якунинъ). О подложномъ письмѣ въ „дѣлѣ" Чернышевскаго (письмо въ редакц.) „Нов. Вр.". 1904, 23 ноября, (поправка къ этому письму В. Никитина „Нов. Вр.". 1904, 29 ноября).

* **И.** Литературные отголоски. „Рус. Вѣдомости". 1904, № 301.

Ивановъ. „Писаревъ, его сподвижники и враги". „Міръ Божій". 1899, I, 210—212. (Писаревъ и Ч.) 217 (объ эстетикѣ Ч.) и болѣе мелкія замѣчанія; III, 117—118 (Ч. и Милль).

Его же. Исторія русской критики. Части 3 и 4. СПБ. 1900. Гл. XXVI. Общій характеръ движенія и дѣятелей 60-хъ годовъ. Гл. XXVII—XXXI. Старшее поколѣніе шестидесятниковъ. Философская и критическая дѣятельность Ч.

Игнатовъ. См. Галлерея рус. писателей.

Кагоровскій. „Русская община". СПБ. 1900. Рядъ замѣчаній объ отношеніи Ч. къ общинѣ, 17 и далѣе.

Клейнбартъ. Изъ жизни и литературы. „Памяти Ч.". „Образованіе". 1904, № 12, 107—118 (краткая біографія и характеристика Ч.).

Колубовскій. „Философскій Ежегодникъ". 1895, (въ прилож. къ „Вопр. философіи и психологіи", кн. 4 (29), стр. 174—175 (библ. замѣтки).

* **Корниловъ.** „По поводу газетныхъ воспоминаній о Г. Н. Черныш.". „Наша Жизнь". 1904, 19 ноября.

Короленко В. Г. „Воспоминанія о Ч.". Изд. „Фонда Вольной рус. прессы. Лондонъ. 1894.—То же, „Рус. Бог.". 1904, № 11. Перепечатано въ книгѣ К. „Отошедшіе". „СПБ. 1908, 53—90 (Ч. на каторгѣ, въ ссылкѣ и въ Астрахани; характеристика его воззрѣній).

* **Корсаковъ.** „Изъ переписки Кавелина". „Рус. Мысль". 1892, № 3, 6—7.

Красноперовъ. „Мои воспоминанія". „Міръ Божій". 1896, № 10, 116—117 (о вліяніи Ч. на молодежь).

Кричевскій. „Памяти Н. Г. Чернышевскаго". „Рабочее Дѣло". 1899, № 4—5, 1—112 (общ. характеристика соціологическихъ и соціалистическихъ взглядовъ Ч.).

* **Крыловъ.** „Эпизодъ на литературномъ конгрессѣ въ Вѣнѣ", (отрывокъ изъ воспом.). „Ист. Вѣст.". 1900, № 2.

Лемке. „Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 гг.". СПБ. 1904.

Отдѣльн. замѣч., между прочимъ: с. 185—187 (перепечатка изъ ст. Пантелѣева объ отношеніяхъ Ч. къ молодежи и къ Шахматному клубу), 278—281 (перепеч. изъ ст. Борисова о положеніи Ч. въ тюрьмѣ и о цензурѣ надъ „Что дѣлать?"), 298 (Ч. и прокламація „Молодая Россія"), 330—331 (Гилярровъ-Платоновъ о Ч. и его единомышленникахъ), 384 (Ч. и цензура), 452—453 (значеніе критики Ч. по оффиціальнымъ документамъ), 486—489 (критика „Что дѣлать?" въ оффиціальномъ изд. „Собр. матерьяловъ о направленіи различныхъ отраслей рус. словесности за послѣднее десятилѣтіе и отечественной журналистики за 1863 и 64 гг."), 511—512 (Ч. и „Современникъ" въ оффиціальн. документахъ). — Рец. Пыпина „В. Евр.", 1905, VII, 388.

Леонтьевъ П. „Письмо къ Кавелину отъ 27/x 1858 г." „Рус. Мысль". 1892, III, 6—7 (объ общемъ направленіи дѣят. Ч.).

Летучіе листки. Изд. „Фонда Вольной рус. прессы". 1898, 29/III, № 42, 16—17. „Кое-что о неизданныхъ произвед. Ч." (беллетристика).

Лукьяновъ. Стихотвореніе, „Памяти Н. Г. Чернышевскаго". „Наша Жизнь". 1904, 25 дек.

Масловъ П. „Идеализація натуральнаго хозяйства". „Научн. Обозр.". 1899, I, 157—178, III, 620—640 (объ эконом. взглядахъ Ч.).

* **Маріинскій.** „Н. Г. Чернышевскій". „Нов. Міръ". 1899, № 22 (съ портретомъ).

Межовъ. „Сибирская библіографія", т. I, II и III. СПБ. 1903, (библіографія о Ч. въ Сибири, см. указатель въ концѣ кн.).

Мезьеръ. „Рус. словесность съ XI по XIX столѣтіе включительно". Т. II. СПБ. 1902 (библіогр. замѣтки).

Миклашевскій. „Поземельная община въ Россіи". Энц. словарь Брокгауза, т. 24, 214 (о взглядахъ Ч. на общину).

Мыхиловскій Н. К. „Литературныя воспоминанія и современная смута", т. I, СПБ. 1905, 2-е изд., 46 (Ч. и „Современникъ"). Въ ст. объ „Исторіи новѣйшей литературы Скабичевскаго", 126 (Ч. какъ журналистъ), 147 (Ч. и славянофилы), 152 и далѣе (эстет. взгл. Ч.), 156—158 (Ч. какъ критикъ), 304 и далѣе („Что дѣлать?"), 341 (Ч. и гегел. тріада), 457 (Ч. и люди 40-хъ годовъ), 459, 483 и 494 (Ч. и Елисѣевъ), 467 (Ч. какъ редакторъ „Современника").

Его же. Послѣднія сочиненія. Т. II, СПБ. 1905. „О воспоминаніяхъ Антоновича", с. 151—152 (по поводу статьи Тургенева о Ч. и Добролюбовѣ); о Лѣсковѣ, с. 462—466, 468—471 (о Ч. и журналистикѣ 60-хъ годовъ и о сношеніяхъ Ч. съ Катковымъ, перепечатано изъ „Рус. Бог.". 1904, № 1, „Литература и жизнь").

Его же. Вступительная статья къ I т., соч. Шелгунова. СПБ. 1895, с. LX (Ч. и Шелгуновъ).

Его же. „Изъ воспоминаній". „Рев. Россія". № 4, (30 окт. 1904), 11 (обстоятельства освобожд. Ч.).

Его же. „Le mouvement littéraire en Russie". „Revue des Revues". 1894, № 2, 93—95 (общ. замѣч. Ч.).

„Міръ Божій". Отдѣлъ „На родинѣ". 1900, IV. „Изъ воспоминаній о Ч.". (Ч. на каторгѣ). Тамъ же. 1901, XI, 19—20 (Ч. въ Вилюйскѣ).

Мордовцевъ. „О Рахметовѣ".—„Сѣв. Курьеръ". 1900, № 164.

* **М.** (Г. М.). „Забытый писатель". „Сынъ Отечества". 1899, № 285.

* **М-ко Н.** Литературныя воспоминанія (Ч. въ крѣпости). „Истор. Вѣст.". 1901, дек.

Некрасова Е. „Герценъ въ перепискѣ съ Кліентовой". „Рус. Старина". 1892, III, 778—780. (Знакомство Кліентовой съ Ч. въ 1846 г.).

* **Никаноръ, преосвященный**. „О значеніи семинарскаго образованія". Изд. II, Одесса, 1891.

Огарева-Тучкова. „Воспоминанія". М. 1903, 163—164 (свиданіе Ч. съ Герценомъ). Отзывъ у Ленке. „Былое". 1906, III, 112.

Орловскій. См. Головинъ.

Памяти Бѣлинскаго. Сборникъ. М. 1899. „Письмо Ч. къ Бабсту" (объ отнош. Ч. къ журналу Атеней), 388—389.

Панаевъ И. „Воспоминанія". „Рус. Старина". 1901, IX, 506—509 (о ст. Ч. объ общинѣ и общая характер. Ч.).

Пекарскій. Беллетристика Ч. „Рус. Бог.". 1900, X, 88—100 (содержаніе произведеній Ч. написанныхъ въ Сибири).

* **Писаревъ**. „Воспоминанія о Черн.". „Волжск. Вѣст.". 1897, сент.—Выдержка.—„Нов. Время". 1897, 30 сент.

* **Плотниковъ**. „Старый споръ, передъ новымъ судомъ". „Волж. Вѣст.". 1895, № 130.

Полевой. „Исторія рус. словесности съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней". СПБ. 1900, т. III, с. 596—603.

Протопоповъ. „Изъ исторіи нашей литературной критики". (По поводу „Очерковъ Гоголевск. періода"). „Рус. Мысль". 1892, № 8 129—148 и № 9. 104—125.

Его же. „Этика и эстетика" (по поводу „Эстетики и поэзіи" Ч.). „Рус. Мысль". 1893, № 4, с. 126—146.

Его же. „Умная книга". „Рус. Мысль". 1893, I, 100—121 (о критич. статьяхъ Ч.). См. Фаресовъ и Южный.

Пыпинъ М. Е. „Салтыковъ". СПБ. 1899, 161—162. (Отзывъ Салтыкова о „Что дѣлать?").

Его же. „Некрасовъ". „Вѣст. Европы". 1903, XI, 75—83, 86—89 и 108 (отношенія Некрасова и Тургенева къ Ч.) XII, 607, 612, 614, 626, 630, 636, 642. (Письма Некрасова къ Тургеневу, касающіяся отношенія Ч. къ „Современнику").—Отдѣльное изд. СПБ. 1905. (См. слѣд. періодъ).

„Рабочая Мысль". Газета петербургскихъ рабочихъ. № 7. Іюль, 1899 (17-е октября). „Краткая біографія и характеристила Ч. по случаю 10-лѣтія со дня его кончины".—Тамъ же. „Современное рабство" (выдержки изъ Ч.).—Въ приложеніи къ № 8 портретъ Ч. и отзывы Маркса и Энгельса о немъ.—Отдѣльное приложеніе. Сентябрь, 1899. Къ десятилѣтію смерти Ч., 17—29 (изложеніе его соціально-политическихъ взглядовъ).

Рейнгардтъ Н. К. „Михайловскій и его труды". Казань. 1902, 7 и 8 (Ч. какъ вождь „радикально-экономическаго" теченія русскаго общества).

* **„Русскія Вѣдомости"**. 1893, № 39 (объ „Эстет. отнош".). 1904, № 301 „Литературные отголоски" (15-лѣтіе со дня смерти Ч.).

Саниинъ. „Экономическія иллюзіи". „Научн. Обозр.". 1899. IV, 838—839 (Ч. какъ основатель народничества).

Семевскій. „Фурье и фурьеризмъ". Энц. словарь Брокгауза, 72-й полутомъ, с. 211—212 (вліяніе Фурье на Ч.).

Святловскій. Къ исторіи рус. идеологіи. „Развитіе взглядовъ на сущность экономической эволюціи Россіи". „Народное Хозяйство". 1904, кн. III (Май—Іюнь), 30—31 (объ эк. уч. Ч.).

* **„Сибирскій Вѣстникъ"**. 1891, № 6. Разсказъ Н. Г. Чернышевскаго о пребываніи его въ ссылкѣ". (Изъ „Рус. Бог." и „Нов. Вр.").— 1899, № 122.—„Н. Г. Чернышевскій", некрологъ (изъ „Недѣли").

Сибиракъ. „Полемическія красоты редакціи „Рабочей Мысли". „Рабочее Дѣло". 1899, № 4—5, 69—70 (объ отношеніи „Рабоч. М." къ Ч.).

Скабичевскій. „Сорокъ лѣтъ рус. критики". СПБ. 1890. Собр. соч., т. I, 516—519 (объ „Очеркахъ Гогол. періода" и Лессингѣ") и нѣсколько мелкихъ замѣчаній (см. указатель во II т.).

Его же. „Исторія новѣйшей рус. литературы". 3-е изд. СПБ. 1897. Гл. IV, § 4 и 5 (біографія Ч., краткая характеристика его дѣятельности и болѣе подробная—его взглядовъ на эстетику и критику). Кромѣ того, нѣск. отд. замѣч. (см. приложенный къ кн. указ.).

Его же. „Біографія Добролюбова" въ I т. собр. соч. Добролюбова. 5-е изд. СПБ. 1896, с. XLVIII—L (знакомство Добролюбова съ Ч.), LXXI—LXXIII (Ч. при кончинѣ Добролюбова) и рядъ отдѣльныхъ замѣчаній).

Скальковскій „Наши Государственныя дѣятели". СПБ. 1891. „Н. Г. Чернышевскій", с. 310—321 (краткая характеристика).

Скворцовъ. „Основанія политической экономіи". СПБ. 1898. Отд. II гл II, с. 109—119 (разборъ ученія Ч. о населеніи и его критика Мальтуса).

Соловьевъ, Вл. Собр. соч., т. VII. „Первый шагъ въ положительной эстетикѣ" (с. 424—431, объ эстетическихъ взглядахъ Ч.).

Соловьевъ, Евг. см. **Андреевичъ**.

Струве, П. „На разныя темы". СПБ. 1902 Въ ст. „По поводу ст. г. Оболенскаго". 239—241 (о философ. соціолог. взг. Ч.).

Терпигоревъ. Соч., ч. VI. „Воспоминанія". СПБ. Изд. Маркса, гл. VII с. 503—508 (о журнальныхъ хлопотахъ Ч. въ 60 годахъ).

Туганъ-Барановскій. „Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ". Т. I. 2-ое изд. СПБ. 1900, с. 524—528 (объ эконом. взглядахъ Ч., объ его отношеніи къ фабричному производству). Введеніе: 7—8 (нѣсколько замѣчаній о ст. Ч. „Капиталъ и Трудъ").

Его-же. Въ ст. „Экон. наука въ Россіи". Энц. словарь Брокгауза „Россія", 55 полутомъ., с, 852—853.

* **Фаресовъ**. „Отзывъ о статьѣ **Протопопова**" „Этика и эст.". „Ист. Вѣст.". 1895, V, 514—517.

* **Чернышевскій, Мих**. „По поводу воспоминаній Огаревой-Тучкиной въ „Рус. Старинѣ"; „Нов. Вр.". 1894, № 6690, 16 окт.

Шелгунова. „Изъ далекаго прошлаго". СПБ. 1901, с. 111—112 (отношенія Ч. къ Михайлову и о немъ самомъ).

Шелгуновъ, Н. В. Сочиненія, т. II. СПБ. 1895. „Изъ прошлаго и настоя-

щаго". Рядъ замѣчаній, между прочимъ: 655 и 694 (о „Что дѣлать?"), 677—679 (диссертація Ч.).

Щепкинъ. „Эскурсія въ мало изслѣдованную и таинственную область" (по поводу ст. Абрамовича о 70-хъ годахъ) „Рус. Бог." 1899. IX, с. 137—142 (Ч. и община). См. слѣд. періодъ.

Щеголевъ. „Исторія соціальныхъ системъ". Т. I. 1891, изд. 2-ое. Гл. VI. Приложеніе Е: Характеристика С. Симона, начерченная въ нашей литературѣ Чернышевскимъ (353—369). Гл. V. Приложеніе Э. Мнѣніе о сен.-симонизмѣ и с.-симонистахъ, высказанныя Ч. (403—408)—Т. II. СПБ. 1889. Гл. I. Приложеніе Е. Мнѣніе о Фурье, высказанное въ ром. „Что дѣлать?" (213—14). Гл. II. Прилож. В. Ч. и Кабэ (426) Гл. III. Прилож. В. Соціальная система Л. Блана въ передѣлкахъ г. Черн. ad usum новыхъ людей (с. 635—669) и рядъ замѣчаній въ прилож. Г.

Чекревовъ. „Доктрины марксизма". Вып. I. Женева. 1904, с. 30 - 32 (объ отношеніи Плеханова къ Ч.).

* **Эвальдъ.** „Литературныя воспоминанія". „Ист. Вѣст". 1895, XII. с. 725—734 (см. о немъ Антоновичъ).

Энгельгардтъ, Н. „Исторія рус. литературы 19 столѣтія". Т. II. СПБ. 1908, 40—46 (о литер. дѣятельности Ч.).

Его-же. „Очерки исторіи рус. цензуры въ связи съ развитіемъ печати". СПБ. 1904. Въ ст. „Цензура въ эпоху великихъ реформъ", очерки II и III (рядъ мелкихъ замѣчаній).

Юшкевичъ. „Соціологическая доктрина Михайловскаго" Сбор. „На славномъ посту" (нѣсколько замѣчаній о соціологическихъ взглядахъ Ч.).

* **Южный.** „Ни этика, ни эстетика". „Гражданинъ". 1895, № 147 (о статьѣ Протопопова. „Этика и эстетика").

* **Ѳедоровъ, К. М.** „Памяти Н. Г. Чернышевскаго" (съ портретомъ) „Закасп. Обозр." 1899, 17 окт.

1905—1909.

Абрамовичъ. „Дѣятели освобожденія". XIII. „Н. Г. Чернышовскій" (біографія и характеристика). „Педагогическій Листокъ". 1908 кн. VII, с. 517—525

Ав—въ. „Рецензія по поводу новаго изд. Что дѣлать". „Ист. Вѣст." 1905, VI, 1024—1025.

Агафоновъ, В. „Старые гимны разуму, свободѣ и эгоистическому героизму". „Міръ Божій". 1905 г., X (объ утилитаризмѣ Ч., по поводу его романа „Что дѣлать?") Перепеч. въ его сборн. „Наука и Жизнь". СПБ. 1906, 158 и дальше.

Александровъ. „Арестъ Мышкина" (при его попыткѣ освободить Ч.). „Былое". 1906, X, стр. 259—260.

Андреевичъ. „Опытъ философіи русской литературы". СПБ. 1905, гл. V 60-е годы (общая характеристика ихъ и Ч.) § 11. „Нигилизмъ и любовь"; § 13 „Нигилизмъ и исторія" (историч. взгляды Ч.); § 14 „Эстетика нигилизма"; § 17 „Соціализмъ и народничество 60-хъ годовъ (отношеніе Ч къ общинѣ и крестья-

намъ); § 18. „Подготовка народничества собственно" (302 и далѣе о Рахметовѣ).

Анненскій. „Страничка изъ воспоминаній". (Литературн. вечер. съ участ. Ч.) „Рус. Бог." 1906, XII, 195—207.

Антоновичъ. „Арестъ Чернышевскаго". Былое. 1906, № 2, 90—94 (личныя воспоминанія объ обстановкѣ ареста).

Его же. „Матеріалы для біографіи Н. Г. Чернышевскаго". „Минувш. Годы" 1908, V—VI, 328—348, по поводу литерат. воспоминаній Эвальда (см.), относящихся къ 1862 г.

Антоновъ. „Н. Г. Чернышевскій о революціи". „Былое". № 8. Paris, 1908, 65—69.

Его же. „Н. Г. Чернышевскій о русской общинѣ". „Образованіе 1909, V, 25—42.

Его же. Миѳы и легенды о Чернышевскомъ". „Одес. Новости". 27 VIII—09 г. № 7200.

Его же. „Памяти Ч." „Кіев. Мысль", 1909, 17 X, № 287.

Его же. „Чернышевскій и Лассаль". „Бодр. Слово" 1909, X, № 19, стр. 46—58.

Бельтовъ. (Плехановъ) „За двадцать лѣтъ". СПБ. 1905. Статьи: „Эстетическая теорія Чернышевскаго" и „Чернышевскій и Мельтусъ" (перепечатана изъ Соціал. дем. № 4, 1892). Во второмъ изд. этой ст. нѣтъ. Кромѣ того, здѣсь же: объ эстетич. взглядахъ Ч. въ замѣткѣ о книгѣ Скабичевскаго, 314—316 (1-ое изд.); объ отношеніи Ч. къ общинѣ и къ освобожденію крестьянъ въ ст. „Нѣсколько словъ въ защиту экономическаго матерьялизма". 464—468).—Рецензъ въ „Вѣст. Европы". 1905, X.

Его же. „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію" (о взглядахъ Ч. на діалектич. методъ и тріаду Гегеля), 68—72, 2-ое изд. 1905.

Его же. „Критика нашихъ критиковъ". СПБ. 1906 г. Въ ст. о Бернштейнѣ, о діалектическомъ методѣ по Чернышевскому", с. 130—133, (о взглядахъ Ч. на значеніе расы въ исторіи), 322—323.

Его же. „Идеологія мѣщанина нашего времени" (по поводу книги Иванова-Разумника), гл. XV. „Современ. Міръ". 1908, VII (возраженіе по поводу взглядовъ Ив.-Раз. на утопизмъ Ч., на „Что дѣлать", на общину и др.).

* **Его же.** „Н. Г. Чернышевскій". „Исторія рус. литературы XIX с." подъ ред. Аничкова, вып. 12—13, гл. IV.

Богучарскій. „Изъ русскихъ журналовъ". „Міръ Божій". 1905, I.—„Новыя данныя къ дѣлу Чернышевскаго", 34—47.

Бороздинъ. „Литературныя характеристики". Т. II, вып. I. СПБ. 1905. Въ ст. „Бѣлинскій и послѣдующее развитіе русской критики", гл. II. 18—44 (взгляды Ч. и въ частности его ученіе объ общинѣ).

Брикнеръ. „Исторія русской литературы". Ч. II. СПБ. 1906, гл. XI (57—58, 62) Общая характ. лит. дѣят. Ч.

„Былое". 1906, I. „Письма Чернышевскаго къ Краевскому" (участіе Ч. въ ходатайствѣ за Щапова) с. 171—178.

* **Бѣлоцерковскій** проф. „Памяти Н. Г. Чернышевскаго".—Русь. 1905, 7 янв. (Приведено стихотв. „На смерть Н. Г. Чернышевскаго").

* **В. В.** „По поводу соб. соч. Чернышевскаго".—„Наша жизнь, 1906 № 16, 30 апр. (литерат. прилож.).

Венгеровъ. „Очерки по исторіи русской литературы". 2-ое изд. СПБ. 1907, 55—59 (общая характер. взглядовъ Ч. и его значеніе), 71—72 (о „Что дѣлать").

В—ій Ч. Ч. въ Астрахани. „Разсказъ корресподента Daily News". „Рус. Вѣд." 1909, № 238.

Волжскій. „По поводу новаго изд. романа Чернышевскаго „Что дѣлать?" (о романѣ и общихъ взглядахъ Ч.) „Вопросы Жизни" 1905, № 6, 236—240.

Войтоловскій. „Утоп. реализмъ въ міровозрѣніи Ч." „Кіев. Мысль" 17; 809, № 287.

Вороновъ, Н. Н. „Костомаровъ и его дѣятельность во время ссылки въ Саратовѣ въ 50-хъ годахъ". „Рус. Старина". 1907, XII, 677 (отношенія Ч. и Костомарова).

„Вѣст. и библіотека самообразованія" 1905, № 18 „Н. Г. Чернышевскій и Россія 60-хъ годовъ".

„Вѣст. Европы" 1905, VI 802—805 (о „Что дѣлать?" и ст. по крестьянскому вопросу) 1906, XI (о 2 ч. X т. соб. соч. Ч.).

Вѣтринскій Рецензія на соч. Ч. (общая характеристика его личности) и на книги Лемке (о процессѣ Ч.) и Шаганова (воспом. о Ч.) Критическое Обозр. М. 1907; вып. III, 89—94.

Его-же. „Герценъ". СПБ. 1908 с. 353—358 (объ отношеніяхъ Ч. къ Герцену) и рядъ болѣе мелк. зам. (см. указ. въ кон. кн.).

Его-же. „Ранніе годы Ч.". „Вѣст. Европы" 1908, VII, 5—30; VIII, 494—528; IX, 214—253, замѣтка объ этомъ въ „Рус. Вѣд." 1908 № 159.

Его же. Матерьялы для біографіи Черн. („Ранніе годы Ч.".—„Въ преддверіи литературн. дѣятел.".—„Къ раннимъ годамъ Ч.".—„Защита диссертаціи"). „Сарат. Листокъ". 1909. №№ 105, 120, 136.

Г. (Н. Г.). „Памяти Ч.". „Од. Нов.". 17/x-09, № 1942.

Гершензонъ. „Литерат. Обозрѣніе". „Научное Слово". 1905. I, 157, (небольш. зам. объ элементарности взглядовъ Ч.).

Глинскій. „А. П. Пыпинъ". „Историч. Вѣст.". 1905. I, 265—271 и 280—284 (нѣсколько біограф. замѣч. о Ч. въ частн. его отнош. къ Пыпину).

* **Грабъ Павло.** „М. Г. Чернишевскій". Біограф. нарис. Львов. 1905.

Денисюкъ. „Н. Г. Чернышевскій, его время, жизнь и сочиненія". Изд. Панафидиной. М. 1908, с. 196. Реценз. объ этой книгѣ въ „Рус. Бог.". 1908. III; „Соврем. Міръ". 1908, № 4.

Его же. „Критическая литература о произведеніяхъ Н. Г. Чернышевскаго". Вып. I. М. 1908.

Ивановъ-Разумникъ. „Исторія русской общественной мысли". СПБ. 1907, т. II, гл. I („соціально-политическіе взгляды Ч."), рядъ мелкихъ замѣч. въ другихъ мѣстахъ. 2-е изд. (см. ст. **Плеханова**).

Его же. „Что такое махаевщина?". „Къ вопросу объ интеллигенціи" СПБ. 1908, 64—65 (мнѣніе махаевцевъ о защитѣ Ч-мъ общины).

Измайловъ. „Около великой тѣни". (Къ 20-лѣтію смерти Н. Г. Чернышевскаго). „Рус. Сл.". 1909, 16, X.

Ильинъ. Вл. „Матеріализмъ и эмпиріокритицизмъ". Изд. „Звено". М 1909, с. 435—438. „Съ какой стороны подходилъ Н. Г. Черн. къ критикѣ кантіанства".

* **„Кіевскіе Отголоски".** 1905, № 11, (къ біографіи Ч.).

Клейнборгъ. „Изъ прошлаго русскаго общества". „Образованіе". 1905, № 6 (о „Что дѣлать?").

„Книга". 1906, I. Краткая рецена. по случаю изд. соч. Ч.

* **Крымовъ.** „Знакомство съ Н. Г. Чернышевскимъ (1858—1862)" „Слово". 1905, 16 и 20 ноября (прилож. № 2).

Кокосовъ. „Къ воспоминаніямъ о Чернышевскомъ". „Рус. Бог.". 1905, XI—XII, 158—173 (о публичномъ чтеніи приговора надъ Ч.; случай съ нимъ по дорогѣ на каторгу; отказъ отъ подачи прошенія о помилованіи). Переиздано въ его книгѣ „Разсказы о Карійской каторгѣ". СПБ. 1907.

Корниловъ А. А. „Общественное движеніе при Александрѣ II" (рядъ замѣчаній). Изд. „Освобожденія". Парижъ. 1905.—Перепечатано въ „Минувш. годахъ". 1908, №№ 2—11 и въ отдѣльномъ изд. 1909 г.

Короленко. Случайныя замѣтки. „Изъ воспоминаній о Черн.". „Рус. Бог.". 1905, VI, 95—101—(разсказъ наблюдавшаго за нимъ жандарма о жизни Ч. въ Вилюйскѣ; разсказъ о публичномъ чтеніи приговора надъ нимъ; послѣдній перепечатанъ въ сборн. „Отошедшіе").

* **Его же.** „Легенда о Чернышевскомъ". „Наши Дни". 1905, № 35.

Кудринъ. (Русановъ). „Чернышевскій и Россія 60-хъ годовъ". „Рус. Бог.". 1905, № 3 (о соціально-политическихъ взглядахъ Ч.). Перепеч. въ книгѣ „Н. С. Русановъ", (Н. Е. Кудринъ). „Соціалисты Запада и Россіи". СПБ. 1908. Рец. Бороздина. „Минувш. годы". 1908, № 2, 311—313.

Его же. Въ ст. „П. Л. Лавровъ". „Былое". 1907, II, 256—258, 266—267 и 279 (объ отношеніяхъ Лаврова и Ч.).

Кульчицкій. „Исторія русскаго революціоннаго движенія". Т. I. СПБ. 1908. Гл. VII, VIII (въ особенности § 2, характеристика міровоззрѣнія и дѣятельности Ч.). IX (§ 3 объ участіи Ч. въ революціонномъ движеніи, §§ 14 и 20—арестъ и ссылка Ч.).

* **К.** (М. К.). „Учиться или не учиться?". Замѣтка относительно того важнаго вліянія, которое Ч. имѣетъ въ литературѣ. „Библіотека для чтенія". 1862, № 5, 187—195.

Лемке. „За что арестовали Ч.?" (приведено письмо Герцена къ Серно-Соловьевичу, касающееся Ч.). „Былое". 1906, № 1, с. 230—232.

Его же. „Дѣло Ч.". (Въ поискахъ за уликами.—Два лжесвидѣтельства и одинъ подложный документъ.—Начало сенатскаго слѣдствія и второй подложный документъ.—Еще подлогъ.—Чернышевскій больше не опасенъ). „Былое". 1906, № 3, 95—145; № 4, 124—187; № 5, 77—130. Перепечатано въ книгѣ „Политическіе процессы". СПБ. 1907, 201—421.

Его же. „Изъ бумагъ, взятыхъ при арестѣ Ч." (переписка съ Андреевскимъ и письма Костомарова къ Ч., по поводу закрытія публичныхъ лекцій). „Былое". № 3, 227—229.

* **Л—скій.** „Библ. замѣтка объ изд. полнаго соб. соч. Н. Г. Чернышевскаго". „Сарат. Дневн.". 1906, № 109, 25 мая.

Лункевичъ. „Борцы за право и свободу въ Россіи". „Популярная брошюра". СПБ. 1908, гл. IV, 59—65 (общая характеристика дѣятельности Ч.).

* **Льдовъ К.** „Изъ жизни Н. Г. Чернышевскаго". „Живописное Обозрѣніе". 1905, №№ 1—4. (Начавшая было печататься „Записка о дѣлѣ старообрядцевъ", помѣщенная въ XI, т., ч. I полн. собр. соч. Н. Г. Черн.).

Львовъ В. Журнальныя замѣтки. „Н. Г. Чернышевскій". „Образованіе". 1905, № 1, 122—127 (общ. характер.).

Ляцкій. „Н. Г. Чернышевскій въ годы ученія и на пути въ университетъ". „Соврем. Міръ". 1908, V.

Его же. „Н. Г. Чернышевскій въ университетѣ". „Соврем. Міръ". 1908, XII, 28—58; 1909, III.

Его же. „Юношеская любовь Чернышевскаго". „Познаніе Россіи". 1909, I.

Малышенко. „Н. Г. Чернышевскій", (біографическій очеркъ). „Рус. Мысль". 1906, IV, 147—182, (дѣтство, юность Ч., его учительство и начало литературн. дѣятельности); V, 54—88 (дѣятельность Ч. въ 60-е годы), 73—121 (послѣдній періодъ жизни Ч.); приложена библіографія.

* **М—е.** „По поводу стараго романа". „Новое Время". 1905, 20 іюня (о „Что дѣлать?").

„Минувшіе Годы". 1908, № 3. **NN.** „Ч. въ Вилюйскѣ" (по архивнымъ даннымъ), 1—21.

„Матерьялы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ". Русская историческая библіотека. Paris. 1905. „Къ дѣлу Н. Г. Чернышевскаго": отъ редакціи, сенатская записка по дѣлу Ч., секретный циркуляръ о Ч.; ст. Герцена о Ч. въ № 186 „Колокола", ст. Z о Ч. № 189 „Колокола".

NN. „Ч. въ Вилюйскѣ (см. „Минувшіе Годы".

* **„Наша Жизнь".** 1905, № 84, 8 мая.—„Г. С. Корниковъ и Н. Г. Чернышевскій".

* **„Наша Жизнь".** 1905, № 102, 26 мая. („О статьяхъ по крестьянскому вопросу").

Никитинъ В. „Воспоминанія". „Рус. Старина". 1906, IX, 658—662, 665 (личныя отношенія къ Ч. въ 1862 г.), X, 85—89 (публичная казнь надъ Ч.).

Николадзе. „Освобожденіе Ч." „Былое". 1906, № 9, 242 | 281.

Николаевъ П. Ф. „Личныя воспоминанія о пребываніи Ч. на каторгѣ". М. 1906 (содержитъ также характеристику личности и взглядовъ Ч.). Рецензія. „Ист. Вѣстникъ". 1906, XI, 704.

* **Овсянико-Куликовскій.** Литературныя бесѣды. VIII. „Н. Г. Чернышевскій, какъ историкъ литературы и критикъ".—IX. „Н. Г. Чернышевскій, какъ критикъ художественныхъ произведеній".—X. „Публицистическая критика Черн.".—„Наша Жизнь". 1905, №№ 264, 290 и 328 (14 и 29 сент. и 8 ноября).

Его же. „Исторія русской интеллигенціи". Т. I. М. 1906. Гл. XI, XII и XIII (въ особен. 330 и далѣе, 352 и далѣе, 378 и далѣе). „Ха-

рактеристика Ч. какъ человѣка и дѣятеля и отнош. его къ Некрасову". Ф. Н, рядъ замѣчаній, 78—80 („Ч., Герценъ и поколѣніе 40-хъ годовъ"), 84—88 („Эстетика Ч. и Писаревъ"), 129—131 („Что дѣлать?"), 263—265 („Ч. по характеристикѣ Короленко").

Пантелѣевъ. „Изъ воспоминаній прошлаго". СПБ. 1905. Ч. I. Рядъ замѣчаній, между прочимъ: 167—68 („Ч. и Лавровъ"), 207—208 („Ч. и публичныя лекціи"), 217—218 („Ч. и Костомаровъ"), 220—221 (о ст. Ч. „Научились-ли?"), 225—227 („Ч. и литер. фондъ"), 261, 269, 270, 282, 286, 327, 330, 331, 333 („Ч. и революціонныя организаціи"). Сюда вошла статья „Изъ воспоминаній о 60-хъ годахъ", напечатанная въ сборн. „На славномъ посту".—(*) То же. Ч. II.

* **Его же.** „Н. Г. Чернышевскій въ Иркутскѣ по пути въ Астрахань". „Рѣчь". 1906, № 172, 29 сент.

Его же. „Къ матеріаламъ о Х.". „Рѣчь". 16/x-09, № 284.

* **Пекарскій.** Ещё о дѣлѣ Н. Г. Чернышевскаго. „Наша Жизнь". 1905. № 77.

Петровъ Гр. „Н. Г. Чернышевскій". „Рус. Слово". 16/x-09.

Плетневъ. „Среди парижскихъ эмигрантовъ". „Рус. Старина". 1907, XII, 292—293 („о чествованіи памяти Ч. русскими студентами въ Парижѣ").

Плехановъ. См. Бельтовъ.

Потапинъ. „Воспоминанія о Некрасовѣ". „Ист. Вѣст.". 1905, II, 467—470 (о личныхъ отнош. Потапина къ Ч.).

Потресовъ. (Старовѣръ). „Этюды о русской интеллигенціи" СПБ. 1906. Въ ст. „О наслѣдствѣ и наслѣдникахъ", 77—82 (о революціонности Ч. и его отношеніяхъ къ либераламъ).

„**Протоколы** Съѣзда партіи с.-р.". 1906, 224—228 („Ч. и аграрный вопросъ") и нѣсколько мелк. замѣч.

Пыпинъ. „Мои замѣтки". „Вѣст. Евр.". 1905, II, 469—569 (рядъ сообщ. о дѣтствѣ Ч., годахъ ученія и началѣ лит. дѣят.).

Пѣшеходовъ. „На очередныя темы". „Рус. Бог.". 1908, VI (О „свободной любви" въ „Что дѣлать?"), 183—188.

„**Революц. Россія**". № 70, отъ 1 іюля. 1905 г. Въ ст. „Изъ дневника читателя", 13, (объ отношеніи Ч. къ выкупу земли крестьянами), № 71 отъ 15 іюля 1905 г. „Крестьянскій вопросъ прежде и теперь" (объ отношеніи Ч. къ крестьянской реформѣ).

Рейнгардтъ. „Н. Г. Чернышевскій по воспоминаніямъ и разсказамъ разныхъ лицъ". „Рус. Старина". 1905, II, 447—476 („Общая характеристика", „Рѣчь Ч. на могилѣ Добролюбова", „Публичная казнь надъ Ч.", „Ч. и дѣло Каракозова", „Ч. въ Астрахани").

* **Рогинскій Р.** „Къ біографіи Н. Г. Чернышевскаго". „Кіев. Отклики". 1905, № 48.

* **Розановъ В.** „Когда-то знаменитый романъ". „Нов. Время". 1905, 8 іюня.

Роландъ-Гольстъ. „Этюды по соціалистической эстетикѣ". М. 107, 17—18 (объ эстетикѣ Ч.).

Русановъ. См. Кудринъ.

„**Русскія Вѣдомости**". „Чествованіе памяти Ч.". 18/x-09, № 239.

„**Русское Богатство**“. 1905, XI—XII, 120—121. Библіографическая замѣтка по поводу новаго изд. „Примѣч. къ Милю“ Ч.

„**Рѣчь**“. 1909, 17/x. „Н. Г. Чернышевскій, и поминки по Ч.“, № 285;— „Чествованіе памяти Ч.“, № 286, 18/x-09.

* „**Сибирская Жизнь**“. 1906, 3 авг. (Библ. замѣтка о III и IV т. соч. Ч.). 1906, № 37, 18 февр. (объ полн. собр. соч.).

Скориковъ. Н. Г. Чернышевскій въ Астрахани“. „Ист. Вѣст.“. 1905, V, 477—495 (о личномъ знакомствѣ съ Ч.).

Его же. „По поводу воспоминаній о Ч.“. „Ист. Вѣст.“. 1905, VII 125—132 (отвѣтъ на обвиненіе въ вымыслахъ).

„**Справочная** книга соціалиста Гуго и Штегмана“, пер. съ нѣм. СПБ. 1906, т. II, 936—937 (краткій очеркъ жизни и дѣятельности Ч.).

Стасовъ. „Каракозовскій процессъ“. „Былое“. 1906, IV (нѣсколько замѣч. о приготовленіяхъ Страндена увести Ч.).

* **Стаховичъ С. Ч.** „Матеріалы для біографіи Ч.“. „Закаспійское Обозрѣніе“. 1905, №№ 237, 238, 239, 243.

Стекловъ. „Н. Г. Чернышевскій, его жизнь и дѣятельность“. СПБ. 1909.

Танъ. „Памяти Ч.“. (Стихотвореніе). „Нижегородскій сборн.“. Изд. 2-е. 1905, 333—334.

Токарскій. „Н. Г. Чернышевскій“ (по личнымъ воспоминаніямъ). „Рус. Мысль“. 1909, II, 40—62. Замѣт. объ этой ст. **Изгоевъ**. Лит.-общ дневникъ „Рѣчь“. 1909, № 51.

Фоминъ. „Н. Г. Чернышевскій и его значеніе въ исторіи русской общественной жизни“. „Истор. Вѣст.“. 1907, V, 503—521; VI, 851—872 (общія характер. личности и взглядовъ Ч.).

Ф—товъ А. „Н. Г. Чернышевскій, какъ экономистъ“. (Фельетонъ въ „Рус. Вѣд“. 1908, № 161).

Чернышевскій Мих. (*) „Объ огражденіи правъ собственности на изданіе сочиненій Чернышевскаго“. „Нов. Время“. 1905, 4 марта и „Русь“. 1905, 4 марта (*). „По поводу изданія полнаго собр. соч. Н. Г. Чернышевскаго“, „Наша Жизнь“, 1905, 1 дек. „Къ дѣлу Н. Г. Черн. „Былое“, 1906' № 5, 131—138.

Чернышевскій М. Н. „Къ дѣлу Ч.“. „Былое“. 1906. № 5, 131—140 (о „письмѣ Ч. къ ген.-губ. Суворову и объ отправкѣ Ч. на каторгу“).

Его же. „Послѣдніе дни жизни Ч.“. „Былое“. 1909, № 8.

Чернышевъ И. „Община, какъ предметъ вѣры и какъ предметъ суевѣрія“. „Соврем. Міръ“. 1908, 4 (рядъ замѣчаній объ отношеніи Ч. къ общинѣ).

Шагановъ. „Н. Г. Чернышевскій на каторгѣ и въ ссылкѣ“. Изд. Пекарскаго. СПБ. 1907. Реценз. въ „Критич. Обозрѣніи“. 1907, вып. III, с. 93 и 94.

* **Шенетовскій** д-ръ. „Клевета на Чернышевскаго“. „Наша Жизнь“. 1905, № 101, 25 мая.

Шишко. Примѣч. къ 1 и 2 гл. „Исторіи революціоннаго движенія въ Россіи“ Туна. Изд. „Земли и Воли“ (о движ. 60-хъ годовъ).

Его же. „Къ характеристикѣ движенія начала 70-хъ годовъ“. „Рус. Бог.“. 1906, X, 52—54 (о револ. и соціалист взгл. Ч.).

Юдинъ. „Къ біографіи Ч.“ (по астраханскимъ документамъ). „Истор. Вѣст.“. 1906, I. 199—203.

Его же. „Н. Г. Чернышевскій въ Саратовѣ. „Ист. Вѣст.“. 1905, XII, 864—893 (Саратовскій періодъ жизни Ч. въ дѣтствѣ и послѣ Сибири).

Его же. „Изъ исторіи учебной реформы въ 60-хъ годовъ“. „Рус. Старина“. 1905, III, 691 (о вліяніи Ч. въ бытность его преподавателемъ въ Саратовѣ).

Его же. „Е. А. Бѣловъ“. „Рус. Старина“. 1905, XII, гл. II (отношеніе Ч. къ Бѣлову въ 50-хъ г. и жизнь его въ Саратовѣ), гл. III (непріятности Бѣлова изъ-за знакомства съ Ч.).

Его же. „Къ біографіи Ч.“ (по астраханскимъ документамъ). „Ист. Вѣст.“. 1906, I.

Федоровъ. „Н. Г. Чернышевскій“, 2-е изд. СПБ. 1905 (біографія Ч.). Рец. **Ал. Сл.** „Ист. Вѣст.“. 1905. VI, 1112—1115.

Чернышевскому посвящены статьи въ большинствѣ энциклопедическихъ словарей, русскихъ и иностранныхъ: въ Большой энциклопедіи подъ ред. Южакова (изд. Просвѣщенія, т. XX, стр. 62—70), въ энциклопед. словарѣ Брокгауза (см. **Венгеровъ** и **Закъ**), въ энц. словарѣ Граната (т. VIII, стр. 5130), въ маломъ энц. словарѣ Брокгауза (т. III, стр. 1779—1780), въ словарѣ для всѣхъ (изд. Полезнаго Знанія), и др.; Larousse. La grande encyclopédie, t. 30 p. 998; Meyer's Konversantions-Lexicon (16 B., s. 1075) и др.

Указатель именъ къ сочиненіямъ Чернышевскаго.

Настоящій указатель составленъ къ полному X-томному собр. соч. Чернышевскаго (изд. 1905—1906 гг.). Въ него не вошли имена дѣйствующихъ лицъ беллетристическихъ произведеній Чернышевскаго, имена изъ приводимыхъ имъ иногда довольно обширныхъ цитатъ, а также имена, очевидно не имѣющія значенія для справокъ (напр., перепечатанныя въ IV т. списки депутатовъ отъ дворянства по губерніямъ). Въ X томѣ (2 я ч.) нумерація страницъ нѣсколько разъ начинается сначала, поэтому каждый изъ этихъ отдѣловъ обозначается отдѣльной буквой, и ссылки имѣютъ такой видъ: XA, XБ и т. п.

А.

Абердинъ—XБ, 136, 148.
Абрамсонъ—III, 777.
Авакумъ—III, 140.
Августъ—XA, 105.
Августъ II—III, 597, 605—607.
Августъ III—III, 605, 607.
Адлѣевъ—I, 105, 106, 108—114, 145, 147, 149—151, 155—157, 375, 376; VIII, 61.
Авесть О.—I, 402.
Авриль—III, 81.
Агасси—I, 229.
Агафонъ—I, 37.
Агриппа—VIII, 50.
Аддисонъ—III, 626, 630, 631, 695.
Аделанда принц.—VI, 83.
Аделунгъ—I, 204.
Азеліо—V, 357, 358.
Айронъ—VI, 88.
Аквильскій герц.—VI, 674, 675.
Аксаковы (И., К., С.)—II, 4, 66, 75, 177, 277, 278, 348, 380, 381, 384—387, 390, 423, 424, 426—431, 436, 603, 604; III, 4, 20, 21, 56, 57, 316, 319; VIII, 225, 320—324; IX, 63, 70, 85, 105, 111.
Александръ I—I, 445; III, 25, 309, 524, 527, 528, 532; IV, 50, 104, 165, 172; VI, 290, 311, 317, 322, 324, 325, 351, 404; VIII, 299, 306, 310, 311, 314, 318; XБ, 96, 133, 134.
Александръ II—II, 561; IV, 50, 53, 54; III, 309.
Александръ VI—III, 619; IX, 207.
Александръ Карагеоргіевичъ—V, 13 XД, 111—113, 115—124.
Александръ Мих.—I, 25, 61; II, 376, 415, 420; III, 273; V, 497; VI, 210; VII, 27; VIII, 135, 187; XA, 94.
Алексѣевъ—III, 4.
Алексѣй Мих.—I, 215, 233; III, 71, 74; VII, 613.
Алексѣй Петр.—VI, 287.
Алимпичъ—XД, 116.
Алипановъ—II, 50.
Алкивіадъ—I, 37.
Альба—IX, 109, 111.
Альбери—VI, 468, 469.
Альбертини—VIII, 244, 245—250; IX, 63.
Альбертъ—VI, 603.
Альберъ—IV, 10.
Альбрехтъ—VIII, 101—103.
Альджерконъ-Сидни—VI, 389.
Альфонскій—I, 230.
Амарантовъ—I, 177.
Амвросій—I, 59.
Амерадекъ—IV, 525.
Анаевскій—III, 157, 374.
Анакреонъ—I, 9; II, 273; III, 6; XA, 126.
Анаксагоръ—I, 44.
Ананьинъ—XД, 82.
Анвести—V, 404, 406, 408, 413—415, 421, 425, 431.
Ангулемскій герц.—IX, 176.
Андерсенъ—I, 8; II, 515.
Андреевскій—I, 353—358, 407.
Андреевъ—III, 250; VIII, 50.
Андроникъ Л.—I, 402.

Андроникъ Т.—I, 45.
Анелликонъ—I, 45.
Аничковъ—II, 509.
Анке—I, 231.
Анненковъ—I, 245—292, 301, 312, 318, 320, 323; II, 132, 201, 363; III, 121, 122, 565.
Аннибалъ—VI, 230.
Аносовъ—II, 582; III, 140.
Ансильонъ—I, 365.
Антонелли—V, 440; VI, 679; VIII, 208, 209.
Антоній—ХА, 101.
Антоновъ—VIII, 229, 266, 267.
Антонскій—I, 346.
Антуанетта—VI, 72; ХГ, 47.
Анфантенъ—VI, 135, 138—150.
Апеллесъ—ХА, 125.
Аплегеевъ—ХД, 66.
Апулей—I, 8, 9.
Апъ—VIII, 675.
Араго—I, 226, 228, 398, 425; III, 186; IV, 3; VI, 73, 74, 123; ХБ, 96.
Аракчеевъ—VI, 352; VIII, 297, 316, 317.
Арбузовъ—III, 125—129.
Аргу—VI, 84, 114.
Аржансонъ—IV, 163.
Аристидъ—I, 387.
Аристовъ—VI, 292, 293.
Аристотель—I, 26—47, 383, 385, 387, 390; II, 185; III, 232, 250, 692, 720, 755; VI, 228, 265; VIII, 134, 274; ХА, 153.
Аристофанъ—I, 35, 40, 372; ХА, 16, 175; Г, 83.
Аріостъ—I, 179; II, 79, 121; III, 586.
Арктайтъ—VII, 128, 529.
Арну-Плесси—II, 446.
Арріасъ—VIII, 135.
Арсеньевъ—I, 219; VI, 346.
Артаксерксъ—VII, 85.
Артгаберъ—VIII, 98.
Артемовскій—VIII, 48.
Артуа—IV, 169, 172, 176, 180, 185.
Арцыбашевъ—I, 165, 204.
Арцымовичъ—ХД, 111—113, 115—124.
Аскогенскій—VIII, 268.
Астъ—II, 134, 138, 142.
Атрій—I, 402.
Атрѣшковъ—VI, 340.
Аттила—IV, 479.
Ауэрсбергъ—VIII, 128.
Афанасьевъ—I, 431; VIII, 77.
Афиза—III, 106.
Ахундовъ—ХД, 72.

Б.

Баберъ—VII, 19.
Бабефъ—VI, 98.
Бабрій—I, 9.
Бабстъ—I, 394; II, 419, 502—509; III, 62, 112, 115, 116, 396, 397, 505—526, 565; IV, 246; VIII, 129, 140.
Бавій—I, 402.
Базаръ—VI, 135, 139—145.
Байборода—III, 254.
Байджлау—VI, 163, 164, 177.
Байковъ—III, 398.
Байронъ — II, 7, 13, 49, 50, 129, 226, 275, 276, 397; III, 2, 65, 67, 672, 695, 694; ХА, 139, 145, 219, 220; Б, 133; Д, 73.
Бальби—I, 300.
Бальзакъ—II, 44; ХД, 103, 104.
Бальмонтъ—VI, 375.
Банзаровъ—II, 558.
Бантышъ-Каменскій—I, 247.
Барановичъ—VI, 391—401.
Баратынскій — I, 256; II, 95, 97, 126; III, 65, 67, 341; ХД, 74.
Барбе—IV, 15.
Барклай-де-Толли—III, 588.
Баркоци—VI, 599.
Барнульфъ—III, 660.
Барошъ—V, 82, 183, 188.
Баррассъ—V, 485.
Барро — VI, 143, 148—150; ХБ, 64, 94, 96.
Барскій—I, 58, 59.
Барсовъ—I, 444.
Бартеневъ—III, 71—74, 101; IX, 105.
Бартоломей—II, 143.
Бартъ—VI, 84, 112.
Баршевъ—I, 231.
Барыковъ I, 438.
Басканъ—VI, 89.
Бастіа — I, 134; III, 576, [illegible], 19—21; VI, 4, 7, 17, 30, 31, 37, 340, 341; VIII, 36; ХД, 6, 7.
Батіани—VI, 137; VIII, 429.
Батте—I, 36, 36; III, 695.
Батый—IV, 479.
Батюшковъ—II, 92, 95; IV, 415; ХА, 207; Д, 74.
Баузе—I, 346.
Бауэръ—ХА, 195.
Бахъ — V, 468; VI, 493, 737; VIII, 101, 103.
Башкатовъ—IV, 415.
Беардъ—IV, 266.
Беата-Анджелика—VI, 254.
Беатриче—VI, 259.
Бегленъ—III, 777—778.
Безбородко—VI, 307.
Безикъ—III, 584.
Безъ-Корниловичъ—II, 290.
Безобразовъ—II, 609—612; III, 57, 58, 565; IV, 279; VIII, 26, 50, 61, 76, 118, 133.
Безпаловъ—II, 334.
Безсоновъ—I, 376; IX, 165.
Бекерлей—II, 512.
Беккеръ—I, 363, 365, 380.
Беклешевъ—VI, 324; VIII, 297.
Бекстонъ—VI, 161.
Бекунтъ—VI, 89, 90.

Бекъ—III, 723.
Белатти—II, 452.
Беллингсгаузенъ—ХД, 85.
Беллюстинъ—IX, 116.
Бемъ—II, 250, 457, 465.
Бенардаки—III, 398.
Бенедекъ—VI, 539, 714, 723; VIII, 79, 85, 426, 427, 435.
Бенедиктовъ — I, 106, 157, 434, 435; II, 79, 80, 95, 96, 100, 212, 583—597; III, 86, 339; VI, 340; VIII, 120, 128; ХГ, 233.
Бентамъ — III, 505, 524—532; VI, 404—414.
Бентинкъ—III, 675, 676.
Беранже—II, 15, 191, 192, 299; IV, 206; VI, 181, 267.
Бергъ — I, 51—56, 179, 181, 182, 184, 185, 193, 196 198, 204, 435; II, 336.
Бердъ—VI, 177.
Березинъ—I, 226.
Березкинъ—VIII, 47.
Беренгарій—III, 736.
Берже—II, 328.
Берзеновъ—ХД, 72.
Берингъ—VIII, 4.
Берловачъ—ХД, 114—116, 121.
Беркли—VI, 164, 172.
Бернадоттъ—VI, 122.
Бернгардтъ Саксъ—ХГ, 142.
Берне—III, 225.
Бернетъ—VIII, 118.
Бернсдорфъ—IV, 62.
Беррійская Марія Кар. — VI, 104, 106—116, 493; ХБ, 96.
Беррійскій герц.—IV, 174, 175; VI, 72.
Беррье—VI, 103, 109, 110, 431; ХБ, 89.
Бертапи—VI, 635, 677, 697, 698, 701; IX, 208.
Берцеліусъ—VI, 191.
Бестужевъ-Рюминъ—VIII, 244.
Бетизи—IV, 166.
Бетмонъ—VI, 431.
Бетховенъ—ХА, 127.
Бецкій—II, 636, 637.
Бибеско V, 40.
Бибиковъ VI, 296.
Бибулъ—III, 230.
Виксіо—VI, 686.
Бине—II, 445.
Биньонъ—VI, 63.
Вичеръ-Стоу—VI, 374.
Благовѣщенскій — I, 371, 401—405; VI, 254, 260; ХГ, 63.
Благообразовъ - ХГ, 47.
Блакъ—VI, 105, 116.
Бланки—III, 425; IV, 15.
Бланкъ — II, 609—612; III, 253, 575; VI, 18, 152.
Бланъ Л.—IV, 9—12, 14, 19, 447; VII, 629, 640—644; ХБ, 63, 96; Д, 5, 6.
Блекъ—II, 127.
Блудовъ—VI, 294.
Блюхеръ—IV, 435; V, 155.
Бобринскій—II, 498.
Бобылевъ—ХД, 72.
Богарне—ХБ, 163, 164.
Богдановичъ—I, 231, 346.
Богоявленскій - I, 238.
Боде—III, 729.
Боденскій—VIII, 77, 78.
Бодо—IV, 223.
Бодрильяръ - IV, 439.
Бодрю—IV, 166.
Бодень—II, 446.
Бодмеръ—III, 623, 626, 628, 630, 631, 637, 638, 678, 679, 695, 704—706, 734.
Бодъ—VI, 72, 74.
Бодянскій—I, 231, 332—335, 399—401, 441.
Боереско—V, 50.
Боккачіо—I, 224.
Бокль—VIII, 265, 266, 268, 271; IX, 82.
Болотинъ—I, 165, 207.
Болтинъ—III, 545, 546, 558.
Бомонъ—IV, 186, 187.
Бонжуръ—II, 511.
Бонкомпаньи — IV, 186, 187; V, 438 447, 448, 454.
Бонмеръ—IV, 146, 147, 482—485.
Бонне—I, 13.
Бонни—VI, 56, 57.
Бонниваръ—III, 622.
Бопп—I, 4, 443; VI, 242.
Борджіа Ц.—ХБ, 150.
Бордосскій герц.—VI, 72; VIII, 98.
Борегаръ—VIII, 490; IX, 244.
Борисовъ—I, 364.
Борисъ Годуновъ—I, 214.
Боркъ—I, 44.
Боско—VI, 670.
Боссюэтъ—I, 26, 27; VI, 20.
Боткинъ—III, 25—46.
Ботлеръ—VIII, 490, 507.
Боццелли—VIII, 114.
Бошаръ—IV, 19; ХД, 5.
Бошняковъ—VI, 296.
Брайтъ—III, 518; V, 1, 27, 30—39, 96, 100, 102, 103, 110, 125—130, 143—145, 149, 154, 194, 201, 432, 483, 494, 508—513, 519, 520, 522, 526; VI, 152, 158, 188, 477, 481—483; VIII, 15, 246, 247, 485, 486; IX, 237.
Брамбеусъ (см. Сенковскій).
Браунъ—IV, 100; VIII, 441.
Брашманъ - I, 231, 441, 443.
Брегетъ—IX, 61.
Брекенриджъ — VIII, 382, 385, 438; IX, 226.
Бренье—VI, 586, 589.
Брикманъ—III, 776.
Бріоне—VI, 529.
Брольи—VI, 62, 63, 112, 113; ХБ, 94.
Бронниковъ—I, 58.
Броунъ—II, 627.
Броунэ-Дононъ—VIII, 379.

Брукеръ—VI, 346.
Бруксъ—VIII, 31, 32, 387.
Брукъ — V, 460, 462, 473, 474; VI, 540—542; VIII, 4, 5.
Бруммъ—II, 48; III, 764; VII, 133.
Бруссе II, 359.
Брутъ—III, 229; XA, 101.
Брюль — III, 605, 607—609, 617, 638, 700.
Брюсъ—III, 82.
Брянцевъ—I, 346.
Буало—II, 33, 78, 79, 459; III, 626, 628, 630—632, 637, 695.
Буамонъ—II, 512, 513.
Буасси—V, 81.
Бувье-Дюмоляръ—VI, 93—97.
Бугенвилль—I, 226.
Буденко—ХД, 83.
Булгаринъ—I, 219; V, 328; VI, 240.
Буличъ—II, 374—378.
Булычевъ—III, 251, 252.
Бульверъ—II, 164; V, 45; VI, 543.
Бунге—VIII, 26
Вуоль—V, 165; VI, 493.
Бургскій—II, 459.
Бурже—ХБ, 112.
Бурмонъ—VI, 109.
Бурьянъ—I, 265.
Буслаевъ—I, 231, 355, 356, 364, 406, 428, 441, 444; II, 348, 612—616; III, 565; VII, 463; VIII, 77, 250—259; IX, 63.
Буссе—III, 433.
Бутковъ—III, 462.
Бутовскій—III, 380; IV, 273, 274.
Бутурлинъ—VI, 299, 300.
Буффиру—VI, 147.
Буффлеръ—ХБ, 147, 148, 156.
Бухананъ — VI, 757; VIII, 384—387, 393, 435, 437, 439, 488.
Бухъ—I, 229.
Бычковъ—I, 431.
Бѣлинскій — II, 164—178, 184, 188, 194—203, 204—239, 241—276, 458, 519; III, 131, 563; VI, 21, 22, 192, 243; VIII, 120, 225, 244, 267, 269; IX, 101; ХГ, 234.
Бѣлоголовый—ХГ, 235.
Бѣлозерскій—II, 437.
Бѣляевъ—I, 231, 431, 441, 444; IX, 105.
Бьюль—IX, 244.
Бэконъ—I, 27; II, 120, 420; VIII, 274.
Бэль—III, 768; IV, 403; VIII, 129, 130, 270, 382.
Бэръ—II, 417; III, 139—141.
Бюжо—VI, 114—116.
Бюргеръ—II, 452.
Бютенмейстеръ—III, 617, 618.
Бюффонъ—IV, 221.

В.

Ваагенъ—II, 513.
Вавиловъ—I, 219.
Вагнеръ—II, 311.
Вай—VI, 718, 725, 740, 741, 743, 744; VIII, 79, 409, 427, 428, 469.
Вазеръ—679.
Ваксель—III, 57.
Валевскій—V, 6, 8, 81, 183; VI, 419, 420, 430, 475; VIII, 525.
Валламиринъ—VI, 592.
Валласъ—III, 234.
Валленштейнъ — III, 514; IX, 50 ХГ, 142.
Вальполь—V, 101, 102.
Вальтеръ Скоттъ—I, 35; II, 13, 48, 96, 106, 164, 646; XA, 5, 105, 126, 156; Д, 56.
Вальянъ—V, 1.
Ванъ деръ-Мепъ—VI, 89.
Варъ—ХГ, 141.
Варронъ—I, 392.
Василій Темный—I, 354; ХБ, 165.
Василій Шуйскій—I, 215.
Васильевъ—VI, 300, 320, 321.
Васичъ—ХД, 115.
Васко-де-Гама—III, 222.
Вассалего—VI, 529.
Ваттъ—VII, 529.
Вашингтонъ — III, 378; VI, 208; VIII, 367; IX, 23; ХБ, 149, 150; Д, 10.
Ващенко-Захарченко—III, 373—377.
Веберъ — III, 74, 77, 82; VI, 600; ХГ, 71—81, 158, 161, 163, 167, 168, 187, 205, 206.
Веббъ Дж.—II, 454.
Вевель—II, 452.
(Лопе-де) Вега—III, 67.
Везинскій—III, 400.
Вейротеръ—VIII, 87.
Вейссе — III, 623, 632, 644, 664, 666, 668, 710, 775.
Великосельцевъ—III, 22.
Веллеръ—II, 321.
Веллингтонъ—IV, 163, 164, 435; V, 506; VI, 101; VIII, 88.
Веллицгъ—ХД, 72.
Велько—III, 105, 108.
Вельтманъ—II, 84, 97, 191, 291; III, 7, 8; IV, 149.
Вельяминовъ-Зерновъ—II, 559.
Вемо—IV, 171, 172.
Веневитиновъ—I, 463—467; II, 139.
Вердеревскій—II, 324, 558; VIII, 120; ХД, 67, 72.
Вердура—VI, 727.
Веревкинъ—VI, 291—293.
Верезовскій—I, 233.
Верженнъ IV, 229.
Вержесъ—IX, 38.
Вери—IV, 237.
Вернадскій—I, 231, 403, 443; II, 360, 432—435; III, 115, 116, 405—504; VIII, 26.
Веронъ—III, 321.
Верресъ—III, 227—231.

Версиловъ—III, 140.
Вершаффельтъ—II, 311.
Веселовскій—III, 175.
Веспучи—II, 415.
Вестрисъ—IV, 237.
Вешняковъ—I, 58.
Вивьенъ IV, 40.
фонъ-Визинъ—I, **231, 345, 346**; II, **60**.
Викторія кор. — **VI, 521**; V, **146**; XB, 165.
Викторъ **Пеллуксій**—VI, 105, 166.
Викторъ **Эммануилъ** — V, 7—11, **16, 80, 89, 224, 352**, 353, 354, 357, 380, 385, **386, 452**, 453; VI, 426, 446, 451, **461, 463**, 468, 476, 497, 522, 523, 537, **584—587**, 593, 596, 597, 601, 632, 635, **675, 677**, 678—680, 682, 690, 692, 696—699, 710—712, 726—729; VIII, 207, 410, 458, 464, 503, 527.
Виландъ—III, 775.
Вильгельмъ III.—III, 611; V, 513; VI, 377; XБ, 146—151, 156, 159, 162.
Вельгельмъ Завоеватель—III, 519.
Вельгельмъ Оранскій—III, 514.
Вильель—IV, **170**, 174, 178, 180—183, 185—190, 192, 198.
Вилькенсонъ—I, 65.
Вильменъ—II, 373; IV, 169, 171, 173, 174, 213.
Вильсонъ—II, 449, 452.
Виндишгрецъ—V, 462; VI, 601; VIII, 426, 435, 464.
Винкельманъ—III, 643, 731, 735.
Винклеръ—III, 656, 698—701.
Винтеръ—II, 447.
Виньи—II, 191.
Виргилій — I, 402, 403; II, 400; XA, 114, 125.
Витроль—IV, 211, 215.
Вицкій—III, 377, 380.
Вишневскій—I, 416, 426; II, 292.
Владиміръ Мономахъ—I, 398.
Вобланъ—IX, 82.
Вовчекъ—VIII, 54, 336; IX, 82.
Волабелль—IV, 40.
Волковъ—IV, 416—419; VIII, 145—155.
Волконскій—VI, 306, 307.
Воловскій—VI, 17, 18; VII, 661.
Вольтеръ — I, 271; II, 44, 632; III, 3, 293, 675—677, 683—695, 727, 728, 759—761, 768; IV, 229, 232, 475; V, 154; VI, 29; VIII, 270.
Вольфъ—I, 44; III, 632; VIII, 253.
Воронцова—III, 170.
Воронцовъ—IV, 324, 326.
Воскресенскій—II, 282, 283.
Востоковъ—I, 334, 406.
Вронченко—I, 74, 75.
Всеволожскій—III, 26.
Вучичъ—III, 111; XД, 111—113, 122.
Выаинскій — VI, 373, 374, 375, 380; IX, 82.
Вюрбенъ—III, 609, 610.
Вяземскій—I, 205, 209, 210, 211, 295, 300, 301, 303; II, 38, 64, 87, 95, 111—115; III, 201; VI, 297, 303, 306, 307, 312, 314, 315, 357; IX, 235; XA, 1—4, 7, 14, 222; Д, 53, 56.
Вязмитиновъ—VI, 351, 352.

Г.

Гагаринъ—VI, 306.
Гагедорнъ VI, 291.
Гагенмейстеръ—III, 115—118.
Газе—VIII, 433.
Гайнау—VI, 601, 714, 737; VIII, 262.
Гакстгаузенъ — II, 365 — 367; III, 270—310, 407—410, 436, 460, 464; IV, 56, 58, 59, 72—76, 78, 80; VI, 397; VIII, 171.
Галаховъ—II, 200, 622, 631—637; III, 19, 20, 565, 625; VIII, 61.
Галилей—I, 179; II, 120, 212; XГ, 89.
Галилъ-Паша—I, 243.
Галлертъ—VI, 291.
Галламъ—VI, 377.
Галлеръ—III, 623, 632, 633, 638, 660, 703; VIII, 498.
Гальяннъ—IV, 223.
Гаманнъ—III, 741, 742.
Гамиденъ—VI, 388.
Ганве—III, 77.
Ганеманъ—I, 359.
Ганнибалъ — XA, 204—206, 209, 220; Д, 139, 141, 142.
Ганъ—I, 149; VIII, 38—48.
Гарашанинъ—XД, 116, 122.
Гарвей—III, 186.
Гаргриве—VII, 128.
Гарденинъ—VI, 305.
Гарибальди—V, 93, 239, 240—242, 245, 318, 319, 349, 350, 422, 424, 438, 439, 447, 450, 452—454; VI, 498, 500, 522, 526, 528, 532, 534, 536, 545, 546, 578—598, 609, 611—618, 632—636, 669—690, 695—705, 710, 724—729; VIII, 208, 220, 248, 388, 426, 435, 463, 514; IX, 208, 219; XБ, 97.
Гарнетъ—VIII, 492.
Гарнье—II, 444; III, 425, 426, 441; IV, 6, 34, 439; VI, 117, 119, 168, 341, 343, 346.
Гаррикъ—VII, 59.
Гартинъ—VIII, 102—104.
Гартманъ—VIII, 126, 128.
Гарунъ-аль-Рашидъ—III, 112—115.
Гаршинъ—IV, 402.
Гаспаренъ—VII, 13, 14, 136, 246, 277, 278
Гаусманъ—IX, 212.
Гаусъ—I, 359.
Гаэтъ—VI, 587.
Геббель—II, 5.
Гегель — I, 363; II, 18, 33, 161, 162, 175, 177, 182—190, 194—199, 202,

213—215, 409; III, 150, 695, 729, 770, 771; IV, 309, 321, 329, 332; VI, 180, 185, 191—193, 269; VIII, 134, 245, 274; IX, 158; XA, 178, 180, 189—194, 196; Г, 89.
Гедеминъ—VIII, 59.
Гедъ—V, 78, 84, 85, 118—121.
Гезіодъ—I, 8.
Гейлигеръ—III, 618.
Гейманъ—III, 452.
Геймъ—I, 346.
Гейне—II, 164, 299, 626; III, 643, 654, 707; VIII, 121, 125, 126, 270; IX, 46.
Гейнзіусъ—V, 485.
Гейницъ—III, 659.
Гейшлингъ—VII, 274.
Геккеръ—VII, 629.
Гелингъ—IV, 267.
Геллертъ—III, 623, 626, 633—637, 695.
Гельмерсенъ—III, 139.
Гельти—II, 452.
Генаель—III, 723.
Генлесъ—V, 101, 102.
Геннади—II, 32; 392.
Геннадій—III, 268; VIII, 268.
Геннинъ—III, 676.
Генрихъ I,—XГ, 80, 162.
Генрихъ II,—IV, 479.
Генрихъ IV,—IV, 184, 481; VI, 136; XA, 106.
Генрихъ V,—V, 496; VI, 97, 104, 107; XБ, 110.
Генрихъ IX,—IV, 481.
Генрихъ Левъ—VIII, 170.
Генрихъ Тюдоръ—XГ, 142.
Генсъ—I, 412, 416.
Георгій Черный — III, 101—109; XД, 110, 112.
Георгій Мекл.—III, 331.
Георгъ I,—V, 487, 514.
Георгъ II,—III, 617, V, 487.
Георгъ III,—V, 487; VII, 662.
Георгъ IV, - II, 449.
Гераклитъ—I, 382.
Гербель—III, 1, 3—5.
Герберштейнъ—III, 72, 74, 83, 85.
Герцинусъ—III, 626, 633, 634.
Гергей—VI, 737.
Гердеръ—II, 409; III, 721, 734, 738—744, 758, 770.
Гердъ—V, 81.
Гере—III, 653—655.
Геренній—I, 61.
Геренъ—I, 365.
Гернонъ-Ракваль—VI, 67.
Геродотъ — I, 37, 38, 65, 374; VI, 18; XA, 102; Г, 103.
Гесснеръ—III, 624, 632.
Гессъ—V, 238.
Гете — I, 9—11, 28, 43, 154, 160, 193, 208, 258, 270, 271, 289, 300; II, 15, 19, 28, 29, 100, 121, 164, 299, 352, 373, 382, 452, 514, 620, 657; III, 3, 67, 169, 588—590, 624, 629, 670, 672, 689, 695, 720, 721, 726—728, 734, 737—745, 758, 771; VI, 274; VIII, 126, 168; XA, 105, 126, 141, 142; Г, 166.
Геттлингъ—I, 377.
Геце—III, 670, 692, 696, 763, 769.
Ги—VIII, 82, 99—102.
Гиббонъ—IV, 479; VI, 375.
Гиберъ ф. Грейфенфельсъ—III, 541.
Гизо—I, 368, 380; II, 192, 373, 408, 409, 415—417, 426; III, 707; IV, 18, 26, 77, 154—156, 161, 163, 169, 185, 195, 208, 214—216, 218, 316, 479, 484, 566; VI, 53, 62—65, 81, 91, 111, 112, 119, 346—350; VIII, 86, 156, 157, 162; IX, 82; XБ, 96, 113; Д, 3, 14.
Гика—V, 50.
Гиллебрандъ—III, 628.
Гиллисъ—I, 365.
Гильдебрандъ—VIII, 234.
Гилье—VI, 86.
Гильоменъ—II, 610; III, 425, 426, 434, 442; IV, 439; VI, 1, 340.
Гильфердингъ — I, 1—7, 170—177; II, 397—399; III, 21.
Гильяръ—IV, 272—274.
Гиммельауэръ—V, 15.
Гиммельштирнъ—IV, 263.
Гинаръ—VI, 85, 86.
Гирцель—III, 679.
Гиршъ—III, 675.
Гисо—VI, 377.
Гіулай — V, 165—190, 213, 214, 226, 230, 238, 242, 311, 312; VI, 601, 714; VIII, 84, 435.
Гладстонъ — V, 31, 45—48, 112, 114; VI, 456, 483, 610; VIII, 4, 23; XБ, 157.
Глеймъ—III, 679, 701, 704, 731, 775.
Глинка (А, С, Ѳ.)—I, 124; II, 87, 95, 355—358; VIII, 118; XБ, 91.
Глушицкій—XГ, 231.
Глѣбовъ—I, 231, 441, 444.
Глѣбовъ-Стрѣшневъ—I, 431.
Гнѣдичъ—I, 232.
Гоббесъ—III, 771; VI, 180, 514.
Гоберъ—II, 444.
Гогартъ—I, 44.
Гоголь М.—II, 380.
Гоголь Н. — I, 124, 127, 129, 181, 234, 235, 258, 263, 283, 290, 294, 313, 315, 320 322, 330, 375, 467; II, 1—116, 120—123, 146, 163—169, 172—175, 179, 203, 211, 212, 216, 221, 225, 228, 257, 276, 280—283, 308, 335—346, 380—397, 459, 573, 632, 638, 646; III, 3, 10, 15—19, 78, 121, 122, 137, 138, 159, 163—166, 201—204, 206, 215, 315, 337—377, 558, 563, 588, 697, 738; IV, 87, 458; V, 407, 462; VI, 1, 185, 243, 283, 521; VII, 84, 661; VIII, 54, 269, 341, 342; IX, 104, 166, 168; XA, 5, 13, 142, 203, 225, 242, 258; Д, 55, 56, 107, 109,

Гоґоцкій—VIII, 267.
Годвинъ — III, 405, 510; VII, 84, 661; XГ, 17—20.
Годуновъ—III, 79.
Гойонъ—V, 191, 245, 317, 356; VI, 424, 427, 450, 455; VIII, 500; IX, 242.
Гоке—IV, 273, 274.
Голандро—VI, 529.
Голеско—V, 50.
Голенищевъ-Кутуновъ — I, 397; VIII, 311.
Голиковъ—I, 406; II, 163; VIII, 188.
Голицынъ—III, 74; VIII, 311.
Головацкій—II, 292.
Голубцовъ—IV, 265, 511—518.
Голуховскій—VI, 717, 735—739.
Гольбейнъ—VIII, 252.
Гольбергъ—I, 8.
Гомеръ—I, 12, 43, 44, 55, 278, 360, 361, 371—374; II, 376, 597, 632; III, 6, 720; IV, 317; VI, 18; XA, 126.
Гоніевъ—II, 584.
Гончаровъ — II, 13, 82, 83, 106, 209, 283, 285; VIII, 61, 227; XA, 221; Д, 90.
Гопкинсъ—II, 432—435.
Гораннъ—IV, 155, 195.
Горацій — I, 32, 38, 285, 402, 403; II, 121, 273; III, 6, 629; XA, 114.
Горловъ—III, 380; VI, 1—50, 151, 342.
Горовъ—II, 451.
Горскій—II, 290.
Горсманъ—V, 153.
Гортензій—III, 229.
Горчаковъ—I, 471; XБ, 173.
Горяиновъ—I, 219.
Готорнъ—VI, 274—285.
Готтшедъ—III, 623—632, 637, 638, 656, 658, 678, 679, 690, 695, 704—706, 734.
Готье—VI, 181, 190.
Гофманъ—II, 100, 164; VI, 274.
Гошкевичъ—III, 62.
Гошъ—V, 183; XБ, 149, 150.
Грабіусъ—III, 764.
Гракхи—VI, 23.
Грамматинъ—XД, 53.
Граммонъ—V, 335, 395; VI, 689.
Грановскій—I, 231, 365, 366, 371, 390, 428, 430, 441; II, 200, 201, 346, 347, 370, 400—420, 554; III, 21, 62, 379, 555, 563.
Грантъ—IX, 221, 244.
Граффъ—III, 778.
Грегуаръ—VI, 338.
Грезъ—VI, 127; XA, 115.
Грей—VI, 167, 172.
Грейгъ—XД, 84.
Грековъ—VIII, 118.
Грекъ—III, 268.
Гренвилль—V, 112.
Гренедонъ—IV, 187.
Гренно—IX, 211.
Гречъ—I, 446—449; II, 50, 87; V, 283.
Грибовскій—VI, 303.
Грибоѣдовъ—I, 232, 313, 405; II, 3, 12, 14, 166, 215, 221, 378.
Григорій VII,—VI, 136.
Григорій XVIII,—VIII, 254, 283, 284.
Григорій Отр.—I, 215.
Григоровичъ—I, 58, 59, 141, 155; II, 13, 82, 83, 89, 106, 164, 201, 212, 285, 561, 569—575, 621—623, 627, 631, 657; III, 62, 69, 70, 131; VIII, 342.
Григорьевъ—II, 65; III, 4, 21, 199, 200, 254, 255, 269; VIII, 245.
Гризъ—VI, 714.
Гриммъ—I, 3, 6, 226, 355, 385, 389, 390, 428, 443; II, 632; VI, 242; VIII, 251.
Громека—VIII, 61, 244, 245, 260, 263; IX, 63, 65.
Гротъ — I, 53, 371, 381—384, 390; III, 273; VIII, 236, 263.
Гроцій—IV, 53.
Грузиновъ—IV, 270.
Губеръ—I, 263, 434; III, 4; XA, 225.
Гуго Капетъ—IV, 480.
Гудовичъ—VI, 303, 306.
Гукеръ—XГ, 25.
Гуклеръ—VI, 88.
Гулакъ—VIII, 48.
Гуль—II, 513.
Гульяновъ—II, 137.
Гумбольдтъ—I, 359, 367, 425; II, 120, 249, 250, 310, 514; III, 764; IV, 311, 446; VIII, 264; XГ, 101—103.
Гурауэръ—III, 648, 698.
Гурне—IV, 220, 225.
Гурьевъ—XД, 66, 67.
Гуссъ—VIII, 92.
Густавъ-Ад.—XA, 107.
Густонъ—VIII, 455, 456.
Гуттенбергъ—I, 208; VI, 133.
Гуттъ (ванъ)—II, 311.
Гушанцъ-Али—III, 105, 107.
Гюберъ—IV, 15; VI, 84.
Гюбнеръ — IV, 4; V, 2, 468; VI, 734; VIII, 434.
Гюго—I, 12; II, 19—22, 28, 29, 33, 35, 164, 191, 212, 276; XБ, 91—97.
Гюкъ—III, 62.
Гюманъ—VI, 112.
Гюмъ—II, 637.
Гюнтеръ—II, 223; III, 626.
Гюпруа—VI, 59.
Гюссонъ—II, 438, 441—443.

Д.

Дабормидъ—VI, 444, 480, 575.
Давыдовъ—I, 231, 406, 441, 443; II, 96, 390, 509; III, 140, 558—561, 584.
Даламберъ—II, 632; III, 660; IV, 221; VI, 29.
Даль—I, 259; II, 280, 457, 465; III, 573; VIII, 141—144, 320.
Дамонъ—VI, 229.

Дандоло—V, 45, 46, 94.
Даниловскій—II, 277 281, 360; III, 4, 353; VI, 337; VII, 661; VIII, 133.
Даниловъ—IV, 405—407.
Данковскій—I, 208.
Данте—I, 127, 179; II, 376, 632; III, 586, 588; VIII, 252
Дантонъ—ХБ, 150.
Дану—I, 377.
Данцель—III, 648, 656, 698.
Дарвинъ—ХГ, 23 - 44.
Дарестъ—IV, 482—484.
Даунъ—III, 586, 588.
Двигубскій—I, 346.
Деакъ — VI, 740; VIII, 429—431, 465, 466, 469, 496, 498.
Деви — VI, 164, 167, 168; VIII, 387, 452—454.
Дезинъ—III, 398.
Дезульеръ—I, 39; VI, 150; ХА, 157.
Дейцъ—VI, 112.
Дека—ХД, 113.
Деказъ — IV, 168 - 170, 172, 174—176, 198; VI, 338.
Декартъ—II, 17, 120, 185, 417; III, 129; VIII, 274; ХГ, 89, 90.
Делало—IV, 179.
Деланаль—VI, 148.
Делангль - V, 79—81.
Деландъ - II, 446.
Делила - I, 39.
Делоръ - II, 511.
Дельвигъ — I, 298—303, 465; II, 97; III, 341; ХА, 215—217, 221.
Делябордъ—ХД, 100, 102.
Демазко—I, 27.
Демидовъ - I, 300; II, 50.
Демокритъ - I, 32.
Денгеннонъ—V, 509.
Депрерисъ—VI, 677, 697.
Дерби — V, 27, 37, 43, 44, 95—98, 101 - 104, 110, 143—145, 151, 195, 196, 201, 397, 508, 509, 513, 515, 518, 520, 521; VI, 416; VII, 27; IX, 237; ХБ, 148.
Дергемъ—V, 112.
Державинъ—I, 27, 219, 220, 260; II, 92, 121 166, 170—174, 211, 582, 632, 636; III, 137, 339; IV, 458; VI, 289—330, 353. VIII, 262; ХА, 5, 202, 204, 217; Д, 53, 74.
Деръ—IV, 229.
Децій Мусъ—III, 347.
Дешартръ—ХД, 102.
Дешко—I, 439, 440.
Джексонъ—VIII, 495.
Джемсъ—VIII, 27.
Дженкинсонъ—III, 80, 81.
Джефферсонъ - VI, 208.
Джеффрей - II,I, 229.
Джибсонъ—V, 103, 112; VI, 483.
Джиксонъ—II 454.
Джинори—V, 353.
Джонсъ - IV, 474; V, 34, 35.
Джонъ Ю.—V, 45, 48.
Джордано-Бруно - I, 179.
Дидро—II, 632; III, 715, 716; IV, 221.
Диккенсъ — I, 283; II, 13, 15, 27—29, 33, 164, 169, 208, 212, 221, 275, 276, 283, 309, 450, 573, 626, 646; III, 3, 47, 56, 150, 181, 567; IV, 454; V, 506, VI, 19, 152; VIII, 236, 261; ХА, 8, 10, 13, 126, 156; Г, 233.
Дилтей—I, 345.
Діоклетіанъ - I, 61.
Діонисій—I, 378.
Дмитріевъ - I, 465, 466; III, 565; VII, 257; VIII, 118; IX, 62; ХА, 207; Д, 53—58.
Дмитрій Дон.—VII, 27.
Дмоховскій - IV, 276.
Доббльгофъ—VIII, 94, 98, 100.
Добнеръ—I, 207.
Добринецъ—III, 107.
Добровскій—VI, 242.
Добролюбовъ — II, 622, 631—637; III, 19, 625; VIII, 360, 362; IX, 1—49, 100—104, 174—176; ХГ, 47—75.
Добрыня—VII, 453.
Долгоруковъ - I, 331, 332; II, 360; III, 485, 488; VII, 648.
Дона—III, 613.
Донкомбъ - V, 44.
Дорогобужиновъ—ХД, 80.
Достоевскій—VIII, 62; IX, 62; ХГ, 230.
Дренсель—III, 675, 676.
Дружининъ—I, 618, 619, 657; VIII, 245.
Дубенскій—I, 437, 438.
Дубльде VII, 216, 217.
Дугласъ—VIII, 382, 438.
Дудышкинъ—III, 63—68; VIII, 244, 259 260, 264, 268, 277; IX, 62.
Дункасъ—ХД, 97.
Дурова—I, 263.
Дымчевичъ—I, 425.
Дэ—VIII, 422.
Дюбарри—IV, 182, 236.
Дюверье - VI, 138, 148—150.
Дюгиньи—VI, 109, 112.
Дюдеванъ—III, 649; ХД, 101, 104.
Дюжье—VI, 143.
Дюканжъ—III, 681.
Дюкло ХА, 4.
Дюма—I, 241; III, 8; VI, 181; VII, 663; ХГ, 233.
Дюмонъ—VI, 405, 406.
Дюмурье—VI, 100.
Дюнойе—VI, 181.
Дюпенъ—IV, 210; ХД, 99—102.
Дюперронъ—II, 250.
Дюпонъ-де-л'Оръ — IV, 6; VI, 63—66, 72, 83, 87.
Дюпонъ—VI, 63, 129, 267.
Дюра-Ласаль—I, 438, 439.
Дюсисъ—I, 55.
Дюфоръ—IV, 40; VI, 431.
Дюшатель—IV, 26; ХД 14.

Е.

Евгеній Сав.—III, 596, 598, 604.
Егуновъ—I, 449—552; VIII, 110.
Екатерина II, — I, 233, 239, 445, 474; II, 632—637; III, 25, 390, 644; IV, 50, 100, 139; VIII, 184, 188; XA, 1, 2; Б, 140, 141; Д, 88, 89.
Елагинъ—IX, 105.
Елагичъ—VIII, 474.
Елизавета англ.—IV, 480.
Елизавета Пет.—I, 231, 233; III, 167; IV, 480.
Еремѣевъ—IV, 519, 520.
Ерофеевъ—III, 139.
Ертовъ—III, 343.
Ершовъ—I, 265.

Ж.

Жаненъ—II, 44, 46, 47.
Жанлисъ—II, 33; III, 624.
Жанна д'Аркъ—III, 402; IV, 483.
Жаннъ—VI, 123, 125.
Желтухинъ—IV, 150.
Жемчужниковъ—IV, 272.
Жераръ—IV, 213; VI, 64, 88, 89.
Жеребцовъ—IV, 268.
Жерменъ—V, 4.
Живновичъ—III, 106.
Жижка—VIII, 92.
Жирарденъ—I, 420, II, 511; V, 23, 24; VI, 181; ХБ, 67.
Жиряевъ—III, 379.
Жиске—VI, 88—90, 121.
Жоли—I, 474, 475; VI, 112, 114.
Жукова—III, 26, 159—170.
Жуковскій—I, 153, 180, 212, 232, 238, 247, 256, 260, 261, 285, 288, 290, 347, 371, 372, 405; II, 1, 2, 18, 19, 32, 75, 84, 87, 92, 95, 96, 112, 115, 180, 308, 309, 377, 430, 431; III, 3, 4, 159—170, 339, 348, 361, 624, 716, 717; VI, 268, 277; VIII, 76, 181; XA, 3, 202, 207—209, 218, 222, 223; Д, 57.
Жупанъ—VI, 742.
Журавскій—II, 435, 470, 471; III, 237, 239—242, 245—249, 370, 371, 378, 379; IV, 63—66, 338, 339.

З.

Заблоцкій—II, 371, 474.
Забѣлинъ—II, 547; III, 72, 245, 268, 565.
Загоскинъ—II, 7, 9, 84, 277, 249, 280, 571; VIII, 249.
Закревскій—I, 431; VI, 359—372.
Залускій—III, 698.
Зандъ Ж.—I, 12, 283; II, 13, 15, 27—29, 33, 164, 283, 446, 626; III, 695; VI, 19, 181, 267; VIII, 261, 269, 344; XA, 14, 140, 150.
Зановичъ—VI, 354.
Запасникъ—III, 380—387.
Заринъ—IX, 100—104.
Захаровъ—ХД, 61.
Зеленецкій—VIII, 269.
Землеръ—III, 643, 761.
Зенонъ—IV, 155.
Зернинъ—I, 431.
Зерновъ—I, 231, 431.
Зигель—VIII, 495.
Зичи—VIII, 496, 498.
Зольмсъ—III, 629.
Зоммаругъ—VIII, 95.
Зоммеръ—III, 776.
Зоричъ—VI, 354.
Зотовъ—II, 43, 48—50, 281—286; VIII, 249, 277.
Зражевскій—II, 85, 87, 88; VIII, 261.
Зубовъ—VI, 308, 310, 311.
Зубрилинъ—I, 204.
Зульцеръ—III, 639, 660, 679, 690, 701, 777.
Зюсмильхъ—VII, 248, 249.
Зюссъ—III, 610.

И.

Ибрагимъ—I, 66.
Ивановскій—I, 452.
Ивановъ—II, 558; ХД, 105—109.
Иванчинъ-Писаревъ—II, 98; ХД, 53.
Иванъ IV—VI, 343.
Ивашинцевъ—ХД, 85.
Игельстромъ—VI, 357.
Игнатьевъ—I, 57.
Игорь—VIII, 285.
Изабелла Каст.—III, 27.
Измаиловъ—I, 299; ХД, 253.
Израэли—V, 14, 15, 27, 43, 44, 98—105, 109, 110, 125—130, 143, 145, 151, 509, 513, 522; VI, 456—458, 491; IX, 237.
Иннокентій III, VI, 348; IX, 108.
Йоркъ—V, 141.
Искитель—VI, 676.
Исократъ—I, 383, 387.
Ишимова—II, 281, 322, 323.

І.

Іаковъ II, V, 497; VI, 377.
Іевлевъ—ХД, 66.
Іеронимъ—III, 768, 769; ХБ, 163.
Іоанновъ—I, 426.
Іоаннъ III, IV, 554; ХБ, 130, 146.
Іоаннъ IV, VI, 343; IX, 62, 67; ХБ, 166; Г, 187.
Іоаннъ Златоустъ—III, 339.
Іоаннъ Калита—I, 398.
Іорданъ—III, 83.
Іосифъ II, I, 181; III, 645, 750; IV, 54; VI, 599; IX, 116.
Іосифъ (исп.)—ХБ, 163, 164.
Іохеръ. I, 424, 425; III, 656, 681—683.

К.

Кабе—VI, 113.
Кавеливъ—I, 428; II, 163, 201, 271; III, 10, 15, 154, 565; VI, 240; VIII, 245.
Кавеньякъ Г.—IV, 1—50; V, 495; VI, 85.
Кавеньякъ Э.—VI, 85, 86.
Кавуръ—V, 7—10, 12, 18, 19, 26, 80, 92—96, 165, 169, 232, 317, 337—344, 371, 374, 416, 427, 448; VI, 425, 426, 444—449, 459, 463, 464, 470, 471, 475, 479, 484, 485, 494, 500, 501, 515, 533, 534, 589—597, 675—681, 691, 692, 695, 698—702, 704, 705, 711, 725—729; VIII, 207—220, 246—249, 261, 262, 388, 426, 435, 457, 463, 464, 468, 475, 476, 500, 503, 510, 514, 515, 528; IX, 203, 208, 209; XB, 156.
Казо—VI, 138.
Кайдановъ—I, 219, 220.
Кайсаровъ Р, 356.
Калайдановичъ—I, 232.
Калачевъ—I, 55; VI, 241.
Калашниковъ—II, 279.
Калепе—I, 31.
Калигула—I, 378.
Калиновскій—IX, 50, 53.
Каллатинъ—VI, 230.
Калугинъ—I, 431.
Камбрель—V, 224.
Каменскій—I, 446; II, 87, 88, 97; III, 62; IX, 50, 53.
Камень-Виноградовъ—VIII, 233, 234.
Кампе—I, 31; III, 778.
Камюсъ—IV, 572.
Канино—VI, 470.
Канова—XA, 30.
Канроберъ—V, 83.
Кантакузенъ—V, 50.
Кантемиръ—II, 12, 225, 373, 376, 632, 636; III, 63; XД, 56.
Кантъ—I, 31, 44, 181, 223; II, 17, 73, 186, 189, 190, 409, 417; III, 689, 695, 728, 729, 755, 758, 770, 771; VI, 180, 193, 269; IX, 158; XA, 191, 193, 196; Г, 103, 106.
Каньяни—VI, 529.
Капнистъ—II, 114; IV, 398—400.
Караджинъ—I, 195; III, 101; XД, 122.
Карамзинъ—I, 8, 25, 27, 165, 180, 206, 232, 238, 260, 285, 301, 344, 355—357, 460, 464; II, 8, 39, 78—81, 87, 88, 121, 163, 164, 171, 211, 223, 278, 280, 282, 376, 571; IV, 552; VI, 343; VIII, 235, 249 262, 288, 304—306, 315; XA, 3, 158, 202, 207, 209, 220; Б, 130, 170, 171; Д, 53.
Карасиковъ—XД, 82.
Карашевичъ—II, 294.
Карбоневъ—IV, 216.
Каргопольцевъ—III, 546.
Карелль—VI, 85, 113, 122, 124.
Карлейль—III, 82; IV, 454; VI, 376.
Карлъ I Вел.—I, 208, 387, 390; III, 592; VII, 490; VIII, 508; XA, 105; B, 151; Г, 139.
Карлъ II—V, 513.
Карлъ III—III, 28.
Карлъ V—I, 366; III, 27; IV, 329.
Карлъ VI—III, 600, 601.
Карлъ VII—IV, 329.
Карлъ VIII—IV, 429, 480.
Карлъ X—IV, 161, 185, 190—193, 199, 202, 207—215, 218; VI, 54, 55, 61—63, 67—70, 78, 85, 99—105, 108, 113—116, 123.
Карлъ XII—III, 596, 597, 605—607; VIII, 276; XA, 220.
Карлъ Альбертъ—III, 600—601; V, 10, 12, 306, 340; VI, 691.
Карлъ Наполеонъ—VI, 470.
Карлье—VI, 101.
Карно—V, 83; VI, 143.
Карновичъ—III, 285, 573; IV, 148.
Карони—V, 413.
Кароньянскій—V, 436—439, 448, 449, 452, 453.
Каррель—IV, 4.
Кассаньякъ—III, 403.
Кассій—XA, 101.
Кастельбажакъ—IV, 177.
Катенинъ—I, 300, 301, 323.
Катковъ—II, 177, 201, 348, 363; III, 23, 24, 245; VIII, 225, 264; IX, 163.
Катонъ—I, 167; III, 229.
Катуллъ—I, 9.
Кафераро—VI, 529.
Каченовскій—II, 131, 132, 134, 143, 152, 153; III, 565; XA, 95; Б. 150.
Кашинъ—I, 467.
Квитка, см. Основьяненко.
Келлербергъ—V, 165, 169.
Келлохъ—VIII, 495.
Кене—I, 300; IV, 221—226, 234.
Кеннингъ—III, 710, 747—753, 757; VI, 161.
Кеппенъ—I, 204; IV, 67, 142, 144.
Кеплеръ—VI, 133.
Кераръ—III, 681.
Кергорле—VI, 105, 106.
Кержакъ - XД, 72.
Кери—VI, 17; VII, 406; VIII, 26—38, 78, 230.
Керштенсъ—I, 345.
Кесслеръ—III, 57.
Кетле—II, 417.
Кетчеръ—II, 201; III, 565.
Кинглекъ—VI, 473—475, 603; VIII, 475—477; XB, 57, 58, 85, 87, 97, 101, 109, 112, 127—132, 134, 136, 141, 150, 171.
Кинъ—VII, 59.
Кипріанъ—III, 268.
Кириллъ—I, 332—334.

Кирша Д.—I, 181.
Кирѣевскій—II, 64, 66—70, 74, 75, 431, 561, 576, 577, 615; VIII, 267, 321.
Киссъ—II, 513.
Кичеевъ—IV, 403.
Клайвъ—ХБ, 149, 150.
Кламъ Мартиницъ - VI, 599, 706, 707, 715, 716; VII, 464.
Клапка—VIII, 457.
Кларендонъ—V, 456.
Классовскій I, 359—364; II, 558.
Клейстъ - III, 644, 689, 700, 701.
Кленвиль—VIII, 496.
Клеоменъ—I, 383.
Клеопатра—I, 61.
Клеронъ—IV, 237.
Климентій—VIII, 54, 55.
Клингеръ—III, 738.
Клинъ—I, 231.
Клисфенъ I, 385, 388, 390.
Клодвигъ—I, 208.
Клозель—III, 584; VI, 121, 122.
Клопштокъ—III, 623, 624, 629, 646, 695, 703, 706, 775, 778.
Клотильда - I, 208.
Клоцъ—III, 670, 681, 692, 730—735, 769.
Ключниковъ—II, 177, 201.
Кнопъ—III, 553.
Княжнинъ—III, 63; VI, 20; VII, 84.
Коббъ—VIII, 384, 387.
Кобденъ—III, 518, 521; V, 103, 145, 432, 508—512, 519, 522; VI, 189, 421, 422; VIII, 15; IX, 237; ХБ, 62.
Ковалевскій—II, 509; III, 26.
Козель—III, 606.
Козевцъ—VI, 728, 729.
Козловъ—II, 13, 38; III, 4; ХД, 72—77.
Козлениновъ—VIII, 664.
Кокленъ—III, 425, 426, 434.
Кокоревъ—III, 398; IV, 151; VI, 240; ХА, 326.
Кокъ П.—II, 53, 54; III, 624; IX, 168.
Коларъ—I, 208.
Колиньи—III, 402.
Коллеттъ—II, 448.
Коллоредо—VIII, 85
Коловратъ—VIII, 85, 98, 99, 102.
Колонна—VI, 612.
Колосовская - ХГ, 63.
Колошинъ—IV, 513.
Колтовская—VI, 325.
Колубелла VII, 209.
Колумбъ—II, 123, 415; VIII, 134.
Кольберъ—IV, 480.
Кольбъ—VI, 346; VII, 246; IX, 82—99.
Кольриджъ—II, 85.
Кольцовъ - I, 126, 127, 316, 434; II, 3, 55, 97, 122, 146, 162, 163, 166, 167, 175, 180, 201, 299, 308, 351, 353; III, 5, 358; IV, 458; VIII, 50, 118.
Колюбакинъ—II, 528.
Конде—III, 101; VI, 54—59, 65, 98, 100.
Константиновъ—ХД, 88.
Константинъ Ник.—Д, 79, 97.
Констанъ—IV, 195.
Конти—IV, 232.
Контъ О.—VI, 135.
Коперникъ—III, 265; VI, 344; ХГ, 89.
Коптевъ—II, 584.
Корбонъ - IV, 42—44.
Корбъ—III, 74, 79, 82, 83.
Корбьеръ—IV, 166, 178, 180, 183.
Кормекъ—VI, 100.
Корнелль—I, 59, 180, 354; II, 121; III, 67, 674, 726—728; VI, 20, 375; ХА, 125, 145, 146.
Корниловъ - I, 226.
Короленко—ХГ, 47.
Корренти—V, 16.
Корсакъ—IX, 82, 83, 85, 94, 97—99.
Кортесъ—VI, 344.
Корфъ—I, 471; VIII, 292—319.
Коршъ—II, 206; III, 145, 565, 566; VI, 257.
Косичкинъ—I, 288.
Коссидьеръ—IV, 19; ХД, 5.
Коссовичъ—I, 53.
Костомаровъ—II, 657; III, 63, 68, 69; IV, 63, 67, 68, 82; VI, 240—242, 745; IX, 63, 67, 68, 82; ХГ, 187.
Костровъ—I, 282, 346; IX, 1—4; ХГ, 47, 50, 68.
Костырь—I, 364.
Котельницкій—II, 27.
Котляревскій—I, 108; VIII, 48, 54, 55.
Котошихинъ - I, 336.
Котруфьяно—VI, 676.
Коули—V, 78, 86, 90, 456, 457; VI, 421, 422, 424.
Кохановская—VIII, 232.
Коцебу—III, 624; ХГ, 233.
Кочубей—VI, 326, 328; VIII, 300, 313.
Кошанскій—II, 285; III, 51, 52; VI, 343.
Кошелевъ—II, 66, 423, 431; III, 20, 21; IV, 149, 150, 260—262.
Коши—I, 359.
Кошихинъ—III, 72, 81.
Кошутъ—V, 249, 250, 313, 314, 465, 466; VI, 722, 741, 748; VIII, 84, 97, 100, 101, 400, 422, 457, 514, 515.
Крагуевацъ—ХД, 121.
Краевскій—II, 201, 628; VIII, 259, 266.
Крамеръ—III, 624, 706.
Красновъ—VIII, 118.
Красовъ—II, 117.
Кревьеръ—I, 366.
Крезъ—ХА, 105.
Крейсигъ—II, 359.
Кремье—IV, 6
Крессини—VI, 678.
Крестовскій—VIII, 15, 62.
Крешевъ—I, 104; II, 584.

Кривцовъ—IV, 403.
Криспи—VI, 594, 697, 698.
Кристъ—III, 656.
Критскій—III, 540.
Криттендентъ—VIII, 401, 402.
Кромвель—IV, 403; VI, 23, 376; ХБ, 149, 151, 154, 155, 162.
Кронбергъ—II, 201.
Кропоткинъ—II, 584.
Кругловъ—ХД, 81.
Крулль—III, 777.
Крыловъ—II, 12, 166; III, 6, 153, 154, 200, 254, 255, 269; ХА, 203.
Крюковъ—I, 390—394.
Крюйсъ—ХД, 88.
Ксенофонтъ—I, 9; II, 248; VI, 18.
Ксерксъ—I, 179.
Куглеръ—II, 513.
Кудличъ—IV, 195.
Кудре—IV, 11, 20; ХД, 67.
Кудрявцевъ—I, 231, 365, 366, 394, 441, 442; II, 177, 201, 347, 370, 401, 402, 420, 583.
Куза—V, 1, 49—51, 85; ХД, 124.
Кузепъ—II, 17, 18, 35, 73, 137, 142, 192.
Кузмичевъ—II, 52; III, 1.
Кукольникъ—I, 407—410; II, 48—80, 61, 88.
Кукъ—I, 226; III, 33.
Кулишъ—II, 432; III, 337, 345; VIII, 52, 54—56; ХД, 105, 107.
Куперъ—II, 164; ХА, 157.
Куракинъ—VIII, 294—297, 299.
Курсель-Сенель—VI, 402—404.
Курцій—VI, 229; VIII, 135.
Кусковъ—VIII, 120.
Куссергъ—IV, 174, 175.
Кутайсовъ—VI, 320, 321.
Куторга—I, 365, 366, 381, 384—390.
Кутузовъ—III, 588; IV, 317; ХБ, 91.
Кушинотте—VI, 529.
Кэннингъ—ХГ, 20.
Кюбьеръ—III, 383.
Кювье—II, 50, 120; VI, 193; VII, 530; ХГ, 21—23, 41.
Кюнеръ—I, 364.

Л.

(Рядъ именъ на эту букву изъ энц. словаря, I стр. 14—25).

Лабедойеръ—IV, 169.
Лабеонъ—ХБ, 93.
Лабомель ХА, 4.
Лабордъ—IV, 212, 215.
Лабрюеръ—ХА, 4.
Лабурдонне IV, 166, 171, 177, 186, 189.
Лавалеттъ—IX, 242; ХБ, 124, 125.
Лавернье—IV, 476, 484.
Лавровскій—I, 364, 398, 399, 427.
Лавровъ, 170, 180—185, 188—194, 204; VIII, 78, 266, 267, 276; ХД, 88.
Лавуазье,—VI, 185; IX, 168.
Лагири—I, 36; II, 79, 459.
Лагероньеръ—VI, 418, 420.
Лагруа—VI, 3.
Ладыженскій—IV, 524.
Лажечниковъ—II, 9, 261, 264, 415.
Лазаревъ—VII, 66; ХД, 84.
Лазорь кн.—I, 438—441; VI, 8.
Лайбовъ, см. Добролюбовъ.
Лакіеръ—I, 335—347, 431.
Лакомбъ—VI, 96, 97.
Лаландъ—I, 359.
Ламаркъ—IV, 11, 119, 120, 126, 146, 312.
Ламанскій—III, 139, 180, 311—320; VIII, 132, 144, 333—337; IX, 84, 85.
Ламармора—VIII, 218.
Ламартинъ—II, 14, 164, 192, 276; III, 2; VIII, 96, 964; ХБ, 97, 112; Г, 22; Д, 101.
Ламбинъ—III, 111.
Ламенс—VIII, 122.
Ламорисьеръ—VI, 502, 537, 680—683, 689, 690, 711; ХВ, 82, 94; Д, 9.
Ламорморъ—VI, 515.
Ланге—III, 679—687, 692, 701, 703, 735; IV, 277.
Ланжеронъ—VI, 357.
Ланнъ—V, 213.
Ланцо—VI, 581, 582, 611; IX, 208.
Лапласъ—ХГ, 207—210.
Ларошфуко—ХА, 4.
Лассеръ—VI, 736.
Латуръ-Мобуръ—VI, 105.
Лау—ХБ, 91.
Лаудонъ—III, 604.
Лафайетъ—IV, 163, 213, 215—217; VI, 62, 63, 69—72, 83, 84, 88, 98, 121, 122, 338; VIII, 264.
Лафарина—VI, 594, 595.
Лафатеръ—I, 13; III, 689, 742.
Лафитъ—IV, 200, 201, 214—217; VI, 64—66, 74, 75, 83, 87, 88, 98, 99, 117—119, 123, 124, 143.
Лафонтенъ—III, 624, 674, 695; VI, 58.
Лебедевъ—III, 254; IX, 6, 9—11; ХГ, 71.
Лебешю—VI, 108.
Левенъ—III, 723.
Левитскій—IX, 10.
Левшинъ—III, 26.
Левъ X—VI, 136.
Легуа—VII, 249—251.
Ледрю Ролленъ—IV, 46—49; V, 504; VIII, 96; ХБ, 77.
Лейбницъ—II, 120, 417; III, 611, 632, 693, 755; VI, 231; VII, 19, 406, 530.
Лейзевицъ—III, 738, 744.
Лейхсъ—II, 289.
Леконтъ—VI, 56, 57.
Леманъ—III, 606.
Лекари—IV, 146.
Ленгъ—VII, 357.

Ленедедонъ—V, 112.
Ленцъ—III, 738.
Леонтьевъ—I, 365—395; II, 348; III, 245; VIII, 223; IX, 62, 63.
Леопольдъ II—III, 752; V, 192, 193, 338, 351—353, 360.
Лерминье—II, 191.
Лермонтовъ—I, 181, 313, 315, 319, 320, 330, 340, 435, 467; II, 3, 14, 28, 29, 49, 50, 55, 79, 87, 94—97, 100, 101, 106, 146, 163, 172—175, 193, 201, 212, 216, 223, 224, 232, 299, 300, 308, 309, 350—353, 628, 638, 640; III, 2, 5, 65, 67, 358; VI, 268, 283; VII, 453; VIII, 118; XA, 142.
Леру—VI, 138, 142.
Лесажъ—I, 12; II, 44.
Лессингъ—I, 13, 28, 36, 44, 180, 181, 208, 238; III, 585 - 780.
Летиціи, - VI, 612, 616.
Леузонъ—V, 79, 80.
Лешковъ—I, 213, 214, 231, 441—443.
Либихъ—I, 240, 398, 424, 425; II, 120; III, 471; VI, 191, 193; VII, 209, 530, 531; XД, 73.
Либрехтъ—VIII, 253.
Ливингстонъ—VIII, 244.
Ливій Т.—III, 85; XГ, 166.
Лидзыценъ—III, 59—62.
Лизандеръ—II, 583; VIII, 120; XГ, 137.
Лизиппъ—I, 39; XA, 125.
Ликургъ—I, 240, 369, 382, 383.
Линдеерстъ—V, 51.
Линденъ—II, 311.
Линевичъ—I, 380.
Линкольнъ—VI, 730, 755; VIII, 368, 376—380, 382, 383, 387, 399, 402, 435—439, 454, 482, 488—491, 494, 508, 509; IX, 187, 188, 197, 198.
Линней—I, 53; XГ, 23.
Линовскій—I, 380; II, 359.
Липицкій—I, 58.
Ливзарди—II, 330—333.
Липсій—XБ, 155.
Лисковъ—III, 623.
Листъ VII, 187.
Лихонинъ—I, 300.
Лихтенбергъ—III, 738.
Лихтенштейнъ—V, 312.
Лициній—III, 6.
Ліонвилль—VI, 431.
Ло—III, 57, 505.
Лобода—IV, 260, 261.
Лог-кингъ—V, 99.
Лойола—III, 265.
Локкъ—II, 17, 637; III, 729, V, 487; VI, 180; VII, 530; VII, 274.
Ломоносовъ М.—I, 8, 59, 206, 207, 227, 231, 285, 289, 291, 444; II, 81, 91, 121, 170—174, 222—224, 247, 376, 403, 632; III, 63; VI, 1, 268; VII, 27; VIII, 279, XA, 2, 3, 174, 201, 202, Ц, 53, 56, 73, 74.
Ломоносовъ С.—I, 471.
Лонгиновъ—III, 337, 565; VIII, 235, IX, 63, 64, 66.
Лонгманъ—II, 290.
Лондондерри—V, 513.
Лопухинъ—VI, 325.
Лоранъ—VI, 143.
Лоренцо—VI, 529.
Лоренцъ—I. 365, 475, 476; II, 437, III, 666; VI, 337—339; VIII, 1, 2, 4, 7, 8.
Лоу—IV, 229.
Лохвицкій—II, 290; VIII, 244, 245.
Лоэнштейнъ—III, 626.
Лувель—IV, 174, 175.
Лувенъ—III, 674—677.
Луганскій—II, 85.
Луканъ - I, 9.
Лукинъ—III, 63.
Луккези-Палли—VI, 116.
Лукновъ—VIII, 252.
Лукрецій—VI. 224—231.
Лукрецій—I, 9.
Лукуллъ—I, 45.
Лупинъ—I, 390.
Лутовиновъ—VI, 293.
Луцилъ—I, 402, 403.
Луціонъ Бонапартъ—VI, 470.
Львовъ—I, 131—139; III, 148, 157, 158, 562.
Льюисъ—VI, 155, 156; VIII, 270—272.
Лѣсковъ—VIII, 250.
Лэйрнъ—VIII, 405.
Любимовъ—I, 231, 441, 444.
Любке - II, 513.
Людвигъ - VIII, 98, 99, 102—104.
Людвигъ Баденъ—III, 595, 596.
Людовикъ IX—IV, 481; V, 159.
Людовикъ XI—IV, 207, 236, 474, 479; VI, 347; IX, 207.
Людовикъ XII—IV, 479; VII, 490.
Людовикъ XIII—IV, 473, 479, 481.
Людовикъ XIV—III, 339, 594, 595, 604 - 607, 622, 639; IV, 194, 229, 419, 481; V, 485; VI, 478; VII, 662; IX, 35; X, 106, 145; Г 187.
Людовикъ XV—III, 622; V, 486, 497; IX, 182, 223, 225.
Людовикъ XVI—IV, 198, 229, 232, 233, 236, 237; VII, 490; XA, 252.
Людовикъ XVIII—IV, 161, 164, 168, 169, 174—176; VI, 100, 338.
Людовикъ (голл.)—XБ, 163—165.
Людовикъ-Наполеонъ, см. Наполеонъ.
Людовикъ Св.—IV, 54, 148, 179, 181. 183, 185, 188, 198, 217, 401, XБ 150,
Людовикъ-Филиппъ III, 321—324; IV, 4—6, 25, 34, 160. 161, 217, 218, 472, 566, 575, 576; V, 188, 338; VI, 53—55, 61—67, 70—88, 91, 98, 102, 104, 106, 109—125, 127, 147, 452, 491—494; VII, 642; IX, 153, 211; XA, 238, 253, Б, 62, 64, 85, 96; Д, 12.

Люминъ—II, 50.
Люринъ—II, 446.
Лютеръ—I, 231; III, 657, 760—763, 769; VI, 130—133, 266; VIII, 27; IX, 51, 157; XA 105.
Люше—II, 446.
Ляйелль—XГ, 22, 23, 25.
Лялинъ—I, 231; III, 4.

М.

Маагеръ—VI, 701.
Мабли—IV, 229.
Магницкій—I, 165, 443.
Магометъ—IX, 91.
Магометъ-Али—VI, 493; VIII, 170.
Мазарини—III, 402; IV, 473, 479, 481; XБ, 155.
Мазепа—VIII, 54.
Майгью—II, 450.
Майковъ—II, 97, 351, 353; VI, 340; VIII, 61, 118, 119; IX, 64, 65, 208; XA, 1, Б, 131, Д, 62—65.
Майсторовичъ—XД, 117.
Макарій—III, 268.
Макинтошъ—VI, 377.
Маккіавели.
Маккъ—VIII, 87; XБ, 98.
Маккъ-Клелландъ—VIII, 481, 482, 488—492, 495, 507, 508; IX, 193.
Маколей—I, 368; II, 246, 348, 415, 416, 426, 626, III, 209, 229, 344, 567; IV, 479, 484; VI, 373—390; VIII, 78, 321; IX, 82, 203; XA, 227; Б, 146, 147, 151, 155, 156, 162, 163.
Максимиліанъ I.—III, 608.
Максимовичъ—I, 53; II, 32, 380.
Максимовъ—VI, 294.
Макъ-Доулей—VIII, 488—491.
Макъ-Колловъ—VI, 1, 341.
Макъ-Магонъ—V, 238, 277; VI, 609.
Малербъ—I, 270, 271, 464.
Малиновскій—VIII, 232, 235.
Мальбуа—III, 602.
Мальборо—V, 487.
Мальзербъ—IV, 232, 233; V, 485.
Мальмсбергъ—V, 151, 196; VI, 416, 475.
Мальтусъ—I, 443; III, 405, 445, 446, 510, 707; VI, 17, 18, 20—22, 30, VII, 64, 69, 101, 135, 144, 145, 155, 244—303, 325, 377, 398, 403, 433; 483, 484, 529, 644, 646, 647, 661, 662; XБ, 63; Г, 17—21, 41—45.
Мамай—IV, 473.
Маннингъ—III, 167.
Мансуровъ—XД, 80, 88.
Мавури—VI, 56, 57.
Маньянъ—XБ, 124, 150.
Манюэль—IV, 163.
Марашли-Али—III, 109.
Маргарита гр.—V, 18.
Мари—IV, 6, 12, 14; VI, 431; XД, 5.
Маріетъ—II, 44; VI, 158.
Марій—VI, 23; XA, 105; Г, 142.
Марія Терезія—III, 600, 601, 620, 621; IV, 475.
Маркевичъ—III, 139—142, 234—239.
Марковичъ—XД, 116.
Марлинскій—I, 146, 152, 153; II, 9, 18, 19, 38, 96, 170, 173, 216, 232, 281, 315; III, 341; VI, 374.
Мармонтель—II, 223.
Марморъ—V, 416; VI, 444, 480.
Мармонъ—IV, 216.
Марра—IV, 4, 6; VI, 89, 90; XБ, 61.
Марсель—III, 402.
Марсо—V, 183.
Мартенъ—I, 27.
Мартиньякъ—IV, 190, 193, 198, 207.
Мартыновъ—I, 47.
Масловъ—I, 437.
Масси—IX, 202.
Массильонъ III, 339.
Масуди—I, 79.
Матвѣевъ—III, 74, 268.
Матиль—VIII, 627.
Маттенъ—II, 346.
Маттеучи—VI, 450.
Маффенъ—II, 452.
Маццини—IV, 567; V, 80, 87, 93, 94, 338, 340, 344, 356, 439; VI, 522, 677—679, 691, 692, 697, 698, 701, 702; VIII, 83, 208, 210.
Мевій—I, 402.
Медичи—IV, 479; VI, 133, 591, 618, 620.
Медовикова—I, 164—170, 355.
Медоузъ—II, 516—518.
Мезонъ—VI, 64, 75; VIII, 528.
Мейерберъ—III, 74—85.
Мейеръ—I, 469, 470; III, 219—222, 377—380, 624, 679; IX, 82.
Мекуръ—III, 723.
Меланхтонъ—III, 657.
Мелетій—I, 58.
Мелье—VI, 108.
Мельхиседекъ—XБ, 154.
Мендельсонъ—I, 13; III, 689, 691—698, 701—703, 710, 711, 730, 733, 738, 749, 755, 778.
Мендръ—II, 438, 441.
Ментеонъ—IV, 236.
Меншиковъ—I, 231, 377; III, 597; XБ, 58, 173.
Мересъ—XД, 17.
Мерзляковъ—I, 26, 232, 352; II, 78, 79; XД, 53, 54.
Мерильо—VI, 64.
Меркель—IV, 263, 525.
Меркъ—III, 721, 734, 738.
Местръ—IV, 161.
Меттернихъ—IV, 161, 211, 475; V, 394; VI, 75, 105, 338, 349, 350, 447, 491—493, 588, 589, 717, 723.
Мехмедъ-Али—I, 62, 66.
Меццофанти—I, 54; VII, 187

Мешенъ—IV, 215.
Микель-Анджело—IV, 479, 484; VII, 453; VIII, 260.
Миклошичъ—I, 5.
Миліусъ—III, 658—670, 672.
Миллеръ—I, 419, 435; II, 336; VII, 27; XA, 146.
Миллотъ—II, 444; III, 157.
Милль—IV, 267, 436, 437; VI, 1, 30, 31, 183, 186—189, 193, 204; весь VII т., VIII, 27, 230; IX, 82; XД, 15, 16.
Милованович—XД, 114, 1 6.
Милой—III, 108.
Милорадовичъ I, 217.
Милошъ Обр.—III, 109—111; V, 13, 14, 49; XД, 110—124.
Милутинъ—III, 110.
Мильвицъ—VI, 688.
Мильйо—V, 81.
Мильнеръ — V, 103, 112, 509; VI, 483.
Мильтонъ—I, 397; II, 452, 453; III, 261, 576, 588, 679, 695, 696, 719; IV, 170; V, 487; VI, 180, 387.
Милютинъ—II, 201, 364, 578; III, 505.
Мингети—VIII, 248, 500.
Минцлаферъ—I, 397.
Минъ—II, 312; III, 4.
Минье—IV, 491, 492; XД, 89.
Миресъ—VI, 340; VIII, 4.
Мироменилъ—IV, 229, 232.
Миромонъ—VIII, 79.
Митридатъ—I, 45.
Михайловскій-Данилевскій—II, 330—331.
Михайловъ—III, 505; VIII, 234.
Михайлъ Обрен. — III, 111; XД, 123, 124.
Михаилъ Ѳед.—XГ, 187.
Михаэлисъ—III, 620, 643, 672, 692, 721, 761.
Михель—VI, 670.
Мицкевичъ—VIII, 49.
Миша—XД, 113, 122.
Мишелетъ—II, 191; XA, 190, 226.
Мишо—I, 59, 365, 366; II, 614.
Мишуковъ—XД, 88.
Младенъ—III, 107, 108.
Могенъ—VI, 65.
Моденскій—V, 375.
Мозеръ—III, 615, 624.
Моле—VI, 63.
Моле-Жантильомъ—II, 445.
Молешоттъ—VIII, 276.
Молинари—VI, 339—346; VIII, 26, 78; IX, 82.
Молчинъ—VI, 303.
Мольеръ—I, 180, 354; II, 446; III, 346; IV, 315.
Момсберн—VI, 8.
Монморанси—IV, 182.
Монталамберъ—III, 320, 324—327; IV, 155, 161, 475—478, 483; V, 505.
Монталивье—VI, 64, 74, 75, 84, 110 112.
Монтанелли—V, 114; VI, 468, 469.
Монтань—II, 637; III, 696; VIII, 210; XA, 228.
Монтекуколи—VIII, 85, 94, 100, 101.
Монтемолинъ—VI, 608.
Монтескье—II, 409; III, 3, 234; VI, 29; IV, 195.
Монтіонъ—VII, 80.
Монтобанъ—IX, 211—213.
Мопа—XБ, 169, 124, 150.
Мопу—IV, 229.
Мордвиновъ—I, 268, III, 140.
Мордини—VIII, 119.
Морельи—IV, 229.
Морена—IV, 229, 232, 233, 237, 238; VIII, 485.
Мори—XД, 85.
Морисъ—XД, 100.
Морицъ Саксъ—XД.
Морни—IV, 571, 572; VI, 6, 22, 23, 78, 89, 334—337, 375, 501; IX, 213, 214, 218; XБ, 109, 110, 124, 129.
Моро-Сенти—II, 445, 446.
Морошкинъ—I, 207, 352; VII, 27.
Мортагонъ—VI, 246.
Мортмаръ—IV, 210.
Морусъ—III, 462; VIII, 319.
Моунтъ-Вернонъ—XБ, 150.
Моцартъ—XA, 127.
Муравьевъ—I, 60; III, 403, 404; IV, 220, 221, 233; IX, 102, XБ, 132, 133.
Муртъ—II, 450.
Мухамедъ II,—I, 83—85, 242—243; VI, 493.
Муцій Сцев. III, 357.
Мызниковъ—I, 13, 14.
Мюратъ—IV, 229; VI, 589, XБ, 163, 164.

Н.

Надашди—VI, 599, 717.
Надеждинъ—II, 38, 39, 42, 117—159, 160—178, 202, 223, 364; 344, 369.
Надиръ—VII, 19.
Надоумко—I, 298, 306, 307, 310, 314.
Наливкинъ—I, 219.
Наполеонъ I—III, 161, 256, 566; IV, 26, 33 35, 38, 161, 163—165, 172, 177, 181, 202; V, 1, 151, 408, 463, 465, 494, VI, 3, 19, 79, 80, 103, 106, 120, 126, 181, 388, 458, 478, 491, 495, 502, 679, 696; VII, 309 VIII, 80, 87, 137, 170, 219, 326; IX, 309, XA, 106, 252, 294, Б, 59, 91, 93, 95, 113, 148, 151, 154, 155, 163, 166, 168.
Наполеонъ II—VI, 97.
Наполеонъ III—III, 321—328; IV, 3, 21, 30, 39, 47—49, 155, 441, 472—475, 567—570, 575, 576; V, 1, 13, 14,

19—22, 80—82, 89—96, 118—121, 137, 138, 146, 166, 170, 183, 190, 250, 319, 320, 330—332, 340—344, 348, 349, 353, 354, 357, 360, 370, 374—379, 382—386, 394, 395, 496—505; VI, 420—424, 429, 445, 449, 452, 455, 461, 468, 476, 479, 494, 495, 521, 583, 588, 606, 635, 679, 689, 712, 713; III.—VIII, 513, 519, 521; IX, 170, XA, 238, 253, Б, 85, 110, 124.
Нарѣтный—I, 232; II 9.
Наумовичъ—ХД, 115.
Наумовъ—II, 362.
Нашокинъ—III, 268.
Нейкиръ—I, 8—12.
Неандеръ—ХД, 106.
Неаполитанскій Кор.—VI, 116.
Небольсинъ—I, 412—416; VIII, 120.
Неволинъ—I, 355, 356.
Неелов—III, 236, 429; IV, 273, 274.
Нейбергъ—III, 661, 665.
Неккеръ—IV, 230, 231,
Некрасовъ—II, 201, 351, 617, 620; XГ, 230—237.
Нелединскій—I, 463; IV, 458.
Нелидовъ—VI, 357.
Немурскій герц.—VI, 60.
Неронъ—I, 272, 366.
Нессельманъ—IX, 67.
Нессельроде—IX, 211; XБ, 58, 173.
Несторъ—I, 243, 427; III 84, VIII, 80, 285.
Нестроевъ—II, 181.
Нибуръ—I, 82, 371, 384—386, 390; II, 248, 408, 410, 417; III, 344; VI, 15, 21, 275, 342, 377.
Ниждитъ—I, 57;
Никитинъ—II, 347—354.
Никифоровъ—IV, 402, 408, 409.
Николаи I—III, 309; IV, 50, 84; XБ, 141, 146, 147, Д, 84.
Николай—III, 644, 680, 681, 686—691, 695, 697, 700—708, 710, 731, 733, 775.
Никонъ—III, 71, 79.
Никотера—VIII, 500, 503; IX, 208.
Нобель—III, 398.
Новицкій—VI, 265, 269—273; VIII, 267.
Новиковъ—I, 58, 143, 232; II, 39; III, 147.
Новосельскій—VIII, 107—110, 112—117.
Новосильцевъ—VI, 328; VIII, 300.
Нолькенъ IV, 275.
Норовъ—I, 57—80.
Нума Помп.—XA, 105.
Нунціанте—VI, 678, 679.
Нортонъ—II, 3, 120, 123, 212, 240; III, 186, 131, 225, 231; VII, 187, 406; IX 53, 62, 166, 170; VI, 127; XГ, 89, 207.
Нэй—IV, 169.

О.

Обсръ—II, 445.
Оболенскій—I, 204, 433.
Обольяниновъ—VI, 321, 324; VIII, 297.
Обреновичъ—ЕХД, 111.
Овидій—XA, 114.
Овэнъ—IV, 447; VI, 22.
Огаревъ—II, 194—201, 225, 348, 351, 353, 532—538; VIII, 118.
Одилонъ-Борро—VI, 62—65, 118, 119, 123, 432.
Одоевскій—II, 281, 380.
Ожье—I, 103, 104.
Озеровъ—II, 24; VI, 20.
Ойнгаузенъ—III, 618.
О Коннель—III, 576.
О'Коннеръ—IV, 474.
Октавій—XA, 101.
Олеарій—III, 72, 74, 75, 81, 82, 85.
Олегъ—VI; 242; VIII, 285.
Оливье—V, 181—183, 187.
Ольга кн.—VI, 237.
Омальскій герц.—VI, 54, 56, 59, 100.
Орбеліани—II, 558.
Ордонно—VI, 96.
Оржинскій—I, 26—47.
Оригенъ—III, 768, 769.
Орлеанскій герц.—VI, 54, 55, 63, 83, 97, 110, 124.
Орловъ—I, 153, 220, 221; II, 52, 138; III, 373.
Орнатскій—I, 231, 441, 444.
Орсини—V, 8, 9, 21, 500.
Ортенбергъ—I, 423.
Осиповъ—II, 21, 559.
Основьяненко—I, 124; II, 277—281 VIII, 48.
Основскій—III, 56, 57.
Оссе—IV, 211, 212.
Оссонвилль—VI, 431, 432.
Островскій—I, 123—130, 145, 147—149, 153, 294; II, 13, 38, 347, 423, 621—623, 626, 631, III, 63, 78, 148, 154—157, 206, 214, 215, 220; VIII, 50.
Остроградскій—I, 431, 432.
Оттонъ I,—XГ, 80, 162.
Охотинъ—I, 218—220.
Очкинъ—II, 43.

П.

Павелъ I—IV, 104; VI, 311, 317, 318, 323, 357.
Павелъ ап.—IX, 157.
Павлова—II, 85, 161; VI, 182; XБ, 131.
Павловъ—II, 9, 97, 281, 432, 457—460, 519, 521—526, 657; VIII, 76.
Павскій—I, 496.
Пажоль—VI, 121.
Пайкено—III, 387.

Панье—IV, 165, 177—179; VI, 69, 70.
Пакувій—I, 403.
Палаузовъ—I, 397.
Палимпсестовъ—II, 558.
Паллиси—IX, 163.
Паллавицино—VI, 727, 728.
Пальмерстонъ—III, 257—258, 561; IV, 170, 186—188, 193—195, 201, 202, 232, 237, 474; V, 14, 43, 95—97, 105—107, 111, 112, 143—145, 149, 153, 154, 195, 196, 201, 397, 456, 505—509, 513, 515, 519—525; VI, 375, 416, 421, 425, 609; VIII, 4, 88, 246, 247, 478; ХБ, 58, 136, 148, 156.
Панаевъ—II, 201.
Панинъ—VI, 357.
Парротъ—VIII, 310.
Парфеній—I, 453.
Парфентьевъ—VI, 313.
Паскаль—III, 763.
Паскевичъ—ХБ, 173.
Пассекъ—VI, 354.
Патерсонъ—VIII, 490.
Поткуль—III, 597, 607.
Паульсонъ—VIII, 361.
Пахманъ—I, 473, 474.
Пашкевичъ—II, 293.
Пелисье—V, 6, 83, 87, 338, 500.
Пелье—VI, 58.
Пенъ—ХА, 236, 237, 250—253.
Перейръ—VI, 138; VIII, 4, 5.
Перко—VI, 101.
Перонне—VI, 61, 67.
Перевощиковъ—I, 226—228.
Пермикинъ—III, 140,142—145.
Перовскій—I, 468.
Перрозіо—VI, 255; VIII, 107—109.
Персако—VI, 690, 700.
Персиль—VI, 67.
Персиньи—V, 6, 8, 20, 82, 91, 92, 501; VI, 471, 755; VIII, 458, 459, 525, 526, ХБ, 110, 189.
Персій—I, 402.
Перье—IV, 178, 193, 214, 215, 218; VI, 63, 75, 83—89, 99, 101, 109—111, 119, 120, 124, 493.
Песталоцци—ХГ, 89.
Петрей—III, 76, 77, 82, 83.
Петровъ—I, 231, 268.
Петрарка—VI, 18.
Петроневичъ—ХД, III.
Петроній—I, 272.
Петръ I—I, 216, 233, 354, 358, 396, II, 71, 120, 122, 163, 378, 526, 547, 633, 646; IV, 50, 53, 54, 234; V, 159; VI, 20, 318; VII, 643; VIII, 183, 276; ХД, 105, 174, 199, 220—222, Д, 83, 84.
Петръ III—IV, 50, ХД, 88.
Печерскій—III, 148, 157, 158; IV, 205.
Пій IX—V, 80, 356, 423, 439; VI, 427, 479, 691.
Пикаръ—IX, 217.
Пикулинъ—II, 311.
Пилль—VI, 187, 375.
Пиль—III, 150, 588, IV, 32, 155; V, 509, 522; VI, 477, 541; VIII, 88, ХБ, 62, 156, Г, 20.
Пильграмъ—VIII, 102.
Пилянкевичъ—VI, 402.
Пимъ—VI, 389.
Пинетти—VIII, 262.
Пира—III, 679.
Пироговъ—II, 526—531; III, 532, 537; VIII, 262.
Пирсъ—II, 453.
Писемскій—I, 287; III, 63, 112, 122—124, 129—139; VI, 185.
Питтъ—VI, 491, ХБ, 149, 155.
Пифагоръ—I, 375.
Пифіасъ—VI, 229.
Плавильщиковъ—I, 346.
Плавтъ—I, 374, 375, ХА, 15.
Платинъ—I, 87, X, 28—36, 38, 40—43, 209, 377, 383; III, 231, 232, 250, 695; VI, 273, ХА, 153, 175.
Пленеръ—IX, 204.
Плетневъ—I, 64, 111, 115, 116, 277, 278, 373, 360, 382, ХА, 222.
Плещеевъ—I, 57, VIII, 69, 118—128.
Плиній—I, 79, 378, 392, VI, 15, 18.
Плишонъ—V, 185.
Плокъ—VI, 431.
Плотинъ—I, 40.
Плутархъ—I, 383, 392, III, 378, 588, 17, 18.
Плюшаръ—I, 25, 48.
Погодинъ—I, 204, 261, 352, 353, 365, 396, 428; II, 64, 65, 336, 344, 380; III, 26, 154; IV, 151; VI, 237, 240—242; VIII, 78; IX 105, 106.
Погорѣльскій—I, 140, 152.
Подолинскій—II, 126.
Подшиваловъ—I, 346.
Покорскій—IV, 500—501.
Полевой—I, 152, 165, 299—302, 305, 365, 400; II, 1—35, 37—39, 42, 46, 50, 52, 55, 56, 59, 62, 64, 107, 125, 126, 130—139, 142, 145, 146, 152, 163, 170, 202, 223, 232, 240, 250, 373; III, 119; 344, 367, VI, 21, 22, 240.
Полежаевъ—III, 359.
Полибій—I, 383; VI, 18.
Полиньякъ—IV, 193, 207, 211, 213, 216, 218; VI, 61, 62, 67, 68, 77.
Половцовъ—II, 558; IV, 266.
Полонскій—II, 351; VIII, 118—120.
Полудинскій—I, 217.
Помбаль—ХБ, 149, 150.
Помпадуръ—IV, 182, 221, 225, 236; V, 285.
Помпей—III, 230; ХА, 101, 105; Б 93; Г, 142.
Понятовскій—V, 382, 394, 428; VI, 461.

Попе—I, 55; II, 78, 79; III, 626, 632, 694, 703.
Поповъ—I, 238, 239; II, 315—321; IV, 26, 154; VI, 309.
Попойкинъ—I, 221.
Поржицкій—IX, 35.
Порошинъ—II, 554—556.
Порсенъ—VI, 8.
Посошковъ—I, 442, 443.
Потемкинъ—I, 216; VI, 297, 298, 305, 308, 309, 352, 354—357.
Потоцкій—VI, 322, 327.
Поттеръ—VIII, 131.
Потуловъ—IV, 419, 420.
Потѣхинъ—I, 129.
Попей—VIII, 178.
Поэ—VIII, 62.
Поэріо—V, 112—117, 159; VI, 587.
Прайсъ—VII, 247; VIII, 130.
Прево-Парадоль—V, 3.
Прейсъ—I, 390; II, 400.
Прескоттъ—II, 416.
Претисъ—VI, 595, 596.
Прискъ—III, 35.
Присницъ—I, 359.
Проскуряковъ—III, 62.
Протасьевъ—IV, 15, 151, 152, 269, 270, 272, 409—412.
Протичъ—ХД, 121.
Прудонъ—VI, 29—31, 192, 193, 204, 206, 343—346; IX, 211; ХБ, 96.
Прутченко—ХГ, 48, 66, 67.
Пруцъ—VIII, 126, 128.
Птоломей—I, 44, 45.
Пуассонъ—I, 359.
Пугаевъ—VI, 296.
Пузкулъ—I, 59.
Путята—VI, 351.
Пушкевичъ—I, 437.
Пушкинъ А.—I, 29, 166, 198, 208, 211, 219, 220, 245—330, 405, 406, 434, 435, 443; II, 1—4, 7—15, 19, 22, 25, 32, 38, 39, 43, 46, 48, 55, 58, 64, 81—83, 87, 93—97, 101, 111, 112, 115—118, 121, 123—126, 129—133, 138, 140, 146, 153, 164, 166, 171—175, 180, 190—193, 209, 212, 215, 223, 225, 232, 248, 249, 275, 281, 299, 308—310, 337, 341, 351, 353, 373, —378, 382, 400, 521, 630, 632, 638, 639, 646—651; IV, 153, 458, 476; VI, 267, 268, 296; VII, 84; VIII, 76, 118; ХА, 141, 142, 145, 174, 198—226; Б 171; Г, 166, 233; Д 54—57, 73, 74, 105.
Пушкинъ В.—I, 463—467; II, 133; ХА, 207, 208, 214.
Пфортенъ—V, 155—160.
Пыпинъ—II, 612; VIII, 250—259; ХГ, 47.
Пье—IV, 165, 170.
Пьеръ (Б. де сенъ)—I, 12.
Пюйраво—IV, 215, 217.
Пютцъ—VIII, 365, 366.
Пятковскій—IX, 37, 101.

Р.

Рабеперъ—III, 623, 624, 626, 632—634.
Рабле—I, 180; II, 44; VIII, 261.
Радецкій—V, 10, 190, 462; VI, 691, 714; VIII, 85.
Радищевъ—VI, 353.
Радовицъ—III, 166.
Радонежскій—IX, 28.
Разевилъ—VI, 61.
Разумовскій—I, 59, ХА, 217.
Раймондъ—II, 454.
Раковичъ—IV, 523.
Рамлеръ—III, 644, 690, 695, 704, 775.
Рапвиль—IV, 211.
Ранке—I, 363, 366, 368; II, 416; III, 101.
Ранковичъ—ХД, 117.
Расинъ—III, 674, 726, 727; VI, 20, 375; ХА, 125, 145, 146.
Растопчина—VIII, 234.
Раттаци—VI, 628; VIII, 514, 515, 527; IX, 208, 219.
Рау—VI, 1, 17, 18; VII, 363, 647; VIII, 131.
Раушеръ—VIII, 464.
Рафаэль—I, 234, 235; II, 205; III, 56; VI, 283; IX, 164, 166; ХА, 126, 127.
Раячичъ—VIII, 418, 432.
Ребо—I, 12; II, 71; III, 425, 426, 434, 441; IV, 477.
Регуль—III, 33; VI, 15.
Редвицъ—VIII, 126.
Резе—V, 353, 354, 381, 382, 314, 428.
Реймарусъ—III, 643, 759, 760, 768, 769.
Рейтенфельсъ—III, 78.
Рейтеръ—VI, 421.
Рейхель—III, 698.
Рексоллъ—III, 77.
Ремюзъ—IV, 195.
Рено—VI, 138, 142, 144; ХБ, 112.
Ренье—II, 446.
Рениинъ—VI, 319, 320.
Рехбергъ—VI, 195, 493, 717, 720, 733—736, 739, 741; VIII, 79, 414, 415.
Ржевскій—IV, 203, 502—508; VI, 264; VIII, 26, 50, 61.
Ригеръ—VIII, 432—434, 464.
Риказоли—V, 352, 422, 448, 454; VI, 464; VIII, 463, 475, 500, 503, 504, 511, 514, 515, 518, 527; IX, 207—209, 219.
Рикардо—I, 134, 136—139; III, 442; VI, 16—23, 30, 44; VII, 59, 64, 69, 135, 144, 145, 363, 394, 398, 406, 416, 420, 433, 436, 644, 646, 647, 661—663; VIII, 27, 34, 38; ХА, 322.
Рикье—II, 446.
Риньи—VI, 84.
Рисо—VI, 529.
Ристори—VIII, 37.

Риттеръ—I, 65, 226—229; IV, 446; VIII, 11.
Ричардсонъ—VIII, 488, 489.
Риччардини—VI, 698.
Ришелье—II, 637; III, 28, 327, 402, 588, 602; IV, 32, 163—167, 172, 173, 178—180, 183, 184, 194, 198, 473, 479, 481; VI, 317, 491; VII, 643; ХБ, 149, 155, 159.
Ритмонъ—IV, 216.
Робакъ—V, 96, 100—103, 125—130, 143—145, 148, 149, 153, 194, 195, 201, 508, 509, 512, 522.
Робертсонъ—I, 365, 366.
Робертъ—VIII, 181.
Роберъ—IV, 170.
Робеспьеръ—IV, 194, 483.
Робинсонъ—I, 68—73.
Роганъ—VI, 54, 57, 100.
Роге—VI, 93—97.
Роджерсъ—II, 449.
Родригесъ—VI, 135, 142—145, 148—150.
Розенгеймъ—VIII, 61, 120, 128.
Розенкампфъ—I, 204.
Розенкранцъ—ХА, 190.
Розенъ—I, 263.
Ройе-Коллиръ—IV, 163, 170, 190, 195, 208.
Роккъ—VI, 726.
Ролленъ—I, 366; IV, 3; VI, 342; VIII, 181; ХБ, 112.
Романо—VI, 674.
Романцо—VI, 57, 58.
Ронсаръ—II, 191.
Россель—II, 450; III, 257, 258; IV, 474; V, 14, 37, 43, 95, 97, 100, 101, 106—112, 125—130, 142—145, 148—154, 196, 201, 337, 456; VI, 375, 380, 416, 421, 425, 430, 471, 475, 477, 480, 481, 483, 609; VIII, 468, 475—478; IX, 188, 237; ХБ, 58, 62, 136.
Россия—I, 134; III, 443; IV, 69; VI, 341, ХБ, 63.
Ростовцевъ—VI, 339; ХГ, 231.
Ростопчина—II, 85, 296—310, 598—602.
Роттекъ—III, 382.
Ротшильдъ—VI, 56, 89, 138, 143, 227, 340; VII, 24, 400; VIII, 4; ХБ, 167.
Рохлицъ—III, 667.
Рошеръ—IV, 83, 84; VI, 1, 4, 17, 18; VII, 363, 647; VIII, 23, 129—140.
Рубанъ—I, 59.
Рудольфъ—VIII, 180.
Рулье—III, 57.
Румянцевъ—I, 216, 217.
Руссело—ХА, 212.
Руссо—II, 342, 445; III, 3, 694, 695; IV, 229; V, 504; VI, 18, 29, 180, 267, 269, 532; ХГ, 89.
Руффо—VIII, 500.
Рыбкинъ—III, 403.
Рэ—I, 515.
Рюдигеръ—III, 666.
Рюкертъ—VIII, 126.
Рюрикъ—I, 354.

С.

Сабуровъ—I, 470, 471; IV, 266, 417,
Саввъ (архим.)—II, 289.
Савельевъ—I, 411, 412, 468; II, 124.
Савельевъ-Ростиславичъ, I, 207; VII—27; IX, 64.
Савиновъ—ХД, 59, 60.
Савичъ—ХД, 90.
Савойскій Е.—V, 484.
Саккони—VI, 420.
Салисъ II, 452.
Сальвіанъ—I, 388.
Сальцано—VI, 581.
Самаринъ—II, 423—427, 429—431; III, 149, 153, 154, 180, 378; IV, 147—149, 263, 523—525; IX, 68—71, 105.
Самойловъ—VI, 315.
Самчевскій—I, 431.
Санъ-Луисъ—V, 492.
Санъ-Мартино—IX, 208.
Саншесъ—II, 637.
Саргантъ—IV, 265—267.
Сарла—VI, 108.
Сарторіусъ—I, 407.
Сафо—ХА, 126.
Саффа—V, 439.
Сведенборгъ—IX, 50—53.
Сведерусъ—I, 238—439.
Свенеке—II, 295.
Свинеръ—VIII, 31.
Свиньинъ—II, 91; III, 340.
Свѣгина—VI, 243—264.
Святополкъ—ХБ, 165.
Себастіани—IV, 214, 215; VI, 64, 75, 84.
Себастьяно Камавроне—VI, 529.
Сеймуръ—ХБ, 145, 154, 157, 168—170.
Секстъ Таркв.—VI, 230.
Селивановъ—IV, 414, 415.
Селимъ—III, 102.
Семевскій—VIII, 76.
Семере—VIII, 84.
Семеновъ—III, 139; VIII, 141.
Сенаръ—ХД, 12.
Сенелль—IX, 82.
Сенковскій—II, 35—63, 87, 88, 280; VIII, 260.
Сенсимонъ—III, 293; VI, 128—135, 138, 139, 343.
Сентъ-Бевъ—II, 71.
Сентъ-Иллеръ—VI, 148.
Сенявскій—ХД, 86, 87.
Серапіонъ—I, 170.
Серберъ М.—III, 250, 251.
Сервантесъ—III, 576; ХА, 105, 106.
Серчевскій—II, 283.
Сердаръ—ХД, 122.

Сеттембрини—V, 112, 116.
Сеченъ—VI, 716—718, 724, 740, 741; VIII, 427, 428, 469.
Сибуръ—IX, 37.
Сиговъ—II, 52.
Силла—I, 45.
Симоновъ—III, 26.
Симонъ Ж.—VI, 179—183, 185.
Симонъ Монф.—III, 402.
Сиракузскій гр.—VI, 522—524, 675, 676.
Сирторой—VI, 728, 729.
Сисмонди—III, 380, 496, 469—499; IV, 96; VI, 21, 22; VII, 101, 483, 484.
Скалигеръ—VI, 374; ХБ, 155.
Скаловскій—II, 371.
Сковорода—II, 278.
Скоттъ В.—I, 271, 365; II, 13, 48, 96, 106, 164, 646; III, 2, VIII, 27, 386, 387, 488, 489, 491, 508.
Скюдери—II, 191; VI, 374.
Слайдель—VIII, 528.
Случевскій—VIII, 120.
Смарагдовъ—I, 219.
Смередевъ—ХД, 121.
Смирдинъ—I, 263, 445—449, 465; II, 39, 40; ХД, 57, 72.
Смирновъ—III, 540; VI, 331—337; VIII, 107.
Смитъ А.—I, 443; II, 248, 417; III, 266, 380, 441, 442, 451, 470, 471; IV, 84, 233, 332, 453, 454; VI, 7, 17—21, 24, 28—31, 33, 44, 185, 342, 343; VII, 24, 25, 28, 47, 59, 63, 64, 69, 70, 81, 104, 124, 127—131, 135, 152, 156, 187—189, 357, 363, 377, 398, 417, 455, 481—492, 499, 512, 527, 538, 555, 560, 594, 595, 644—647, 661, 662; VIII, 27, 38, 130, 136—139; ХБ, 63.
Смотрицкій—I, 443.
Снегирева—I, 165, 355, 357,
Созе—VI, 68, 69.
Соколовскій—I, 452.
Соколовъ—ХД, 85.
Сократъ—IV, 313; ХА, 175.
Соларо—V, 339.
Селиманъ—I, 66.
Соллогубъ—I, 445; II, 242, 457—460, 521, 657; III 339; IX, 104, 661, 662; ХД, 67—72.
Соловьевъ—I, 159—164, 231—233, 299, 301, 303, 355, 366, 431, 441, 454—463; II, 163, 212, 231, 232, 271, 347, 364, 369, 401, 471, 472, 475, 481, 483; III, 15, 154, 237, 245, 269, 565; IV, 153, 338, 349; VI, 240; VII, 108; VIII, 293; IX, 62, 67, 68; ХБ, 130.
Солонъ—I, 78, 79; VI, 15.
Соларо—V, 339.
Сомерсъ—V, 514.
Софоклъ—I, 39, 43, 206, 207, 241; ХА, 126.
Сохацкій—I, 346.
Спавента—VI, 702.
Спасскій—I, 204, 231, 441, 443; III, 160.
Сперанскій—VI, 328; VIII, 292—319.
Спечинскій—VI, 357.
Спинелли—VI, 585.
Спинова—II, 189; VI, 585.
Срезневскій—I, 403, 406, 430, 431; IX, 30; ХГ, 63, 66.
Сроевъ—III, 26.
Сталь—III, 626.
Стаменковичъ—ХД, 114.
Станкевичъ—I, 14—25, 48—51; II, 162, 172, 177, 179, 181, 184, 190, 194—201; III, 22.
Сторчевскій.
Стасюлевичъ—I, 81—86, 240—244; II, 437.
Стахіевъ—III, 679.
Стевча—ХД, 116—118.
Стеклова—ХГ, 47.
Стенбокъ—ХД, 72.
Степановъ—VI, 279.
Стефанъ I—I, 387; II, 681, 682; IX, 107.
Стефенсонъ—II, 451; VII, 466.
Столонъ—VI, 23.
Стоюнинъ—I, 404—406.
Стратфордъ—ХБ, 58, 136.
Страховъ—I, 231, 441, 444, 445; VIII, 62.
Стренцель—ХД, 88.
Строевъ—I, 25, 204.
Стромиловъ—II, 584.
Струве—VII, 629.
Струговщиковъ—II, 657.
Струковъ—III, 112, 115, 116, 180, 187—200.
Студитскій—II, 71, 98.
Ступина—II, 288.
Стурдза—II, 98.
Суворовъ—I, 216, 217; II, 364; III, 350, 514, 588; V, 407; VI, 352; VIII, 87.
Сулла—ХА, 105; Г, 142.
Сулукъ—V, 1, 51—53.
Сультъ—VI, 84, 88, 89, 97, 112, 121, 122.
Сумароковъ—I, 124, 187, 206, 207, 472; II, 12, 24, 373, 632, 636, 637, 651; III, 63; IV, 412, 458; VII, 27; VIII, 288; ХА, 14; Д, 53, 54.
Сухановъ—I, 51.
Сухомлинъ—VIII, 223.
Сухорукій—VI, 545.
Сцевола—VI, 8; ХА, 95.
Сципіонъ—ХГ, 142.
Сьюардъ—VIII, 368—375, 402, 403, 425, 508; IX, 187, 188, 197.
Сѣдльницкій—VIII, 85, 93, 95.
Сѣверцовъ—III, 57.
Сѣгенъ—VIII, 79.
Сэ—I, 134, 443; III, 113, 114, 380, 425, 442—443; IV, 69, 96, 221, 234, 235.

315, 436, 450; VI, 3, 17, 18, 30, 341, 342; VIII, 132, 138; ХБ, 63.
Сю—ХБ, 63.
Сюдръ—IV, 477.
Сюлли—VI, 541; ХА, 100.
Сюрвиль—VI, 55; ХД, 103.

Т.

Талабо—VI, 143.
Талейранъ—III, 513; IV, 161, 172, 183; VI, 491; VIII, 87.
Тальяндье—II, 71,
Тамерланъ—II, 414; VII, 19; VIII, 59; ХБ, 151.
Таннеръ—III, 78.
Таппе—IV, 552; ХА, 158.
Тапфъ—II, 311.
Тарасенко—I, 436, 651; III, 10, 15—19, 121.
Тарасовъ—II, 378.
Тассо—III, 586.
Тастю—II, 322.
Татариновъ—III, 62.
Татищевъ—I, 165, 207, 358, 427.
Таубертъ—II, 637.
Тауэнцинъ—III, 710, 713, 718, 722.
Тацитъ—III, 33; IV, 479; VI, 18; ХА, 229; Г, 98.
Таэръ—VII, 530, 531.
Тверитиновъ—IX, 67, 68.
Тейлеръ—VIII, 490.
Теккерей—I, 29, 293; II, 13, 15, 221, 275, 276, 283, 309, 626—628; III, 47—56, 567.
Тенгоборскій—I, 463; II, 360; III, 274—280, 290, 291, 295, 296, 300, 417, 428—439, 453—455, 463; IV, 55—61, 67—76, 78—83; VII, 272, 273; ХА, 126.
Телеки—VIII, 429.
Теодосій (кн.)—III, 104.
Теокритъ—I, 300.
Теренцій—ХА, 15.
Терещенко—III, 15.
Терлецкій—VIII, 178.
Тернеръ—IV, 509—513.
Терпигоревъ—IV, 270.
Терре—IV, 229.
Тертуліанъ—I, 392.
Тестъ—III, 383.
Тиберій—I, 378; ХБ, 150.
Тибленъ—VI, 346, 347, 373; IX, 82, 83.
Тибо—IV, 213.
Тибуллъ—I, 9.
Тидге—II, 452.
Тидорскій,—I, 59.
Тизенгаузенъ—I, 468.
Тикъ—I, 181; II, 100, 221; III, 744.
Тилли—VIII, 168; ХГ, 142,
Тимофеевъ—II, 43, 48, 583.
Тимуръ—VIII, 162, 178—183.
Тиранніонъ I, 45.
Титовъ—I, 397.
Тито-Конне—V, 353.
Титъ Лив.—II, 248; VI, 18, 342.
Тихо де Браге—IX, 53; ХГ, 89.
Тихановичъ—I, 317.
Тихонравовъ—II, 932; III, 565.
Тлѣнскій—I, 306.
Товарницкій—II, 135.
Токвиль—III, 320, 324—328, 402, 403; IV, 155, 477—479, 484, 566; VI, 252, 256; VIII, 86, 189—206; IX, 203; ХБ, 94.
Токеръ—IX, 76—79.
Толандъ—III, 760, 761.
Толмачевъ—II, 459, III, 690; VIII, 232.
Толстой Д.—II, 347, 350, 352, 354.
Толстой Л.—I, 412; II, 510, 621—623, 627, 631, 638—647, 657; III, 5—15; VIII, 76; IX, 114—127; ХД, 88.
Тома—ХД, 5.
Томазіусъ—III, 620, 641—643.
Томсонъ—III, 626, 632; VIII, 384, 387.
Торквемада—IX, 111; ХГ, 143.
Тормасовъ—ХД, 88.
Тохтамышъ—VIII, 59.
Трани—VI, 584, 587, 588, 674.
Трансонъ—VI, 142, 143.
Траси—VI, 61.
Тредьяковскій—I, 206, 207, 366; II, 134; III, 63, VII, 27, ХД, 54.
Трела—IV, 14, 18; VI, 85, 86.
Тройницкій—IV, 129—146.
Троцина—IV, 521—529.
Трошинскій—VI, 315, 324.
Трубецкой—ХГ, 49.
Трущковскій—II, 380, 391, 392; III, 337.
Ту—IV, 479.
Тувнель—VI, 461—464, 468—472; VIII, 476.
Тузонъ—II, 450.
Тукъ—VIII, 130.
Тунъ—VI, 717.
Тургеневъ—I, 87, 90, 100, 346; II, 13, 82, 83, 89, 106, 162, 178, 201, 212, 283, 285, 510, 621—628, 627, 631, 638, 639, 644, 656; III, 19, 23, 24, 63—68, 131, 201, 202; VIII, 118, 226, 227, 342; IX, 103; ХА, 323; Г, 236.
Туровскій—I, 170.
Туръ—I, 115—117, 122, 142, 145, 147, 149, 150, 155, 157; II, 347; VI, 246—258, 261, 262; VIII, 120, 232.
Турръ—VI, 612, 618.
Тутолминъ—VI, 301—303.
Туцековичъ—ХД, 115.
Тьерри—I, 365, 366, 368; II, 347, 415, 418, 438—445; VI, 135, 377.
Тьеръ—III, 408; IV, 44, 155, 163, 476, 479, 566; VI, 22, 74, 91, 111, 114, 124, 350; VIII, 86; ХБ, 67, 94, 96.
Тюрго—IV, 220—239; IX, 102.

Тюрръ—VIII, 388, 457.
Тюргій—III, 104.
Тютчевъ—ХБ, 132.
Тяпкинъ—I, 238, 239.

У.

Уайзманъ—III, 261; V, 510.
Уваровъ—I, 380; ХА, 208.
Угричичъ—ХД, 117.
Уеллингтонъ—ХГ, 20.
Узбекъ—IV, 473.
Уландъ—II, 452.
Уллоа—VI, 670.
Уллсонъ—I, 39.
Ульяновъ—II, 557.
Умановъ—I, 438.
Уоллесъ—ХГ, 25, 26, 32.
Уордсвортъ—I, 39.
Урбанъ—V, 241.
Усаньгуй—III, 61.
Усовъ—II, 359.
Успенскій—VIII, 141, 339—359.
Устряловъ—I, 164; II, 289, 611; VIII, 188.
Утинъ—VI, 254, 255, 261.
Уткинъ—I, 247.
Ушаковъ—I, 488; II, 371, 372.

Ф.

Фабрицій—III, 681, 764.
Фабръ—V, 51—53.
Фавора—VI, 529.
Фавръ—V, 184—188, 330; VIII, 460—462; IX, 217, 218, 242.
Файтъ—VI, 58.
Фалесъ—I, 375.
Фанъ-Бимъ—I, 446.
Фанти—V, 422, 453; VI, 680, 689, 726; VIII, 218, 435.
Фареде—I, 398; II, 120.
Фарини—V, 356, 404, 414, 415, 422, 438, 439, 448, 454; VI, 464, 635, 677—680, 726.
Фассманъ—III, 606.
Фаустини—V, 51.
Фаухнеръ—VIII, 495.
Феваль—III, 7.
Фегунъ—ХД, 97.
Федоровъ—I, 245.
Фейербахъ—ХА, 190—197.
Фельде—III, 624.
Фелье—II, 446.
Фелькъ—V, 156.
Фемистоклъ—III, 232.
Феодоръ (царь)—VI, 243.
Феодосій—VI, 304.
Феокритъ—III, 632.
Феофрастъ—I, 44.
Фердинандъ Арр.—III, 27.
Фердинандъ Браунш.—III, 749—753.
Фердинандъ I—VI, 523, 670; VIII, 93, 104.
Фердинандъ II—V, 112—116, 194, 248, 353, 360; VIII, 93, 104.
Фердинандъ VII—IV, 181—183.
Фарвари—V, 192.
Феррера—VI, 529.
Ферри—I, 12.
Ферфексъ—VI, 88.
Фетрье—IV, 192.
Фетъ—I, 142; II, 298, 299, 351, 353, 657; III, 6, 7; VIII, 61, 76, 118, 119.
Фешеръ—VI, 54—59, 65, 100.
Фидій—II, 376.
Фиксъ—III, 425.
Филебъ—I, 377.
Филимонъ—V, 358.
Филипповъ—III, 20; VIII, 234.
Филиппъ II—III, 28, 35, 619; VI, 379.
Филиппъ Крас.—IV, 479.
Филисьенъ—VI, 146.
Фильдингъ—II, 44; ХГ, 131.
Фирдуси—I, 105.
Фихте—I, 208; II, 142, 186, 189; III, 689, 695, 728, 758, 770, 772; VI, 180—183; IX, 66, 69, 158.
Фишгофъ—VIII, 100.
Фишеръ—VIII, 264; IX, 82; ХА, 100, 108, 109, 178, 192.
Фишингеръ—I, 371.
Флавій—I, 61, 63.
Флаго—VI, 121.
Флаккъ, см. Горацій Флемингъ—III, 605, 607, 609.
Флери—III, 600, 601; ХБ, 110, 124.
Флетчеръ—III, 74, 80—82.
Флоттъ—VI, 672.
Фоксъ—VI, 380, 389.
Фонвизинъ—I, 291; II, 8, 12, 636; III, 442; VI, 365, 367; VII, 662; ХА, 1—20, 202, 203; Д, 53, 56.
Форгифъ—VIII, 496.
Форіэль—II, 444.
Фоссъ—I, 9, 11, 12; III, 666.
Фоулеръ—III, 448.
Фоше—III, 425, 426; IV, 476, 478, 484, ХБ, 109.
Франклинъ—II, 334; VII, 247; VIII, 367; ХБ, 149, 156; Г, 131.
Францеско—VI, 523, 524.
Францискъ II—V, 248; VI, 584—587, 593, 598, 670, 674—679, 682—684, 687, 679, 697—700, 711, 712, 724, 726, 730.
Францискъ V—V, 355.
Францъ-Іосифъ—V, 293, 319; VI, 428, 540, 579, 709.
Францъ-Карлъ—VIII, 98, 102.
Францъ I—VIII, 87—89, 93, 105.
Фрауштетъ—VI, 182.
Фрейлигратъ—VIII, 126—128.
Френчъ—I, 411, 412; II, 558.
Фреццолини—II, 447.

Фридрихъ I—III, 609, 611, 612.
Фридрихъ II—I, 181; III, 589, 599—605, 609—611, 614, 615, 620, 677, 699, 700, 751; IV, 54, 454, 475, 569; VI, 373, 604; VIII, 180; IX, 226; XA, 105; Б, 141, 149, 150, 154—156, 162.
Фридрихъ Августъ—III, 654.
Фридрихъ Вильгельмъ—III, 605, 612—618; IV, 54.
Фризенъ—III, 606.
Фримонтъ—VIII, 509.
Фроловъ—I, 222—230.
Фуа—IV, 167.
Фуадъ—VII, 631.
Фудрасъ—VI, 181, 374.
Фукидидъ—I, 38, 374; IV, 479; VI, 18.
Фуко—I, 443.
Фуксъ—V, 299; VI.
Фульдъ—V, 146; VI, 421, 452, 453; VIII, 519—526.
Фундуклей—II, 435, 470—473, 496, 501; III, 237; IV, 63.
Фурнель—VI, 148, 149.
Фурье—II, 471; VI, 343, 344; VIII, 138.
Фуше—II, 446; IV, 164.

Х.

Хавскій—II, 292.
Халколивановъ—I, 453.
Ханыковъ—I, 412, 416, 468.
Харламовъ—IV, 265.
Хвостовъ—VIII, 76, 77, 250, 262, ХД, 54—56.
Хемницеръ—I, 465.
Херасковъ—I, 345, 433—435; II, 373; IV, 458; V, 29; ХД, 54.
Хиджеу—II, 221.
Хилковъ—I, 165, 356.
Хитровъ—II, 579—582.
Хмѣльницкій—II, 635; III, 63, 68, 69; VIII, 463.
Ходецкій—III, 562.
Хомяковъ—II, 66, 72, 75, 84, 97, 212, 232, 404, 423; VIII, 267, 321; IX, 105.
Храповицій—III, 58; VI, 307.
Хуаресъ—VIII, 78.

Ц.

Цанъ—II, 511, 514.
Цаттоне—VI, 529.
Цвѣтковъ—III, 62.
Цезарь—III, 33, 328—330; IV, 26; VI, 23; XA, 95, 98, 105, 165; Б, 59; Г, 98, 142; Д, 13.
Цезарь Борджіа—III, 619.
Центемиліа—VI, 529.
Циммерманъ—II, 32.
Цинцинатъ—VI, 15.
Цискаровъ—ХД, 72.
Цицеронъ—I, 45, 402; III, 227—231; VI, 18; VIII, 191.
Цоллеръ—ХД, 87.
Цыгановъ—III, 400.

Ч.

Чавчавадзе—II, 558.
Чальдини—VI, 660, 689, 690, 725, 249, 500—503, 527.
Чарторыжскій—VI, 322, 326.
Чарыковъ—IV, 401, 402.
Чеботаревъ—I, 346.
Чедуикъ—VII, 274.
Чезъ—VIII, 425.
Челлини—IX, 163, 164.
Челышевскій—III, 254.
Чендосъ—VI, 158.
Чентлеръ—VI, 592.
Черкасскій—II, 423; III, 20, 321, 327; VIII, 77.
Чарнигъ—V, 460, 461, 472; VI, 714.
Черновъ—III, 57.
Чернышевскій—XA, 82, 83, 164—189.
Чернышевъ—VI, 354.
Чернявскій—II, 50.
Черняй—VI, 295.
Чертковъ—I, 205, 211—213; III, 26.
Чибраріо—VIII, 131.
Чижовъ—II, 380; IX, 105.
Чингисханъ—VII, 19; ХБ, 151.
Чипріани—V, 402, 422, 438, 448.
Чистяковъ—I, 218.
Чихачевъ—II, 512, 559, 583.
Чичаговъ—VI, 326.
Чичеринъ—II, 363—370, 539—554, 611, 657; III, 15, 153, 154, 245, 253, 402, 403; IV, 146, 464—484, 565; VI, 257; VIII, 192, 226, 293; IX, 62, 63, 102.
Чомерсъ—VII, 114, 115, 484.
Чулковъ—I, 356; VI, 237.
Чумикова—VIII, 361.
Чунъ-джэнъ—III, 59—61.

Ш.

Шазлеръ—II, 511, 514.
Шаликовъ—II, 90, 91; III, 679; ХД, 55.
Шаль—II, 71.
Шамиль—VIII, 105.
Шампаньи—I, 365, 366.
Шампольонъ—I, 51, 65, 82; II, 50; ХГ, 101.
Шангарнье—IV, 38; ХВ, 66, 67, 70, 81, 82, 92, 93.
Шанцъ—ХД, 83, 89.
Шарисъ—III, 449.
Шаррасъ—ХБ, 82.
Шатобріанъ—II, 14, 164, 192, 444; III, 2, 741; IV, 169, 181—183, 188, 218; VI, 103—106, 116; ХД, 101.
Шатовье—III, 467, 501, 502.
Шатровъ—VIII, 118.
Шафарикъ—IX, 106.

Шаховской—IV, 413, 414.
Швабе—ХД, 83.
Шварценбергъ—V, 141, 312; VI, 492, 493; VIII, 464.
Шварцъ—I, 346.
Швейцеръ—I, 231, 441, 443.
Шевалье—I, 27, 134; II, 71; III, 191, 425, 426, 434; IV, 315; VI, 17, 138, 143, 148—150, 341, 421.
Шевченко—VIII, 49, 54, 290, 336.
Шевыревъ—II, 35, 36, 42, 64, 65—110; III, 348; IV, 396; VI, 237, 240, 242.
Шекспиръ—I, 12, 43, 85, 180, 314, 354; II, 3, 13, 24, 28, 106, 120, 373, 446, 597; III, 49, 64, 67, 224, 261, 632, 664, 671, 672, 696, 718, 720, 726, 741, 743; IV, 480; VI, 20, 267, 283; VII, 59; ХА, 8, 101, 108, 115, 125—127, 142, 145; Б, 172; Г, 233.
Шеллингъ—II, 17, 73, 142, 161, 162, 175, 189; III, 695, 710, 772; IV, 309, 329, 332; VI, 180, 191; ХА, 191; Г, 103; Д, 56.
Шелькеръ—VI, 5; ХБ, 97.
Шенайхъ—III, 629.
Шенье—I, 303; III, 87.
Шепелевъ—IV, 518, 519; VI, 327.
Шербюлье—III, 425.
Шерцеръ—VIII, 109.
Шершеневичъ—ХГ, 67.
Шерюэль—ХГ, 187.
Шестаковъ—I, 374, 375.
Шеферъ—III, 628.
Шефтсбергъ—V, 112.
Шешковъ—I, 463, 464.
Шидловскій—I, 446.
Шиллеръ—I, 28, 31, 43, 180, 181, 193, 208, 271, 287, 290, 314; II, 19, 191, 299, 336, 352, 355, 450, 452; III, 1, 3—5, 586—590, 624, 670, 672, 694, 720, 726—728, 742; V, 273, 440; VI, 272; VIII, 125, 181; ХА, 142, 202, 207, 212; Г, 166.
Шиповъ—III, 242, 243, 251, 400.
Ширинскій Ш.—II, 554—556.
Шишкина—II, 87, 88.
Шишковскій—VII, 314.
Шишковъ—I, 463, 464; II, 87; IV, 149; ХД, 58, 72.
Шлегель—I, 40, 181; II, 373; III, 744; VIII, 125.
Шлейденъ—IX, 50—55.
Шлецеръ—I, 355, 356; III, 269, 641—644; VI, 242; VIII, 81.
Шликъ—VI, 74.
Шлоссеръ—I, 380; II, 408, 409, 415—417; III, 344, 594, 600, 606, 625—628, 634, 648; IV, 479; VI, 285; ХА, 227—230; Б, 156.
Шлюбхутъ—III, 614.
Шмерлингъ—VI, 734—739, 741; VIII, 79, 94, 100, 262, 414, 415, 427, 428, 464, 465, 469.
Шмидтъ—IX, 82.
Шнейдеръ—I, 346; VIII, 99, 474, 504, 506.
Шолле—III, 398.
Шопенгауэръ—VI, 182; VIII, 78, 276.
Шопенъ—VI, 73; ХД, 101.
Шпальдингъ—III, 643.
Шпилевскій—I, 471, 472.
Шпильбергъ—V, 312.
Шпиттлеръ—III, 757.
Шреберъ—II, 361.
Шрейберъ—II, 321.
Штакельбергъ—IV, 513.
Штейнъ—II, 620; III, 160, 434, 586—589; IV, 32, 148, 155, 523; VIII, 175, 264.
Штелинъ—II, 525.
Штиглицъ—ХБ, 167.
Штиллингъ—III, 689.
Штирнеръ—VIII, 276.
Шторхъ—III, 309, 425; IV, 84.
Штраусъ—VII, 663; ХА, 190, 191, 195.
Штукенбергъ—III, 179, 252.
Штуръ—I, 53.
Штудманъ—II, 134, 138, 142.
Штюрмеръ—ХА, 231—292.
Шуваловъ—I, 231; VI, 292, 356.
Шузелька—V, 506.
Шуленбургъ—III, 175.
Шульцъ—I, 467; III, 723; IV, 148, 263, 513, 525.
Шуманъ—III, 764.

Щ.

Щедринъ—II, 604—609, 657; III, 78, 157, 158, 201—233, 339, 343, 458, 551, 556, 565, 572; IV, 458; VIII, 141.
Щепкинъ—II, 380, 383, 395; III, 566, 584.
Щербатовъ—I, 165, 356, 358; VI, 297.
Щербина—II, 351, 353; III, 86—100.

Э.

Эбботъ—VIII, 371, 372, 378, 436.
Эбергардтъ—III, 609.
Эбертъ—II, 452; III, 681, 736.
Эвеніусъ—ХГ, 68.
Эверсъ—I, 165, 355, 356.
Эвиоми—I, 39.
Эврипидъ—I, 43, 21, 27.
Эгильонъ—IV, 229.
Эдвардсъ—II, 418.
Эдипъ—VIII, 32.
Эзопъ—I, 8, 9.
Эйлеръ—VII, 248, 249.
Эйхендорфъ—VIII, 12.
Экгофъ—III, 723.
Эквартегаузенъ—III, 624.
Эленборо—I, 44, 45.
Эленшлегель—I, 8.

Эллертъ—VI, 350, 351.
Эльбируни—I, 79.
Эльвесіусъ—IV, 221; VI, 29.
Эльзенъ—VI, 168.
Эмерсонъ—II, 417.
Эминъ—VI, 237.
Эндлихъ—VIII, 99, 102.
Энгельгардтъ—VI, 350—358.
Энкуръ—IV, 171.
Энній—I, 402.
Эпафродитъ—IV, 156.
Эпидоклъ—VI, 229.
Эпиктетъ—IV, 158.
Эразмъ Ротт.—ХВ, 155.
Эраръ—VII, 142.
Эрбенвилль—VI, 86.
Эриксонъ—IX, 231, 232.
Эристовъ—ХД, 72.
Эрмстронгъ—IV, 487—499.
Эрнести—III, 656, 657.
Эрнстъ А.-Байрет.—III, 596.
Эспинасъ—V, 501.
Эсхилъ—I, 39, 271; ХА 126.
Этвешъ—VI, 740, 741; VIII, 465, 466.
Эшенбургъ—III, 742.
Эшеръ—VII, 165.

Ю.

Ювеналъ—III, 6; VI, 254.
Юковичъ—III, 107.
Юдифь—VIII, 36—38.
Юмъ—III, 380; VI, 195; VIII, 273.
Юнгъ—VI, 19.
Юнгъ-Штиллингъ—III, 624, 689, 742.
Юніусъ—V, 487.
Юренской—III, 140.
Юркевичъ—VIII, 196, 200, 236, 237, 264—277.

Я.

Яворскій—II, 636.
Языковъ—II, 13, 38, 97, 232; III, 341, 348, 584; ХД, 74.
Якоби,—II; 452; III, 689, 738, 756; VI, 312—314.
Яковлевъ—III, 26; V, 233—235.
Якубовичъ—II, 378, 583, 584; VIII, 184—206.
Янковичъ—ХД, 114, 121.
Янси—VIII, 387.
Яподинъ—ХД, 121.
Ярославъ—VI, 237, ХБ, 130.
Ярцевъ—ХД, 58.

3401
12603.
Библіотека ... Отд. ... № ...

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
18	15 сверху	природы	природѣ
20	7 снизу	Nider	Wider
23	11 сн.	не что	нѣчто
39	19 сн.	исправлена	неправильна
53	1 сн.	измѣнена	изложена
76	15 св.	при помощи	при полномъ
85	значекъ [1]) должен быть перенесен съ 1-й строки на 6-ю		
109	13 сн.	подчиняя	подчиняя имъ
119	примѣчаніе [1]) должно быть выброшено вовсе		
124	1 св.	видимъ	видѣли

128 Послѣ оглавленія „Экономическое ученіе и теорія соціализма", пропущенъ списокъ литературы, а именно: *Бельтовъ-Плехановъ*. Чернышевскій. Соц.-Дем. №№ II, III и отчасти IV.—*Щегловъ*. Исторія соціальныхъ системъ, т.т. I и II. *Закъ*. Статья въ энц. словарѣ Брокгауза.—*Масловъ*. Идеализація натуральнаго хозяйства. Науч. Обозрѣніе, 1899 №№ I и III.—*А. Ф—товъ*. Чернышевскій, какъ экономистъ. Рус. Вѣд. 1908, № 161.

151	7 св.	опытовъ	опыта
239	24 св.	19%	20%
259	1 св.	„Подведемъ итоги" относится не къ оглавленію, а къ тексту.	
272	21 св.	въ вмѣшательство	вмѣшательство
276	27 св.	многочисленной	многосложной